

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА**

Тезисы докладов XXXII всероссийской конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Курбатовские чтения»

К у л ь т И н ф о р м П р е с с
Санкт-Петербург
2013

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

УДК 2-277.2: [7.033.2:27-526.62](477.75)

И.А. Фомин (Харьковский национальный университет)

Особенности применения герменевтического ключа в исследовании иконографических памятников ранневизантийского Херсона (на примере каменной пластики «Добрый Пастырь» из коллекции Национального заповедника «Херсонес Таврический»)

Редакционная коллегия:

д. и. н., проф. Г. Е. Лебедева
д. и. н., проф. А. Ю. Прокопьев (отв. ред.)
д. и. н., проф. С. Е. Федоров
к. и. н., доц. Л. П. Сергеева
к. и. н., доц. А.В. Банников
к. и. н., доц. В. А. Ковалев
к. и. н., ст. преп. А. А. Паламарчук
З.А. Лурье
Е.Н. Романовская
А. А. Коновалов
К.Е. Крылов
К.В. Перепечкин

Переосмысление исследовательских подходов в современной историографии обусловлено несколькими факторами, среди которых кризис позитивистских методик и широкое проникновение западных исторических теорий. Так точка зрения, выраженная в первой половине XX ст. сторонниками французской школы «Анналов» и противостоящая т.н. «потребительскому отношению к источнику», формировала свой диалогичный метод, позволяющий выстраивать интерпретацию событий, явлений, поступков на основе понимания глубинных мотивов, целей и ценностей участников [1].

Задача данной работы состоит в определении и применении историко-герменевтического метода (герменевтического ключа), широко используемого в отношении исторических текстов, в исследовании иконографических памятников ранневизантийского Херсона на примере скульптуры «Добрый Пастырь» из музейной коллекции Национального заповедника «Херсонес Таврический».

В качестве иллюстрации особенностей применения герменевтического ключа в исследовании иконографических памятников нами выбраны несколько фрагментов раннехристианской скульптуры из коллекции Национального заповедника «Херсонес Таврический». Среди них есть фрагменты изваяний «Доброго пастыря», которые, на наш взгляд, относятся к периоду становления в городе христианской церкви.

Для определения параметров герменевтического ключа в данном случае важно отметить, что в христианском мировоззрении образ «Доброго Пастыря» тесно связан с Евангельским сюжетом («Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец...» (Ин. 10:11). Упоминается этот образ так же в притче о заблудшей овце у евангелистов Луки (Лк. 15:3-7) и у Матфея (Мф. 18:12-14). Существует упоминание о Боге – Пастыре и в Ветхом Завете (Ис.40:11, Пс.22:1). Современной науке известно весьма значительное количество изображений «Доброго Пастыря». К периоду II в. относятся росписи римских катакомб свв. Калликста и Домитиллы, молитвенного дома Дура–Европос на территории современной Сирии. В период II–IV вв. эта иконография представляла собой едва ли не единственное (пусть и аллегоричное) изображение христианского Бога.

© СПбГУ 2013.

© КультИнформПресс 2013

Наиболее ранним по дате открытия является фрагмент мраморной скульптуры, найденный в районе городища еще до 1888 года, т.е. до начала планомерных работ под руководством К. К. Косцюшко – Валюжинича [2]. Сохранился незначительный фрагмент изображения, представляющий голову Пастыря и некоторую часть туловища овцы (без головы и ног), лежащей у Него на плечах. Волосы Пастыря короткие в виде крупных завитков, что предполагает, по всей видимости, образ юноши. Изображение лица совершенно сглажено. Просматриваются углубления у губ и глаз, выполненные буравчиком. Крупный рисунок прядей шерсти овцы выполнен глубокими врезами. Известный исследователь христианских древностей Н. П. Кондаков предложил датировать находку V в., хотя сходство со скульптурами из Латеранского и Стамбульского археологического музеев [3, S. 148; 4, С. 23] позволяет датировать памятник предположительно все-таки IV в.

Фрагмент еще одной мраморной статуи, так же отнесенный к IV в., был открыт в 1935 г. экспедицией Г.Д. Белова в районе «Базилики 1935 г.» [5]. Несмотря на значительные утраты, в каменной пластике прочитывается изображение головы Пастыря и часть туловища овцы (без головы и ног). Поверхность памятника практически совершенно стерта [6].

Тем не менее, с учетом значительного числа аналогий в живописи и скульптуре, можно утверждать, что раннехристианские скульптурные изображения «Доброго Пастыря» из коллекции Херсонесского музея являются широко распространенным (от Евфрата до Северной Африки и Апеннинского п-ова) иконографическим образом, многократно повторяющимся в оформлении христианских культовых сооружений.

Функциональная роль каменной пластики в позднеантичном Херсонесе определяется исследователями неоднозначно. Данные изображения, имеющие определенное семантическое поле интерпретации, вполне могли (причем в разное время) служить и надгробиями, и храмовой скульптурой (В.Д. Айналов) [7, таб. 14]. В любом случае появление в Херсонесе мраморной скульптуры определенного аллегорического звучания и достаточно высокой для провинции техники исполнения и стоимости в период IV-V вв. недвусмысленно указывает на распространение христианства. Об этом же может свидетельствовать возведение в указанный период культовых сооружений, декоративное оформление сакрального пространства которых связано с использованием каменной пластики, созданной по аналогу с известными иконографическими образами.

Подводя итог проведенному исследованию, можно утверждать, что нами был найден и определен герменевтический ключ, позволивший интерпретировать авторский замысел скульптурного изображения как образ «Доброго Пастыря», иконография которого по аналогу с многочисленными примерами имеет подготовленное дохристианской культурой аллегорическое указание на евангельский образ Христа. Определение функционального предназначения произведений затруднено в т.ч. в связи со значительными утратами. Предположительно, исходя из стоимости материала (не говоря уже о работе), а также сложностей доставки, можно говорить о значительной ценности скульптурных изображений для заказ-

чика, что может быть, в свою очередь, оправдано использованием иконографического памятника в качестве важного смыслообразующего элемента сакрального пространства. Таковым может быть скульптура, находящаяся в помещении храма или надгробие. Исходя из вышесказанного нами сделаны выводы о значительном строительстве культовых христианских сооружений, что в свою очередь свидетельствует об активном распространении христианства в Херсонесе IV–V в.в.

Литература:

- 1) Блок М. *Апология истории или ремесло историка*. М.: Наука, 1986.
- 2) *Скульптура «Пастыря Доброго» // Архив Национального Заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 58. № 3395.*
- 3) Wulf O. *Altchristliche und byzantinische Kunst*. Berlin, 1914.
- 4) Толстой И., Кондаков Н. *Русские древности в памятниках искусства*. Вып. 4. СПб., 1891.
- 5) *Скульптура «Пастыря Доброго» // Архив Национального Заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 1/35680.*
- 6) Белов Г.Д. *Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг.* – Симферополь, 1939.
- 7) Айналов В. В. *Мраморная группа жертвоприношения Исаака / Д. В. Айналов // Seminarium Kondakovianum. В XI т. Прага, Белград, 1927-1940. Т. 1. (Прага, 1927) С. 187-190.*

УДК: 94(430).022
А.С. Ануфриева (МГУ)

Средневековый историограф как «создатель» политического ритуала: описание сцены завещания королевских инсигний в «Антаподосисе» Лиутпранда Кремонского

В своих сочинениях средневековые историографы часто не только описывают или интерпретируют те или иные политические ритуалы. Подчас они «создают» их, «доставляя» реальность при помощи литературных средств, добавляя или замалчивая определенные детали в зависимости от своих задач. В этом отношении Лиутпранд Кремонский, прославленный историограф Оттона I, – возможно, один из самых изобретательных средневековых авторов.

Я попытаюсь показать, как этот сочинитель «конструировал» политический ритуал на примере сцены завещания инсигний короля Конрада, описанной в главном из произведений Лиутпранда, «Антаподосисе» [1], [2]. Особенности подхода Лиутпранда интересно выявить в сопоставлении с описанием той же сцены у его современника, оттоновского историографа Видукинда Корвейского, автора сочинения «Деяния саксов» [3], [4].

В эпизоде, о котором пойдет речь, многие исследователи издавна усматривали «начало немецкой истории» [5, С. 152; 6, С. 240-242; 7, С. 133-134; 8, С. 294-297; 9, С. 29-46]: король Восточно-Франкского королевства Конрад I Франконский (911-918), на смертном одре назначил наследником не одного из собственных родственников, а герцога Саксонии, Генриха (отца будущего императора Оттона I), и повелел передать ему свои инсигнии. Таким образом, Саксонская династия получила права на престол.

Если в описании Видукинда сцена завещания Конрада представлена как приватный разговор короля с его братом, франконским герцогом Эберхардом [3, I, 25], у Лиутпранда она представляет собой подобие официальной торжественной церемонии [1, II, 20].

Вот как рассказывает об этих событиях Лиутпранд. Умирающий король «повелел герцогам прийти к себе» и произнес перед ними торжественную речь, в которой призвал их избрать Генриха королем. Затем были принесены инсигнии; сам Генрих отсутствовал на этой «церемонии», потому «вручение» ему инсигний Конрад совершил при помощи словесной формулы: «Вручением этих королевских регалий я назначаю Генриха наследником и преемником королевского достоинства» [1, II, 20].

Когда затем князья отправились к Генриху, они передали ему не только материальную, но и вербальную часть завещания: «И когда он скончался, названные князья доставили герцогу Генриху корону и все королевское облачение, а также по порядку изложили все, что говорил король Конрад» [1, II, 20]. Таким образом, они как бы воспроизвели перед Генрихом сцену, присутствовать при которой он не смог.

Важно, что в повествовании Лиутпранда герцоги играют лишь роль свидетелей сцены завещания и исполнителей воли короля. Описание избрания Генриха герцогами в «Антаподосисе» отсутствует – сцена с инсигниями заменяет его, или, в каком-то смысле, включает в себя: Конрад все-таки говорит о том, что герцоги должны *избрать* Генриха королем, однако звучит это скорее как приказание.

У Видукинда же сразу за эпизодом с завещанием инсигний следует рассказ о провозглашении Генриха королем во Фрицларе, в мае 919 г. [3, I, 26] – чаще всего, именно это описание историки рассматривают в качестве главного свидетельства о восшествии Генриха на престол.

В подобном контексте рассказ Видукинда о завещании Конрада превращается в пролог к ключевому, фрицларскому эпизоду. Иной подход у Лиутпранда. Событий во Фрицларе он не касается, а вот эпизод с инсигниями представляет как смысловой центр повествования о восхождении Генриха на престол.

Таким образом, Генрих у Лиутпранда предстает властителем, права которого на корону не связаны с избранием представителями знати – это король, наследующий королю.

Лиутпранд подробно описывает корону, сообщая, в числе прочего, что помимо золота ее украшали и драгоценные камни. Историограф сам поясняет, почему

эта деталь столь важна: драгоценные камни делают корону Генриха королевской, отличают ее от инсигний обыкновенных «могущественных князей» [1, II, 20]. Золотые венцы, по всей видимости, уже успели стать атрибутом герцогской власти.

В версии Видукинда, во Фрицларе Генрих говорит: «помазание и корона пусть будут уделом лучших, мы же полагаем, что не достойны такой почести» [3, I, 26], – при этом он подчеркивает значимость того, что был «провозглашен королем перед своими знатными людьми» [3, I, 26].

Этот пассаж показывает, что Генрих не решался или не считал необходимым получать дополнительное «символическое» подтверждение своего статуса монарха, довольствуясь одобрением и поддержкой, оказанной ему представителями знати. Подобная трактовка созвучна гипотезам историков об «особых» взаимоотношениях между королем и герцогами в эпоху правления Генриха I – далеких от строго иерархических связей государя и подданных [10, С. 241, 251; 11, S. 21-22].

В «Антаподосисе» также сообщается о том, что Генрих «поначалу смиренно отказался от могущества королевского достоинства» [1, II, 20], но все же «чуть погодя не ради честолюбия принял его» [1, II, 20]. Но в изложении Лиутпранда первоначальный «отказ» Генриха, за которым почти сразу следует согласие, напоминает скорее литературное клише. Генрих ведет себя, как то подобает «смирному» христианскому государю – однако, в конце концов, принимает предложенные ему королевские почести.

Итак, Лиутпранд всячески подчеркивает безусловность превосходства Генриха над герцогами: опуская рассказ о Фрицларском избрании, обыгрывая отказ Генриха от инсигний лишь как условный жест смирения государя, не касаясь роли Эберхарда в передаче ему королевской власти, превращая сцену у смертного одра короля Конрада в подобие торжественной публичной церемонии – к которой, в основном, и сводится в «Антаподосисе» весь процесс превращения Генриха в короля.

Для того чтобы показать Генриха полновластным государем, Лиутпранд домысливает одни факты и замалчивает другие, а тому, что сложно скрыть, стремится дать приемлемую интерпретацию. Все эти непростые задачи ему удается решить через одну ключевую «символическую сцену». Эпизод завещания инсигний у Лиутпранда заменяет так и не состоявшуюся коронацию, – и, возможно, именно поэтому в его версии данная сцена больше, чем у Видукинда, напоминает ритуал.

Литература:

- 1) Лиутпранд Кременский. *Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь*. Пер. И. В. Дьяконова. М., 2006.
- 2) Liutprandi Antapodosis // *Die Werke Liutprands von Cremona / Hrsg. von J. Becker. Hannover, Leipzig, 1915. (MGH SStrGus, [41]). S. 1-158.*
- 3) Видукинд Корвейский. *Деяния саксов*. Пер. Г.Э. Санчука. М., 1975.
- 4) *Widukindi monachi corbeiencis Rerum Gestarum Saxoniarum libri tres / Hrsg.*

von P. Hirsch, H. E. Lohmann. Hannover, 1935. (MGH SSrGus, [60]).

5) Buc P. *Noch einmal 918-919: Of the ritualized demise of kings and of political rituals in general // Zeichen, Rituale, Werten. Internationales Kollokvium. 2004.*

6) Lintzel M. *Designation, Königsheil, Wahl und „Kur“ Heinrichs I. // Ausgewählte Schriften. Bd. 2. Berlin, 1961*

7) Fleckenstein J. *Grundlagen und Beginn der deutschen Geschichte. Göttingen, 1974.*

8) Fried J. *Die Königserhebung Heinrichs I. // Mittelalterforschung nach der Wende 1989. München, 1995. P. 267-318.*

9) Althoff G. *Die Ottonen. Königsherrschaft ohne Staat. Darmstadt, 2000.*

10) *Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974.*

11) Althoff G. *Amititiae und Pacta. Bündnis, Einung, Politik und Gebetsgedenken im Beginnenden 10. Jahrhundert. Hannover, 1992.*

УДК: 94(495).02

Д.С. Боровков (Уральский ФУ)

Фема Халдия и Держсена в XI в. по данным сфрагистики¹

Этнокультурное и географическое разнообразие закавказского региона являлось одной из основных причин его политической нестабильности. Крупные государства, стремившиеся к политическому контролю над Закавказьем, неизменно сталкивались с серьезными проблемами при создании здесь устойчивой структуры управления. Типичным примером этому может служить военно-административная система закавказских провинций Византии в X–XI вв. По мере продвижения империи на Восток, ее провинциальная администрация вынужденно приспособлялась к местным особенностям (экономическим, религиозным, социальным). В связи с этим органы управления в закавказских провинциях неоднократно реформировались, создавались временные административные образования, происходило слияние нескольких фем и пр. Одним из подобных территориальных образований являлась фема Халдия и Держсена.

Историческая область Халдия располагалась на крайнем северо-востоке Малой Азии, на территории бывшего римского диоцеза Понт. Ее административным центром являлся Трапезунд, крупнейший из черноморских портовых городов Византии [1, P. 299-319]. Халдия, граничившая на востоке с армянскими и грузинскими государственными образованиями, являлась базой для экспансии Византии в закавказском регионе. Фема Халдия была создана в середине IX в. из турмы фемы Армениака. Однако создание стабильных структур управления в

этом регионе заняло продолжительное время. Именно поэтому вплоть до второй половины X в., наряду со стратигами, в источниках упоминаются дуки Халдии, которые командовали регулярными военными силами, но не имели отношения к гражданскому управлению [1, P. 317; 2, P. 404-405].

Держсена (Держσηνη, арм. Держжан, Тордан, тур. Tercan), один из гаваров исторической области Малая Армения, располагался в верхнем течении Евфрата, южнее Трапезунда и западнее Феодосиополя. Данный район находился под властью Византии с середины X в., когда о «феме Держсена» писал в сочинении «Об управлении империей» Константин Багрянородный [3, С. 272, 457]. В «Эскуриальском тактиконе» стратиг Держскены также упоминается [4, P. 266, 358; 5, С. 176]. Однако печатей стратигов или других должностных лиц этой фемы, которые бы относились к X в., на данный момент не известно.

Держсена имела для Византии важное значение, так как здесь находился перекресток нескольких ключевых дорог. Одна из них вела из Анатолика через Колонию и Феодосиополь в Армению, вплоть до Ани и Васпуракана. Другая вела из Трапезунда в Тарон и Месопотамию [6, P. 82-83].

Военные походы Василия II (976 - 1025) в Закавказье отодвинули границу Византии далеко на восток. После 1022 г. на вновь присоединенных армянских и грузинских территориях был создан катепанат Иверия с центром в Феодосиополе [5, С. 183-190; 7, С. 163-169]. В результате Халдия и Держсена из пограничных фем превратились во внутренние. По всей видимости, в первой четверти XI в. происходит объединение данных провинций в фему Халдия и Держсена, что фиксируется по сфрагистическим данным.

На сегодняшний день известны 11 должностных лиц фемы Халдия и Держсена. Все они являлись судьями, но совмещали эту должность с другими гражданскими функциями. Только в одном случае судья ипподрома Халдии и Держскены одновременно являлся стратигом этой фемы [1, P. 316]. Упомянутый моливдовул датируется 50–60 гг. XI в., т. е. временем, когда начались регулярных сельджуцкие набеги на восточные провинции Византии.

Таким образом, созданная в первой четверти XI в. объединенная административная структура Халдия и Держсена представлена исключительно гражданскими должностными лицами. По всей видимости, из этого района в казну поступали значительные налоговые выплаты. Кроме того, гражданские бюрократические структуры могли эффективно контролировать пути сообщения между Трапезундом и сопредельными территориями.

Необходимо отметить, что среди должностных лиц фемы Халдия и Держсена неоднократно упоминаются представители семейства Ареовиндов (ὁ Αρεοβίνδης). Это, например, Лев Ареовинд, спафарокандидат, асикрит и судья Халдии и Держскены [8, P. 151, no. 61.3; 9, P. 54-55, no. 27]. Аналогичные должности занимал Фома Ареовинд [9, P. 55 et n. 112]. В коллекции Думбартона Окс хранится печать Николая Ареовинда, спафарокандидата и протонотария Халдии [8, P. 97, no. 32]. Упомянем также моливдовул Константина Ареовинда, спафарокандидата Хрисотриклина и нотариуса геникона [10, P. 188,

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., грант № 14.А18.21.0480

по. 396]. Печать Николая Ареовинда, протонотария Халдии датируется рубежом X–XI вв., она является наиболее ранней из булл представителей данного семейства.

О происхождении патронима Αρεοβίνδης можно говорить только предположительно. Пренем Ареовинд был широко распространен в V–VI вв. [9, P. 55]. Возможно, это было имя иранского происхождения. Во всяком случае, появившаяся в X–XI вв. в Халдии (Трапезунде) семья Ареовиндов, должна была иметь греческое происхождение, никаких оснований видеть в них выходцев из Армении не существует.

Подводя итоги, отметим, что опубликованные моливдовулы должностных лиц позволяют выявить в северо-восточных районах Византии стабильное административное образование – фему Халдия и Дерксена. Кроме того, сфрагистические данные указывают на существование местной семьи гражданских служащих, упоминания о которой отсутствуют в письменных источниках.

Литература:

- 1) Bryer A., Winfield D. *The Byzantine monuments and topography of the Pontos*. Washington, D.C. 1985. Vol. 1.
- 2) *Oxford dictionary of Byzantium* / Ed. A. P. Kazhdan. New York, Oxford, 1991.
- 3) *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Текст, пер., комм. Под ред. Г.Г. Лутаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989.
- 4) Oikonomidès N. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles*. Paris, 1972.
- 5) Юзбашян К.Н. *Армянские государства эпохи Багратидов и Византия (IX–XI вв.)* М., 1988.
- 6) Bryer A. *Excursus of Mananalis, Samosata of Armenia and Paulician geography // Iconoclasm. Papers given at the ninth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, March 1975* / Ed. by A. Bryer and J. Herrin. Birmingham, Eng., 1977.
- 7) Степаненко В.П. *Неизвестный катепан Иверии и Халдии спафарий Роман* // *Историко-филологический журнал АН Арм. ССР. Ереван, 1991. № 2. С. 163–169.*
- 8) *Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art* / Ed. by E. McGeer, J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, D.C., 2001.
- 9) *Cheynet J.-Cl. Sceaux de la collection Zacos (Bibliothèque nationale de France) se rapportant aux provinces orientales de l'empire byzantin*. Paris, 2001.
- 10) Laurent V. *Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. T. II: L'Administration centrale*. Paris, 1981.

УДК: 94(4) «375/1492»
А.С. Цыганков (ВГСПУ)

Сигнификат слова *ritter* в средневековом немецком языке XI – XIII век

В дискурсе медиевистики, наверное, сложно назвать более «популярное» и распространенное слово, чем слово «рыцарь». Однако это слово уже довольно давно ведет свою, частично, самостоятельную «смысловую жизнь», вне пределов средневековой западноевропейской цивилизации. Об этом свидетельствуют, как пространство языка (в узком смысле слова «язык»), где слово «рыцарь» является героем многих фразеологизмов, так и кино- и изобразительные произведения, в которых денотат «рыцарь», в наши дни, может обозначать практически все что угодно, и зачастую взаимоисключающие друг друга вещи.

В этом свете, было бы, на мой взгляд, небезынтересно рассмотреть, что значило слово «рыцарь» в средневерхнемецком языке первоначально, откуда оно посредством языка польского и пришло в картину мира русского языка, проанализировать его генезис с конца XI века до конца XIII века.

Впервые слово «рыцарь» открывается немецким языком в конце XI века. Происходит это в одной немецкоязычной рукописи Книги Бытия, которая была переведена с греческого, и переписана с известного «Венского Генезиса» [1, S.16]. В данной рукописи упоминается о *riter* - наездниках, или, если говорить иначе, о конных воинах. В XII веке в немецкоязычном универсуме, наряду с обозначенным выше *riter*, появляются такие денотаты, как: *riter* и *ritter*. Последнее и используется в современном немецком языке.

С точки зрения лингвистики серьезную сложность представляет собой объяснение появления удвоенной буквы «t». Дело в том, что в средневековом немецком языке удвоенные согласные не обозначали краткость звука предшествующей гласной, как в современном немецком языке, но «удлиняли» произношение согласных звуков. Таким образом, складывается нехарактерная для немецкой деривации ситуация, в которой буква «t» в слове *ritter*, принадлежит как к первому, так и ко второму слогу.

Ввиду этого, в немецкой медиевистике часто можно встретить мнение, согласно которому образцом для немецкого слова послужило нидерландское слово *ridder* берущее свое начало от французского *chevalier* [2, S. 23]. Но во Франции слово *chevalier* уже обладало иным смысловым полем, в отличие от немецкого *ritter*, оно обозначало не просто конного воина, но именно благородного конного воина, т.е. выражаясь привычным языком – рыцаря. Именно с таким сигнификатом *chevalier* было абсорбировано соседней Фландрией.

Возвращаясь к Германии, необходимо отметить, что слово *ritter* еще относительно долгое время не будет обозначать рыцарей во французском смысле этого слова, но будет иметь коннотационную близость со словом кнехт (*Knecht*): конный тяжеловооруженный воин неблагородного происхождения.

Следовательно, даже если слово *ritter* было заимствовано немецким языком из нидерландского (*ridder*), то это заимствование было денотативным, но не сигнификативным.

Кроме вышеупомянутой проблемы происхождения, существует также проблема перевода, которая заключается в том, что и немецкое слово *ritter*, и французское *chevalier*, и испанское *caballero*, являются переводами на народные языки латинского слова *miles*. Слово *miles* первоначально выступало денотатом для воина, солдата, причем только пешего. Несмотря на то, что конный воин (лат. *eques*) появился уже в античную эпоху, решающую роль в битвах того времени играл не он, а именно пехотинец. Когда же в период средневековья техника ведения войны претерпела серьезные изменения и главным действующим лицом на поле брани стал всадник, то его обозначили латинским словом *miles*, вследствие чего возник такой лингвистический оксюморон, как *miles-ritter*, «пеший всадник».

Но необходимо еще раз отметить, что подобный «пеший всадник» в немецком языке еще не обозначал рыцаря в привычном для нас понимании этого средневекового концепта, а обозначал всего лишь воина, и очень часто зависимого несвободного воина. Такое значение распространяют на *ritter* ранние немецкоязычные хроники и эпические произведения [1, S. 17]. Люди, обозначаемые словом *ritter*, находились на службе герцогов, графов, епископов и аббатов.

Однако к концу XIII века в слове *ritter* полностью размывается тот смысловой пласт, который выражал «зависимость» и «несвободу» *ritter*. Отныне все *ritter* в немецком языке исключительно благородного происхождения.

Причину подобной эволюции можно объяснить двояко, но оба объяснения могут взаимно обогатить друг друга.

С одной стороны в ходе постепенного развития феодальных отношений рыцарское сословие стало более замкнутым и обособленным, и лишь ограниченное число обеспеченных людей могло в него вступить. При этом главной статьей доходов являлась война, которая позволила *ritter* подняться по социальной лестнице [3, 4].

С другой стороны, как утверждает немецкий ученый Карл-Хайнц Гёттер, немецкие знатные воины самостоятельно выбрали себе самоназвание *ritter*. По его мнению, подобная трансформация начинается происходить с середины XII века при правлении династии Гогенштауфенов. Скорее всего, подобное смысловое изменение произошло в русле более широкого комплекса заимствований, которые осуществляла Германия у Франции в связи с попытками реализовать свой «имперский проект», согласно которому кайзер являлся господином всех королей [1, S. 17].

Литература:

- 1) Göttert K.-H. *Die Ritter. Stuttgart: Reclam, 2011.*
- 2) Hechberger W. *Adel, Ministerialität und Rittertum im Mittelalter. München: C.H. Beck, 2004.*
- 3) Ehlers J. *Die Ritter: Geschichte und Kultur. München: C.H. Beck, 2006.*
- 4) Флори Ж. *Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. Москва: Молодая гвардия, 1998.*

УДК: 94 (410).03+930.253
А.А. Касатов (СПБВИРАН)

Английские документы XIV в. в Архиве СПБВИ РАН: к вопросу формирования коллекции

В отличие от французских и итальянских документов эпохи средневековья памятникам английской дипломатики и палеографии повезло гораздо меньше. Они плохо представлены в отечественных собраниях, даже в таком уникальном, как архив Санкт-Петербургского института истории РАН (СПБВИ РАН), основу которого составляет коллекция выдающегося исследователя и собирателя древностей академика Н.П. Лихачева.

Причиной тому, по всей видимости, явилась значительная дороговизна и высокая конкуренция на аукционах английских антикварных домов. Как признавался сам Н. П. Лихачев, «аукционы идут за аукционами и видно, что потребителей в Англии много и с хорошими средствами» [1, С. 203]. Говоря о судьбах автографов, которые Н. П. Лихачев активно отыскивал и скупал, он вынужден был констатировать, что в Англии по-настоящему ценный автограф под силу было купить «разве что миллиардеру» [1, С. 203]. На дороговизну документов в Англии указывал и Элиас Хоуэл Миннс, профессор Кембриджского университета, с которым Н. П. Лихачев состоял в переписке. Он объяснял это отсутствием господдержки характерной для континентальной Европы и частных денег, как в США [2, Л. 3-4].

Настоящее исследование призвано продолжить работу над английскими документами средних веков и Раннего нового времени в Западноевропейской секции архива СПБВИ РАН (ЗЕС АСПБВИ РАН), некогда начатое изучением документов XII-XIII вв., на материале документов XIV в. Интересующие нас свидетельства входят в коллекцию 18 «Англия и Шотландия. Акты и письма», которая хранится в названном архиве в картонах 381, 383 и 384. В картоне 381 хранится семь документов этого столетия, причем два из них записаны на одном немного поврежденном листе пергамента, еще один документ хранится в картоне 383. Было решено также включить в обзор неучтенный ранее документ из картона 384. Последний, хотя и датирован 5 апреля 1251 г., то есть относится к XIII в., заслуживает внимания, учитывая редкость английских документов столь раннего периода в отечественных собраниях в целом.

Грамоты, объединенные в рамках этой коллекции под общим наименованием «английские», являются таковыми условно. Так, два документа [3; 4] отражают французские реалии, тесно связаны с вассальными отношениями в среде французских землевладельцев, пусть их владения и располагались на оккупированной англичанами территории исторической провинции Кьерси, которая по миру в Бретиньи 1360 г. отошла английской короне. Упомянутый документ 1251 г. проливает свет на историю международных отношений и засвидетельствовал решение трибунала церковных иерархов под председательством судей, назначенных

папой Иннокентием IV (*Domino Papa iudex delegatus*): епископа Херефорда и архиепископа Йорка при содействии епископа Осера и служители кафедральной церкви Осера (*sedentibus et adjunctis assessoribus*). Трибунал признал помолвку Генриха III Английского (1216-1272) с Жанной де Даммартин (1220-1279), графиней Омаль и Понтье, будущей королевой Кастилии (с 1237 г. на Фердинанде III) противоречащей каноническим установлениям в силу наличия между ними четвертой степени родства. Дело слушалось в Сансе в кафедральном соборе св. Стефана, где и был составлен сам документ. Помимо текста дошли остатки печатей, которыми тот был скреплен.

Четыре грамоты [3; 5; 6; 7] отражают собственно английские реалии и представляют собой купчие земельных владений и связанных с ними прав, причем местоположение отчуждаемого имущества прописано самым тщательным образом. Еще один документ [5, Л. 1] представляет собой патент, т. е. особый вид грамоты, выдававшийся английскими королями как свидетельство их особого расположения к получателю. Это разрешение (лицензия) на отчуждение земельных владений между держателями короля Эдуарда. Эта грамота дошла со значительным фрагментом королевской печати. Остатки печатей сохранили документы №№ 4а, 5 из картона 381.

Как известно, Н.П. Лихачев состоял в переписке со многими видными учеными и коллекционерами. Нами были изучены колл. 55, которая хранится в ЗЕС АСПБ ИИ РАН, и отдельные хранения в фонде Н.П. Лихачева в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПФ АРАН, 3-7), в первую очередь те, что касаются отношений с английскими коллекционерами и антикварными домами. Некоторые документы помещены в обложки, что, как отмечает Л.Г. Климанов, иногда является единственным способом установить происхождение документа [8, С. 565].

Купчая из Уорвикшира, датируемая 1 января 1300 г. [1, Л. 2] была приобретена за пятнадцать шиллингов у известного коллекционера Перси Мордаунта Барнарда и числится под № 597 в аукционном каталоге 25. Соответствующая квитанция, датированная 9 ноября 1908 г., дошла в колл. 55 в переписке Барнарда с Лихачевым [7]. Еще один документ [3, Л. 3] помещен в обложку с пометкой – Barnard 51, № 245 – и представляет собой купчую от имени некой Беатрис, вдовы Вильгельма ле Свейна, из местечка Халле в пользу кафедральной церкви Нориджа (гр. Норфолк). Аналогичным образом дело обстоит и еще с одним документом [3, Л. 5], который также был приобретен у Барнарда: каталог 57, лот № 237. Правда, никаких квитанций, которые бы указывали на цену документа, найти не удалось.

Интересен документ под № 4а из картона 381. Он содержит дорсальную надпись в чем-то идентичную тем, которыми снабжены еще два документа, точно приобретенные у Барнарда. Так, документ под № 3 был составлен в восьмой год правления Эдуарда II. На обороте значится 4° (нечетко) b? Ed 2. Наверняка речь идет об Эдуарде II. Мы вряд ли ошибемся, если 4° на самом деле означает не что иное, как А°, то есть *anno*, а принятая нами за букву b цифра 8. Документ №

5 содержит схожую пометку 34° Ed после чего идет неразборчивый набор знаков. Наконец, документ под № 4а содержит хорошо читаемую и главное, хорошо интерпретируемую надпись 5 Ed. 3^d. Документ был составлен в пятый год правления Эдуарда III, 3^d, несомненно, это цифровая запись слова *third*-третий. Документ № 5 был составлен в 34 год правления Эдуарда III, что весьма похоже на 34° Ed, то есть *quarto*, а неразборчивый набор знаков может быть прочитан как *tertii*, то есть Эдуард III. Подвоя итог, рискнем предположить, что документ № 4а также вполне мог происходить из коллекции Барнарда, а до этого принадлежал наряду с двумя другими документами одному неизвестному лицу.

Документ [3, Л. 4а] был приобретен у Миннса, о чем свидетельствует письмо от 31 января 1902 г., [4]. Любопытно, что Миннс пояснил в письме Н.П. Лихачеву содержание английских землемерных единиц. Так акр насчитывал 37 десятин, а рода составляла ¼ акра. Причина, почему Миннс посчитал нужным сделать отмеченные уточнения, неизвестна, но мы вряд ли ошибемся, если увидим здесь его особую щепетильность и дружеское участие в делах Н.П. Лихачева. Надо учитывать, что их переписка велась на русском языке, сам Миннс был специалистом по Восточной Европе, а в 1899-1901 гг. являлся слушателем Археологического института в Петербурге.

Документ, составленный от имени английского короля Эдуарда [5, Л. 1], хранится в коробке с надписью *Autographen und Urkunden von Mitgliedern Regierender Häuser*. Нетрудно установить, что он был приобретен на распродаже коллекции покойного банкира А. Мейер-Кона (1853-1904), организованной фирмой Штаргардт 23-28 октября 1905 г. лот № 318. там же, где были приобретены поддельная грамота Вильгельма Завоевателя в пользу аббатства Селби и грамота Генриха II, выданная за грамоту Генриха I.

В качестве бенефициаров указаны некто Роберт и Яков Гуре, а документ датируется 1346 г. Надо сказать сразу, что в каталог фирмы Штаргардт, как и каталог ЗЕС АСПБ ИИ РАН вкрались сразу две ошибки. Бенефициарами выступили представители небезызвестной, хотя и не знатной фамилии Буре из графства Саффолк [9, Р. 16-17], а документ следует датировать 1326-27 гг. правления Эдуарда II, а не Эдуарда III как указано в каталоге и в аннотации к документу. Также известно, что аналогичный документ (копия или второй оригинал) хранился в Центральном архиве Великобритании [10, S. 279].

Документ № 6 из картона 381 содержит наклейку с краткой аннотацией на французском языке, указанием цены в 6 франков и, очевидно, номером по каталогу 10523.

Такие вырезанные из каталогов наклейки встречаются чаще всего на документах, приобретенных у антикварных домов Н. Шараве или вдовы Габриэля Шараве. Надо отметить, правда, что в ЗЕС АСПБ ИИ РАН есть документ с похожей наклейкой, купленный у В. Лемале (*Lemasle*). Это грамота парижского епископа Петра II 1213 г. [11, 584]. Контакты с Лемалем в разы уступали контактам с фирмами Шараве. Смущает слишком большое число, под которым значится документ в каталоге, что несвойственно аукционным каталогам, издававшимся

фирмой Шараве, но согласуется с каталогами, издаваемыми тем же В. Лемалем. Надо признать, что переписка Н. П. Лихачева с Э. и Н. Шараве [7; 12], равно как и доступные нам аукционные каталоги этой фирмы не позволяют с уверенностью утверждать, что документ действительно был приобретен именно у этих коллекционеров. Происхождение грамоты 1251 г. остается неустановленным.

Документы, как это часто бывает, неравнозначны по ценности содержащихся в них сведений. Некоторые можно вписать в известный контекст. Другие могут оказаться выигрышными только в комплексе аналогичных актов. Надо учитывать и то, что поиск параллельных материалов, которые бы пролили известный свет на обстоятельства появления того или иного документа, сильно зависит от ценности самого документа. Можно лишь сказать, что грамоты из колл. 18 представлены разнообразными по своему содержанию, манере письма, дипломатическим особенностям документами. Здесь и грамоты нотариев, и т. н. writ-charter частных лиц, королевский патент (*letter patent*), протокол церковного трибунала, оформленный как грамота и т. п. Документы проливают свет не только на собственно английские, но и континентальные реалии, а грамота 1251 г. представляет несомненный интерес в свете борьбы между Англией и Францией за контроль над Нормандией, поскольку родовые владения невесты Генриха III Жанны де Даммартин располагались именно там. Их более чем возможный брак встретил сильное сопротивление как раз со стороны французского двора уже в 1235 г. [13, Р. 54]. В 1259 г. по Парижскому миру Генрих III навсегда откажется от претензий на Нормандию и иные континентальные владения Плантагенетов. Можно полагать, что документ 1251 г. демонстрирует нам очередной успех французской дипломатии на этом пути.

Литература:

- 1) Лихачев Н. П. *Воспоминания библиофила и собирателя документов и автографов // Книга. Исследования и материалы.* М., 1991. Т. 62.
- 2) СПФ АРАН. Фонд 246. Оп. 2. Ед. хр. 87. *Письма и счета Сотбис 1903-30.11.1917.*
- 3) ЗЕС АСПБИИ РАН. Колл 18 «Англия и Шотландия. Акты и письма». Картон 381 №№ 2,3,4,4а,5,6.
- 4) СПФ АРАН. Фонд 246. Оп. 2. Ед. хр. 84. *Письма и счета фирмы Кварич 7.11.1908-4.07.1916.*
- 5) ЗЕС АСПБИИ РАН. Колл 18 «Англия и Шотландия. Акты и письма». Картон 383 № 1.
- 6) ЗЕС АСПБИИ РАН. Колл 18 «Англия и Шотландия. Акты и письма». Картон 384 № 1.
- 7) ЗЕС АСПБИИ РАН. Колл. 55. «Материалы по истории Западноевропейской секции».
- 8) Климанов Л. Г. Н.П. Лихачев-коллекционер и его связи: антиквары, коллекционеры, ученые (по различным источникам) / *Звучат лишь письма...* К 150 летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева. СПб., 2012.

С. 565-593.

9) *Calendar of the Patent Rolls Edward II. In 5 vols. London: Her Majesty Stationery Office 1904. Vol. 5.*

10) *Die Autographensammlung Alexander Meyer Cohn's / Vorwort von Prof. Dr. E. Schmidt. Berlin: J.A.Stargardt. 2 Theile 1905-1906.*

11) Tucker D. Burr H. *The Burr family history.* 1996. (Электронный ресурс) URL: <http://xbwvand.archive.org/stream/burrfamilyhistor00tuck#page/n3/mode/2up>. (дата последнего обращения 11.10.2012)

12) СПФ АРАН. Фонд 246. Оп. 2. Ед. хр. 130. *Переписка Шараве-Лихачев 26.12.1902-5.10.1917.*

13) Tout T. F. *The political history of England. From the accession of Henry III to the death of Edward III. Vol. III. New York. 1905.*

14) СПФ АРАН. Фонд 246. Оп. 2. Ед. хр. 82. *Письма и счета английских антикварных фирм.*

15) СПФ АРАН. Фонд 246. Оп. 3. Ед. хр. 246. *Переписка Миннс-Лихачев 13/26.12.1901-7.08.1934.*

УДК 94(410)«1066/1485»

В.В. Кудряков (МПГУ)

Восстание Бастарда Фокенберга в оценках Второго продолжения Кройлендской хроники

Начало мятежа, вспыхнувшего подле Кента, в источнике практически не освещено. Состав же инсургентов охарактеризован как «кентская чернь», взбудораженная «остатками наемников графа Уорика [из] Кале, моряками и пиратами». В качестве единственного побудительного мотива повстанцев, которых он в ходе своего повествования называет «разбойниками» и «пропащими людьми», фигурирует стремление грабежа, [1, Р. 128] что далеко не исчерпывает весь перечень причин восстания. Автор игнорирует сокращение внешней торговли, крайне невыгодные для сельхозпроизводителей цены на продукты питания, установившиеся в Лондоне, а также принадлежность Бастарда Фокенберга к проланкастерской партии и его намерение освободить Генриха VI из Тауэра. Томас Фокенберг был двоюродным братом и сподвижником самого «Делателя королей». Осенью 1470 года граф Уорик назначил его вице-адмиралом английского флота, и он принял под свое командование эскадру, крейсировавшую в проливе Ла-Манш [2, С. 105, 111, 161]. Служившие в ее составе люди и удостоились эпитета «моряки и пираты». Упомянутые во Втором продолжении «остатки наемников» представляли собой прекрасно организованный отряд в 300 человек [3, Р. 192-193], переданный Бастарду Фокенбергу по предварительной договоренности с командовавшими в Кале людьми графа Уорика Уолтером Роттесли и Джеффри Гейтом, которые активно участвовали в подготовке мятежа против Эдуарда IV [4, Р. 19]. Хронист тщательно избегает упоминания того, что в число

«многих злодеев» входили не только представители «кентской черни». Обратившись к сохранившимся грамотам о помиловании, которые Эдуард IV продавал после подавления восстания (формально налагая штрафы на его участников), можно увидеть, что в числе повстанцев были сквайры и джентльмены [5, С. 13].

Действия повстанцев после того, как они достигли Лондона, по мысли автора, свелись к тому, что, «разведывая все входы и выходы из города, они изучали, каким образом [и] с какими силами было бы возможно обратить в свою добычу богатейший город. Для того, чуть ли ни в порт, прибыли специально подготовленные суда, чтобы, погрузив все награбленное достояние, затем сохранить его для себя в иных краях» [1, Р. 128] Корабли Бастарда Фокенберга действительно расположились на Темзе ниже Тауэра между госпиталем святой Екатерины и Рэтклифом, но скорее это была часть плана по блокированию города, нежели простое пиратское предприятие. Попытка мятежников пробиться в столицу 12 мая через Лондонский мост, не увенчавшаяся успехом, марш инсургентов к переправе через Темзу в 10 милях выше по течению и их возвращение к городу, имевшее место 13 мая, вновь выпадают из поля зрения хрониста [4, Р. 19-29]. Но штурм Лондона, состоявшийся 14 мая, (сама дата в тексте не указана) описан подробно. По мнению автора, повстанцы разделились на два отряда и повели атаку на Лондонский мост и находившиеся с противоположной стороны города Бишопсгейтские ворота. В решающий момент битвы Антоний, граф Риверс, предпринял внезапную атаку из Тауэра в тыл наступавшим мятежникам. Благодаря его поддержке лондонцы смогли одержать полную победу, а люди Бастарда были либо перебиты, либо разбежались [1, Р. 128]. При этом хронист упускает из виду состоявшуюся утром ожесточенную артиллерийскую дуэль.

В результате орудия осажденных подавили огонь батарей Бастарда Фокенберга, которые состояли из корабельных пушек, переброшенных на берег к городским стенам. Лишившись их поддержки, повстанцы разделились и повели атаку сразу в четырех местах. Характерно, что автор «забывает» упомянуть штурм городских ворот Олдгейт, где мятежники смогли добиться наибольших успехов. Они уже врываются в город, когда оборонявшиеся лондонцы опустили гирсу и таким образом избежали поражения на этом участке боя. Переход к атаке в районе Олдгейта стал возможен благодаря появлению здесь отряда графа Эссекса, чьи люди, наряду с солдатами лорда Риверса, внесли весомый вклад в победу над повстанцами [5, Р. 27; 7, Р. 679]. При этом войско восставших отнюдь не разбежалось 14 мая. Дезорганизацию и распад повстанческих сил следует отнести к 17-18 мая, когда их лагерь покинул сам Бастард Фокенберг, и среди инсургентов стали распространяться слухи о приближении мощной королевской армии, насчитывавшей 30 тысяч человек [7, Р. 92]. Завершение восстания Бастарда Фокенберга охарактеризовано хронистом как «подобие войны в Кенте», которое «осторожный государь» предпринял из-за «непостоянства кентской черни» с целью обрушить «на этих разбойников заслуженную кару в домах их», полагая все последовавшее далее абсолютно справедливым, но, не вдаваясь в подробности [1, Р. 128].

Таким образом, в источнике нет указаний на подлинные причины, побудившие Бастарда Фокенберга и кентцев выступить против Эдуарда IV, отсутствуют сведения о численности войск мятежников и хронологии событий. Картина штурма столицы также сильно искажена из-за отсутствия ряда важнейших подробностей, а резко враждебное отношение к кентскому мятежу, вероятно, в значительной степени было продиктовано чувствами подвергнувшегося опасности столичного обывателя, нежели чем йоркистскими симпатиями автора.

Литература:

- 1) *The Crowland Chronicle Continuations: 1459-1486 / edited by N. Proney and J.P. Cox London, 1986,*
- 2) *Минеева Т.Г. Политика и власть: Англия трех Генрихов (1399-1471). Н. Новгород, 2001.*
- 3) *Lander J.R. The Wars of the Roses. London, 1965.*
- 4) *Warkworth's Cronicle of the First Thirteen years of the Reign of King Edward the Fourth. London, 1839.*
- 5) *Кузнецов Е.В. Кентское восстание 1471 года (из истории политического кризиса в Англии второй половины XV века). Горький, 1973.*
- 6) *Richmond C.F. Fauconberg's Kentish Rising of May 1471. The English Historical Review. Vol LXXXV №337, P. 673-693.*
- 7) *The Chronicles of the White Rose of York. London, 1843.*

УДК 94(4)«1492/1914»
К.В. Перепечкин (СПбГУ)

Переиздания Opuscula Иеронима Эмзера

Иероним Эмзер (1478–1527) известен, прежде всего, как секретарь и один из придворных теологов герцога Георга Саксонского, автор и редактор многочисленных религиозных памфлетов и сочинений, как один из главных оппонентов Мартина Лютера в первые годы Реформации. На службе у герцога Иероним пробудет до конца жизни, зарекомендовав себя как писатель и публицист, издатель и типограф, непримиримый противник Реформации и защитник Старой церкви. [1]

Opuscula - это небольшая книжца, небольшое произведение, за авторством Эмзера она впервые вышла в 1516 году. Написано *Opuscula* для наследника Георга Саксонского – семнадцатилетнего принца Иоганна. Основная часть книжцы – это «письма», большей частью выдуманные. Содержат они наставления о правилах поведения, о манере говорить, о почитании Бога и родителей, об уходе за здоровьем и телом, об умеренности в еде и питье, о работе и отдыхе, о достойных разговорах, о пороках злословия и лжи, лести и хвастовстве, шутках, спорах, зависти, высокомерии, алчности, нравоучениях и развлечениях. Конкретная воспитательная цель.

Также сообщается, что эта книга соответствовала вкусам того времени: словесной тренировке и обучению манерам. Она имела большой успех: многочисленные расходы подкреплялись тем, что она многократно использовалась как школьный учебник. [2]

В первой биографической работе, посвященной Эмзеру, Георг Вальдау упоминает лишь два издания: 1516 и 1519 года. [3] А к концу XIX века было известно уже 11. [4]

На данный момент мне удалось насчитать 13 переизданий *Opuscula* с 1515 (или 1516) по 1596 года, причем 12 переизданий было осуществлено в течении восьми лет (с 1515 по 1523 гг.). Вот перечень типографов, издававших *Opuscula* и соответственно даты выпуска:

Melchior Lotter (1515 или 1516), *Johann Knoblauch* (1516), *Valentin Schumann* (Leipzig, 1517, 1518, два издания 1519, 1520), *Johann Haller* (Krakau, 1518), *Silvani Otmar* (Augustae, 1519), *Nicolaus Schmidt* (Liepzig, 1521), *Cervicornus* (Köln, 1522), *Hieronymus Beitor* (Krakau, 1523), Неизвестный типограф (Leipzig, 1596). [5]

Если мы посмотрим на количество переизданий других работ Эмзера до конца 1530-х, то с ним может соперничать разве что Новый Завет. Это еще раз подчеркивает популярность издания. Эта популярность объясняется содержанием работы, появившейся и активно действующей в политике Георга Саксонского. Своего рода «спецзаказ» [6, S. 33 – 55].

В Санкт-Петербургских библиотеках нет экземпляров *Opuscula*, но на сайте Баварской электронной библиотеки удалось найти 6 изданий. Среди них 4 издания принадлежат одному типографу: Валентину Шуману (1518, два издания 1519 и 1520). Благодаря этому можно проследить, как менялось издание, его композиционные особенности, структура текста, титульный лист, а что оставалось неизменным. К сожалению, найти первое издание Шумана от 1517 года не удалось, поэтому можно только предположить, что оно стало основой для всех остальных.

Можно разделить их на две пары, по схожести набора. *Opuscula* 1518 и *Opuscula* 1519 (1). Оба набраны антиквой. Второе издание это упрощенный вариант первого: набор титульного листа копируется, но отсутствует гравюрная рамка, на последней странице отсутствует издательский знак, но набор самого текста практически совпадает: его отличает аккуратность и высокое качество. Также, присутствует достаточно строгий принцип организации основного текста: на каждой странице только 4 письма.

Вторая пара изданий – *Opuscula* 1519 (2) и *Opuscula* 1520. В отличие от предыдущих, у них совпадают только титульные листы. Причем у первого фон гравюрной рамки окрашен черным, а у второго нет. В остальном издания полностью различны. Схема набора *Opuscula* 1519 (2) повторяет предыдущие издания, но главное его отличие – это готический шрифт. На последней странице присутствует издательский знак. Издание 1520 года уступает предыдущим по качеству набора. Тест не разбит на части, есть висячие строки. Используется крупная антиква, а на последней странице мелкая. Издательский знак отсутствует.

Подводя небольшой итог этому небольшому исследованию, еще раз обратим

внимание на то, что такое, незначительное, на первый взгляд, издание имеет столько вариаций. Эти примеры иллюстрируют непосредственную, живую работу типографии: была набрана одна книга, отпечатан тираж – шрифт ушел в другое издание. Затем потребовалось переиздать – ориентируясь на предыдущий вариант, типограф использует доступные материалы. Для второй пары изданий видим, что типовой титульный лист «закрепился» за Эмзером, так как он используется второй раз. Последнее издание делалось либо наспех, либо неопытным наборщиком, так как опыт предыдущих практически не учитывался.

На примере сравнения типографских особенностей издания одного и того же произведения, можно приблизиться к одному из сложнейших аспектов в книговедении: к процессу непосредственного набора текста, формированию типографских канонов и правил. Если удастся отыскать все переиздания *Opuscula*, то будет возможность проследить все этапы и вариации набора, связи между издателями и типографами, заимствование представлений об облике издания. И, возможно, выяснить причину такой популярности.

Литература:

1) Kawerau G. *Emser Hieronymus / Realenzyklopädie für protestantische Theologie und Kirche*. Leipzig, 1898. Bd. 5. S. 339 –342; Volkmar Ch. *Emser Hieronymus / Sächsische Biografie*; Grimm H. *Emser Hieronymus / Neue Deutsche Biographie*. Berlin: Duncker & Humblot, 1959. Bd. 4. S. 488 f.

2) Mosen P. *Hieronymus Emser, der Vorkämpfer Roms gegen die Reformation*. Diss. Leipzig: Halle, 1890.

3) Waldau G. E. *Nachricht von Hieronymus Emsers Leben und Schriften*. Anspach, 1783.

4) Kawerau G. *Hieronymus Emser. Ein Lebensbild aus der Reformationsgeschichte*. Halle: Max Niemeyer, 1898.

5) *Die Buchdrucker des 16. und 17. Jahrhunderts im deutschen Sprachgebiet: Auf der Grundlage des gleichnamigen Werkes von Josef Benzing / Christoph Reske*. Weisbaden, 2007.

6) Junghaus H. *Die Ausbreitung der Reformation von 1517 bis 1539 / Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen*. Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1989.

УДК: 930 (272.003.072)«1557»

Г.И. Борисов (МГУ)

Типографские ошибки в издании Герольдины XVI века из собрания редких книг Российской государственной библиотеки

Тексты многих источников раннего Средневековья дошли до нас только в публикациях – печатных книгах XV–XVI веков, для авторов и составителей которых, как и для нас, это уже была во многом чужая и незнакомая в культурном плане эпоха. Одно из таких собраний законов древних германцев, *Leges barbarorum*

(известных у нас в стране как «варварские правды»), было напечатано в 1557 году в Базеле известным антикваром Иоганном Герольдом. Непосредственным объектом исследования стал экземпляр, хранящийся в Музее книги РГБ (шифр МК VII – 12480) [5]. В книге находился текст закона фризов, записанный при Карле Великом в начале IX века, но дошедший до нас только в издании Герольда. Тексты законов изобилуют не только непонятными примечаниями и древнегерманскими глоссами, но и большим количеством ошибок, исправленных позднее в изданиях Monumenta Germaniae Historica XIX - XX веков. В работах исследователей древнегерманского права XIX – начала XX вв. была подтверждена их достоверность, но самому изданию не придавалось большой ценности, т. к. оно изобиловало большим количеством ошибок и опечаток, в числе которых было и «ошибочное перенесение Герольдом части текста за авторством Влемара из *Lex Frisionum* в *Lex Thuringorum*» [7, S. 123]. В середине 60-х гг. XX в. А. Буркхардт использовал книгу для характеристики общественно-политической деятельности И. Герольда. Он видел причину такого количества ошибок в недобросовестности самого издателя [6, S. 164–167]. Только в 1980 году немецкий историк права Х. Зимс попытался дать объяснение некоторым ошибкам в книге, однако приписал их невнимательности самого Герольда. Между тем развитие специальных исторических дисциплин, в частности книговедения и кодикологии, во второй половине XX века позволило взглянуть на средневековую и ренессансную книгу как на памятник культуры и объяснить многие особенности ее технического исполнения. Среди отечественных ученых, занимавшихся этой проблемой следует назвать в первую очередь Е.Л. Немировского [4] и Л.И. Киселеву [1, С. 232–233], которые обратили внимание на необходимость изучения мастерских письма и типографий, продолжая традиции, заложенные О. А. Добиаши-Рождественской [2, С. 12; 3]. Нашей задачей стало изучение текста «Герольдины» в процессе его создания, набора литер на печатную форму, и исследование следов деятельности наборщиков, которые позволят приблизиться к реконструкции рукописи с которой проводился набор.

Книга была издана в типографии известных базельских печатников Петри и состоит из 29 бумажных тетрадей формата 2°, составленных из трех вдвое сложенных листов и еще 2 тетрадей в начале книги из двух листов. Издание снабжено предисловием издателя, оглавлением, пагинацией, сигнатурами, рекламами и колонтитулами, составляющими вспомогательный аппарат. Они создавались наборщиками в типографии и поэтому их анализ в этом плане более продуктивен, нежели изучение самого текста, в котором могут встретиться следы работы издателя. Их изучение позволило выявить причины наиболее распространенных ошибок в книге.

Характер ошибок в пагинации, колонтитулах и сигнатурах подтверждает вывод о независимости вспомогательного аппарата от текста книги и его создании уже в типографии – например «зеркальное» отображение текста для наборщика на страницах 85 и 95 [5, P. 12, 38, 61, 84, 85, 93, 95, 96, 120, 146, 168, 183–190, 235, 237, 239, 264, 277, 324]. Важно, что при наборе одной стороны листа, страницы на нем шли непоследовательно, что приводило к частым ошибкам в

колонтитулах и рекламах. Показательно отсутствие ошибок в сигнатурах, на которые обращали внимание в первую очередь, потому что они были необходимы переплетчикам, чтобы правильно собрать книгу. О том, что наборщики слабо представляли себе процесс конструирования книги, говорят перевернутые литеры, несоответствие реклам и неправильное понимание слов в них, и особенно, концентрация ошибок на первых или последних страницах тетрадей [5, P. 61, 96 etc.]. Таким образом, мы сталкиваемся со специфическими следами работы типографов, объяснимыми только с точки зрения их ремесла. Почти все из 44 ошибок во вспомогательном аппарате «Герольдины» относятся к специфике работы наборщиков, качественно выполнивших сложную задачу набора текста на латинском языке.

Текст закона фризов уникален наличием в нем постановлений законоговорителей – Влемара и Саксмунда. Их действительное авторство и само существование спорно. Однако обычно забывается, что одна из частей, подписанная *Vvlemarus dictavit*, в издании Герольда находится в публикации закона тюрингов и была перенесена учеными в закон фризов уже в эпоху Просвещения [5, P. 128]. Ее перенос был вызван только наличием в тексте закона фризов такой же фразы и объяснялся небрежностью Герольда. Между тем, и нахождение этой части текста в разных и не соседних тетрадах, и выявленный принцип их последовательного набора, и расположение самого текста на странице, исключает возможность перенесения текста Влемара в закон тюрингов наборщиком. Следовательно, мы должны либо признать небрежность Герольда при копировании текста из одной рукописи в другую, либо искать другие варианты объяснения появления имени Влемара в законах фризов и тюрингов.

Другой пример также свидетельствует о наличии промежуточной, созданной в середине XVI века рукописи закона фризов. Речь идет об эпилоге к закону, в котором у Герольда ошибочно стоит слово *mulieribus* [5, P. 143]. В XIX веке было доказано, что на его месте должно стоять слово *vulneribus*. Однако объяснения этой ошибке никто так и не предложил. При том, что наличие промежуточной рукописи весьма вероятно, и, возможно, мы имеем дело с ошибкой возникшей в результате неправильного прочтения наборщиком текста этой рукописи, написанной самим И. Герольдом.

Это наблюдения позволяют нам утверждать, что объяснение ошибок в Герольдине во многом зависит от знания принципов работы наборщиков. Печать текста по тетрадам заставляет пересмотреть возможность перенесения в типографии части текста за авторством Влемара из *Lex Frisionum* в *Lex Thuringorum*, как по его расположению в тетради, так и на странице, и позволяет выдвинуть гипотезу, что текст законов был набран в печатную форму с рукописи Герольда без структурных изменений.

Литература:

- 1) Киселева Л. И. Письмо и книга в Западной Европе в средние века. СПб., 2003.
- 2) Киселева Л. И. Западноевропейская книга XIV–XV вв. Л., 1985.

3) *Добиаш-Рождественская О.А. История корбийской мастерской письма в годы 651-830 по ленинградским кодексам. Л., 1934.*

4) *Немировский Е. Л. Сербские монастырские типографии XVI века. М., 1995.*

5) *Originum ac germanicarum antiquitatum libri, leges videlicet salicae... Basilii Ioannis Herold, Basileae, 1557.*

6) *Burkhardt A. Johannes Basilius Herold. Stuttgart, 1967.*

7) *Siems H. Studien zur Lex Frisionum. Ebelsbach, 1980.*

УДК: 929.52

А.К. Червякова (ИАИ РГГУ)

Родословные росписи князей Мезецких в составе родословных книг XVI-XVII вв.: текстологический анализ

Раскрытие информационного потенциала родословных росписей князей Мезецких в отношении как истории самого рода, степени родства отдельных его членов и степени старшинства среди потомства князя Юрия Тарусского приобретает актуальность в связи с проблемой взаимоотношения двух великих государств – Великого княжества Литовского и Московского государства – в период XVI-XVII вв., контактной зоной которых выступало пограничное княжество Мезецкое.

Историографическая ситуация по проблеме текстологического изучения родословных росписей русских княжеских родов неоднозначна, так как непосредственно ориентированная на данный вид исторических источников исследовательская литература, отсутствует. В основе наших текстологических подходов и понятийного аппарата – монография выдающегося филолога и текстолога Д.С. Лихачева [1]. Монография ориентирует исследователя на знакомство с текстологической дисциплиной во всех аспектах ее бытования, вплоть до детализации работы текстолога непосредственно с памятником письменности. В постсоветской историографии изучение текстологических приемов и терминологии продолжено в работе О.В. Творогова [2], ориентированной на начинающих исследователей-медиевистов и являющейся своего рода практическим руководством по археографии и текстологии древнерусской литературы.

В отношении родословных книг основоположником источниковедческого и текстологического подхода выступил дореволюционный историк Н.П. Лихачев [3]. Он использовал метод сопоставления текста родословных списков с иными источниками, которые могли дать вспомогательный материал для датировки Государева родословца. Н.П. Лихачев изучал принцип построения источника, иерархию представленных здесь родов.

Труд М.Е. Бычковой посвящен исследованию истории создания и бытования русских родословных книг в социально-политическом аспекте истории России, их текстологии, классификации [4]. Методически ее исследование базируется на работах Н.П. Лихачева. Исследования М.Е. Бычковой позволяют раскрыть такие понятия в генеалогии, как редакции и изводы родословных росписей.

Как видно, степень текстологической изученности родословных росписей как таковых невысока, однако можно говорить о разработанной теоретической и методической базе для такого рода исследований.

Специальных крупных исследований, посвященных непосредственно деятельности рода князей Мезецких, нет, однако, подробные сведения по истории и генеалогии этого рода находятся в трудах, посвященных потомству Рюрика Р.В. Зотова и Г.А. Власьева [5; 6]. В зарубежной практике мы находим исследование дореволюционного историка Й. Вольфа, уникальное в отношении комплексного изучения истории литовско-русских княжеских родов [7]. Весьма подробные биографические данные о большинстве членов рода представлены в статье дореволюционного историка Ю.В. Татищева [8].

Текстологический анализ родословных книг и сборников, содержащих родословные данные, показал, каким образом на протяжении периода с 1530-х по сер. XVIII вв. менялся характер росписей в отношении потомства князя Юрия Тарусского. Каждая из них по-разному трактует старшинство князей Мезецких по отношению к родственным княжеским линиям от князя Юрия Тарусского. Эта традиция восходит к системе местничества, в рамках которой родословные росписи оказывают регулируемую роль. Необходимо отметить, что часть редакций заложила дальнейшую традицию для составления росписи князей Мезецких (Летописная, Румянцевская редакции), а часть так и осталась прецедентным самостоятельным текстом (Родословие князей Одинцевичей). Официальная традиция составления родословных книг (Государев родословец, Бархатная книга) получает продолжение в частных родословных книг, частично (Редакция в 81 главу), а в ряде случаев полностью наследуя структуру всего содержания (Редакция в 43 главы, в 43 главы с приписными). Эта традиция трансформируется в возможность отнесения вариантов росписи к одной из двух редакций – Литовской или Московской, и к одному из трех образовавшихся изводов Московской редакции росписи.

Было решено отнести девять вариантов росписи к одной из двух редакций – Литовской или Московской – в зависимости от той традиции, которая была заложена в принципе расположения лиц в росписи. Кроме этого, если Литовская редакция состоит лишь из одной росписи – в составе Родословия князей Одинцевичей, то Московская поделена на три извода. Каждый из трех изводов характеризуется старшинством одной из ветвей рода князей Мезецких. Первый извод характерен преобладанием ветви Мезецких-Сухих. В составе этого извода содержатся варианты росписи из Румянцевской редакции, редакции в 43 главы и 43 главы с приписными и Музейный список редакции в 81 главу, текстологически преемственные друг другу. Второй извод – извод Мезецких-Говдыревских – отличен тем, что в нем родовое старшинство закреплено за потомством по линии князя Ивана Говдыревского. Данный извод представлен Редакцией начала XVII в. и Патриаршей редакцией. Последний, третий, извод, представленный редакцией в 81 главу (Пискаревский список), характеризуется приоритетом ветви Мезецких-Кобякиных (потомков князя Василия Кобяки).

В основе всех представленных в родословных книгах Московского государства XVI-XVII вв. изводов родословной росписи князей Мезецких лежит родословие в шесть поколений. В настоящий момент трудно судить о том, какой из изводов ближе к протографу: каждый из них обеспечивал родовым старшинством отдельные ветви князей Мезецких.

Текстология родословных росписей русских княжеских и боярских родов как особого источника как по истории самих родов, так и по истории развития местных отношений принимает на сегодняшний день немаловажное значение, так как полученные при анализе родословных росписей сведения могут быть востребованы исторической наукой в широком спектре исследовательских проблем.

Литература:

- 1) Лихачев Д.С. *Текстология*. – СПб.: Алетейя, 2001. – 758 с.
- 2) Творогов О.В. *Археография и текстология древнерусской литературы*. – М.: Альянс-Архео, 2009. – 282 с.
- 3) Лихачев Н.П. *Государев родословец и Бархатная книга*. СПб.: Тип. П.В. Мартынова, 1900. – 14 с.
- 4) Бычкова М.Е. *Родословные книги XVI-XVII вв. как исторический источник*. М.: Наука, 1975. – 216 с.
- 5) Зотов Р.В. *О черниговских князьях по Любецкому Синодику и о черниговском княжестве в татарское время*. СПб., 1892.
- 6) Власьев Г.А. *Потомство Рюрика*. СПб., 1906. 3 т.
- 7) Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieku*. W., 1895
- 8) Татищев Ю.В. *Род князей Мезецких // ИРГО. Вып. 2. СПб., 1903. Отд. 1. С. 48–84.*

УДК: 930.24

Н.С. Гусева (ФГБОУ ВПО «ИГПИ им. П.П. Ершова»)

Построение глобальной хронологической карты: «античность» – фантомное отражение средневековья XI-XVI вв.

(о результатах применения математических методов к древней и средневековой истории группой А.Т. Фоменко-Г.В. Носовского)

В последней трети XX столетия в России приобретает широкую известность «историко-теоретическая концепция» А.Т. Фоменко-Г.В. Носовского, посвященная глобальной корректировке хронологии исторического процесса [1, С. 116]. Обращаясь к истории данного вопроса нельзя не отметить, что А. Фоменко и его группа - не первые в деле пересмотра хронологии и отмены столетий (точнее тысячелетий) истории. Помимо де Арсиллы, Роберта Балдауфа, Эвина Джонсона, их самым заметным российским предшественником являлся бывший «народоволец» Н.А. Морозов, «проведший четверть века в казематах Петропав-

ловской и Шлиссельбургской крепостей» [2]. Научные изыскания А.Т. Фоменко (в то время совместно с М.М. Постниковым) в области исторической хронологии и методологии начинаются с конца 1970-х гг., в то время, когда он «проанализировал скалигеровскую хронологию древней и средневековой истории Европы, Средиземноморья, Египта и Ближнего Востока» [4, С. 93]. Нельзя не отметить, что историки довольно быстро отреагировали на появление первых произведений Постникова и Фоменко: по решению Президиума Академии Наук СССР в 1982 г. проводится специальное заседание Отделения истории АН, в ходе которого «профессиональные историки не только опровергли этот псевдонаучный бред, но и осмеяли его, показав полную несостоятельность «Новой хронологии» [3, С. 11].

Главный объект критики «новохронологов» - скалигеровская хронология древней и средневековой истории. «Мы ничего не знаем о событиях ранее X в. н.э.» [5, С. 224] - один из их главных тезисов, а «новая концепция хронологии основывается, прежде всего, на анализе исторических источников методами современной математики и обширных компьютерных расчетах» [6, С. 145]. На практике применением данных методов по Фоменко выглядит следующим образом: исторические и хронологические данные знаменитых таблиц англичанина Джона Блера «были дополнены информацией из более чем двухсот других текстов, содержащих в сумме описание практически всех основных событий на интервале якобы от 4000 г. до н.э. вплоть до 1900 г. н.э. в скалигеровских датировках» [4, С. 93]. Затем все эти сведения «были графически изображены на плоскости в виде глобальной хронологической карты: каждая эпоха со всеми ее событиями в скалигеровских датировках была подробно изображена в соответствующем месте карты вдоль оси времени» [4, С. 93]. Далее, к материалу, собранному на этой карте, были применены методики распознавания дубликатов. Так, «была вскрыта общая картина расположения «повторов» в «учебнике Скалигера-Петавиуса и обнаружены три основных хронологических сдвига» [5, С. 4], посредством которых, в частности, доказывается «наложение истории «античного» Рима за период якобы 753-236 гг. до н.э. на историю средневекового Рима за период якобы 300-816 гг. н.э.» [4, С. 94].

Исходя из вышеизложенного, «новохронологи» заявляют, что кто-то в XVI-XVII вв. расположил на оси времени несколько фантомных летописей-дубликатов и сшил их в единый «учебник». Как итог, формулируется вывод: «"скалигеровский учебник" – это слоистая летопись, склеенная из четырех сдвинутых друг относительно друга кусков, практически тождественных друг другу» [Там же, с. 200], а «глобальная хронология была в основных чертах создана в конце XVI – начале XVII вв.» [Там же, с. 201]. При этом, делается заключение, что обнаруженные совпадения отнюдь не случайны. «По нашей гипотезе, - отмечает в одном из интервью Фоменко, - до XVIII в. существовала некая единая большая империя, она раскололась, и возникли независимые государства на этой территории, а новым правителям была необходима новая история. Они ее написали» [6]. Реальная история, т.е. история, описанная в дошедших до нас письменных

источниках, - продолжается далее, - начинается примерно с X-XI вв. н.э. Ранее X в. имеются лишь весьма скудные данные, расположенные на интервале 300-1000 гг. н.э. Проще говоря, все эпохи, помещенные в «скалигеровском учебнике» ранее X в. н.э., являются различными фантомными отражениями событий X-XVI вв. н.э. [4, С. 201-202].

«Новая хронология», претендуя пересмотреть выводы традиционной исторической хронологии, отвергает научные достижения и данные филологии, лингвистики, археологии, палеографии и других дисциплин. Но, разобрав основные положения данной концепции можно прийти к следующим выводам. Во-первых, даже если письменные источники и были подделаны, то как быть с памятниками архитектуры, скульптуры, живописи, археологическими находками? Следующий аргумент отнесем к территориальным нестыковкам. Как было отмечено выше, в «Новой хронологии» рассматривается историческое развитие Европы, Средиземноморья, Египта и Ближнего Востока. Но где место истории государств Азии, Африки и Америки? Почему они необоснованно забыты авторами «глобальной хронологической карты»? В-третьих, нельзя не отметить грубейшие нарушения правил лингвистики. В частности, А.А. Зализняк, рассматривая лингвистические и филологические построения «новохронологов» подчеркивает, что находятся эти построения «на уровне самого примитивного и невежественного дилетантизма», которые можно сравнить разве что с ошибками в таблице умножения [7]. В-четвертых, явное недоумение вызывает термин «похожесть» (заметьте, не «идентичность», а именно «похожесть») выстраиваемых графиков. Если подробно рассмотреть и сравнить их, то неточности в датировках событий и правлений достигают не просто нескольких лет или десятилетий, а целых столетий. Говорить в этом случае в действительности о т.н. «заведомо зависимых» летописях или династиях не приходится.

Литература:

- 1) Володихин Д.М. *Маргинализация исторической информатики (о трудах А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского по «глобальной хронологии») // Информационная бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1996. № 18. С. 116-126.*
- 2) *Материалы онлайн-конференции. Фальсификатор науки Анатолий Фоменко. URL: <http://www.scorcher.ru/art/any/fomenko.php> (дата последнего обращения 06.05.2012).*
- 3) Кошеленко Г.А., Маринович Л.П. *Математические фантазии и исторические реалии // Новая и новейшая история. 2000. №3. С. 3-57.*
- 4) Фоменко А.Т. *Методы (Том 1). М.: Изд-во «Римис», 2005. 776 с.*
- 5) Фоменко А.Т. *Истину можно вычислить. Хронология глазами математики. М.: Астрель: АСТ, 2007. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Старая критика и новая хронология // Нева. 1999. №2. С. 143-158.*
- 6) Зализняк А.А. *Лингвистика по А.Т. Фоменко // Антифоменко. Сборник Русского исторического общества. Т.3 (151). М.: Русская панорама, 2000. С. 74-105.*

Карл V в отечественной и зарубежной историографии. Тенденции и тенденциозность

История знает много примеров существования империй, над которыми «никогда не заходило солнце». Империя, созданная Карлом V, занимает особое место в их ряду. Она не знала единого географического центра, сложно указать, где же была ее столица. Помимо колоний, она охватывала целый ряд разнообразных европейских земель: Испанию, Португалию, Германию, Нидерланды, Италию и другие территории. Ничего удивительного в том, что фигура императора Карла V, или короля Карлоса I, как его называют в Испании, является очень популярной в национальных историографиях государств Пиренейского полуострова, Центральной и Восточной Европы. Каждая из этих историографических традиций по-своему описывает Карла, что дает нам уникальную возможность посмотреть на одну фигуру с нескольких различных точек зрения, но при этом не как это бывает – с позиций «наш король», «чужой король» или даже «вражеский король». Ясно, что данный доклад не может претендовать на исчерпывающий или даже сколько-нибудь подробный историографический обзор. Скорее здесь стоит задача показать некоторые противоречия, существующие между различными традициями изображения Карла. Конечно, такой подход ведет к значительным упрощениям, однако в данном случае это представляется оправданным.

Для немецкой исторической школы фигура Карла неразрывно связана с Реформацией, Крестьянской войной и Шмалькальденскими войнами. Классиками немецкой исторической науки Карл нередко воспринимается как чужак, человек, который не вырос в Империи, плохо знаком с ее законами, который в критический момент немецкой истории явился помехой на пути создания немецкого национального государства. Эта позиция во многом связана с именем выдающегося немецкого историка Леопольда фон Ранке [1]. В его работах Карл V рисуется как универсалист, человек, одержимый идеей единой христианской империи и человек, ориентированный на Средиземноморский регион – на «родную» Испанию или Италию, за которую он вел напряженные войны с королем Франции Франциском I. Об универсалистском характере проектов Карла писали многие немецкие историки, среди которых можно выделить Г. Лутца [2], Ф. Босбоха [3], среди недавних работ – книгу А. Шлегенмилх [4], которая пишет о воспитании Карла и об истоках его мировоззрения как политического деятеля и монарха. Не забыта традиция изображения Карла как испанца, человека, помыслы которого даже во время пребывания в Империи были обращены на Иберийский полуостров. Ярким примером может считаться книга «Кайзеры» под редакцией А. Шедлинга и В. Циглера [5]. Подробные сведения относительно немецкой историографии, посвященной конфессиональной эпохе, и в том числе, затрагивающей эпоху Карла V, представлены в книге А.Ю. Прокопьева «Германия в эпоху религиозного раскола» [6, С. 6 - 32].

Тезис об универсалистской направленности устремлений Карла не вызывает серьезных возражений со стороны испанских историков, однако идея об испаноцентричности его империи не находит среди них поддержки. В традиции испанской национальной историографии Карл, или Карлос, носит прозвище Отсутствующего. Его правление было отмечено в испанской истории масштабным восстанием коммунаров, которое нередко представляется как национально-освободительное движение сословий против монарха-иностранца, бургундца, не знающего ни обычаев своей страны, ни языка. Монарха, наводнившего свой двор иноземцами и оставившего страну на их попечение, когда сам он отплыл за немецкой короной. Такое восприятие фигуры Карла находит свое отражение не только в трудах непосредственно испанских историков, но и в работах испанистов разных стран – от России до США. Так восстание коммунаров трактуется в работе американского историка А. Эспиносы [7] как движение городских общин против засилья иноземных чиновников. Когда же в общих работах историки описывают правление Карла, иногда складывается впечатление, что в самой Испании за полвека произошло лишь восстание коммунаров, вызвавшее перестановки при дворе и некоторую ревизию методов управления испанскими владениями. Покончив с историей восстания, авторы отправляются «вслед» за императором на германские рейхстаги, на Итальянские войны, вынужденно «забывая» о событиях на Иберийском полуострове. Так выглядит описание правления Карла в тексте Н.П. Денисенко [8]. Также возможна обратная ситуация, когда другие историки практически упускают из виду самого Карла, как это делает Дж. Эллиотт, всего несколько раз упоминая императора в своей работе «Испания и ее мир в 1500 – 1700 гг.» [9]. Подводя итог вышесказанному, образ Карла-испанца видится не более правдоподобным, нежели образ Карла-немца. Исследователь Г. Кеймен [10] и вовсе в своей работе пытается показать невозможность назвать Испанскую империю, созданную Карлом, собственно испанской.

Таким образом, фигура Карла является прекрасным примером того, как подчас бывают мифологизированы образы тех или иных исторических персонажей. Однако в данном случае есть возможность сопоставить противоречащие друг другу мифологические традиции, характерные для различных исторических школ. Это позволяет отчасти преодолеть подобные мифы. Безусловно, этот доклад является лишь наброском более серьезного исследования, которого заслуживает данный вопрос.

Литература:

- 1) *Ranke L. von. Deutschichte Geschichte im Zeitalter der Reformation. 6 Bd / Hrsg. Von P Jachimsen. Leipzig, 1926.*
- 2) *Lutz H. Reformation und Gegenreformation. – München.: R.Oldenbourg Verlag, 2002.*
- 3) *Bosbach F. Monarchia Universalis. Ein politischer Leitbegriff der frühen Neuzeit. – Göttingen.: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997.*
- 4) *Schlegelmilch A. Lebenswelt Die Jugendjahre Karls V und Erziehung des bur-*

gundischen Prinzen. – Köln, Weimar.: Böhlau Verlag, 2011.

5) *Шидлинг А. Циглер В. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. – Ростов-На-Дону.: Феникс, 1997.*

6) *Espinosa A. The Empire of the Cities. Emperor Charles V, the Comunero Revolt, and Transformation of the Spanish System. – Leiden, Boston.: Brill, 2009.*

7) *Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555 – 1648. – СПб.: Издательство Петербургского Университета, 2008*

8) *Испанская монархия в последней трети XV - начале XVI века: Учеб. пособие / Н. П. Денисенко; Иваново.: Иван. гос. ун-т. 1991.*

9) *Elliot J. Spain and it's World 1500 – 1700. – Yale University Press, 1990.*

10) *Кеймен Г. Испания. Дорога к империи. - М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2007.*

УДК.94(47).041.

В.А. Андреева (СПбГУ)

Судебные исполнители в Московской Руси конца XV – первой половины XVI в.: историография проблемы

Исследование вопроса об институте судебных исполнителей в конце XV – первой половине XVI в. позволяет лучше понять деятельность Московского государства в сфере обеспечения правопорядка.

В аппарате судебных исполнителей важную роль играли недельщики, праветчики, доводчики, приставы. О них в отечественной историографии почти двести лет ведутся дискуссии.

Вопрос организации института судебных исполнителей конца XV – первой половины XVI в. интересовал еще историков XIX в. Так, П. Чеглоков не различал их функций [1, С. 51]. Ф.М. Дмитриев считал доводчиков и приставов разными судебными агентами [2, С. 35-36]. Ф. Высоцкий усмотрел в функциях доводчика «олицетворение всей тогдашней исполнительной власти» [3, С. 39]. И. Е. Андреевский акцентировал внимание на приставах, их главной обязанностью считал вызов ответчика в суд [4, С. 103]. М.М. Михайлов писал о статусе и функциях недельщиков. По его мнению, недельщики подчинялись центральному суду [5, С. 289]. И.Д. Беляева интересовали праветчики. Историк писал, о том, что при взысканиях штрафов эти судебные агенты брали виновных на поруки, а тех «кто не мог представить ни денег, ни поручителей, держали под арестом и [...] приводили к судейскому дому для правежа посредством битья палками по пяткам и икрам» [6, С. 443]. В.И. Сергеевич приписывал приставу обязанность «докладывать ответчику срок о явке на суд, отдавать его на поруки» [7, С. 970]. Н.И. Ланге отметил, что в XV – первой половине XVI в. при судьях состояли особые приставы (доводчики, праветчики, земские приставы и недельщики), но за каждой должностью были закреплены четко обозначенные функции [8, С. 12]. Ученый первым среди исследователей XIX в. указал на существование института дан-

ных приставов [8, С. 42]. П.И. Числов считал тиунов, праветчиков и доводчиков помощниками наместников и волостелей [9, С. 271].

Дореволюционные ученые, как правило, исследовали русское средневековое право, систему судоустройства и судопроизводства в Московском государстве вне зависимости от эволюции общественных отношений в XV–XVI вв. Поэтому институт судебных агентов предстает у них статичным учреждением великокняжеской власти, функционировавшим в ее интересах. Некоторые ученые пытались выяснить значение терминов «пристав», «доводчик», «праветчик», «недельщик», однако большинство историков, писавших о судебных исполнителях, к этимологическим словарям и справочникам не обращались. Это приводило их к логическому, на наш взгляд, выводу о тождестве обязанностей приставов, праветчиков, доводчиков. (Например, так считали П.Чеглоков, Ф. Высоцкий и Н.Л. Дювернуа [1, С. 50-55; 3, С. 39; 10, С. 350-352;]).

Историки XX в. продолжали исследование этой проблемы. М.В. Шахматов впервые писал о судебных исполнителях не в рамках общего курса по истории русского права. Он исследовал их статус и функции в качестве самостоятельной научной проблемы [11].

Л.В. Черепнин, А.Г. Поляк, А.А. Зимин и Ю.Г. Алексеев – приверженцы марксистского подхода к исследованию русского средневекового общества и права. Поэтому Л.В. Черепнин называл недельщиков «агентами феодальных судебных органов», которые играли большую роль в охране интересов господствующего класса [12, С. 50]. Аналогично о низших судебных агентах писали А.Г. Поляк и А.А. Зимин [13, С. 388; 14, С. 122-124]. У Ю.Г. Алексеева недельщик – это судебный пристав, вызывавший стороны на суд к установленному сроку по указанию судьи [15, С. 294; 16, С. 3].

На должности низших судебных исполнителей также обратили внимание В.И. Власов, Н.Ф. Гончаров и Т.И. Пашкова. По мнению В.И. Власова и Н.Ф. Гончарова праветчики назывались так, потому что «правили деньги по кабалам по судебным решениям» [17, С. 19]. Т.И. Пашкова отождествляет функции низших судебных исполнителей [18, С. 50-53].

И.Б. Михайлова при исследовании вопроса о функциях служилых людей Северо-Восточной Руси в XV – первой половине XVI в., особое внимание уделяет их государственной деятельности. Она не соглашается с точкой зрения Т.И. Пашковой о смене дворян приставами, доводчиками и праветчиками и пишет о «развитии судебно-административного аппарата, о специализации входивших в него дворян, которые теперь подразделялись на приставов, доводчиков и праветчиков» [19, С. 470]. И полагает, что приставы совмещали военную службу с исполнением функций судебного агента в то время, когда «трудная и опасная правоохранительная деятельность была их (недельщиков. – В.А.) единственной обязанностью» [19, С. 498].

Исследователи XIX–XX вв. вопрос о судоустройстве и судопроизводстве в Московском государстве конца XV – первой половины XVI в. решали по-разному, в зависимости от их общеконцептуальных представлений о развитии Сред-

невековой Руси. Несмотря на это, их наблюдения и выводы создали почву для проведения дальнейших исследований этой проблемы, которую необходимо решать, применяя метод комплексного изучения источников, с учетом новейших достижений исторической науки.

Литература:

- 1) Чеглоков П. *Об органах судебной власти в России от основания государства до вступления на престол Алексея Михайловича*. Казань, 1855.
- 2) Дмитриев Ф. *История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях*. М., 1859.
- 3) Высоцкий Ф. *Уставные, судные и губные грамоты, сохранившиеся от древнего периода России до Соборного Уложения царя Алексея Михайловича*. СПб., 1860.
- 4) Андреевский И. *История русского права. Лекции читанные в 1863/4 академическом году* СПб., 1864.
- 5) Михайлов М.М. *История русского права*. СПб., 1871.
- 6) Беляев И.Д. *Лекции по истории русского законодательства*. М., 1879.
- 7) Сергеевич В.И. *Лекции и исследования по истории русского права*. СПб., 1883.
- 8) Ланге Н. *Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и первой половины XVII вв.)* СПб., 1884.
- 9) Числов П.И. *Курс истории русского права*. М., 1914.
- 10) Дювернуа Н. *Источники права и суд в Древней Руси. Опыт по истории русского гражданского права*. М., 1869.
- 11) Шахматов М.В. *Исполнительная власть в Московской Руси*. М., 2009.
- 12) Черепнин Л.В. *Комментарий к Судебнику 1497 г. // Судебники XV-XVI вв./ Под. ред. Б.Д. Грекова. М., Л., 1952 С. 37-108.*
- 13) Поляк А.Г. *Судебник 1497 г.: историко-правовой обзор // Памятники русского права/ Под. ред. Л.В. Черепнина*. М., 1955. Вып. 3. С. 375-413.
- 14) Зимин А.А. *Россия на рубеже XV-XVI столетий: очерки социально политической истории*. М., 1982.
- 15) Алексеев Ю.Г. *Судебник Ивана III. Традиция и реформа*. СПб., 2001.
- 16) Алексеев Ю.Г. *Статьи о недельщиках. Реформа центрального судебно-полицейского аппарата при Иване III // Вестник СПбГУ 1999 Сер. 2 Вып. 1. С. 2-12.*
- 17) Власов В.И., Гончаров И.Ф. *Организация розыска на преступников в России в IX-XX веках. Историко-правовое исследование. Домодедово., 1997.*
- 18) Пашкова Т.И. *Местное управление единого русского государства и Судебник 1497 г. // Клио 1998 №2(5). С. 50-53.*
- 19) Михайлова И.Б. *Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV- первой половине XVI века*. СПб., 2003.

Развитие теории перевода в Германии и России в XV–XVII веках

И в России, и в Германии перевод как явление существует со времени появления первых письменных источников. Однако далеко не сразу перевод начинает осмысляться теоретически.

В Германии проблемы перевода приобретают особенное идеологическое значение с 30-х гг. XV века. Интерес к переводческой проблематике возникает по двум причинам: в связи с ренессансными тенденциями, а также в связи с вопросом о переводе Библии. Уже тогда ставится вопрос о языке переводных произведений. Пиетет по отношению к латыни приводит к калькированию синтаксических особенностей оригинала и изобилию заимствованной лексики в переводе. Сторонниками такого подхода были, среди прочих, Никлас фон Виле [1, S. 3-6] и Иоганн Рейхлин, крупнейший представитель гуманистической филологии [2, S. 789-790]. Но у такого подхода были и противники. Так, переводчик комедий Плавта Альбрехт фон Эйб считал, что оригинал надо передавать не слово словом, а «смысл смыслом». Он стремился приблизить речь персонажей к общенному немецкому языку, вводя в текст поговорки, пословицы, бытовую лексику и даже заменяя латинские имена немецкими [3, S. 448].

Таким образом, была подготовлена почва для переломного момента в истории перевода – Лютеровского перевода Библии. Вопрос о переводе Библии был самым важным для всего XVI века. Можно сказать, что движение Реформации началось с опубликования М. Лютером «Письма о переводе». Лютер перевел Библию на немецкий, стремясь сделать священные тексты доступными. Отсюда следует его концепция перевода: перевод на понятный язык.

До Лютера уже были переводы Библии на немецкий язык (четырнадцать верхненемецких и четыре нижненемецких полных перевода Библии, а также немецкие версии отдельных библейских книг), однако они были буквалистскими, так как считалось, что даже расположение слов есть тайна, и в то же время неточными, так как источником служила Вульгата. Кроме того, методы переводов никак не анализировались и не теоретизировались.

Лютер переводил с оригинала: Ветхий Завет – с древнееврейского, а Новый – с греческого, учитывая при этом комментарии Эразма Роттердамского. Эразм сам сделал новый латинский перевод Нового Завета и, критикуя ошибки Вульгаты, участвовал в характерных для того времени спорах о переводе.

Любопытно, что церковь запретила переводы на немецкий, мотивируя это неспособностью немецкого достаточно ясно передать содержание латинских оригиналов. Своим переводом Лютер создал литературную норму немецкого языка.

В XVI веке параллельно с переводом Библии развивается линия, начатая Альбрехтом фон Эйбом: линия «немечивания» оригинала. Если такой подход был применен даже к произведениям на классических языках, к которым гума-

нисты испытывали особенное уважение, то сознательные вольности были тем более возможны к тексту, написанному «новым» автором на народном языке. Так и подошел в середине XVI века к роману Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» видный немецкий сатирик и переводчик Иоганн Фишарт. Он частично переработал сюжет, придав ему немецкий колорит [4, S. 52-79].

В Россию в конце XV – начале XVI веков только проникает западная ученость и в том числе идея о том, что язык не един с действительностью. Во многом в связи с этим господствует «грамматическая» концепция перевода Максима Грека (который перевел на русский язык в числе прочего Псалтырь): перенос греческих грамматических структур на русский язык, то есть как раз то, что не устраивало Лютера в ранних немецких переводах. Переводной язык в России остается неясным вплоть до петровской эпохи, хотя уже в XVII веке во многом как раз за счет переводов происходит специализация литературы, появляется переводная беллетристика, переводные ученые трактаты, развлекательная литература, литература практической направленности.

В Германии в первой трети XVII века получает развитие лютеровская идея «улучшения» языка с помощью переводов. Так, один из основоположников немецкого классицизма Мартин Опиц указывал на важность переводов с древних языков, поскольку благодаря им через калькированные обороты немецким усваивается изящество древних языков [5, С. 238-239]. Но со второй половины XVII века в Германии начинает проявляться особый интерес к проблемам перевода. Во многом это связано с тем, что в течение многих лет переводы произведений европейской литературы на немецкий делались через французский (а французы позволяли себе по отношению к оригиналу большие вольности). Важной становится проблема совмещения верности «духу» и «букве», заложенная еще в XV в. Теперь теоретики перевода говорят о совмещении этих двух принципов, хотя обычно делают акцент на каком-то одном.

Таким образом, в Германии уже с XV в. возникают два конкурирующих подхода к переводу и появляются попытки теоретического осмысления методов перевода, которые позднее (в XVI-XVII вв.) вырастают в полноценную научную дискуссию. В России же перевод играет важнейшую практическую роль, со временем охватывая новые литературные жанры; увеличивается число переводимых книг, однако вплоть до петровской эпохи господствует лишь один метод перевода, так называемый «перевод слова словом», почти не стремящийся к гладкости звучания текста на русском языке.

Литература:

- 1) Wyle, Niclas von, Keller, Adelbert von. *Translationen von Niclas von Wyle herausgegeben durch Adelbert von Keller. Stuttgart: Hildesheim, G. Olms, 1861. S 3-6.*
- 2) Geiger, Ludwig. *Reuchlin, Johannes. In: Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 28. Leipzig: Duncker & Humblot, 1889, S. 789–790*
- 3) Siegfried Hänle. *Eyb, Albrecht von. In: Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 6. Leipzig: Duncker & Humblot, 1877. S. 447–449.*

4) Hugo Sommerhalder. *Die Geschichtsklitterung*. In: *Johann Fischarts Werk. Eine Einführung (Quellen und Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der germanischen Völker/N.F.; Bd. 4)*. Berlin: De Gruyter, 1960. S. 52–79

5) Пуришев Б. И. *История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983-1994. С. 238-239.*

УДК 929 (44)»1584/1640»

Е.А. Пронина (СПбГУ)

Андре Дюшен, забытый отец французской истории: неизвестные факты жизненного пути

Андре Дюшен (1584–1640) – незаслуженно мало известный в мировом научном сообществе французский историописатель первой половины XVII в. Названный потомками «отцом французской истории», он внес значительный вклад в развитие французского историописания, а также в культурные и политические процессы, протекавшие во Франции той эпохи, но его наследие остается практически неизученным. Анализ его разнообразных по тематике трудов демонстрирует, что при их написании А. Дюшен сознательно выполнял заказы власти [1, 2].

При этом масштаб его наследия и того влияния, которое оно оказывало на современников, несопоставим со скудностью сведений о его жизни, дошедших до наших дней. Но происхождение и положение любого ученого, особенно в эпоху раннего Нового времени, неизбежно оказывает влияние на его творчество, и знание обстоятельств жизни А. Дюшена позволяет привнести дополнительные нюансы в анализ его наследия.

Андре Дюшен происходил из дворянского рода и был младшим из четырех сыновей Таннеги Дюшена, сеньора Созоньера [3, Р. 242]. С юности связав свою жизнь с историческими и географическими исследованиями, после курса грамматики и риторики в Лудене он изучал философию в Париже, в знаменитом коллеже Бонкур [4, Р. 55], где в тот момент преподавал известный эрудит Ю.-Ц. Буланжэ.

Со временем А. Дюшен занял должность королевского географа и историографа, стал близок ко двору и вхож в самые высокие круги. В краткой заметке приора монастыря Сен-Виктор Жана Тулузского о гибели А. Дюшена, снабженной отрывочными сведениями о его жизни, сообщается, что Дюшен обсуждал свои труды с кардиналом Ришелье и по меньшей мере однажды был приглашен к королю Людовику XIII для беседы о генеалогии герцога Монморанси [6, Р. 60].

О семье Андре Дюшена сохранилось мало сведений. Принято считать, что одну из ранних работ он посвятил своей будущей жене [5, Р. 1330 – 1331], однако имя его супруги остается невыясненным. Они поженились в 1608 г., а в 1619 г. родился их единственный ребенок, о котором нам известно. Франсуа

Дюшен (1619 – 1693) [6] пошел по стопам отца и впоследствии также стал королевским историографом, хотя его наследие несравнимо по объему с наследием Дюшена-старшего.

Отец и сын Дюшены, подобно другим французским интеллектуалам того времени, посещали парижское научное общество «Кабинет Дюпюи» [7, Р. 10 – 11], основанное братьями Дюпюи, родственниками известного эрудита Ж.-О. де Ту. Известно также, что научное сотрудничество связывало А. Дюшена с самим де Ту, и он пользовался его библиотекой [8, F. ã ij verso].

Что же касается финансового положения А. Дюшена, то, по всей видимости, доход ему приносила лишь его профессиональная деятельность. Однако, несмотря на незначительность и нестабильность выплат полагавшейся ему государственной пенсии, он мог содержать не только квартиру на улице Де-Порт, но и загородный дом под Парижем [6, Р. 60]. Тот же источник свидетельствует о том, что он получал вознаграждения и финансовую поддержку и от частных лиц.

Андре Дюшен погиб в возрасте пятидесяти шести лет. Многие его труды остались незавершенными. Часть из них была закончена и издана его сыном, но до сих пор огромный массив его трудов хранится в рукописях во Французской национальной библиотеке. Своего исследователя ждет и его обширная переписка, анализ которой позволит полнее характеризовать сферу его научных интересов, мотивы, которыми он руководствовался при выборе тематики своих трудов, а также судить о его связях в рамках европейского сообщества интеллектуалов.

Литература:

1) Пронина Е. А. *История на службе у короля и кардинала: отец и сын Дюшены // Клио. № 2 (53). 2011. С. 39 – 43.*

2) Пронина Е. А. *Пером о ипаге: генеалогии французского и фламандского дворянства Андре Дюшена // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2011. Вып. 2. С. 111–117.*

3) Chesne, Andrew Du // *The General Biographical Dictionary Containing an historical and critical account of the lives and writings of the most eminent persons in every nation; particularly the British and Irish; from the earliest accounts to the present time / Revised and enlarged by Alexander Chalmers, F. S. A. London, 1812 – 1817. Vol. IX, 1812. P. 242.*

4) Cazelles R. *Pierre de Becoud et la fondation du collège de Boncourt // Bibliothèque de l'école des chartes. 1962. T. 120. P. 55 – 103.*

5) Duchesne (André) // *Larousse. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle français, historique, géographique, mythologique, bibliographique, littéraire, artistique, scientifique, etc., etc. Paris: Administration du grand dictionnaire universel, 1865. Vol. VI. P. 1330–1331.*

6) Jean de Toulouze. *Sur la mort d'André Du Chesne // Manuscrit français de la Bibliothèque nationale 24080, fol. 661 – sur la mort d'André Du Chesne, p. 661. Опубликовано: Samaran Ch. Sur la mort d'André Du Chesne // Bibliothèque de l'école des chartes. 1979. T. 137. P. 59 – 60.*

7) Brown H. *Scientific Organizations in Seventeenth Century France (1620 – 1680)*. New-York: Russell & Russell, 1967.

8) Du Chesne A. *Histoire genealogique des Maisons de Gvines, d'Ardres, de Gand, et de Covcy, et de quelques autres familles illustres, qui y ont esté alliées, le tout ivstifié par Chartes de diuverses Eglises ; Tiltres, Histoires anciennes, & autres bonnes Preuves, par André dv Chesne Tovrangeau, Geographe du Roy. Paris : Chez Sebastien Cramoisy, 1631.*

УДК: 930 (47). 084.9
К.В. Лихоманов (СГУ)

Общинная теория в свете научного наследия А. Я. Гуревича

А.Я. Гуревич является представителем московской аграрной школы, учеником Е.А. Косминского и А.И. Неусыхина. Он отличался широким спектром научных интересов, и одной из частей его наследия являются работы по социальной истории раннесредневековой Европы. Гуревич в ходе своих исследований постепенно вывел совершенно новую для отечественной исторической науки концепцию возникновения и эволюции средневековой общины.

В одной из своих первых монографий по истории Скандинавии («Свободное крестьянство феодальной Норвегии» [1]) Гуревич на примере этого архаичного варварского общества указывает на отсутствие общины-марки как таковой. Для Норвегии характерна, как он считает, не соседская община-марка средневековья, во главе угла он ставит «земледельческую» общину большой семьи, усадьбы. Таким образом, Гуревич выводит понятие «дворовой общины». В Норвегии, считает Арон Яковлевич, вопросы пользования угодьями, которые играли большую роль в жизни общества, решал узкий круг собственников. Фактически, такие «общинные отношения» могли не выходить за границы отдельного хутора или деревни. Учёный далёк от того, чтобы отделять общину от одаля, норвежского типа аллода, наоборот, он считает общину его характерной частью [2].

Работа со скандинавским материалом, Гуревич постепенно пришёл к выводу, что схожие отношения характерны не только для архаичной Скандинавии, но и для всей дофеодальной Европы. Уже создавая в конце 60-х свою работу «Генезис феодализма в Западной Европе» [3], он поставил под сомнение тезис Энгельса о господствовавшей повсеместно в средневековой Европе общине-марке. Так, он отмечает, что община, бытовавшая в древней Германии, представляла из себя крайне аморфное образование, контролирующее пользование угодьями, защиты, поддержания порядка и отправления культа. Автор делает осторожное предположение, что община как организующий элемент хозяйства мог возникнуть во времена великой европейской колонизации. Однако Арон Яковлевич не видит достаточных оснований настаивать на этом.

В другой своей монографии, «Норвежское общество в раннее средневековье» (1977) Гуревич изучает ранний период становления архаичного общества Норве-

гии, и касается понятия общины, ставя её в более широкий контекст социальной истории. Историк отмечает, что община является только одной из многочисленных форм объединения бондов. Историк выявил ряд институтов, регулирующих ту или иную сторону общественной жизни норвежцев. Он выделяет объединения, которые регулировали пользование пастбищем и лесом между отдельными хозяйствами. В принципе, Гуревич не отрицает наличие подобных отношений и в обработке земли, сообщая, что теоретически отдельные хозяйства могли совместно обрабатывать новые непаханные участки [4]. Исследуя древненорвежский общинный строй, Гуревич прежде всего выводит его специфические отличия от континентальных форм, отмечает отсутствие деревни и огромную роль скотоводства с одной стороны, и трудность земледелия – с другой.

Более подробно по поводу общины Гуревич высказался в другой своей работе, написанной для коллективной монографии «История крестьянства» - «Аграрный строй варваров» (1985). Рассматривая более подробно хозяйственный строй древних германцев, историк не мог не коснуться и проблемы общины. Прежде всего стоит отметить, что Гуревич существенно расширяет диапазон используемых источников, широко используя данные археологических раскопок. Создавая свою работу, Арон Яковлевич приводит данные о том, что основной формой поселений на территории древней Германии был хутор – обособленное поселение малой семьи, используя также лингвистические данные для доказательства этого тезиса. По данным раскопок также можно установить, что древние германцы веками могли жить на одном месте, ведя целиком осёдлое сельское хозяйство [5].

Отсюда следует вывод – организующие структуры типа общины-марки для поселений подобного типа вовсе необязательны. Гуревич, однако, не отрицает общинных распорядков – он просто считает, что они несли в себе другие функции. Историк склонен говорить об общине, регулирующей распоряжение угодьями, но не находит оснований для гипотезы о верховной собственности общины на землю. Община, по его мнению, была объединением соседей, отдельно владеющих пахотными наделами.

Опираясь на эти выводы, Гуревич не склонен видеть общину и в более позднее время, в эпоху господства Меровингов и Салического закона. Историк, основываясь на тезисах о господстве хуторского малосемейного хозяйства и рыхлости общинных отношений, опровергает основные доказательства марковой теории.

Более проблематикой общины Гуревич вплотную не занимался, но в 1995 г. он опубликовал статью «Историческая наука и научное мифотворчество», в которой подвёл черту под всеми своими работами по этому вопросу. По версии Гуревича, община отнюдь не была перенесена с территории Германии в ходе Великого Переселения – наоборот, архаичные формы общины и родовых связей рухнули в его ходе. В дальнейшем же корпоративные отношения в сельской среде укреплялись, и, таким образом, община в эпоху средневековья не разлагалась, а наоборот, укреплялась [6].

Отсюда можно проследить совершенно иной взгляд на образование общины и её место в жизни человека средневековья. С точки зрения Гуревича, складывание

общины – часть универсального исторического процесса в истории средневековой Европы – процесса объединения людей в корпорации, характерной и для города, и для деревни. Эволюция индивидуальных поселений в сельскохозяйственную общину происходило естественным путём – в ходе колонизации.

Как нам удалось показать, эволюция взглядов Арона Яковлевича на общину являлась не результатом влияния школы «Анналов» на его работы, она складывалась в ходе кропотливой работы над проблемами крестьянского общества в Средневековье. Не в последнюю очередь это было результатом исследований хозяйственного строя скандинавского крестьянства, и именно это, по нашему мнению, являлось определяющим в формировании взглядов Гуревича на общину.

Литература:

- 1) Гуревич А. Я. *Свободное крестьянство феодальной Норвегии // Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб.: 2006.*
- 2) Гуревич А. Я. *Англосаксонский фольклор и древнорвежский одал: опыт сравнительной характеристики дофеодальных форм землевладения. // Средние века. Вып. 30. М. 1967.*
- 3) Гуревич А. Я. *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М. 1970.*
- 4) Гуревич А. Я. *Норвежское общество в раннее Средневековье. // Избранные труды. Норвежское общество. М. 2009.*
- 5) Гуревич А. Я. *Древние германцы. // Избранные труды. Т. I. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.*
- 6) Гуревич А. Я. *Историческая наука и научное мифотворчество. // История – нескончаемый спор. М. 2006.*

УДК: 930.23

Бочкарева Л. О. (СамГУ)

Антикосмополитическая компания 1949 г. в Московском и Ленинградском университетах

Во второй половине 40-х годов начались кампании по борьбе с космополитизмом и воспитанию советского патриотизма. Все больше людей стало непосредственно получать правдивую информацию о жизни за границей, о западных ценностях. У советских граждан появилась возможность сравнивать. Нужно было противопоставить идее сближения с Западом свою глобальную идею и на её основе сплотить колеблющиеся массы. Такой идеей стала национально-патриотическая.

Идеи космополитизма – идеи широкого международного общения и мирового правопорядка – в изложении советской пропаганды превратились в оружие экспансии капитализма и американского империализма, прямо угрожающее самому существованию советского государства. Идея расширилась до нелепости – космополитами стали называть людей, изучающих и просто интересующихся за-

падной политикой, историей и культурой. Кампания по борьбе с космополитизмом проводилась повсеместно и широко, и коснулась она также исторической науки, и прежде всего медиевистику.

Основным источником по Московской школе стала «Стенограмма объединенного заседания сектора истории Средних веков Института истории АН СССР совместно с кафедрой истории Средних веков истфака МГУ 23 марта 1949 года», которая была опубликована в альманахе «Одиссей» в 2007 году [1]. На этом заседании основной проблемой являлся вопрос о космополитизме и его проникновении в историческую науку. Вступительное слово было предоставлено Н.А. Сидоровой.

Главными «космополитами» московской школы медиевистов стали Е.А. Косминский, Б.Т. Горянов, М.В. Левченко, Ф.А. Коган-Бернштейн, В.М. Лавровский, но больше всех досталось А.И. Неусыхину, которого мы знаем как создателя целой концепции «генезиса феодализма». Его обвиняли в том, что он в 1929 году выпустил свою книгу «Общественный строй древних германцев», которая была написана под влиянием теории А. Допша. По мнению Сидоровой преклонение перед Западом у Неусыхина проявлялось в отсутствии критики буржуазной историографии, немецкой школы в его статьях, и в статьях его учеников.

Но не только одна Н.А. критиковала Неусыхина. На этом заседании выступил любимый аспирант Александра Иосифовича, В.В. Дорошенко, который так же указывал Неусыхину на его недостатки.

Ответное слово Александра Иосифовича было очень кратким. Он сказал, что сам считает свою книгу 1929 г. неправильной и устаревшей. Что касается выступления Дорошенко, то он заметил, что он считает Дорошенко способным учеником и полностью доволен его диссертацией. После выступления Неусыхина часть зала, где сидели студенты и аспиранты, заплодировала.

Следует отметить, что обвинения коснулись и других членов кафедры. Е.А. Косминского, Б.Т. Горянова, В.М. Лавровского.

Таким образом, после всех этих проработок и докладов кафедра оказалась в тяжелой ситуации. По ней был, нанесен удар, как в научном, так и в человеческом смысле.

Ленинградская кафедра – старейшая кафедра, которая, подобно московской, стояла у истоков отечественной медиевистики, по праву делила с ней ведущее место в развитии науки и подготовке кадров.

Основным источником по Ленинградской школе является стенограмма теоретической конференции исторического факультета ЛГУ, посвященной борьбе с космополитизмом в исторической науке, которая находится в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга [2]. Этот машинописный документ содержит 169 листов с выступлениями преподавателей и аспирантов исторического факультета ЛГУ.

Конференция длилась два дня, 4-5 апреля 1949 года, и основной огонь всей компании был направлен на преподавателей зарубежной истории.

В первый день конференции слово было предоставлено профессору О.Л. Вайнштейну. Свое выступление он начал с теоретической части. В ней он как историк объяснял причины возникновения космополитизма, далее он перешел к критике советской исторической науки. После к собственной критике. Начал с критики 9 главы книги «Историография Средних веков», в ней он критиковал по большей части частные моменты, но в итоге пришел к выводу, что эта глава порочна полностью.

Во второй день конференции с трибуны теоретической конференции преподавателем кафедры истории СССР В.И. Легким была произнесена речь. Он мотивировал свое появление на трибуне тем, что Осип Львович накануне так и не подверг свою последнюю книгу должной критике.

Но по всем признакам речь Легкого не была импровизацией. Похоже, Владимир Игнатьевич выполнял заранее полученное партийное поручение. Пропитанная демагогией речь В.И. Легкого кончалась выводом о том, что книга О.Л. Вайнштейна рассчитана на широкий круг советских читателей, а ссылками в книге может воспользоваться узкий специалист.

Так же в этот день выступал еще один медиевист, профессор М.В. Гуковский, который посвятил выступление своей узкой специальности, вопросам изучения Возрождения и тем ошибкам, которые в этом вопросе имеются в советской научной литературе. Его доклад был образным и ярким, насыщен космополитской лексикой. Критиковал советских ученых занимающихся эпохой Возрождения, А.К. Дживелегова и П.П. Фридолина, за «эпигонски – буржуазный и космополитически – реакционный характер» трактовок вопроса о восстании Чомпи [2, с. 130].

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, нам становится ясна картина, сложившаяся вокруг советской медиевистики. Это было действительно трудное время для тех ученых, которым ради выживания, в прямом смысле, приходилось обвинять самих себя и своих коллег в «антинаучности». Из-за политических мотивов им приходилось признавать свои «ошибки», которых они зачастую не совершали. Политика антикосмополитизма заставила ученых рассматривать некоторые проблемы исторической науки только с точки зрения марксистской методологии, а также отказаться от ряда серьезных исследований по идеологическим причинам. Однако даже это не помешало историкам создавать фундаментальные исследования, которые на сегодняшний день находят широкое применение.

Литература:

1) *Стенограмма объединенного заседания сектора истории Средних веков Института истории АН СССР совместно с кафедрой истории Средних веков истфака МГУ. // Одиссей. М., 2007. стр. 250 – 340.*

2) *Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 984. Оп. 3. Д. 99.*

Религиозная жизнь Константинополя в Хронике Марцеллина Комита

Константинополь – величественный город, неприступная крепость, святая столица огромной империи. Многие известные историки описывали его в своих трудах. Не мог не осветить эту тему и Марцеллин Комит, работавший здесь, в столице. Это одна из наименее известных фигур среди авторов эпохи поздней античности [1; 2, С. 5]. Известно, что он пребывал в должности канцелярия императора Юстиниана I до 527 г. [2, С. 6], когда и писал свою работу, а затем стал сенатором. Таким образом, его образование и компетентность позволяют нам опираться на его Хронику как на ценный и достаточно точный источник.

Константинополь занимает особое место в Хронике. Столичный град является одним из главнейших мотивов в этом труде [2, С. 6]. Он настолько вдохновлял автора, что Марцеллин написал еще и особую книгу по топографии Нового Рима, но, к сожалению, до наших дней она не дошла.

«Предок» Нового Рима – Византий – был основан в 658 г. до н.э. колонистами из Мегарна западном берегу пролива Босфор Фракийский. В конце II в. н. э. город потерял свой блеск [3, С. 11]. Новую жизнь городу дал Константин в 330 г., сделав его столицей Империи. Именно с III в. ведет свое описание «Нового Рима» Марцеллин Комит.

В Хронике столица Византийской империи показана комплексно: как политический, религиозный и культурный центр. Однако свое внимание мы остановим на религиозной жизни Константинополя.

Хроника начинается с 379 г. И уже вскоре первое упоминание города в Хронике дается под 381 г. о Константинопольском соборе: «После того, как 150 святых отцов собрались в столичном городе...».

Легко увидеть большой интерес хрониста к религиозному состоянию империи в целом и столицы, в частности: информация о религиозной жизни в империи имеется в 67 случаях; некоторые упоминания полностью посвящены данной тематике.

Что касается конфессиональной жизни Константинополя, то ее автор касается в 41 месте.

Упоминания такого рода в Хронике можно разделить на несколько групп:

1. Церковные постройки.
2. Религиозные споры, включая Вселенские соборы.
3. Религиозные деятели (монахи, епископы, патриархи и правители, уделявшие особое внимание этой сфере) и их труды.

Самая малочисленная группа – это возведение, разрушение или освящение церковных построек (5 упоминаний). Так, мы имеем информацию о храме Блаженной Анастасии (380), восстановлении после пожара «Великой церкви» (415, 1), освящении терм Феодосия (427, 2). Примечательно и то, что немногие факты церковного строительства, по сути дела, поданы Хроникой в той манере, что и факты строительства типично светского – цирки, портики и т.д. Возможно, так отражен Марцеллином позднеантичный, становящийся христианским, полисный патриотизм, который выразился в возрастании жертвований на церковные сооружения, но всё же был направлен, как отмечают Г.Л. Курбатов и Г.Е. Лебедева [5, С. 68], на прославление города.

К группе «Религиозные деятели и их труды» можно отнести 17 упоминаний. Здесь стоит отметить, что деятельность епископов была часто связана с государственными запросами, религиозные труды переплетались с идеологией государства. Например: «Аттик, патриарх Константинополя, написал царственным дочерям императора прекрасную книгу «О вере и девственности»...» (416, 2). Статьи о епископах всей империи часто носят лапидарный характер, автор не вдаётся в подробные описания. Но вот константинопольскому епископату уделено больше внимания. Имеется много упоминаний об Иоанне Златоусте (398.3; 403.3; 438.2) и Несторе (418.1–2; 430.3). Также есть много упоминаний о правителях, так или иначе, оставивших свой след в этой сфере, будь то Феодосий Великий, оградивший константинопольцев от арианской ереси (379, 1), или Анастасий, устроивший расправу над ортодоксальными епископами провинций (512, 2).

Третья, самая многочисленная группа, касается религиозных споров (22 упоминания). Ее можно условно поделить на несколько циклов:

1. Конфессиональные конфликты Анастасия с патриархами Евфимием (494, 1); 495) и Македониюм (511) [4, 51], расправы Анастасия с епископами провинций (Флавию Антиохийским и Дорофеем Анкирским) (513) [4, С. 51].
2. Вселенские соборы (381,1; 449,2).
3. Другие разногласия по поводу толкования догм христианства между частными лицами в отдельных трудах.

На фоне очень кратких справок о деятельности епископов и патриархов, очень яркими кажутся подробные описания конфликтов Анастасия с различными группами духовенства. По эмоциональным оттенкам можно говорить о негативном отношении хрониста к этому императору. Вселенские же соборы не очень интересуют автора, так как подаются в форме констатации факта и краткого описания.

Учитывая количество сообщений в Хронике, носящих конфессиональный характер, можно говорить о достаточно высокой значимости религиозной жизни столицы для хрониста. Для Марцеллина Константинополь – августейший, царственный, священный город [4, 48 – 52].

Литература:

- 1) Treadgold W. *The early Byzantine Historians*. London, 2010. P. 227-235.
- 2) Болгов Н.Н. Введение // Марцеллин Комит. Хроника. Белгород: 2010. С. 5 – 14.
- 3) Дашков С.В. *Императоры Византии*. М., 1996.
- 4) Козлов А.С. *Комит Марцеллин о позднеантичном городе* // *Античная древность и средние века (АДСВ)*. 26. Екатеринбург, 1992. С. 46-55.
- 5) Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. *Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму* // *Город и государство в древних обществах*. Л., 1982. С. 56-77.
- 6) Марцеллин Комит. *Хроника*. Белгород, 2010.

УДК: 265.8 (44)“06”

Д.М. Омельченко (СПбИВЭСЭП)

Образ епископа-чудотворца в «Житии» Цезария Арелатского

Как свойственно произведениям агиографического жанра, «Житие» Арелатского епископа Цезария (503 – 542 гг.) содержит в себе немало упоминаний о чудесах, сотворённых святым или его реликвиями. Необычность ситуации в том, что «Житие» написали ученики епископа вскоре после его смерти. Хотя бы отчасти, они отразили отношение самого епископа к сфере чудесного, что позволяет сделать несколько важных выводов о его стиле пастырства.

Авторы описывают тридцать три чудесных события: шестнадцать чудес совершено самим Цезарием, одно чудо – при посредничестве другого епископа и шестнадцать – с помощью реликвий Цезария. Анализируя образ Цезария-чудотворца, важно иметь в виду общие предпосылки его построения в агиографическом дискурсе Поздней Античности. Архетипичная схема мышления, связывающая чудотворение с аскетическим образом жизни [1, С. 74], в христианском контексте трансформировалась в идею подражания посту, бескорыстию и усердию апостолов [2, С. 11–18]. В изображении агиографов Цезарий, ведущий аскетическую жизнь, всячески заботящийся о духовном возрастании своей паствы и совершающий дела милосердия, предстаёт именно таким епископом, от которого вполне естественно ожидать дара чудотворения.

Если сравнивать со знаменитым к тому времени «Житием» Мартина Турского, то семантическое поле «Жития» Цезария, описывающее чудесное, не слишком обширно: исцеление физических или психических заболеваний, предостережение природных катаклизмов, а также наказание тех, кто проявил непочтительность к «мужу апостольскому».

Чаще всего в рассказах о чудесах речь идет об исцелении от болезней. Один из примечательных случаев связан с Либерием – префектом Галлии. Чувствуя приближение смерти после боевого ранения, он попросил позвать Цезария для последней исповеди. Стоило Либерию дотронуться до одежды пришедшего

епископа, как он почувствовал исцеление [3, 10]. Дидактический эффект этого и многих подобных ему рассказов связан с представленной в нём моделью подобающего христианину поведения: в болезни и в смертный час обращаться не к чарадеям, а к служителям истинного Бога.

В историях об исцелении не всегда именно оно занимало основное внимание авторов. Показателен случай, произошедший, когда Цезарий объезжал свой диоцез в сопровождении епископа Евхерия. По пути они повстречали женщину-калеку. Цезарий предложил своему спутнику сотворить над ней крестное знамение, а затем прикоснуться к её руке. По непонятной причине Евхерий упорно не хотел делать это. После долгих препирательств, Евхерий всё же исполнил то, что от него требовал Цезарий, и женщина обрела здоровье [4, 35]. Автора здесь больше всего занимает антураж чуда: важно показать истинное смирение Цезария, его готовность уступить другому епископу возможность первыми проявить свои способности. Одновременно воспеваются монашеская добродетель послушания.

Ещё одна категория чудес – предотвращение природных бедствий. Интерес представляет укрощение пожара, совершённое по молитве Цезария в Бурдигале, куда он был сослан королем по ложному обвинению [4, 18]. Примечательно, что горожане обратились за помощью не к местному епископу, а к Цезарию – недавно посвящённому в сан и ещё не успевшему прославиться чудесами. В данном случае, видимо, действовал описанный выше психологический механизм восприятия святости: соблюдение условий чудотворения – речь идёт об аскезе, смирении и даже некотором оттенке бескровного мученичества от несправедного суда короля – важнее репутации чудотворца.

Особое место в создании образа Цезария-чудотворца занимали его реликвии – вещи, принадлежавшие лично ему или соприкасавшиеся с его телом. Один из характерных примеров связан с распутным врачом, совершившим прелюбодеяние на ложе, где некогда отдыхал приглашённый в гости Цезарий. После содеянного грешник стал страдать припадками, но, публично покайся, получил исцеление [4, 38]. Как видно, чудотворные способности Цезария не подавляют грешника, не вырывают его силой из греховного состояния: осознание врачом собственной вины и готовность публично исповедать её являются непременным условием его исцеления.

Если говорить об отношении самого Цезария к почитанию реликвий, то нельзя не заметить отсутствие у него особого энтузиазма в этом вопросе. Этим он отличался, например, от Ноланского епископа Павлина, который в первой трети V в. сделал могилу мученика Феликса паломническим центром, или от героев произведений Григория Турского.

В целом, образ Цезария-чудотворца лишён черт грозного судии, привлекающего Божественную силу для наказания грешников. Чудеса епископа не громоздятся глыбой, подавляющей читателей. В этом присутствует, если и не расчёт, то какая-то особая трезвость агиографов, очевидно, унаследованная от их учителя Цезария.

Особенности отношения епископа к чудесным явлениям отчасти связаны с его пастырской стратегией: вряд ли без специальных толкований широкие массы способны были провести чёткую грань между христианским чудотворением и языческой магией. Однако представляется, что в основе лежат особенности личной религиозности епископа: у нас нет свидетельств о глубоком потрясении от встречи Цезария с какой-нибудь святыней или упоминаний о святом человеке, которого он считал своим личным патроном. Все религиозные переживания епископа связаны исключительно с молитвой, размышлениями над Библией, бдениями и воздержанием. Эти элементы христианской жизни, в первую очередь, он пытался привить своей пастве, и чудеса играли в данном контексте вспомогательную роль.

Литература:

- 1) *Аверинцев С.С. Аскетизм / София-Логос. Словарь. - К., 2006. С. 73–76.*
- 2) *Brown P. The Making of Late Antiquity. L., 1978. – 135 s.*
- 3) *Vita sancti Caesarii. Liber II // Patrologiae cursus completes. Ser. Latina / Ed. J.-P. Migne. T. 67.*
- 4) *Vita sancti Caesarii. Liber I // Patrologiae cursus completes. Ser. Latina / Ed. J.-P. Migne. T. 67.*

УДК 94(411)01

Ю.М. Прогунова (Ивановский ГУ)

Контакты англосаксонской и франкской церкви в раннее средневековье (в аспекте женской темы)

Своеобразие англосаксонской церкви было определено внешними влияниями в процессе ее становления. Принято выделять две основные традиции, наложившие отпечаток на церковные обычаи в Британии: римскую и кельтскую (ирландскую) [1, С. 223; 2, С. 222]. Под кельтской традицией понимают церковные обычаи ирландских монахов, прибывавших в Британию не только для проповеди христианства, но также с целью распространения учености, которая высоко ценилась в кельтской церкви. В свою очередь римская церковная традиция связывалась не только с деятельностью папского Рима – значительную роль в реализации папской церковной политики в Британии играла франкская церковь, выполняющая функции посредничества.

Наиболее подробно история контактов англосаксов и франков в религиозной сфере отображена в «Церковной истории народа англов» англосаксонского монаха VIII века Беда Достопочтенного. Беда принадлежал к интеллектуальной элите своего времени: его широкий круг знаний сформировался благодаря великолепной библиотеке, собранной Бенедиктом Бископом – основателем монастыря, в котором жил и трудился Беда. Тем не менее, автор «Истории» придавал большое значение устной традиции и вел активную переписку со многими

церковными деятелями, собирая сведения об истории церкви в разных областях Британии [3, С. 6]. Благодаря связям с архиепископом кентским Нотельмом Беда стали доступны сохранившиеся в Кенте свидетельства о деятельности Августина и его монахов в Британии и адресованные им письма папы Григория Великого, инициатора этой церковной миссии. Обладая таким обширным фактическим материалом, Беда старался включить историю церкви своего народа в историю вселенской церкви. Одним из способов можно считать описание контактов с церковью соседних народов.

Ближайшими соседями англосаксов были франки, создавшие в Галлии свое государство еще в конце V века. Согласно «Церковной истории» уже в конце VI века правитель Кента Эдильберт заключил брак с принцессой из династии Меровингов Бертой, чтобы укрепить связи своего молодого королевства с набирающим силу соседом. Беда сообщает, что Берта привезла с собой священника Лиутарда, чтобы иметь возможность исповедовать христианство в чужой стране. Союз с христианкой не повлек за собой проникновения новой религии в кентское общество: Беда пишет, что Эдильберт после нескольких лет брака лишь «знал кое-что о христианской вере» [3, С. 29]. Тем не менее, Берта сыграла определенную роль в установлении контактов Кента с Римом: именно к ней обращается в своем письме папа Григорий Великий, благодаря за содействие, оказанное посланным им миссионерам во главе с Августином, и воодушевляя ее положить все свои силы на обращение своего мужа и его народа в христианскую веру [5, р. 123–124]. Также важно заметить, что Августин и его спутники, отправляясь в Кент в 596–597 гг., «по велению папы Григория взяли с собой переводчиков из народа франков» [3, С. 29]. В.В. Эрлихман объясняет это сохранением культурных и языковых связей между народами, ранее соседствовавшими на континенте [7, С. 251]. В дальнейшем франкские миссионеры вели самостоятельную деятельность на территории Британии.

Со временем направление миссионерской деятельности приобретает обратный вектор. Беда приводит историю двух англосаксонских аристократок, которые удалились в галльские обители, основанные франкскими монахинями, чтобы принять постриг, а затем стали аббатисами этих монастырей [3, С. 81]. Одним из самых интересных эпизодов этого рассказа является видение Эрконготы, прибывшей в галльский монастырь Бриге из Кента. Эрконгота перед своей смертью увидела во сне, как процессия людей в белом пришла в обитель, чтобы забрать «золотую номисму, привезенную из Кента» [3, С. 81]. Возможно, подобным образом Беда оформил идею символической «расплаты» Кента с франкским государством [10, С. 36]: ведь именно отсюда прибыла христианская принцесса Берта, оказывавшая помощь Августину по прибытии в Британию. Галльские обители дали приют многим аристократам, желающим принять монашеский постриг, а также помогали англосаксонским паломникам, отправляющимся в Рим, совершить свое путешествие. Подобным образом замыкается круг, связывающий англосаксонскую Британию и франкскую Галлию.

В середине VIII века связи Британии и франкских земель становятся более

тесными, в том числе, благодаря деятельности Винфрида-Бонифация, известного как «Апостол Германии». Покинув Британию, он поддерживал с ней постоянные контакты. Особое значение имеет эпистолярное наследие Винфрида-Бонифация, состоявшего в переписке со многими религиозными деятелями англосаксонских королевств, в том числе, и несколькими аббатисами. В этой переписке он выступает как духовный отец монахинь, оказывающий поддержку и наставляющий в деле управления монастырем. Одновременно он был известен на континенте как активный проповедник и основатель целого ряда монастырей во франкских землях. Поэтому не случайно, что в 732 г. он был рукоположен папой Григорием III в архиепископы.

Итак, контакты англосаксонской и франкской церковью в эпоху раннего средневековья представляются вполне плодотворными. С одной стороны, франки сыграли значимую роль в христианизации Британии, способствуя утверждению ортодоксии. С другой стороны, спустя полтора столетия англосаксы отплатили своим учителям, принеся на континент плоды своего духовного и интеллектуального развития, вошедшие в основу формирования религиозной культуры средневековья.

Литература:

- 1) Зверева В. В. *Христианизация Британии в сочинениях Беды Достопочтенного* // Средние века. Вып. 63. М., 2002.
- 2) Гвоздецкая Н.Ю. *Крещение Англии в изображении Беды Достопочтенного* // Церковно-исторический ежегодник. Вып. 2 – 3. Иваново, 2003 – 2004.
- 3) Беда Достопочтенный. *Церковная история народа англосаксов*. СПб., 2001.
- 4) *Gregorii I Papae Registrum Epistolarum, ed. Paulus Ewald and Ludovicus Hartmann*. MGN. Berlin: Weidmann, 1887-91.
- 5) Эрлихман В.В. *Комментарии* // Церковная история народа англосаксов. СПб., 2003.
- 6) Гвоздецкая Н.Ю. *Женщины в «Церковной истории народа англосаксов» Беды Достопочтенного* // *Cursor mundi. Человек античности, средневековья, Возрождения*. Вып. 1. Иваново, 2008.

УДК 94(497.2): «918/1018». 28
А.К. Сидякина (СПбГУ)

Было ли Патриаршество в Первом Болгарском Царстве?

Вопрос о существовании Независимой церкви в Болгарии в период Первого Болгарского царства со статусом Патриархии является довольно дискуссионным. Общепринятым остается факт признания Византией после мира в 927 году автокефалии Болгарской церкви, в пользу этого свидетельствуют большинство греческих источников [1, С. 40 – 47; 2, С. 190 – 230; 3]. Однако относительно статуса Патриархии существуют серьезные сомнения. Большинство греческих

источников называют предстоятеля Болгарской церкви архиепископом, исключением является Дюканжев список, свидетельства которого являются сомнительными, в силу недостаточной достоверности происхождения [4, С. 102 – 111]. Предположение о признании Болгарского патриарха основывается на максиме «нет царя без патриарха», а по миру 927 года решался вопрос о титулах, в результате произошло признание за болгарским правителем титула «царя», вследствие этого и должно было произойти возведение предстоятеля болгарской церкви в ранг Патриарха [5].

Есть предположение, что патриаршество существовало еще до 927 года, и было основано болгарским правителем Симеоном еще в 919 году на Церковно-народном соборе в Преславе, но об этом известно только то, что Симеон стремился получить более высокий статус для своего государства и сделать независимой церковь [6]. Добиться поставленной цели он пытался и мирными переговорами и военным способом, однако греки не желали считаться с интересами Симеона. В его правление предстоятель Болгарской церкви был провозглашен Патриархом, об этом свидетельствуют некоторые косвенные сведения из источников, с помощью которых появилось предположение о провозглашение Патриаршества Симеоном. Это предположение используется исследователями [7], оно также есть в энциклопедических и учебных изданиях [8, С. 280–292; 9, С. 27–29; 10]. Но, несмотря на это нет оснований считать это событие становлением Патриаршества в Болгарии. Эти события можно определить как самовольность болгарского правителя. Установление нового церковного статуса могло произойти только после признания его всеми крупными церковными предстоятелями, в частности Византией, мнение которой в то время было авторитетом, однако, в правление Симеона, такого признания не произошло.

Если рассматривать это событие с точки зрения, по которой предполагается, что Симеон получил царский титул и независимость для церкви от Римского престола [11, С. 29; 12, С. 102–103; 13, С. 176; 298–314], то и здесь нет оснований утверждать о признании Болгарского патриаршества до 927 года. В то время Восточная и Западная Церкви были еще единой церковью, но имеющей две администрации, и исходя из этого у Римского престола не было возможности полноправно, без ведома и согласия Византийского престола утверждать какие-либо титулы и статусы, особенно это касалось территорий, непосредственно граничащих с Византией.

Что касается установления патриаршества после 927 года, возможно, произошло признание автокефальности Болгарской церкви, но без утверждения для предстоятеля церкви титула Патриарха. Кроме источников, упоминающих о Болгарской архиепископии в правление царя Петра [14, С. 40 – 47], об этом можно судить также по сведениям об организационном устройстве Болгарской церкви, которая представляла собой автокефальную архиепископию, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что один епископ мог совмещать управление несколькими церквями, а также отсутствие свидетельств о митрополичьих округах. Так же об этом может говорить положение Болгарского предстоятеля среди предстояте-

лей других церквей, об этом свидетельствуют указания из трактата императора Константина Багрянородного «О церемониях» [2, С. 190 – 230].

Существует также предположение, что предстоятель Болгарской церкви был возведен в ранг Патриарха, однако просуществовал в этом состоянии только лишь до конца жизни Романа Лакапина, императора, по согласию которого произошло признание автокефалии Болгарской церкви. При новом императоре Иоанне Цимисхии Болгарскую церковь начинают снова признавать, только как архиепископию, но уже автокефальную и в таком состоянии по все видимости Болгарская церковь пребывала до окончательного падения Первого Болгарского Царства.

Сомнения также вызывают свидетельства о первом патриархе, по некоторым сведениям им стал Доростольский епископ Дамиан, который пробыл в сане патриарха до 971 года, а затем был низложен Иоанном Цимисхием [15, С. 142]. Сомнителен слишком долгий срок правления патриарха Дамиана. Правление патриарха в сорок четыре года это не совсем соответствует практике средневековья [5]. Также не совсем понятно, почему патриарх должен заседать не в столице Болгарского царства в Плиске (или Преславе), а в Доростоле (совр. Силистра).

Еще одним странным вопросом является провозглашение Патриарха в Болгарии не решением церковного собора, не определением патриарха Константинопольского, и даже не совместным решением императора и патриарха, а решением императора и сената. По мнению В.В. Василика это может происходить в период межпатриаршества или же являться подделкой, связанной с тем, что архивы, оставшиеся после Романа Лакапина, были подчищены, поскольку на его деятельность, особенно связанную с Болгарскими вопросами Константин Багрянородный смотрел неблагоприятно. В связи с этим ссылаются на решение императора, а не на патриаршеские документы [5].

По открытым и имеющимся на сегодняшний день материалам, сделать однозначные выводы о существовании Патриаршества в Первом Болгарском Царстве не возможно. За неимением еще каких либо новых данных по этому вопросу, по всей видимости, он еще долгое время будет оставаться дискуссионным. Однако факт существования автокефальной церкви в Первом Болгарском Царстве является неоспоримым, хотя не совсем понятно была ли она Патриархией, и если была, то не известно, как долго она имела такой статус или же она была всего лишь автокефальной Архиепископией с довольно широкими полномочиями.

Литература:

- 1) Сигиллии (Грамоты) Василия III// Гръцки извори за българската история. В X т. София: Издание на Българската Академия на Науките, 1965, Т.VI.
- 2) Константин Багрянородный «О Церемониях»// Гръцки извори за българската история. В X т. София: Издание на Българската Академия на Науките, 1965, Т. V.
- 3) Попруженко М.Г. Синодик царя Бориса. Одесса, 1899.
- 4) Список Епархий середины XI – середины XII веков// Гръцки извори

за българската история. В Х т. София: Издание на Българската Академия на Науките, 1965, Т.VII

5) Василик В.В. Балканские автокефалии IX-XIV// Православие. Ру // Режим доступа: URL: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/33796.htm> (дата последнего обращения 11.09.2012)

6) Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. Гл. IV.М., 1994. // Режим доступа: URL: <http://www.sedmitza.ru/text/441210.html> / (дата последнего обращения 11.09.2012)

7) Снегаров Ив. Учредяване на Българската православна църква // Македонски преглед. 1932. Кн. 8

8) История на България. Т.II. София, 1981.

9) История южных и западных славян. Т.I. под. ред. Г.Ф. Матвеева. М., 2001.

10) Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А. Болгарская православная церковь.// Православная энциклопедия / Режим доступа: URL: <http://www.sedmitza.ru/> (дата последнего обращения 11.09.2012)

11) Дринов М. Исторически преглед на Българската църква от самото и начало и до днес. Виена, 1869.

12) Гильфердинг А.Ф. История сербов и болгар. Кирилл и Мефодий.// Собрание сочинений. Т.I. СПб., 1868.

13) Рансимен С. История Первого Болгарского царства. СПб. : Евразия, 2009.

14) Сигиллии (Грамоты) Василия II// Гръцки извори за българската история. В Х т. София: Издание на Българската Академия на Науките, 1965 Т.VI

15) История на България. Т.II. София, 1981.

УДК 94(363.3): 261.2
Ю.А. Горбунова (ИвГУ)

Отражение христианизации Пиренейского полуострова в трактате св. Мартина из Браги «*De correctione rusticorum*»

Процессы христианизации и депаганизации подавляющего большинства населения на территории сформировавшихся к VI в. варварских королевств, объективно являются одним из этапов формирования единого христианского мира на пост-римском пространстве.

Церковь, как пишет А.Я. Гуревич [1, С. 42], признавая важность простонародья как материальной опоры общества и заботясь о том, чтобы отношения между отдельными частями социального организма не нарушили его равновесия в целом, естественно, настоительно относилась к верованиям и религиозной практике масс. Особенно ярко это выражается при рассмотрении базовых понятий средневековой культуры «селянин» (*rusticus*) и «язычник» (*paganus*) в памятниках начала Средневековья.

Вопрос «диалога» клира и простолюдинов в VI в. мы рассмотрим на примере христианизации Галисии (области на северо-западе Пиренейского полуостро-

ва). Одним из источников сведений об этом процессе является трактат епископа Мартина из Браги (520–580 гг.) «*De correctione rusticorum*» («Об исправлении простолюдинов») [2].

Сам трактат представляет собой проповедь, написанную Мартином по просьбе своего собрата по вере – епископа Полемиа, который сетует на невежество сельских жителей в отношении христианской веры и на их пристрастие к прежним языческим верованиям [2, I].

Существование двоеверия, как религиозной системы, где языческие культы и обряды сохраняются под наружным слоем христианства, бесспорно [3, С. 174]. Не удивительно, что наиболее заметным это явление стало среди малограмотного населения сельской местности. Существует, по меньшей мере, еще один яркий пример, иллюстрирующий эту ситуацию с точки зрения ее географии: проповеди Кесария Арелатского (470–543 гг.), где тот восстает против различных суеверий и языческих мистерий [3, С. 159 – 184; 4, С. 258; 5, С. 122].

Есть мнение, что «*De correctione rusticorum*» была написана около 574 г., то есть через некоторое время после Второго Брагского собора (572 г.) [6, Р. 84–86], поскольку именно на нем был поднят вопрос о пагубности идолопоклонства. Собственно, главной причиной создания проповеди стала повсеместно развитая система двоеверия, а ее целью – борьба с языческими верованиями и наставление селян на путь истинной Христианской веры.

Текст Мартина прост по форме. В нем мы видим сохранение и продолжение подходов Августина Блаженного к содержанию проповеди, изложенных им в трактате «О том, как оглашать людей необразованных» [7, С. 229–272]. В частности, структура проповеди Мартина схожа с теми рекомендациями, которые дает Августин. Так, например, значительная часть произведения является изложением истории от Сотворения мира до современных автору дней, однако с выделением характерного только для проповеди Мартина периода, озаглавленного ангельским падением [2, IV–V]. Вообще, явным отличием периодизации Мартина является обособление двух параллельных линий на канве исторического процесса: первая – это Священная история, а вторая – история деяний сатаны и его приспешников [2, III–V].

В то же время, специфика проповеди Мартина в том, что она адресована романизованному населению Галисии, среди которого широкое распространение имели римские языческие традиции. Во-первых, проповедник особое внимание уделяет таким пережиткам дохристианской эпохи, как языческие мистерии, вера в предсказания и прорицания и проч., подвергая их суровой критике: «...что это, если не почитание дьявола – возжигать свечи у камней и у деревьев, у источников и на перекрестках? Следовать гаданиям и предсказаниям и дням идолов – что это, если не почитание дьявола?» [2, XVI]. Во-вторых, в противоположность языческим праздничным традициям, проповедник настаивает на соблюдении христианских праздников [2, XVI]. В связи с этим епископ упоминает о необходимости почитания Дня Господня [2, IX; XVIII]. В-третьих, Мартин объясняет необходимость следования христианской морали заключением договора с Господом, кото-

рый произносит каждый человек в своей молитве при Крещении [2, XV – XIX].

Значимой чертой проповеди Мартина стало присутствие в ней явных контрастов: разделение ангелов на святых ангелов и демонов, противопоставление действий Бога действиям сатаны, разграничение языческих и христианских праздников. Все это в умах малообразованных селян должно было привести к четкому делению на добро и зло, иначе говоря – Бога и сатану, христианство и язычество. Исходя из этого, епископ доносит до простолюдинов универсальную формулу для обоснования отхода христианского общества от любых проявлений языческих суеверий: «нельзя одновременно почитать Бога и дьявола» [2, XVI].

Таким образом, проповедь епископа Мартина из Браги «*De correctione rusticorum*» («Об исправлении простолюдинов») является образцом христианской проповеди периода христианизации. С помощью нее Мартин делает акценты на важнейших догматических установках Церкви, чтобы они были понятны малограмотным слушателям. Благодаря простому слогу, внутренней логике текста и принципу контрастности, проповедь должна была иметь положительные для Церкви последствия. Это подтверждается тем, что проповеди Мартина привели к созданию аналогичных текстов Элигием (ум. 659 г.), епископом Нуайона, и Пирмином (ум. 758 г.), аббатом монастыря в Рейхенау [5, С. 122].

Итак, мы видим, что проповедь Мартина из Браги, с одной стороны, служит свидетельством того, какие религиозные традиции уживались в сознании людей, принявших Христианство, а с другой стороны, показывает попытки борьбы Церкви с пережитками прежних верований, посредством приводимых аргументов, понятного языка и логики повествования.

Литература:

1) Гуревич А.Я.. *Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства*. М., 1990.

2) *Martinus episcopus Bracaraensis. De correctione rusticorum*. // *The Latin Library*. // Режим доступа: URL: <http://www.thelatinlibrary.com/martinbraga/rusticus.shtml> (дата последнего обращения 07.10.2012).

3) Омельченко Д.М. *Борьба с язычеством в пастырской практике арелатского епископа Цезария*. // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения: научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии*.: Иваново, 2011. Вып. 4.

4) Уивер Р.Х. *Божественная Благодать и человеческое действие: Исследование полупелагианских споров. Кесарий Арелатский: кульминация споров*. // *Арелатские проповедники V–VI вв.: сб. исслед. и пер. / под ред. А.Р. Фокина*. М., 2004.

5) Дряхлов В.Н. *Борьба церкви с язычеством в королевстве Меровингов*. // *Вопросы Истории* – 2010. № 1.

6) McKenna S. *Paganism and Pagan Survivals in Spain up to the Fall of the Visigothic Kingdom*. Washington, 1938. // *The Library of Iberian Resources Online – сайт Американской академии по исследованиям истории средневековой Испании*.

// Режим доступа: URL: <http://libro.uca.edu/mckenna/paganism.htm> (дата последнего обращения 07.10.2012).

7) Августин Блаженный. *О том, как оглашать людей необразованных*. // *Христианская наука или Основания Священной Герменевтики и Церковного Красноречия*.: СПб., 2006.

УДК 94 (470) «10»

А.С. Фогель (Самарский ГЭУ)

«Восстания волхвов» в 1024 и 1071 гг. в контексте христианизации и колонизации окраин Киевской Руси

Киевская Русь принимает христианство в X в., но реальное распространение его растянулось на века [1, С. 58]. Особенно это касалось окраин государства, где восточнославянское население соседствовало с финно-угорскими, балтийскими и тюркскими этносами.

Особенностью этого процесса на начальных этапах было то, что он шел параллельно с распространением власти Киевских князей на иноплеменные территории, – одновременно шли огосударствление территорий, колонизация земель восточнославянским населением и сама христианизация как составные части государственной политики. Процессы, на коренных территориях восточных славян растянувшиеся на достаточно длительное время, в землях окраин шли скачкообразно, и сама эта «внезапность» и «неожиданность» неизбежно порождала социальные, культурные и политические проблемы в конкретных регионах Древней Руси. Христианство виделось новообращенным и язычникам частью государства с его даяниями, разрушением привычного жизненного уклада, поэтому протест против христианства как государственной религии был для них одновременно и неизбежно и социальным протестом [2, С. 318].

С самого начала своего распространения принятие христианства оказалось сопряжено с насилием и принуждением, поэтому при любом обострении ситуации местное население стремилось вернуться к привычному укладу жизни, что порождало «языческие» восстания. В летописях они зафиксированы под 1024 и 1071 гг., но скорее всего и хронология, и география (восстания отмечены летописью в Суздальской земле (1024 г.), в Киеве, Новгороде, Белоозере, Ростовской земле (1071 г.)) подобных восстаний гораздо шире – по наблюдениям исследователей борьба христианства и язычества в русских землях продолжалась до XII—XIII вв. [3, С. 63]

Восстания эти обладают рядом характерных особенностей, отличавших их от других конфликтов этого времени.

Восстания приходились на «сложные» в этническом и социальном смысле регионы [4, С. 26—27]

Скорее всего, восстания, вопреки их компоновке в летописи, не были одномоментной и спланированной акцией и являются ответом на конкретную кризисную ситуацию (неурожай, голод).

Восстания всегда подавляются центральной, а не местной властью (князя-Рюриковичи (Ярослав Мудрый, Глеб Святославич) или же их воеводами (Янь Вышатич)). Об относительно прочном утверждении христианства в конце X и в XI в. можно говорить лишь применительно к высшим слоям общества [5, С. 273]

Восстания возглавлялись волхвами («людьми Велеса»), а подавляли их всегда воины – «люди Перуна». Поэтому историки рассматривают языческие восстания как противостояние не только как язычества и христианства, но и основных богов славянской мифологии – конфликт между жрецами и воинами. [6, С. 14—16]

В рамках этого контекста можно обнаружить связи между финским «медвежьим культом» [7; С. 146—147] и Велесом, так что язычники, с которыми столкнулись христиане в ходе восстаний, могли быть как славянскими, так и финскими – в действиях волхвов видят отголоски именно финских языческих ритуалов [8; С. 139, 142].

Позиция духовенства в конфликтах всегда страдательная – первое, что происходит в ходе восстаний, это убийство духовных лиц (священник Янь Вышатича, возможно, епископ Леонтий, призывы к убийству новгородского епископа Федора) или изгнанием (Ростовские епископы Феодор и Илларион).

Духовенство не занимает самостоятельной позиции, хоть как-то отличной от позиции властей, и не пытается полемизировать с волхвами, что является его прямой обязанностью.

Восстания сопровождаются пророчествами конца света и истерией. В связи с этим Петрухиным выдвинута версия, что восстания были не просто языческие, а язычески-богомильские, т.е. сектантские – так как волхвы говорят о дуалистичности мира и божественной силы. [2, С. 317]

Требования восставших (возвращение урожая, уничтожение священников и местной знати) выражают социальный протест, одновременно волхвы не поднимаются против центральной власти и князя.

Восстания всегда носят «надплеменной» характер, проповеди волхвов обращены ко всему населению областей («белозерцы», «новгородцы») [9, С. 105], а не к какому-то одному народу. Восстания являются реакцией не просто на христианство, но на разрушение племенных устоев и традиционной жизни вообще.

Конец восстаний всегда один: волхвы погибают (представители власти до суда не доводят – убивают их в ходе полемики). Власть использует традиционный мотив – невозможность волхвов предсказать собственное ближайшее будущее (ср. ситуацию с Олегом и волхвами). Самый примечательный случай – восстание на Белоозере в 1071г., где расправа над волхвами представлена как ритуальный акт, имевший, очевидно, прямое отношение к «язычеству» (финскому или славянскому): убитых волхвов повесили на дубе, и их трупы растерзал медведь, то есть они или жертвы богу (тем более что повешены они были на священном дубе) – и тогда бог принял своих жрецов в жертву, – или же с телами волхвов поступили как с заложными покойниками (нечистью) – отдали на растерзание диким зверям, чтобы они не вредили упорядоченному пространству и живым [2, С. 320—321; 9, С. 145—146].

Таким образом, языческие восстания XI в. представляют собой отражение сложного комплекса процессов и противоречий, протекавших в Киевской Руси, и вызваны не просто языческой реакцией и социальным протестом, но и процессами восточнославянской колонизации, государствообразования, феодализации, столкновением проблем центра и окраин, славянского населения и местных племен с их обычаями и традициями. Возможно также, что в восстаниях нашли отражение борьба в рамках самих языческих верований или же противоречия христианского вероучения, и все эти явления оказались обострены кризисной ситуацией голода и неурожаев, что придавало всем противоречиям столь острые формы.

Литература:

- 1) Шапов Я. Н. *Формирование и развитие церковной организации на Руси в конце X – XI вв. // Древнейшие государства на территории СССР 1985. М., 1986.*
- 2) Петрухин В.Я. *Древняя Русь: народ, князь, религия. // Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). – М., Языки русской культуры, 2000.*
- 3) Русанова И.П. *Культовые места и языческие святилища славян IV–XIII вв. // Российская Археология, 1992, №4.*
- 4) Кизилов Ю.А. *Земли и народы России в XIII–XV вв. М., Высшая школа, 1984.*
- 5) *Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., Издательство С-Петербургского университета, 2001.*
- 6) Эрлих С.Е. *Логика «основного мифа» (трансформация пантеона как история противоборства светской и «сакральной» ветвей власти древних славян). // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской, СПб., 1997.*
- 7) Горюнова Е.И. *Этническая история Волго-Окского междуречья. М., Изд-во АН СССР, 1961.*
- 8) Третьяков П.Н. *У истоков древнерусской народности. Л., – Наука, 1970.*
- 9) Макаров Н.А. *Русский Север: таинственное средневековье. М., Наука, 1993.*

УДК 94.(420+44)«11»
И.Н. Мастяева (НИУ ВШЭ)

Вера и разум в мировоззрении Иоанна Солсберийского

Спор о том, необходимо ли познавать Бога или достаточно только веры в Него, стар – он, пожалуй, является современником самого христианства. Но особенно острым этот конфликт стал в конце XI-го – XII-ом вв., с рождением схоластики, претендующей на объяснение не только всего видимого мира, но и божественных истин с помощью разработанных людьми правил логического анализа. При этом схоласты в большинстве своем не были еретиками. Но как в таком случае

сочетались в сознании магистров-схоластов вера и разум? Я попытаюсь ответить на этот вопрос, проанализировав взгляды одного из крупнейших представителей интеллектуальной элиты XII в. – схоласта Иоанна Солсберийского. Основным объектом анализа будет один из трактатов этого ученого – «Металогикон» [1].

Насколько мне известно, в настоящее время не существует специальных исследований ни в русскоязычной, ни в зарубежной литературе, анализирующих мировоззрение Иоанна Солсберийского именно с точки зрения его отношения к проблеме веры и разума. Единственным отечественным специалистом, занимающимся судьбой и творчеством Иоанна Солсберийского, является А.К. Гладков, однако он специализируется на другом трактате этого схоласта – «Поликратике» [2].

Из общих работ, посвященных проблеме веры и разума в Средние века, стоит отметить классическое эссе Э. Жильсона [3] и примыкающий к нему в отечественной историографии труд С.С. Неретиной [4]. Контекст эпохи помогают восстановить исследования, посвященные «Ренессансу XII в.» [5]. Однако ни в одной из них специально не уделяется внимание «Металогикону» Иоанна Солсберийского.

Иоанн Солсберийский (ок. 1115-1180 гг.) родился в маленьком английском городке Старом Сэруме (иначе – Солсбери). Здесь он получил начальное образование, а затем в течение двенадцати лет обучался свободным искусствам во Франции. Приняв монашеский обет, Иоанн около 1148 г., по протекции Бернарда Клервосского, входит в свиту примаса английской церкви архиепископа Теобальда, в качестве его секретаря. После смерти Теобальда в 1161 г. Иоанн Солсберийский становится секретарем нового архиепископа – Фомы Бекета. Вместе с впавшим в немилость архиепископом он отправляется в ссылку, а после совместного возвращения Иоанн становится свидетелем убийства Бекета. Закончил свои дни Иоанн епископом Шартра, заняв эту кафедру за четыре года до смерти по приглашению французского короля Людовика VII.

Основной объект моего анализа, трактат Иоанна Солсберийского «Металогикон» – педагогическое сочинение, посвященное наукам тривиума (грамматике, логике и риторике). Целью его написания, если верить самому автору, была «защита логики» [1, Р. 5] от некоего «злобного крикуна» [1, Р. 9], которого Иоанн называет псевдонимом «Корнифиций». Сам трактат был посвящен Иоанном его покровителю, английскому канцлеру Фоме Бекету.

Проблема веры и разума – отнюдь не основная в этом сочинении: открыто она обсуждается только в последней, четвертой книге «Металогикона». Но показательнее уже то, что схоласт не смог обойти ее даже при написании педагогического трактата: ответ на вопрос о соотношении веры и разума лежал в основе его мировоззрения и одновременно был одним из самых остро обсуждаемых вопросов эпохи. Именно поэтому позицию самого Иоанна Солсберийского необходимо анализировать в контексте исканий его ближайших предшественников и современников и изучив интеллектуальную биографию самого автора.

Если говорить о ближайших предшественниках и современниках Иоанна, то есть о схоластах конца XI – XII вв., то среди них действительно были диалек-

тики, берущиеся отрицать физическое пресуществление как Беренгар Турский и осуждаемые за это церковными соборами. Им противостояли мистики, такие как Бернард Клервосский, считавший, что, применяя методы логики к божественным истинам, схоласты «разрывают сокровенное Бога» [6, С. 135]. Но все же большинство составляли схоласты, не впадавшие в ересь. Так не осуждались на церковных соборах Теодорих Шартрский и Гуго Сен-Викторский. Значит, существовал некий третий путь между «святой простотой» Петра Дамиани и «еретическим» всезнанием, путь, предполагавший гармонию веры и разума.

Иоанн Солсберийский был одновременно и протеже Бернарда Клервосского, и учеником осужденного им Петра Абеляра. Он получил блестящее образование: двенадцать лет обучения у лучших магистров Северной Франции (Гильома Коншского, Альберика Реймского, Роберта Меленского, Роберта Пуллена, Петра Абеляра) сделали его знатоком классической литературы и наук тривиума.

Но это «гуманистическое» образование не превратило Иоанна в слепого последователя античных классиков. Он остался ортодоксальным католиком: языческие авторы, по его мнению, должны были лишь служить иллюстрацией к главному – странице священного Текста. Даже Аристотель не мог стать учителем в божественном [1, Р. 244]. Решение сложной проблемы о соотношении веры и разума Иоанн позаимствовал в учении Блаженного Августина: «человек должен иметь разумение затем, чтобы искать Бога» [7, С. 344] (то есть Истину), но «понимание есть вознаграждение веры» [5, С. 13] – утверждал этот Отец Церкви, не отрицая, таким образом, необходимость познания, но решающую роль отводя вере. Иоанн в своих рассуждениях добавляет к учению Августина уверенность в возможности прогресса знания, выраженную им не только в передаче знаменитых слов Бернарда Шартрского о карликах, стоящих на плечах великанов и поэтому видящих дальше [1, Р. 167], но и в том, что определение веры он заимствует не у древних, а из сочинения старшего и глубоко почитаемого современника – Гуго Сен-Викторского [1, Р. 223].

Это доверие к возможностям разума даже в «божественных вещах», совмещенное с ортодоксальным представлением о непознаваемости Бога, как мне кажется, и есть тот особый стиль мышления, который позволял таким людям, как Иоанн Солсберийский и Гуго Сен-Викторский, при всей разнице их судеб и темпераментов, не впадая в ересь и не лукавствуя перед окружающими, органично совмещать поиск единения со Словом, любовь к словесности и уважение к диалектике.

Литература:

1) John of Salisbury. *The Metalogicon of John of Salisbury: A Twelfth-Century Defense of the Verbal and Logical Arts of the Trivium*. Turnhout: Brepols, 1991.

2) Гладков А.К. «Убийство тирана не грех, но благодеяние»: Представление о несправедливой власти в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // *Средние века*. Вып. 69 (3). 2008. С. 81–96.

3) Жильсон Э. *Разум и откровение в Средние века* // *Богословие в культуре*

Средневековья. Киев: Христианское братство «Путь к истине», 1992. С. 6–47.

4) *Неретина С.С. Верующий разум: К истории средневековой философии. Архангельск: Изд-во Поморского международного пед. унив-та им. М.В. Ломоносова, 1995.*

5) *Haskins Ch. The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge: Harvard University Press, 1927.*

6) *Письмо Бернарда Клервоского Папе от лица архиепископа Реймского и других // Петр Абеляр. История моих бедствий. М.: Акад. наук СССР, 1959. С. 134–136.*

7) *Аврелий Августин. О Троице. Краснодар: Глагол, 2004.*

УДК 94(47).027

М.Г. Амальская (СПбГУ)

Западное влияние на почитание некоторых святых в Новгороде в XI–XII веках (к историографии вопроса).

Распространение культа святых является важным показателем культурного, социального и политического развития того или иного региона. Рассматриваемый период – XI – XII века – время активной христианизации центральной, восточной и северной Европы, в том числе северной Руси, которая находилась на пересечении византийской и западноевропейской традиций. Это двойственное влияние отразилось и на распространении культов святых.

При значительном количестве публикаций отсутствует обобщающее исследование о западном влиянии на почитание святых в Новгороде [1, С. 115 – 130]. В настоящем сообщении предлагается обзор существующих в науке подходов на примере исследования культов общехристианских святых: св. Николая Мирликийского, св. Климента, папы Римского, св. Алексея, человека Божия и св. Бенедикта Нурсийского.

Св. Николай почитался в Киеве уже в XI веке. В Новгород культ святого проникает позднее, в конце XI – первой половине XII века, что совпадает с его широким распространением в Западной Европе вслед за перенесением мощей святителя из Мир Ликийских в Бари в 1087 году. Этот праздник, не получивший признания в Византии, был известен на Руси уже в конце XI века. В 1113 г. в Новгороде строится Никольский собор на Ярославовом дворище, престольный праздник которого отмечался именно 9 мая – в день перенесения мощей, а не 6 декабря, что традиционно рассматривается исследователями как одно из ярких проявлений западного влияния на почитание святых в Новгороде [2, С. 358; 3]. Об отголосках этого влияния свидетельствует упоминаемый Б. А. Успенским курьезный случай, когда причудский старообрядец так отозвался о св. Николае: «Католик, но угодник Божий» [4, С. 29]. Западные черты в богослужебных текстах и иконографии св. Николая также отмечались исследователями.

Распространение культа св. Николая на севере Руси совпало с аналогичным

процессом в северной Европе – в Англии и Скандинавии, – что позволяет некоторым исследователям рассматривать эти процессы как явления одного порядка [5].

Подобная ситуация наблюдается и с распространением культа св. Климента, папы Римского, который почитался на Руси с момента крещения. Уже в середине XI века св. Климент занимал важное место в древнерусском календаре, особенно в Новгороде. Так, он упоминается в месяцеслове Остромирова Евангелия (1054 – 1057 гг.), при этом один из двух праздников святого приходится на 30 января, что не соответствует византийской традиции [6].

Как и св. Николай, св. Климент широко почитался на севере Европы, в Англии и Дании. Этому вопросу посвящены специальные исследования Эрика Синтио и Барбары Кроуфорд [7; 8].

И. Гарипанов рассматривает почитание св. Климента в Новгороде как часть общего североευропейского процесса, проводя параллели с распространением культа св. Николая [1, С. 130–136].

Представляется целесообразным изучать историю почитания свв. Николая и Климента в совокупности – история их культов во многом пересекается, что нашло отражение в распространении парной иконографии святых.

Почитание св. Климента в славянском регионе традиционно связывается с распространением кирилло-мефодиевского наследия. В послевоенной историографии было высказано мнение об особой роли бенедиктинских миссионеров в христианизации славянских стран, в том числе Руси. По убеждению Ф. Дворника, бенедиктинцы лояльно относились к богослужению на славянском языке и способствовали развитию кирилло-мефодиевских традиций [9]. Идеи чешского историка поддержал отечественный исследователь М. Ф. Мурьянов [10; 11]. Проиллюстрируем их подход, обратившись к культам двух святых – св. Алексея, человека Божия и св. Бенедикта Нурсийского.

Култ св. Алексея, человека Божия получает широкое распространение в Новгороде начиная с XII века. М. Ф. Мурьянов, развивая идеи Ф. Дворника, считал распространение культа святого в Новгороде проявлением западного влияния. Он исследовал иконографию фрескового изображения св. Алексея в церкви Спасо-Преображения на Нередице (1198 г.) и обнаружил в ней ряд западных черт [10]. По его мнению, культ св. Алексея пришёл на Русь из бенедиктинских монастырей в Чехии.

Одним из самых экзотических святых православного календаря можно считать св. Бенедикта Нурсийского, родоначальника западного монашества. Нет оснований говорить о его широком почитании на Руси, однако есть явные свидетельства его культа в Новгороде в XII веке.

В упомянутой выше фресковой росписи в Нередицком храме непосредственно под фигурой св. Алексея находилось изображение св. Бенедикта Нурсийского.

Фресковые изображения св. Бенедикта – редкость даже на Западе, они характерны лишь для бенедиктинских обителей. При этом единственный древнерусский месяцеслов, где память этого святого приводится и по греческому и по латинскому календарю – новгородское Мстиславово евангелие начала XII века.

М. Ф. Мурьянов связывает следы культа св. Бенедикта в Новгороде с предполагаемой деятельностью бенедиктинских миссионеров [11].

Итак, говоря об исследовании западного влияния на распространение культа святых в Новгороде в XI – XII веках, можно выделить три основных подхода:

1) североевропейское влияние – этого взгляда придерживается И.Х. Гарипзанов, а также некоторые другие исследователи; это достаточно молодое и активно развивающееся направление [1; 5];

2) бенедиктинское влияние – этот подход был предложен М. Ф. Мурьяновым, который развивал идеи Ф. Дворника о роли бенедиктинцев в христианизации Руси [9; 10; 11]. Однако их взгляды не нашли широкой поддержки среди исследователей;

3) традиционное направление – исследователи этой ориентации критически относятся к идеям о западном влиянии, признавая лишь весьма ограниченный западный фактор по сравнению с преобладающим византийским. Это доминирующее направление в современной историографии.

Литература:

1) *Garipzanov I. Novgorod and the Veneration of Saints in Eleventh-Century Rus: A Comparative View // Saints and Their Lives on the Periphery: Veneration of Saints in Scandinavia and Eastern Europe (c. 1000-1200). Brepols, 2010. P. 11–43.*

2) *Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII веков. М., 2001.*

3) *Мурьянов М.Ф. Русско-византийские церковные противоречия в конце XI века // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 216–224.*

4) *Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.*

5) *Garipzanov I. The Cult of St Nicholas in the Early Christian North (c. 1000–1150) // Scandinavian Journal of History. 35(3). 2010. P. 229–246.*

6) *Бегунов Ю. К. Св. Климент Римский в славянской традиции: Некоторые итоги и перспективы исследования // Византиноведение. 2005. Т. 4. С. 1–61.*

7) *Cinthio E. The Churches of St. Clemens in Scandinavia // Archaeologia Lunden-sia. 3 (1968). P. 103–116.*

8) *Crawford B. The Churches dedicated to St. Clement in Medieval England: a Hagiography of the Seafarer's Saint in 11th Century North Europe. St. Petersburg, 2008.*

9) *Dvornik F. Les Bénédictins et la christianisation de la Russie // L'Église et les Églises. Chevetogne, 1954. P. 323–349.*

10) *Мурьянов М. Ф. Алексей человек Божий в славянской рецепции византийской культуры // ТОДРЛ. 1968. Т. 23. С. 109–126.*

11) *Мурьянов М. Ф. К культурным взаимосвязям Руси и Запада в XII в. // Ricerche Slavistiche, 1966. Vol. 14. P. 29–41.*

Personae non gratae в первых житиях Франциска Ассизского

По смерти Франциска Ассизского его святость была настолько очевидной для современников, что уже 16 июля 1228 г. в Ассизи папа Григорий IX проводит торжественную канонизацию, о чем спустя несколько дней, 19 июля, сообщала булла «*Mira circa nos*» [1]. Обыкновенно историографическая традиция связывает появление первого и официального жития, написанного монахом Фомаю из Челано (ок. 1200 – ок. 1265 гг.), именно с причислением Франциска к лику святых католической церкви [2]. Отныне тот вымышленный образ основателя, который стремился запечатлеть в памяти потомков агиограф, становился едва ли не значимее некогда реально существовавшего *idiota et illiteratus*. Именно в легенде теперь символически отражается личность святого, в житийной литературе он словно воскресает.

Равным образом еще при жизни святого стал очевиден внутренний разлад в среде его ближайших последователей, возникший между ревнителями Устава Франциска и т.н. *litterati*, образованными монахами-проповедниками. Путь от раннего братства к строгой орденской организации богат примерами разного рода противоречий и компромиссов, которые *volens nolens* нашли отражение в творчестве средневекового историка, писавшего предание о жизни святого.

В связи с этим неминуемо возникает вопрос (ответить на него стало целью моего исследования). Чем руководствовался Фома Челанский, представляя ранних францисканцев в том или ином свете? Следовал ли он советами и увещаниям римского понтифика и коллегии кардиналов?

Для большей наглядности, обратимся к эпилогу первого жития, где читаем: «Мы рассказали лишь о некоторых чудесах блаженнейшего отца нашего Франциска, но о многих не упомянули» [2, С. 324]. Почему автор не пожелал поведать об остальных чудесах, покрывая их дымкой тайны? Наконец, какой метод избрал для себя Фома Челанский, создавая два жизнеописания Франциска, а впоследствии и житие святой Клары [3]?

Этот далеко не полный список вопросов так важен, поскольку, игнорируя его, исследователь, изучающий какой-либо аспект истории францисканства, рискует слепо следовать за пером автора того или иного сохранившегося текста. Итогом станет лишь «компилятивный», если угодно, образ и Франциска, и его последователей. Подчас один фрагмент из жизни «бедняка Христова» противоречит другому, и едва ли не каждое новое житие являлось пересмотром и заведомым отрицанием по каким-либо причинам жизнеописания предыдущего. Анализ этих противоречий выводит нас на уровень споров, непосредственным участником которых неизбежно являлся сам Фома, писавший историю францисканства в условиях непримиримых противоречий внутри ордена.

Насколько мне известно, в классических работах по истории францисканства, таких как бесценная монография Л.П. Карсавина [4] и не менее значи-

мая работа Дж. Мурмана [5], жития, написанные Фомой, не были рассмотрены в отдельности от всего корпуса источников. Более того, некоторые труды фактически являют собой пример создания очередного жития Франциска. Редким исключением является работа П.М. Бицилли [6, С. 216.], противопоставляющего Франциска св. Бонавентуры Франциску Фомы, резонно отмечавшего разницу в подходах, целях и предпочтениях двух авторов. Интересные соображения на этот счет высказаны и в работе Р. Брук [7, Р. 31 – 39.], которая подробно рассматривает непохожие друг на друга образы святого Франциска, созданные его последователями.

Кто были те люди, обладавшие знанием о ранней жизни святого? Есть основания полагать, что в виду борьбы внутри ордена знания многих лиц могли быть попросту отвергнуты ради того, чтобы не поколебать устоявшегося в элите, т.е. в римской курии, единого мнения на счет сущности францисканства. Все описания видений и чудес святого, его назидательных бесед с братьями далеко не случайны. В сочинениях Фомы прослеживается единый и четкий замысел. Одни герои в его сочинениях осквернены, другие представлены в образе покровителей и защитников ордена. Как это ни удивительно, эти моменты проливают свет не столько на жизнь самого Франциска, сколько на судьбы и драмы францисканского ордена в XIII веке.

Итак, мне кажется, три жития, написанные Фомой Челанским, объединены тенденциозностью и стремлением представить Франциска создателем нового монашеского ордена. Фома изначально был исполнителем воли папства. Отношения святого с католической церковью занимают преимущественное место в житиях. Решение Григория IX канонизировать Франциска и составить официальную биографию не были приняты в одночасье. Это было продолжением политики предшественников, начиная от устного одобрения деятельности миноритов Иннокентием III в 1209 г. Далее в этом ряду стоят буллы Гонория III «*Cum delictis*» (1218 г.) и «*Pro delictis*» (1220 г.), защищающие братство от нападков духовенства и булла «*Solet annuere*» (1223 г.), утвердившая «Правило» (*Regula Bullata*). Наконец, сам кардинал Уголино в 1220 г. становится протектором ордена. Апогеем деятельности пап в отношении ордена, пожалуй, можно считать буллу «*Quo elonganti*» (1230 г.), где Григорий IX дает толкование на устав и завещания Франциска. Замечу, что Франциск в своем «Завещании» (1226 г.) запрещал всем братьям, клирикам и мирянам, каким-либо образом толковать «Правило». Но разногласия в ордene вели к обратному.

На мой взгляд, именно вниманием к распрям внутри ордена францисканцев и пронизано второе житие святого Франциска Ассизского, составленное Фомой Челанским. Принимая сторону ревнителей устава, Фома, тем не менее, сохраняет верность интересам Рима. Это отражается в многочисленных рассказах об устройстве братства, где преимущественное внимание уделяется формированию структур религиозного ордена. В «Легенде святой Клары» также прочитываются компромиссы, на которые приходилось идти Франциску и его ближайшей последовательнице.

Литература:

1) *Mira circa nos: July 16, 1228 A.D. The Bull of Pope Gregory IX canonizing St. Francis of Assisi // The Franciscan Archive. [A WWW Resource on St. Francis and Franciscanism] // Режим доступа URL: <http://www.franciscan-archive.org/bullarium/g9mira.html> (дата последнего обращения: 25.10.2012).*

2) *Первое житие святого Франциска Ассизского, составленное Фомой Челанским // Истоки францисканства. Святой Франциск Ассизский: биография и писания. Святая Клара Ассизская: биография и писания. М.: Духовная библиотека, 1996.*

3) *Житие святой Клары Ассизской, составленное Фомой Челанским // Истоки францисканства. Святой Франциск Ассизский: биография и писания. Святая Клара Ассизская: биография и писания. М.: Духовная библиотека, 1996.*

4) *Карсавин Л.П. Очерки религиозной жизни в Италии XII – XIII вв. СПб.: Научное дело, 1912.*

5) *Moorman J. A History of the Franciscan Order. Oxford: Oxford University Press, 1968.*

6) *Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры // П.М. Бицилли Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 216.*

7) *Brooke R.V. The Image of St Francis. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.*

ДК 94(450).042

Д.М. Селивёрстов (Брянский ГУ)

Францисканцы и апостолики во второй половине XIII века в Италии

Францисканский орден, как важное и заметное явление религиозной жизни, возник в начале XIII века. Этот орден был одним из самых могущественных орудий, созданных католической церковью, за всю её историю. Францисканцы проповедовали нищенствующий образ жизни, а также три главные добродетели христианства – послушание, целомудрие и бедность, краеугольные камни учения францисканского ордена.

История францисканского ордена в первой половине XIII века нам хорошо известна. Меньше известна деятельность ордена во второй половине XIII века. Это время, когда в Италии, в городе Парма, зреет движение братьев-апостолов Герардо Сегарелли. В историографии, связанной с францисканским орденом, немного известно о тех противоречиях, которые сложились между нищенствующими монахами францисканцами и такими же проповедниками нищеты в лице апостоликов. Отношения между ними нельзя назвать дружелюбными, а тем более дружескими, так как апостоликам удалось потеснить авторитет ордена Святого Франциска среди мирян.

Основателем братьев-апостолов, является Герардо Сегарелли, выходец из Пармской округи. Он, по словам францисканского хрониста Салимбене де Адама, был: «необразованный мирянин и глупец» [1, С. 278]. Однако ему удалось в короткий срок, те только организовать свой «орден», но и получить поддержку простого населения. А также, что немаловажно, оказать соперничество францисканскому ордену, тем самым апостолики навлекли на себя гнев католической церкви.

Братья-апостолы вызывали недовольство францисканцев, которые на тот момент стали смиренными и покорными рабами церкви, тем, что Сегарелли открыто порицал упадок церкви [2, Р. 249]. «Их проповеди не ограничивались призывом мирян к покаянию, но эти новые апостолы восставали против общего положения церкви, против прелатов, священников и монахов. В противовес этому извращению нравов они хотели указать людям путь апостолов, жить по примеру апостолов, проповедовать и учить новой лучшей жизни» [3, С. 50]. И если бы не тот факт, что апостоликам удалось собрать вокруг себя множество сторонников, возможно на них и вовсе не обратили бы внимания францисканцы.

Какие причины заставили нищенствующих монахов францисканцев вести борьбу с «орденом» Сегарелли? Во-первых, жадность и зависть, играла здесь главную роль, это не скрывает и Салимбене: «Жители Пармы, мои сограждане, мужчины и женщины, подавали им больше и охотнее, нежели они подавали братьям-миноритам и проповедникам» [1, С. 281]. Однако, по словам американского исследователя Дэвида Барра, не ранее чем в 1257 году, всего 30 лет спустя после смерти Святого Франциска, многие миряне относились к миноритам с «ненавистью и презрением» за их бесцельное скитание и чрезмерное попрошайничество, за то, что, вопреки утверждениям Салимбене, они мало чего давали им взамен. По иронии, именно за это Салимбене критиковал апостоликов [4, Р. 93].

Во-вторых, преимущество братьев-апостолов перед миноритами состояло именно в их большей строгости, ею объясняются более богатые пожертвования, тяготение к ним толпы и вступление ревностных сочленов. Братья-апостолы были действительно тем, за кого лишь выдавали себя нищенствующие монахи. Слова, на которые ссылались оба ордена, буквально выполняли только братья-апостолы [5, С. 250]. В силу повеления: «И те, кто уже принес обет послушания, пусть носят одну рясу, те, кто имеет две рясы, пусть отдадут тому, у кого её нет» [6, С. 86], братья-апостолы запрещали своим сочленам иметь больше одного платья. В этом они поступали совершенно в духе святого Франциска, который еще в своем завещании указывал: «И пришедшие, чтобы принять эту жизнь, все, что могли иметь, отдавали бедным; и довольствовались одной рясой, изнутри и снаружи застегиваемой, с веревкой и рукавами» [6, С. 98]. Салимбене, пытаясь оправдать своих братьев-миноритов, пишет: «апостолы Герардина Сегарелли совершают много глупостей, когда хотят довольствоваться одной рясой, полагая, что так им предписано Господом. Кроме того, они подвергают себя риску простуды и тяжелой болезни или даже смерти, которую они, пожалуй, могут легко и быстро навлечь на себя. Так же и с одной рясой, которой они пользуются: они

подвергают себя многим бедам: как от вшей, так и от пота, пыли и зловония, поскольку они не могут ни вытряхнуть, ни постирать рясу, иначе они останутся нагишом...» [1, С. 311]. Из этого следует лишь одно, что братья-апостолы исполняли наставления Спасителя и святого Франциска, а минориты их подчас игнорировали. Эти и многие другие причины, способствовали успеху братьев-апостолов. И францисканцам пришлось вести борьбу против новой конгрегации.

Литература:

- 1) *de Салимбене А. Хроника. М, 2004.*
- 2) *Carniello B.R. Gerardo Segarelli as the Anti-Francis : Mendicant Rivalry and Heresy in Medieval Italy, 1260–1300 // Journal of Ecclesiastical History, April, Vol. 57, No. 2. 2006.*
- 3) *Самаркин В.В., О секте тех, кто называют себя принадлежащими к ордену апостолов // Восстание Дольчино. М, 1971.*
- 4) *Pierce J.B. Poverty, Heresy and the Apocalypse: The Order of Apostles and Social Change in Medieval Italy, 1260-1307. New York. 2012.*
- 5) *Гаусрат А., Средневековые реформаторы. М, 2011.*
- 6) *Задворный В.Л., Святой Франциск Ассизский. Полное собрание сочинений. М, 1995.*

УДК 94 (4) «282»
Ю.Ф. Литвяк (ЮИ ИГУ)

Инквизиция в Европе: средневековый тоталитаризм

Римско-католическая церковь в эпоху позднего средневековья представляла собой необычайно влиятельную силу, ее роль в обществе того времени была крайне велика. Без влияния церкви не обходилась ни одна сфера общественной жизни, правители европейских государств вынуждены были считаться с мнением Папы Римского по большинству внутренних вопросов.

Наивысшего могущества церковь достигла в XII-XIII вв., когда светская власть оказалась в фактической зависимости от Апостольской Столицы. Разумеется, достичь этого и удерживать господствующее положение было невозможно без особых способов борьбы за власть. Одним из таких способов являлось отлучение от церкви, которое, по сути, ставило человека вне закона. Одним из наиболее тяжелых церковных наказаний был интердикт (от лат. *interdictum* — запрещение) — отлучение от церкви целой территории или даже страны. В отлученных землях жизнь фактически была парализована: прекращались богослужения, крещение новорожденных, отпевание умерших [1, С 184]. При Иннокентии III был наложен интердикт на Германию, Францию и Англию, что заставило правителей этих государств искать примирения с церковью.

Однако главным средством борьбы с противниками церкви, начиная с XIII века, становится инквизиция — учреждение католической церкви, имею-

щее целью розыск, суд и наказание еретиков. Зачатки инквизиции видны еще в XII веке, когда борьба с еретиками велась при помощи епископской инквизиции. Дела о ересях предварительно рассматривал местный епископ, что было еще очень выгодно для обвиняемого, потому что епископы были тесно связаны с местным населением, и не в их интересах было возбуждать его против себя жестокостями. Папы, видимо, старались быть умеренными, ещё Иннокентий III запрещал употреблять по отношению к еретикам испытание водой и раскаленным железом. Однако в 1215 году четвертый Латеранский собор принял специальное постановление о борьбе с ересью, по которому церковь должна была «выявлять, осуждать еретиков и выдавать светской власти для наказания» [2, С 79]. Процедура передачи еретиков в руки светской власти называлась реляксацией [3, С 204]. На Тулузском Соборе 1229 года было добавлено, что епископы в каждом приходе были обязаны назначать специальных священников для борьбы с ересью.

В 1232 г. Григорий IX передал функции инквизиции ордену доминиканцев. Произошло это посредством издания двух булл. В первой из них папа обращался к епископам Франции и сообщал им о том, что «находит нужным облегчить их бремя» [4, С 138]. «Облегчение» состояло в посылке на подмогу епископам доминиканских монахов с неограниченными полномочиями по преследованию еретиков. Вторая булла была обращена к самим инквизиторам «приорам и братьям ордена проповедников» [4, С 139]. Эти буллы практически поручала доминиканскому ордену вести борьбу с ересью во всем христианском мире. Обе буллы Григория IX подтверждались последующими папами, вносящими в их тексты лишь частичные изменения и уточнения.

В 1252 Иннокентий IV издал буллу о создании инквизиционных судов, которым было разрешено применять пытки. Первоначально инквизиторы были странствующими судьями, постепенно они стали оседлыми. В каждой епархии создавались специальные комиссии, которые наделялись очень широкими правами.

Самым распространенным решением инквизиционного трибунала был смертный приговор, оправдание же являлось очень редким случаем. Краткий судебный процесс завершался процедурой аутодафе (лат. *actus fidei* — акт веры) — публичного осуждения, объявления и исполнения приговора. Понятие «аутодафе» зародилось в Испании, но постепенно распространилось и на другие европейские страны. Смертный приговор приводился в исполнение путем публичного сожжения осужденного на костре. Оправдание этому виду смертной казни можно найти в Евангелии от Иоанна, где Христос говорит сомневающимся, непослушным: «Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; и такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают» [2, С 53].

XVI век стал новым этапом в истории инквизиции. В связи с распространением лютеранства в германских странах, выходом из подчинения Риму англиканской церкви, местная инквизиция показалась Церкви недостаточной. 21 июля 1542 г. Папа Павел III учредил специальной буллой «*Licet ab initio*» (Следует изначала) Священную конгрегацию римской и вселенской инквизиции, и сам возглавил ее [5, С 91]. Следует отметить, что инквизиция особенно свирепствовала

в Испании, где только за 18 лет деятельности главного испанского инквизитора Торквемады (XV в.) было сожжено заживо более 10 тыс. чел.

Однако процесс Реформации, создания в Европе централизованных абсолютистских государств и развитие буржуазных отношений неминуемо вели к прекращению господства Церкви, а следовательно — и инквизиции. В XVIII в. она была упразднена в большинстве стран Западной Европы. Во Франции последний еретик был казнен в 1766. В 1820 г. инквизиция прекратила деятельность в Португалии, в 1834 г. — в Испании. В 1908 папа Пий X (понтификат 1903-1914) преобразовал инквизицию в конгрегацию Священной канцелярии, которая представляет собой, по сути, консультативный и увещательный орган. Несмотря на столь позднюю отмену, сам инквизиционный трибунал в плане своего первоначального назначения изжил себя многими годами раньше.

Литература:

- 1) Лозинский С. Г. *История папства* / С. Г. Лозинский. 3-е изд. М.: Политиздат, 1986.
- 2) Григулевич И. Р. *Инквизиция* / И. Р. Григулевич. 3-е изд. М.: Политиздат, 1985.
- 3) *Католичество* / автор-сост. А. А. Грицанов. Мн.: Книжный Дом, 2006.
- 4) Гергей Е. *История папства: (пер. с венгр.)* / Е. Гергей. М.: Республика, 1996.
- 5) *История папства и инквизиции: краткий справочник-путеводитель* / отв. ред. С. И. Ковалев. — М.: изд-во Академии наук СССР, 1959.

**УДК 94(4)«375/1492»:282.
С.А. Яцык (НИУ ВШЭ).**

Становление процедуры папской канонизации (X-XIII вв.)

Култ святых — неотъемлемая часть религиозной жизни средневекового общества. Человек нуждался в божественной помощи и удовлетворял свою потребность во взаимодействии со сверхъестественным посредством «общения» со святыми: поклонения им, принесения им даров и заключения с ними «договоров». В первом тысячелетии культы святых формировались «снизу» верующими, часто имели локальный характер и порой носили на себе отчетливые отпечатки языческих верований. В этот период признание чьей-либо святости было делом местной церкви или монастырского сообщества, к которому принадлежал будущий святой [1, Р. 1033]. Однако, начиная с конца X в., наблюдается тенденция к централизации и унификации культов под контролем Церкви.

Именно становление процедуры папской канонизации найдет освещение в моем докладе. Подчеркну, что мое внимание будет сосредоточено не на культах святых, не на феномене святости, а на формальном, юридическом выражении попыток Святого Престола урегулировать уже существующие и зарождающиеся культы.

Датой первого формального учреждения культа святого папой принято считать 3 февраля 993 года [2, Р. 25; 3, Р. 57–58; 4, С. 209], когда Иоанн XV канонизировал епископа Ульриха Аугсбургского. Эта булла была разослана аббатам, епископам и архиепископам Франции и Германии. В ней еще нет термина «канонизация», говорится только о *devotio fidelissima*, что можно передать как «обожнованное почитание».

Глагол «канонизировать» (*canonizare*) впервые встречается в 1024 г. в письме Бенедикта VIII Бонифацию III Каносскому, в котором папа ратифицирует культ Симеона Падолонского [5, Р. 40].

В XII веке влияние папства на канонизационные процессы значительно усилилось. Начиная с Евгения III, римские папы считают себя вправе объявлять о канонизации, не созывая епископов, «одной только властью Римской Церкви» («*Auctoritate tamen Sanctae Romanae Ecclesiae quae omnium conciliorum firmamentum est*»).

Папа Александр III, юрист по образованию, стремился рационализировать практику канонизации. В начале 1170-х он написал ставшее впоследствии каноническим текстом письмо шведскому королю Кнуту I Эрикссону, начинающееся с характерного: «Мы слышали» (*Audivimus*). В письме сообщается, что папе стало известно, что в Швеции распространился культ некоего человека, убитого в пьяном безобразии [6, Col. 1259-1261]. Понтифик предостерег Кнута и его подданных от почитания пьяницы до разбора дела папской комиссией.

Долгое время считалось, что это письмо является первым официальным заявлением римского папы о своем исключительном праве на канонизацию, которое он не случайно впервые попытался применить именно на территории Швеции, государства, принявшего христианство относительно недавно. В современной историографии этот тезис оспаривается, поскольку в официальных источниках этого периода не говорится ничего о том, что один лишь римский понтифик наделен правом причислять к лику святых [7, Р. 150-153]. Однако даже если не существовало закона, признающего нелегитимной любую канонизацию, кроме папской, на самом деле притязания папы уже обретали черты нормы, которой придерживалась значительная часть епископата [8, Р. 28].

Иннокентий III стремился придать папскому участию в канонизации правовую обязательность. Так, в булле о канонизации св. Кунегонды от 1200 года он пишет, что «судить о [том, свят ли умерший праведник] может только тот, кто является наследником Петра и наместником Христа» [2, Р. 31]. Важнейшим нововведением его понтификата стало объявление качеств, необходимых для признания человека святым: в булле о канонизации Гомобона Кременского (ит. Омобона), изданной 12 января 1199 года, он впервые назвал эти качества: *virtus morum* и *virtus signorum*.

Следующим документом, привнесшим существенные изменения в доктрину канонизации, стали решения IV Латеранского собора 1215 г. В 62 каноне этого собора дословно воспроизведено постановление Майнцкого собора 813 года, которое требует обязательной санкции принцепса (*princeps*) на почита-

ние «вновь обретенных» мощей (*de novo inventas*). Однако, если на момент принятия постановления под «принцепсом» подразумевался светский властитель, император, то теперь это римский понтифик. Это постановление не касается канонизации напрямую, но, очевидно, что, если папа получил право одобрять и запрещать почитание реликвий уже признанных святых, то его контроль тем более распространится на формирование новых культов [9, Р. 100-101].

В первой четверти XIII века процедура папской канонизации приобретает все более ясные черты, а к его концу оформляется окончательно. На 1230-е годы приходятся последние зафиксированные случаи епископской канонизации без участия римского понтифика. По большей части они происходили в отдаленных уголках христианского мира, до которых с запозданием доходили неписанные церковные нормы. Последней епископской канонизацией принято считать случай, когда в 1236 году епископ Рудгер из Пассау объявил святым аббата Бертольда Гарстенского.

В 1234 году в «Декреталии» Григория IX было включено положение о решающей роли папы в установлении культа святых (бреве «*Audivimus*»). С этого момента ни одна епископская канонизация не могла быть оправдана незнакомой неписаной нормой, поскольку исключительное право папы на канонизацию было, наконец, зафиксировано в церковном праве.

Повторим ключевые этапы, каждый из которых является шагом на пути к укреплению власти папы в вопросе о канонизации: первый шаг был сделан в 993 г. во время канонизации Ульриха Аугсбургского, когда впервые папа вмешался в канонизационный процесс. Вторым шагом был отмечен буллой «Мы слышали» Александра III, в которой впервые был сформулирован запрет почитать святого до одобрения его культа папой. Третий шаг был сделан, когда Иннокентий III провозгласил два ключевых признака, в отсутствие которых человек не мог быть признан святым. И, наконец, «Декреталии» Григория IX закрепили устоявшуюся систему, возведя положение о решающей роли папы в деле канонизации в закон, обязательный для всей католической Церкви.

Литература:

- 1) Boesch Gajano S. *Sainteté // Dictionnaire raisonne de l'Occident médiéval / Dir. J. Le Goff, J.-Cl. Schmitt. P., 1999.*
- 2) Vauchez A. *La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age d'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques. R., 1988.*
- 3) Kemp E.W. *Canonization and authority in the Western Church. Oxford, 1948.*
- 4) Парамонова М.А. *Канонизация // Словарь средневековой культуры. / Под ред. Гуревича А. 2-е изд., М., 2004*
- 5) Harrison D. *Quod magno nobis fuit horrore... Honor, Power and Holiness Within the Context of Canonization // Procès de canonisation au moyen âge. Aspects juridiques et religieux. Rome, 2004.*
- 6) *Patrologia Latina. Vol. 200. Paris, 1855.*
- 7) Schlafke J. *De competentia in causis sanctorum decernendi a primis post Chris-*

tum natum saeculis usque ad annum 1234. R., 1961.

8) *Kemp E. W. Pope Alexander III and the Canonization of Saints: The Alexander Prize Essay // Transactions of the Royal Historical Society, Fourth Series. 1945. Vol. 27.*

9) *Herrmann-Mascard N. Les reliques des saints. Formation coutumière d'un droit. P., 1975.*

УДК: 94 (4) «05/15»297.1

С.Н. Будько (УрГЮА)

Ассасины – профессиональные убийцы или религиозные фанатики?

При всей популярности этого термина, работ по данному вопросу написано сравнительно мало, поэтому тема весьма актуальна и в наши дни. Кем же они были на самом деле - зверскими террористами или одурманенными фанатиками? Гитлер - как изверг и убийца - презирается нашим обществом; террористы, совершившие кровавые акты - презираются нашим обществом... А что же ассасины - великие проповедники своей веры, безвозмездно отдающие свои жизни, или желающие запугать лидеров других государств бездушные убийцы.

В своем государстве ибн Саббах приказал жителям строить дороги, рыть каналы, его агенты собирали редкие рукописи, силой привозили иностранных специалистов разных наук. Системы обороны и фортификаций считались лучшими во всем мире. Он отменил законы шариата, за любое нарушение – грозила смерть. По некоторым источникам, правитель даже убил своего сына за то, что он поступился установленными правилами. Хасан ибн Саббах отправлял террористов-смертников по всему миру для выполнения различных миссий. И всё - таки, помешательство на религии или убийство «лишнего» человека?

Ассасины, конечно, были помешаны на религиозных взглядах, они были преданы своему правителю, они верили в божественный дар своего правителя. Ибн Саббах внушал им, что после выполнения «предназначения», они попадут в рай. «Старец горы», дабы поддерживать их столь сильное религиозное убеждение, одурманивал головы своих подданных. В ритуальных действиях использовали опиумный мак, чтобы ввести в эйфорию хашшашина. После чего перед ним «разыгрывали рай»: его ублажали красивые девы и подавались обильные угощения, - ассасин всем своим нутром верил в то, что нужно выполнить миссию. Они старались как можно быстрее убить «неверного» и умереть, чтобы попасть обратно, в рай. Кроме того, представители исмаэлитов постоянно молились, вели аскетичный образ жизни. Можно проследить все атрибуты любой религиозной организации, может быть даже секты.

Религиозные фанатики - да, это, наверное, так, но есть серьезное «но»! Саббахиты не просто проповедовали свою религию, они убивали, и убивали профессионально! Кроме религиозной подготовки они проходили обучение на спецбазе, они были элитой в военном деле того времени. Каждый ассасин должен был

уметь идеально владеть всеми видами оружия: умело орудовать саблей, метко стрелять из лука и метать ножи, превосходно обладать навыками рукопашного боя. Кроме того, они разбирались в ядовитых веществах, умели прекрасно гримироваться, развивали актерское мастерство, имели великолепные стойкость и выдержку. Иными словами, идеальные солдаты. Для выработки у «курсантов-убийц» терпения в самую ужасную погоду их заставляли сидеть на корточках или стоять, прислонившим к холодным стенам крепости. Ассасины могли проникнуть в самое укромное место, в само логово противника и выполнить «свой долг».

Хотя бы в аспекте военного искусства. По одной из легенд, Хасан ибн Саббах отправил двух своих агентов в Европу, они приняли христианство и стали примерными католиками. Всё это сделано было для того, чтобы убить европейского вельможу, которого охраняли днем и ночью и попытки убийства которого всегда проваливались, но не в этот раз. После завершения работы, зачастую, «жители горных крепостей» даже не скрывались и убивали себя на месте. Если же саббахита всё-таки пленили, потом предавали смертной казни, несмотря на пытки и мучительную смерть, на его лице сияла улыбка. Для совершения данных актов необходим был колоссальный объем информации. Агентурная сеть ибн Саббаха расплелась по всему миру, он получал достоверные сведения практически обо всем, что происходило на планете Земля. Универсальные профессионалы в сфере убийств, они лишали жизни самых охраняемых людей, уничтожали самые сложные и непреступные объекты, имели совершенную систему защиты своей крепости. Уважаемые коллеги, мне кажется, бессмысленно спорить с тем, что ассасины – это элитное подразделение профессиональных убийц, гуру искусства убивать!

Но вообще, дорогие слушатели, по моему мнению, деятельность ассасинов можно сравнить с путешествием слепого путника в темном лесу. Как ослепший путешественник, бродящий среди деревьев, по извилистым тропам, крутым оврагам, веря неясным ревам животных и неверным советам проходящих мимо охотников, может забрести в самые глубокие и непролазные чащи. Так и ассасины, стремящиеся отдать жизнь за свою религию, но движимые и убеждаемые правителем, совершали подобные зверства. Хасан ибн Саббах преследовал, по большей части, политические цели: убрать противников, уничтожить город, подорвать власть в том или ином государстве. Но внушал же он своим войнам иную цель: убиение неверных, прославление своей веры.

Достижения ассасинов в своей деятельности, их мастерство убийства возможно сравнить с величайшим архитектурным достижением - Искупительным храмом Святого Семейства, который построен по проекту Антонио Гауди в Барселоне. Каждое отточенное, разящее движение ассасина напоминает острые и чёткие шпили Церкви Святого Семейства. В представлении современных людей каждый смертельный удар «горного шейха» завораживает, как неповторимый вид Саграда Фамилия. А их стремление попасть в рай сравнимо с центральной 170-метровой башней Иисуса Христа, возвышающейся над всем земным.

Вот только деяния и помыслы «жителей горных крепостей» не зиждили на христианских добродетелях - Вере, Надежде и Милосердии, которые прославляются тремя порталами церковного Фасада Рождества Христова.

Именно такой след оставили ассасины в истории. Еще много неясного и неизученного, поэтому следует более детально заняться этим вопросом.

Литература:

1) Горелов Н. *Ассасины-убийцы // Горелов Н. Царствие Небесное: Легенды крестоносцев XII—XIV веков. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 273—328.*

2) Чарльз Уильям Гекертон. *Тайные общества всех веков и всех стран. М.: РАН, 1993.*

УДК: 94(430).032

Н.А. Бережная (СПбГУ)

Евхаристический конфликт в Бремене: проблемы утверждения кальвинизма на территории Германии

Кончина Лютера в 1546 г. открыла возможность для сближения двух ветвей протестантизма. Для Жана Кальвина важность Германии как колыбели Реформации была очевидной. Филипп Меланхтон не скрывал от своего окружения надежды достичь взаимопонимания со швейцарскими протестантами. Зная об этом, Кальвин попытался вынудить его четко выразить свое отношение к реформатской доктрине, используя проблему евхаристии: здесь позиции наследника Лютера были наиболее уязвимы [1, С. 200–205, 214–215; 2, С. 123–166; 3, С. 393–394]. Ученики и соратники виттенбергского реформатора, теологи Иоганн Агрикола, Андреас Озиандер, Никлас фон Амсдорф, Иоахим Вестфаль и Матфей Флаций, обвиняли Меланхтона в искажении евангелического вероучения. По их мнению, меланхтоновская «измененная» формула Аугсбургского Вероисповедания (1540 г.) в трактовке причастия сближалась с Женевским Катехизисом. Противники Меланхтона, концентрировавшиеся в основном на северо-востоке Германии (их главной цитаделью был Йенский университет), называли себя «гнесиолутеранами» – приверженцами «чистого» ортодоксального лютеранства.

В 1547 г. в Бремене, реформированном Иоганном Тиманном и Иоганном Букенхагеном, умеренными «ортодоксами», не вступавшими в конфликт с новой главой лютеранской Церкви [4; 5], появляется проповедник Альбрехт Харденберг [6; 7], доверенное лицо Меланхтона. За несколько лет его авторитет в глазах местной элиты и духовенства вырос настолько, что он неоднократно составлял рекомендации по различным теологическим вопросам [7, С. 41–43]. В декабре 1553 г. в Бремен приезжает Иоганн Ласко [8; 9; 10], лидер общины английских беженцев, непосредственно участвовавший в разжигании т. н. «второго спора о евхаристии» [7, С. 43; 9, 110–116; 11, С. 197–201]. В 1552–1554 г. он опубликовал 3 трактата в защиту Тигуринского соглашения (заключенного в 1549 г. между Кальвином и наследником Цвингли Генрихом Буллингером) и кальвинистского

понимания природы таинств. В течение двух месяцев проживая в доме Харденберга, с которым он был хорошо знаком [7, С. 43; 10, С. 262–263], Ласко распространял свои сочинения, ведя пропаганду против гнесиолутеранских богословов. После его отъезда недовольство последних обрушилось на их собственного коллегу. Тиманн, обеспокоенный растущими разногласиями среди паствы, сочиняет своего рода манифест бременского духовенства: «Некоторые размышления, согласные с истинной католической доктриной о таинствах» (1555) [7, С. 45–46]. Особое внимание в тексте уделялось апологии учения о повсеместном присутствии: Христос, утверждали гнесиолутеране, не пребывает исключительно на небесах – Он вездесущ, поэтому во время таинства причастия предстает «в хлебе и вине» именно «телесно», а не только своей «Божественной природой», как учили кальвинисты. Харденберг, раздраженный постоянными претензиями, отказался подписывать манифест и «отречься» от высказываний Ласко. Тиманн весной 1556 г. обвинил его в искажении лютеровского учения. В 1556–1557 гг. Харденберг издал два трактата («Положения, или тезисы против повсеместного присутствия Тела Христова» и «Истолкование совета виттенбергских теологов»), в которых подчеркивал, что его точка зрения не противоречит Аугсбургскому Вероисповеданию 1540 г., а значит и Меланхтону [7, С. 55–57, 61–63, 233–234, 491, 494]. 8 февраля 1561 г. по требованию окружных съездов духовенства северной Германии (нижнесаксонского 17 декабря 1560 г. и брауншвейгского 7 февраля 1561 г.) городской совет отстранил Харденберга от должности. Казалось, лютеранская ортодоксия восторжествовала. На самом деле, среди образованного населения подспудно нарастало недовольство. Бесцеремонность нового суперинтенданта Симона Мусеуса [7, С. 90; 12], вмешательство йенских теологов в городские дела увеличили число сторонников филиппизма. Бургомистр Даниэль фон Бюрен в январе 1562 г. уволил Мусеуса и убежденных гнесиолутеран среди советников и пасторов [4, С. 158]. До 1581 г., когда город отверг общелютеранскую Формулу Согласия [4, С. 159; 7, С. 91], он умело лавировал между «филиппизмом» и кальвинизмом, ссылаясь на положение о «конфессионально родственных членах» Аугсбургского Вероисповедания. Бремен стал первым городом на севере Германии, оплотом гнесиолутеранства, где утвердился кальвинизм.

Итак, в Бремене отсутствовали условия для религиозного конфликта. Большинство горожан придерживалось ортодоксальных убеждений, о кальвинизме они только слышали. Но в ходе начавшейся дискуссии образованное население, желая оценить аргументы обеих сторон, знакомилось с сочинениями Ласко и Кальвина. Конфликт был в значительной степени спровоцирован поведением Ласко, который не мог не понимать, какую реакцию вызовет кальвинистская проповедь в городе, традиционно находящимся под влиянием гнесиолутеран, и чем это обернется для Харденберга и его покровителя – Меланхтона. Вероятно, Кальвин хотел подвинуть гнесиолутеранских вождей на резкие выступления не только в отношении швейцарцев, но и против Меланхтона, чтобы представить их возмутителями спокойствия и нарушителями имперского закона (т. к. они не желали признавать «родственных членов Аугсбургского Верои-

споведания»). Кальвин надеялся, что Меланхтон объявит своих противников еретиками, и тогда никто уже не помешает объединению евангелической и реформатской конфессий. Однако в реальности у Меланхтона оказалось гораздо меньше сторонников, чем предполагал Кальвин. Протестантские богословы почитали его как главу евангелической Церкви, часто не разделяя его теологических воззрений. Идея объединения с кальвинистами вряд ли встретила бы у них сочувствие. Меланхтон понимал это и не позволил втянуть себя в открытое противостояние.

Литература:

- 1) Хегглюнд Б. *История теологии*. СПб., 2001.
- 2) Herrlinger A. *Die Theologie Melanchthons in ihrer geschichtlichen Entwicklung*. Gotha, 1879. 468 S.
- 3) Scheible H. *Melanchthon*. // *Theologische Realenzyklopädie*, Bd. 22. Berlin, N. Y., 1992. S. 371 – 410.
- 4) Rudloff O. *Bremen*. // *Theologische Realenzyklopädie*, Bd. 7. Berlin, N. Y., 1981. S. 153 – 168.
- 5) Sprengler-Ruppenthal A. *Untersuchungen zur Bremer Kirchenordnung von 1534*. // *Sprengler-Ruppenthal A. Gesammelte Aufsätze. Zu den Kirchenordnungen des 16. Jahrhunderts*. Tübingen, 2004. S. 374 – 447.
- 6) Klippel G. H. *Hardenberg, Dr. Albert*. // *Real-Encyclopädie für protestantische Theologie und Kirche*, Bd. 5. Stuttgart, Hamburg, 1856. S. 540 – 551.
- 7) Janse W. *Albert Hardenberg als Theologe*. Leiden, N. Y., 1994. 608 S.
- 8) Schmid M. *Laski, Jan*. // *Theologische Realenzyklopädie*, Bd. 20. Berlin, N. Y., 1990. S. 448 – 451.
- 9) Rohls J. *A Lasco und die reformierte Bekenntnisbildung*. // *Johannes a Lasco (1499 – 1560). Polnischer Baron, Humanist und europäischer Reformator*. / Hrsg. von C. Strohm. Tübingen, 2005. S. 101 – 124.
- 10) Janse W. *A Lasco und Albrecht Hardenberg. Einigkeit im Dissens*. // *Ibid.*, S. 261 – 282.
- 11) Spijker W. van't. *Calvin: Biographie und Theologie*. Göttingen, 2001. 236 S.
- 12) Schimmelpfennig A. *Musäus, Simon*. // *Allgemeine Deutsche Biographie*, Bd. 23. Leipzig, 1886. S. 91 – 92.

ИСТОРИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ В СРЕДНИЕ ВЕКА: МИФЫ, ОБРАЗЫ, ИДЕНТИЧНОСТИ, СИМВОЛЫ

УДК: 94(4) 291.23+236.9

О.С. Тютина (НГПУ им. К. Минина)

Проблема интерпретации индивидуальной и универсальной эсхатологических систем: от эволюции к экзистенциализму

Проблема эсхатологии, лейтмотив различных религиозных систем всех времен и народов, в период средневековья была представлена со свойственной христианскому сознанию дуалистичностью в виде «малой» и «большой» эсхатологии (или эсхатологии «личной» и «универсальной»). Несмотря на достаточно длительную историю эсхатологических учений, в период становления христианского монотеизма постулаты «конца времен» были коренным образом трансформированы. Так, «время [в христианских эсхатологических учениях] линейно и необратимо, оно уже больше не циклическое время вечного возвращения» [1, С. 71]. Потому эсхатология языческая и не была наполнена страхом перед лицом смерти, а относилась к ней «сродни ожиданию смены времен года, не подразумевающему альтернативность порядка или вопроса о его причине» [2, С. 79]. Библейские тексты, содержащие в себе многочисленные предначертания грядущих эсхатологических событий и в ряде случаев указывающие их конкретную датировку (например, переломными для истории человечества считались 492, 1000 и 1492 гг.) [3, С. 324–331], были пересмотрены официальным христианством в конце средневековья человечества. В 1492 г. после несостоявшегося «конца света», мотивы «финала» были «вынесены за скобки» христианских канонов, на уровень народного мифотворчества [4, С. 29].

Суть индивидуальной эсхатологии, обозначенной Ф. Арьесом, как «смерть своя», заключается в «диком» восприятии смерти, изначально мыслимой как явление, гармонизирующее с природой. Исследуя данные средневековой иконографии, Ф. Арьес пришел к выводу о том, что «В XIII в. идея Страшного суда почти полностью вытеснила идею второго пришествия Христа» [5, С. 198]. Автор приписывает средневековой ментальности тенденцию к индивидуализации эсхатологических воззрений, обусловленную в немалой степени связью последней с материальной жизнью социокультурной общности средневековья. Он выявляет эволюционную концепцию развития представлений человечества перед лицом смерти [5, С. 205].

Противником данной теории выступал А.Я. Гуревич, фиксирующий в своих работах соприсутствие «великой» и «малой» эсхатологий в религиозном сознании средневековой личности. Оба этих понятия, по мнению автора, «отнодь не последовательные этапы эволюции в направлении индивидуализма» [6, С. 50].

Исследователь идентифицирует «малую эсхатологию» как феномен, связанный «с особенностями народного мировосприятия».

Небезынтересной, на наш взгляд обнаруживает себя концепция христианской эсхатологии в работе Р. Бульмана «История и эсхатология». Согласно автору, миф о конце света возможно истолковать экзистенциально. На основании апокалипсиса Иоанна, исследователь выдвигает тезис о том, что автор Евангелия осознал, что парусия — не будущее, а уже состоявшееся событие, вызванное столкновением верующего с керигмой. Иоанн открывает глаза читателю на тот факт, что парусия уже произошла, но при этом он не понимает под ней имманентный процесс души. Верующий христианин изъят из мира, живя его историчностью (живя из будущего), что дарует ему способность к принятию дара свободы [7, С. 137].

В трудах представителя русской религиозной философии Н. Бердяева вопрос согласования индивидуально-личной и универсально-исторической эсхатологических перспектив предстает довольно сложным для разрешения, вследствие парадокса времени: «С одной стороны, утверждается индивидуальное разрешение личной судьбы после смерти человека. С другой стороны, ждётся разрешение судьбы всего мира и человечества в конце времен, в конце истории. Между двумя перспективами образуется пустое время» [8, С. 279].

Повторим, что эсхатологические учения развивались от «языческой цикличности» к «христианскому финализму» и были вынесены и «за скобки» официальной христианской идеологии после несостоявшегося в 1492 г. конца света.

На основании всего вышеизложенного можно говорить, во-первых, о концепции сосуществования двух различных эсхатологических мотивов («индивидуальной» и «универсальной» эсхатологий) с различными вариациями их взаимодействия: от эволюции до симбиоза. Во-вторых, об идеях взаимопроникновения во времени и пространстве эсхатологических мотивов в виде перенесения событий эсхатологического характера в разряд посюсторонних явлений, обусловленных условиями неидеальной среды.

Если в первом случае имеет место быть тенденция к обмирщению (в виде наполнения народными мотивами и материальными благами) христианской теологии, то в работах Р. Бульмана и Н. Бердяева, напротив, на первое место выходит устремление к демифологизации эсхатологических сюжетов, не вписывающихся в идеальную картину «Царства Божьего».

Литература:

- 1) Элиаде М. *Аспект Мифа*. М.: Инвест-ППП, 1995.
- 2) Желтикова И.В., Гусев Д.В. *Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология*. Орел: Издательство ОГУ, 2011.
- 3) Климишин И.А. *Календарь и хронология*. М.: Наука, 1990.
- 4) Громов Д.В. *Образ «эсхатологического нашествия» в восточнославянских поверьях в древности и современности // Этнографическое обозрение*. 2004. № 5. С. 20–42.

5) Арьес Ф. *Человек перед лицом смерти*. М.: Прогресс, 1992.

6) Гуревич А.Я. *Средневековье, как тип культуры // Антропология культуры*. М.: ОГИ, 2002. Вып. 1. С.39–55.

7) Бульман Р. *История и эсхатология. Присутствие вечности / Пер. с англ. А. М. Руткевич; ред. И. И. Блауберг*. М.: Канон+, 2012.

8) Бердяев Н. А. *Царство Духа и царство кесаря*. М.: Республика, 1995.

УДК: 94(495).04
Е.В. Когут (ГАУГН)

Защита женской чести в палеологовской Византии

Одним из важнейших аспектов как юридического положения женщины, так и части брачных отношений являлась защита византийским государством, обществом и церковью женской чести от посягательств. Данное исследование основано на анализе двух юридических документов: «Синтагмы» Матфея Властаря 1335 г. и «Шестикнижие» Константина Арменопула 1345 г.

«Шестикнижие» Арменопула свидетельствует о весьма жестких наказаниях за изнасилование и похищение девушек, вдов или монахинь [1, Р. 678–682, 742–744]. Так, согласно светскому законодательству, мужчина, изнасиловавший девушку, должен был отдать ей треть своего состояния и ему должны были отрезать нос [2, col. 1213]. Помимо этого на растлителя возлагался и штраф, который он должен был заплатить государству [1, Р. 744]. Однако точная сумма штрафа Арменопулом не указывается.

Анализируя данную норму закона, мы можем сказать, что членовредительное наказание, по всей видимости, является «наследием» предыдущих исторических эпох. Вместе с тем, крупные штрафные санкции были дополнительным барьером для совершения данного правонарушения. Наказанию и общественному осуждению подвергались и те, кто помогал похитить девушку [2, col. 1085].

Каноническое право также уделяло большое внимание вопросам похищения девушек и всячески охраняло и защищало женскую честь. На виновных в похищении девушек и насильников накладывалась строгая епитимия, сама же девушка от наказания освобождалась [3, col. 113, 115]. Однако если соитие происходило с согласия девушки, то в таком случае епитимия на мужчину не накладывалась, и отвечать он должен был лишь перед родителями ее за брак без их согласия.

При согласии родителей и девушки разрешалось заключение брака с ее похитителем, если пострадавшая еще не была обручена с другим. Более того, каноническое право предписывало жениться насильнику на девушке, которую он насильно растлил (если она не была до этого момента обручена) вне зависимости от ее социального и экономического положения [2, col. 1212]. Здесь Матфей Властарь справедливо отмечал расхождения по этому вопросу в каноническом праве и светском законодательстве, по которому, как уже было отмечено выше,

мужчина подвергался членовредительному наказанию и выплачивал штраф пострадавшей и государству.

Необходимо отметить, что канонические правовые нормы в основном говорят о похищении дев, тогда как светское законодательство намеренно подчеркивает, что нет разницы, какого социального и семейного статуса была похищенная женщина. Таким образом, подводя промежуточный итог, можно сказать, что похищение лица женского пола строго каралось как государством, так и церковью. Виновный в нем и его соучастники временно отлучались от таинств, подвергались членовредительным наказаниям и штрафам как в пользу девушки, так и в пользу казны.

Однако существовало значительное различие между светским и церковным правом в том, что касалось разрешения брака между похитителем и девушкой. Канон разрешал брак при согласии всех сторон, государство же выступало в подобной ситуации категорически против. Безусловно, у этих институтов были разные цели. Церковь исходила из постулата о том, что у людей должно быть как можно меньше искушений и грехов. Следовательно, если похититель и его жертва хотели вступить в брак по обоюдному согласию, то его следовало заключить, чтобы избежать блуда и прелюбодеяния. Для государства важно было сохранить приоритет родительского разрешения на брак, чтобы общество могло контролировать процесс создания семей, а, значит, и передвижения семейного имущества. Однако необходимо отметить, что подобное разрешение требовалось до достижения 25 лет, т. е. пока молодой человек или девушка были подвластны отцу или опекуну. Говоря о разном отношении к подобной ситуации у церкви и государства, было бы неверно утверждать, что церковь недостаточно уважала необходимость родительского согласия. Наоборот, оно было весьма важным и являлось необходимым для заключения законного брака [2, col. 1164]. Вместе с тем при наличии этого согласия церковь не видела препятствий для заключения брака, что согласуется с упомянутой концепцией максимального избегания блуда и прелюбодеяния.

Таким образом, наблюдается явное противоречие между нормами светского и канонического права. Детальность описания правонарушения и наказания как в светском законодательстве, так в каноническом праве позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, женская честь, создание семьи с человеком, выбранным или одобренным родителями, являлись важными составляющими жизни византийской женщины. Во-вторых, такое внимание и подробное описание различных аспектов похищения и рабства женщин, возможно, свидетельствует о достаточной распространенности рассматриваемого явления. В-третьих, разговоры о так называемом добровольном похищении, т. е. фактически о побеге из дома женщины с мужчиной, говорят о том, что девушки могли попытаться самостоятельно выбрать мужа, с которым им предстояло прожить жизнь, но светское законодательство (в отличие от церковного) им этого не позволяло. Следует отметить, что у Матфея Властаря содержится положение о наказании для дев, вступивших в брак без согласия родителей. В этой связи представляется

интересным тот факт, что светское законодательство не делало различия между мужчинами и женщинами, вступившими в брак без разрешения родителей, тогда как каноническое право описывает ситуацию о девушках, вступивших в брак без родительского благословения отдельно [2, col. 1164]. Это было связано с тем, что государство устанавливало общий контроль над процессами создания семьи, главенством патриархального отца, движением имущества внутри семьи. Официальное право одинаково карало заслушивание мужчин и женщин, имеющих довольно широкие имущественные права в семье. Церковь, кроме того, проповедовала покорность женщины, смирение перед божественной и отцовской властью, поэтому и наказывалась за ослушание строже.

Литература:

1) *Harmenopulus C. Manuale legum sive Hexabiblos cum Appendicibus et legibus agrariis. Lipsiae: T. O. Weigel, 1851.*

2) *Blastares M. Syntagma alphabeticum rerum omnium quae in sacris Canonibus comprehenduntur, juxta novissimam editionem Atheniensem // Patrologiae cursus completus; Siries Graeca posterior / J. –P. Migne.– Paris: Lutetia Parisiorum; Migne, 1865. T. 144. Col. 959–1400.*

3) *Blastares M. Syntagma Canonibus (continuuatio) // Patrologiae cursus completus ; Siries Graeca posterior / J. –P. Migne. Paris: Lutetia Parisiorum; Migne, 1865. T. 145. Col. 9–212.*

УДК: 94(495).04

М.В. Рукавичникова (УрФУ им. Б. Н. Ельцина)

Понимание судьбы у Георгия Пахимера и Никифора Григоры

Одной из основных категорий миропонимания Георгия Пахимера (автора «Истории о Михаиле и Андронике Палеологах») и Никифора Григоры (писателя, создавшего «Римскую историю») является концепт судьбы, который осмысливается интеллектуалами по-разному.

В произведении первого автора Провидение предстает как неотвратимый, непредсказуемый и жестокий по отношению к человеку рок. В тексте говорится, что «неизбежная судьба управляет как существами бездушными, так и городами» [1, С. 94]. Герои пытаются уклониться от предопределения: один из персонажей сбежал от людей, хотевших пленить и убить его, но, «что ни делал, не мог уйти от своей судьбы» [1, С. 259] и погиб. Предначтанное никто не способен изменить.

Авторское понимание судьбы как жестокой к человеку силы отражается в том, как осмысливаются знамения (один из топологических образов). Различные чудесные события часто используются в чьих-то корыстных интересах. Примером этого является предсказание, которое сделал фессалоникийский предстоятель в отношении Михаила Палеолога. Священнослужитель указал, что таинственное

слово «μάρτυρ»), услышанное во время молитвы, предвещает то, что опальный военачальник станет императором. Знак судьбы стал таковым только в интерпретации человека, а не был утвержден писателем как послание Провидения априори. Кроме того, говорится, что, возможно, никакого знамения не существовало, а предсказание намеренно было сделано в пользу Михаила VIII. Такая версия событий подтверждается тем, что впоследствии, вспомнив это предсказание, будущий правитель получил необходимый голос в свою поддержку и был коронован первым (т. е. раньше, чем законный наследник престола). Природные явления, которые традиционно являются знаками судьбы, не представляются автором как знамения: землетрясение, сровнявшее с землей целый город Диррахий, описывается как страшная катастрофа, но историк не говорит о каком-либо скрытом смысле. Знамения могут быть ложными. К примеру, когда сын императора Андроник II решает восстановить разрушенный город Траллы, руководствуясь предсказанием, высеченным на камне, сочинитель говорит, что «эти письма оказались насмешкою и грезами; потому что из-за них суждено было погибнуть здесь целым десяткам тысяч жителей» [1, С. 292].

Итак, в концепции Георгия Пахимера судьба предстает враждебным роком, который играет с человеком. От Провидения невозможно скрыться, а знамения не предостерегают людей, не помогают предугадать определения Промысла. Самые заметные события окружающего мира, могущие быть предвестниками будущего, описываются с объективной точки зрения, без обнаружения в них скрытых смыслов и значений. Предсказания же либо сочиняются людьми для использования в корыстных целях, либо являются ложными, становятся частью коварной игры рока с человеком.

Промысел, каким его представляет автор «Римской истории», более милосерден по отношению к людям. А. П. Каждан отмечает, говоря про интеллектуала: «Воля Божья, по его словам, движет всем; <...> все ведет то к благополучию, то к несчастной доле, а пуще всего к наставлению и воспитанию» [2, С. 11]. Одна из особенностей осмысления судьбы у Никифора Григоры — это дидактическая функция Провидения. Понимание предопределения как силы, которая учит людей, перекликается с авторской концепцией истории: предназначение прошлого и сочинений, его описывающих, — дать информацию об устройстве мира и общества. В тексте писатель часто говорит, что из трагических событий нужно извлекать урок. Главное же, что должен усвоить человек: необходимо по собственному желанию направлять свои действия в соответствии с волей Промысла. Нужно «поставить себе за правило — не противиться свыше положенному определению, каково бы оно ни было, не делать ничего вопреки ему, спокойно покаясь своей участи, <...> уступать силе обстоятельств» [3, С. 215–216]. Знамения, воплощая такое понимание, оказываются действительными (а не ложными, как у первого автора) предвестниками будущего. Тем не менее, они даются человеку не для того, чтобы он смог изменить события — ведь сопротивление судьбе ведет к трагедиям. Кроме того, предупреждения не совсем ясны, ибо замысел высших сил принципиально недоступен человеку: в тексте постоянно говорится о не-

споведимости и непостижимости предопределения. Предсказания и различные природные явления просто дают знать о бедствиях, ожидающих героя, который, в соответствии с представлениями автора, должен подготовить себя к претерпеванию грядущих жизненных бурь. Например, Андронику II были даны плохие предзнаменования, но не было открыто, что причиной всех несчастий будет его внук.

Итак, Промысел в произведении Никифора Григоры оказывается справедливой силой, которая воспитывает и учит человека. И хотя людям недоступен замысел высших сил в его целостности, с помощью знамений они могут понять, что их ожидает бедствие, и они должны подготовиться принять его, не противиться предопределению.

Таким образом, хотя судьба представляется обоим авторам как нечто непостижимое и неизбежное, их концепции отличаются друг от друга. В произведении Георгия Пахимера фигурирует жестокий рок, играющий с людьми при помощи знамений. В тексте же второго историка, Промысел оказывается справедливой и гуманной силой, наставляющей человека. Реальные, а не ложные предначертания Провидения явлены в виде знамений, приоткрывают завесу тайны над тем, что ожидает героев в будущем.

Литература:

- 1) Пахимер Георгий. *История о Михаиле и Андронике*. Рязань: Александрия, 2004.
- 2) Каждан А. П. «Корабль в бурном море»: к вопросу о соотношении образной системы и исторических взглядов двух византийских писателей // *Из истории культуры средних веков и Возрождения*. М.: Наука, 1976. С. 3–16.
- 3) Григора Никифор. *Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами*. Рязань: Александрия, 2004.

УДК: 930.85.008

А.Л. Гагарина (НГПУ им. Козьмы Минина)

Средневековое темпоральное мышление и идея исторического прогресса

Время. Время спутник рода человеческого на протяжении существования и одного, и существования всех. Ориентация на время была присуща человеку как «вчера», так и «сегодня». Если говорить о чисто прикладном значении времени, то оно, безусловно, является одним из главных факторов при анализе исторического источника.

Темпоральное мышление средневекового человека есть не что иное, как причудливое восприятие пространства через призму сочетания архаических отголосков народного сознания (языческий циклический календарь природных ритмов), наложенных на иудаистскую идею о мессианском разрешении истории. Наложение циклов на прямую исторического хода, движущуюся от сотворения мира к Царству Божьему.

Однако прямая христианской истории несколько отличается от иудаистического понимания. Понимание времени в этом смысле придает значение не только будущему, но и прошлому. Будущее несет возмездие за события прошлого, тем самым устанавливая связь времен и провозглашая принцип историзма.

Изменилось и понимание циклизма. Циклическая парадигма истории впервые получила классическое выражение в древнегреческой философии. Античные философы полагали, что история не знает движения к исторической или сверхисторической цели: она движется по кругу, возвращаясь к своему исходному пункту. Ее течение предусматривает генезис, акме и упадок каждого отдельного бытия в определенное для него время и в определенных пределах. Вне этой временной протяженности, установленной роком, нет ничего. Внутри космического круга можно различить разные периоды, в совокупности составляющие процесс деградации, который берет начало в исходном совершенстве бытия и постепенно полностью искажает то, что есть мир в своей сущности [1, С. 89, 99-100].

Земная история, взятая в целом, в рамках, образуемых сотворением мира и концом его, представляет собой заверченный цикл: человек и мир возвращаются к Творцу, время возвращается в вечность. Циклизм христианского понимания времени обнаруживается и в церковных праздниках, ежегодно повторяющихся и возобновляющих важнейшие события из жизни Христа [2, С. 116-117].

А.Я. Гуревич выделяет следующие особенности темпорального восприятия средневековья:

1) Существование нескольких видов времени: местного, сельского, родового, социального и т.д.

2) Приоритет сакрального времени над реальным.

3) Сохранение архитипа поведения, присущего людям архаичного традиционного общества в облике персоналий и событий Ветхого Завета.

4) Историческое время – это соединение сакрального времени христианского мифа с категориями мирского времени.

5) Время это прорыв из вечности, атрибута нетварного Бога. Время рождено из вечности и в вечность возвращается в конце своего пути. Время существует, пока существует мир. Это прямое продолжение идей Платона и неоплатонизма (Плотин).

6) Существование земной жизни имеет смысл только, когда включено в сакраментальную идею о спасении рода человеческого, поэтому прошедшее и будущее обладают большей ценностью.

Итак, согласно христианской теологии мир имел начало своей длительности в акте творения. Он не в коем разе не может быть циклическим на глобальном уровне, так как это отрицает единственность пришествия Христа на землю и делает невозможным конечное спасение человека.

Идею естественного линейного исторического времени, впервые обосновал в своей «Исповеди» Августин Блаженный. Образ реального времени в трудах Августина строит на контрасте с сакральной вечностью, где нет ни вчера, ни завтра (книга XI, XIII). Время и отличается от вечности именно тем, что настоящее ухо-

дит в прошлое (книга XI, XIV). Будущее – это причины и признаки, которые видны уже в настоящем (книга XI, XVIII). Время существует в душе человека, как память, как созерцание настоящего, как ожидание будущего (книга XI, XXVIII).

Т.е. время, по Августину, идет из будущего через настоящее в прошлое (книга XI, XXI). Что сделало возможным рассмотрение всемирно-исторического процесса как унитаристского.

Идея исторического прогресса в привычном нам понимании, сложилась в эпоху Просвещения. Средневековой идее исторического движения в экономической, социальной или политической сфере как движения по восходящей была чужда. Это была скорее деградация, удаление от идеального бытия, созданного при творении. Ведь ничего лучшего по сравнению с творением Бога сделать уже невозможно. Поэтому задача земной жизни конкретного человека – законсервировать существующий порядок. Главная цель духовных поисков человеческого общества – преодоление первородного греха через количественное расширение группы праведников и распространение христианства.

Прогресс – это, в первую очередь, направленное движение, что предполагает наличие конечной цели. Конечная цель средневековой христианской культуры – спасение бессмертной души в час Страшного Суда в конце истории человеческой. Рост числа христиан, а значит и спасшихся душ – это и есть прогресс.

Темпоральное восприятие одна из важных характеристик человеческой культуры. Она дает возможность историку увидеть субъект своего исследования через осознание его места в мире.

Литература:

1) Семенов Ю. И. *Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней)*. М.: «Современные тетради». 2003.

2) Гуревич А. Я. *Категории средневековой культуры*. М.: Искусство, 1984.

УДК 94(460). 023:013.[34.01/34.04]

И.В. Сямгомов (СПбГУ)

Эволюция философии власти в Кастилии и Леоне XI–XIII вв

Среди всех исторических сюжетов из жизни средневековой Кастилии особый интерес для исследователей представляют вопросы эволюции политического и правового сознания. Теория власти средневековой Испании тесно связана с правовой практикой Кастилии и Леона. Испанское право во многом определяло те рамки, в которых кастильские короли могли действовать без опаски лишиться ореола легитимности. Вместе с тем вестготская традиция не могла в полной мере отвечать вызовам времени, что обуславливало появление общеевропейских средневековых тенденций в политике кастильских королей. От Фердинанда Великого до Альфонсо X Мудрого происходил постепенный отказ от вестготского сознания и формирование полноценного средневекового мировоззрения. Дан-

ный доклад посвящен исследованию особенностей противостояния этих двух философских концепций.

Вестготская традиция нашла характерное воплощение в двух общественных институтах средневековой Испании – системе наследственного права, практике кортесов.

Для Кастилии и Леона XI–XIII вв. характерна полная гегемония вестготской системы права [1, Р. 42]. В данный период ещё не происходило явное разделение права по отраслям, и старинные вестготские кодексы выполняли функции как королевского, так и муниципального права. Так «*Liber Iudiciorum*» или «кодекс Рецесвинта» [2] являлся основным кодексом Кастилии и Леона вплоть до издания Альфонсо X сборника «*Fuero real*» [3] и общеправового сборника «*Siete partidas*» [4]. Вопросы наследования освещает четвертая книга вестготской правды [2, С. 584–604]. Второй титул [2, С. 587] освещает главный закон наследования вестготов: все дети в равной степени получают наследство родителей. При этом с точки зрения вестготского сознания королевский титул — это лишь вариант собственности, следовательно, он — тоже часть наследства. Вроде бы ничего необычного, но Фердинанд I, к примеру, всю свою жизнь собирая земли и титулы своего отца Санчо III Наваррского, был вынужден перед смертью поделить их между сыновьями. Так королем Галисии стал Гарсия, Кастилии — Санчо II, а Леона — Альфонсо VI. Все это привело к тому, что в ходе феодальной усобицы королем всех отцовских земель становится Альфонсо VI Завоеватель. Дочь Альфонсо VI, Уррака, так же чуть не стала заложником старого вестготского законодательства, когда её муж Альфонсо I Воитель, король Арагона, пытался через брак претендовать на все земли Кастилии и Леона [2, tit. 2.11, 2.16].

Легитимность этих законов, была порождена именно старым вестготским сознанием, представление которого о мире было обусловлено не требованиями настоящего времени, а закостенелой идеей вестготского мира, который необходимо вернуть. Мысль эта, судя по всему, была бессознательной, своеобразной формой мифа о вестготском могуществе.

Наряду с бессознательными формами традиции существовали вполне понятные и адекватные эпохе идеи, почерпнутые из вестготских традиций и признаваемые обществом. Самым ярким примером здесь может служить практика созыва Кортесов, институт которых, по сути, являлся дальнейшим развитием практики Толедских соборов [5]. Будучи классическим сословно-представительным учреждением [6], кортесы, тем не менее, имели характерные отличия, причины которых как раз кроются, по нашему мнению, в вестготских традициях. Как мы знаем, в кастильских кортесах ведущую роль с 1188 г. начинают играть городские представители [7; 8; 9;]. Независимость муниципий, столь распространенная в XII в., восходит своим основанием опять же к вестготской эпохе, когда города королевства, преимущественно иберо-римские по населению, обладали широкой самостоятельностью по отношению к королю и вестготской знати [10]. Города вроде Севильи или Толедо, выступали не только хранителями и проводниками

римской культуры, но и активно продвигали идею о новом вестготско-римском мире [11]. Расцвет этой новой государственной доктрины пришелся на середину VII в. и, как мы считаем, стал неразрывной частью мифа о правильном королевстве вестготов. Нет ничего удивительного, что в конце XII в. кастильские короли начинают активно продвигать идею сословных собраний с сильной ролью муниципалитетов. Это решало много задач. С одной стороны, короли получали ореол легитимности в глазах общества; с другой, находили в лице горожан союзников, которые поддерживали королей в противостоянии с дворянами [5, С. XIII]. В-третьих, сильные муниципии выступали щитом против мавров, поскольку большинство независимых муниципиев находились в долине реки Дуэро и вокруг святого для вестготов Толедо. Таким образом, кортесы так же стимулировали вестготский миф, играли на нем, усиливая короля и королевство.

Миф о правильном вестготском королевстве в течение двух веков порождал дуализм в Кастильской политике, что приводило, с одной стороны, к постоянным династическим кризисам, но, с другой, укрепляло авторитет королевской власти. Вместе с тем популярность вестготского мифа непрерывно угасала: проблема наследственного права всплывает последний раз после смерти Альфонсо VII императора, когда Кастилия и Леон были разделены между Санчо III и Фердинандом II. Их внук Фердинанд III объединил Кастилию и Леон в единую корону, которая больше не разделялась.

Литература:

- 1) *Alvarado Planus J. El problema del germanismo en el Derecho Español. Siglos V–XI. Madrid, 1997.*
- 2) *Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование / под ред. А. В. Маврей, О. В. Ауров. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012.*
- 3) *Fuero real del rey don Alonso el Sabio. Madrid: Real Academia de la Historia, Imprenta Real, 1836.*
- 4) *Las siete partidas del rey don Alfonso el Sabio. Madrid: Imprenta Real, 1807.*
- 5) *Пискорский В. К. Кастильские Кортесы в переходную эпоху от Средних веков к Новому Времени. М.: Книга по Требованию, 2011.*
- 6) *Алтамира-и-Кревеа Р. История Испании. М.: Издательство иностранной литературы, 1951. Т. 1.*
- 7) *Фрязинов С.В. Материалы для изучения фуэрос и поселенных хартий Испании // Средние Века. 1962. Вып. 22. С. 159–179.*
- 8) *Червонов С.Д. Города Центральной Испании XII–XIII вв. (по данным фуэрос). Автореф. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М, 1982.*
- 9) *Червонов С.Д. О правовой основе взаимоотношений кастильских городов и королевской власти на рубеже XII–XIII веков // Городская жизнь в средневековой Европе. М.: Наука, 1987. С. 157–179.*
- 10) *Циркин Ю.Б. Античные и раннесредневековые источники по истории Испании. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006.*

11) Fontaine J. *Isidore de Seville et la culture classique dans l'Espagne wisigothic. Vols. I, II. Paris: Études Augustiniennes, 1959.*

УДК 94 (420) «03»: 133.5:54
Э.А. Андреева (СПбГУ)

Алхимическая составляющая в научных изысканиях Роджера Бэкона

До XII в. алхимическая традиция западной Европы представляла собой лишь переводы на латынь арабских и античных сочинений. Но, начиная с XIII в., можно говорить об особом этапе алхимического периода, так как с этого времени западные ученые, начинают работу над собственными трактатами. Своего пика развития средневековая алхимия достигает в период с XI по XIII вв. Среди ученых, этого периода, выделяется Роджер Бэкон, поскольку именно он первым среди западноевропейских алхимиков, стал использовать экспериментальные методы в своих изысканиях.

Бэкон был человеком своей эпохи, но его деятельность крайне отличается от его коллег-современников. В его трудах крайне мала мистическая составляющая, а теоретическая база дополнена практическими примерами, что нехарактерно для этого периода. Бэкон имел предубеждение против умозрительных методов. В своих трудах он писал, что исследования его коллег не вызывают у него ничего, кроме раздражения и уверял, что современные ему ученые не видят всего потенциала алхимии, из-за чего незаслуженно пренебрегают ей. Бэкон объясняет это тем, что для занятий алхимией требуется богоизбранность и божественное озарение [1, Р. 620]. Поэтому в области алхимии работают немногие, и еще меньше тех, кому удастся производить опыты, результатом которых является истинная цель искусства Гермеса, которого достоин лишь мудрейший [2, Р. 142]. Свой алхимический опыт Бэкон также видит в эмпирических откровениях.

Ошибкой многих исследователей является отношение к алхимии, только как к тупиковой ветви развития химии. Но, для адептов XII в. именно химия была лишь побочным продуктом алхимии. При этом Бэкон указывает на огромное значение естественнонаучного опыта, критикуя схоластические подходы к науке его современников. Он делил алхимию на две ветви: спекулятивную и практическую. Спекулятивная – удел ученых. Это наука о происхождении из первичной материи четырех элементов и всех остальных веществ из них. Практическая алхимия – удел ремесленников, применяет эти теоретические идеи для медицинских и повседневных целей. Бэкон утверждал, что алхимия родственна физике.

С точки зрения духовной составляющей алхимические воззрения Бэкона не предполагали глубокой связи между алхимией и религиозным опытом. Но спиритическую составляющую алхимии Бэкон выделяет, и признает связь между алхимическим процессом, который проходит при создании философский эликсир и сотериологическим путем, который проходит при жизни душа через христианскую нравственность к спасению.

Алхимические манипуляции Бэкона, как истинного адепта были направлены не на получение золота, а на то, чтобы привести человеческий дух и тело в совершенное состояние, которые было у Адама и Евы до грехопадения. Бэкон соглашался, что с помощью алхимии можно делать золото, однако категорически отрицал слухи, что он практикует эту науку в подобных целях. Первостепенную задачу алхимии он видел в продлении жизни. Цель человеческой жизни в познании бога и истины, но она коротка? и человек не в состоянии познать за столь короткий промежуток весь божий мир. С помощью медицины и астрологии Бэкон рассчитывал выяснить состав нетленных тел первых людей, а с помощью алхимии вернуть человеческое тело к этому состоянию, в котором вещества существовали в совершенной гармонии в соответствии с их добродетелью, и таким образом продлить жизнь и благосостояние людей. Состав философского эликсира должен был различаться в зависимости от того к кому применялся. Бэкон писал, что небесные энергии определяют мощные факторы, которые сильно влияют на человека, животных, растения и на любое вещество в природном мире. Звезды не решают судьбу, люди обладают свободной волей – божественным даром, но движения небесных тел влияют на предрасположенность земного объекта. Таким образом, астрология должна быть инструментом в медицине и алхимии. При этом Бэкон выступал против магических практик, и утверждал, что алхимия опирается исключительно на природные силы науки, искусственно использованные и направленные на потенциал, скрытый в них. Бэкон признавал, что есть мистические силы, но уверял, что все они являются продуктом природных явлений, которые не могут быть плохими или хорошими, они, как природа, нейтральны, пока человек не направит их. Природная магия, применяемая для благих целей, позволительна, все остальное – черная магия, действующая во зло.

Итак, по мнению Бэкона, высокая христианская нравственность ведет к благословенности, которая дает возможность для божественных откровений в области универсальной науки, которая должна быть использована для продления жизни тела, избавления его от болезней и несовершенств, как это было у первых людей до грехопадения, и в качестве средства спасения души [3, Р. 10]. Эта метаморфоза тела сама по себе является своего рода протоспасением. Философский эликсир работает, принося недостающие элементы и соки в тело, а также заменяя больные и несовершенные, так достигается идеальная гармония – большой выздоравливает, несовершенное тело достигает совершенства. В воскресении, тела святых будут приведены к той же совершенной гармонии, а грешники будут мучиться в аду, страдая от больных и увечных тел [3, Р. 16].

Не следует преувеличивать значение алхимии для Бэкона, все науки, составляющие «универсальную» были одинаково важны. Однако, из всех компонентов ее, только алхимия тесно связана с его идеями о христианской нравственности и спасении. Попытка объединить алхимию и медицину под эгидой универсальной науки не возымела большого влияния на современников Бэкона. Но, для последующих поколений алхимиков труды его стали авторитетными пособиями, о чем говорит огромное количество поздних трактатов, подписанных его именем. Бла-

годаря тому, что в трудах Бэкона предпринята попытка объединить все знания в универсальную науку, а также критика их, и выражение собственного взгляда ученого, они становятся своего рода энциклопедией, по которой можно проследить тенденциозность в развитии средневековой алхимии периода ее расцвета и предпосылки ее развития в будущем.

Литература:

- 1) Bacon Roger. *Radix Mundi*. London, 1692.
- 2) Bacon Roger. *Speculum Alchymiae*. London, 1684.
- 3) Bacon Rogeri Fr. *Opera quaedam hactenus inedita*. In 2 vols. London, 1859 Vol. I.

УДК 94(415).05/06.
Ф.Е. Левин (СПбГУ)

Противостояние ирландской и британской идентичности на примере сюжетов из «Книги Захватов Ирландии»

В XVI–XVII вв. на территории, принадлежащей английской монархии, мы наблюдаем весьма интересные процессы по созданию идентичностей, характерные для всей Европы раннего Нового времени. С момента публикации псевдоберозовских «*Antiquitates*» монахом Нанни из Витербо в 1498 г. в Европе становится популярной концепция, что все древние народы произошли от колена Ноева. Последовав примеру Нанни, историки создают псевдоисторические схемы, помещавшие истории своего народа в библейский контекст, возводя генеалогические линии предка к Ною, а иногда — к Адаму [1].

В правление Тюдоров и Стюартов появляются несколько мифологем, противоречащих друг другу. Пользуясь терминологией К. Гирца, мы можем их разделить на два вида: эпохалистская и эссенциалистская. Эпохалистская модель идентичности обычно навязывается государством и зачастую стремится подчинить себе идентичности других этнических групп.[2, С. 278] Реакцией же на такую модель становятся эссенциалистские идентичности подавляемых групп, которые выдвигают более этнолокальные и этноцентричные мифы.

Источником британской псевдоисторической схемы послужила «История королей Британии» Гальфрида Монмутского, написанная в XII в., использовавшаяся как придворный миф при Тюдорах. Согласно Гальфриду, британский предок Брут, происходивший из Трои, стал первым королем бриттов. Перед смертью он разделил королевство на три части между Локрином (Англия), Альбанактом (Шотландия) и Камбером (Уэльс), при этом титул короля бриттов достался Локрину, которому присягнули остальные сыновья [3]. Тем самым, легитимировались права англичан на верховное управление на острове.

В оппозиции британскому мифу находились ирландские и шотландские мифы, которые создавали свои генеалогические линии, доказывающие автохтонность народов. Иллюстрацией этого противостояния служит репрезентация

мифа о происхождении ирландцев в «Книге захватов Ирландии», источнике IX–XII вв., изданном в 1631 г. францисканском монахом Майклом О'Клери. «Книга захватов», собрав воедино легенды и мифы о древности страны и происхождении её народа, не только представила нарративную историю от сотворения мира до прихода христианства, но и создала национальный миф, целью которого было поставить Ирландию в один ряд с Римом и Израилем.[4, Р. 1]

Различие британской и ирландской картины мира заключалось в разных интерпретациях библейского происхождения от сыновей Ноя. Если ирландцы происходили от Магога, то британцы вели свою генеалогическую линию от Гомера, старшего сына Яфета. Британский миф, пропагандируемый тудоровской династией, позволял говорить о преимуществе британской идентичности над ирландской: Гомер старше Магога, а валлийцы были могущественнее ирландских гэлов.

Такие же различия между двумя мифами можно увидеть, если сравнить образы пророчества в «Книге Захватов» и «Истории королей Британии». Друид Кэйхер отвечает Лаймфинду, одному из предков Миля, который первый достигнет Ирландии: «...Мы не должны останавливаться, пока не достигнем благородного острова Ирландия. Она дальше, чем Скифия, и не нам уготовано его достичь, а нашим детям через триста лет» [6, Р. 207]

Бруту же пророчество дает римская богиня Диана. «...ибо судьбой предначертано, чтобы ты построил вторую Трою и основал империю твоего королевского рода, которую никто не разрушит и не завоюет» [1, С. 17]. Как видим, британские претензии на могущество более эпохалистские по сравнению с пророчеством Кэйхера о возведении второй Трои и империи.

Таким образом, скифо-библейская идентичность ирландцев и трояно-киммерийская идентичность британцев проецируют два разных видения этнической карты Европы. Ирландцы выдвигают миф о первенстве среди кельтских народов на основании своей исторической памяти о кельтских миграциях [5]. Согласно «Книге захватов», они появляются в Ирландии и Британии (Шотландии) раньше народа Брута и первыми колонизируют Шотландию [6]. «Книга захватов» показывает, что кельтский мир был отнюдь не монолитным, и борьба за первенство происходила на периферии. В рамках кельтского мира ирландский миф играл эпохалистскую роль, конкурируя, в первую очередь, с валлийским.

Идея общего происхождения и общего предка является базисной для этнотерриториальной идентификации, поэтому наделение ирландского народа столь древней библейской историей легитимировало её право на суверенитет и доказывала неварварский, а наоборот христианский характер её культуры [7]. Ирландский миф был эссенциалистским и этноцентричным и был направлен, в первую очередь, на этническую группу, проживавшую в Ирландии. Британский же миф был встроен в контекст общеевропейских мифов, фиксирующих троянское происхождение от героев-прародителей. Однако значительное наличие автохтонного кельтского элемента в ирландском мифе и малая доля такового в британском может послужить доказательством англосаксонского некельтского характера британской идентичности.

Литература:

- 1) Доронин А. В. *Post diluvium. К истории одной (не)удавшейся фальсификации. // Историческая память в культуре эпохи Возрождения / Отв. ред. Л. Брагина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 128–141.*
- 2) Гириц К. *Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.*
- 3) Гальфрид Монмутский. *История королей Британии. М.: Наука, 1984.*
- 4) Carey J. *The Irish national origin legend: synthetic pseudohistory // Quiggin Pamphlets on the Sources of Mediaeval Gaelic History. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 1–27.*
- 5) *The Oxford Illustrated History of Prehistoric Europe / Ed. by B. Cunliffe. Oxford: Oxford University Press, 1991.*
- 6) Leabhar Gabhala. *The Book of Conquests of Ireland: The Recension of Micheal O'Cleirigh I. Dublin: s.n., 1916.*
- 7) Smith A. *National Identity. London: Penguin Books, 1991.*

УДК: 94 (450) 05

М.Р. Хамитов (Челябинский ГПУ)

Деловые люди Флоренции XV в.: представления о богатстве и труде

В каждом обществе существует концепция богатства и труда. Эти политико-экономические категории отражают жизненные установки общества, и поэтому реконструкция категорий труда и богатства существенно важна для понимания духовного климата, господствовавшего в этом обществе. Целью данной статьи является выяснить, как в эпоху Возрождения меняются представления деловых кругов Флоренции о богатстве и труде по сравнению со средневековым пониманием.

Флоренция XIV–XV вв. — развитый центр экономической и культурной жизни Италии. Экономический расцвет Флоренции был связан с процессом складывания раннекапиталистических отношений и проявился в развитии банковско-ростовщического дела, а также в активном участии флорентийских купцов в международной торговле. Поэтому Флоренция была городом богатых купцов, владельцев мануфактур, торгово-банковских фирм, конкурирующих друг с другом за политическое влияние и власть в обществе [1, С. 56].

Деловых людей или людей «нового типа» все более не устраивал средневековый трагизм мироощущения, пафос страдания, эстетизация нищеты [2, С. 34]. Соответственно, они иначе ощущали свою связь с миром, обществом и другими людьми, их отличали активная жизненная позиция, трудолюбие, целеустремленность, прагматизм, внутренняя свобода и жизненный оптимизм. Новое, гуманистическое понимание человека, делавшее акцент не на его происхождение, а на личных качествах как нельзя лучше соответствовало мироощущению ранней буржуазии. Как отмечает крупнейший отечественный

исследователь эпохи Возрождения Л.М. Брагина: «Именно в это бурное, полное борьбы и потрясений время формируется новый тип человека — хозяина жизни, вышедший победителем из разных фаз ожесточенных классовых схваток, зажиточный, энергичный, гордый своими успехами и уверенный в своих силах горожанин» [3, С. 23].

В приумножении своих денежных богатств флорентийская буржуазия в XIV–XV вв. видела естественную цель земного существования. Однако в средневековом европейском обществе отношение к богатству определялось отношением к загробному спасению и порицалось римско-католической церковью. Так, например, средневековый богослов Таддео Дини подчеркивал в своих проповедях отрицательные стороны богатства: «Много денег, драгоценности и дорогие вещи никого не делают красивыми, добрыми, благородными» [4, С. 45]. В противовес этим идеям купец XV в. Франческо Дати писал о своем сыне: «Мой старший сын уехал в Каффу вести дела с небольшими деньгами... Теперь мы получили новости о нем. Он достаточно много нажил там, и дела его идут очень хорошо» [4, С. 78]. Богатство сына воспринимается им без всяких сомнений и оговорок относительно способов его достижения, в известном смысле, здесь оно выступает той целью, которая оправдывает любые средства.

Более того, накопленное богатство и достигнутое процветание не просто выглядело в сознании деловых людей как позитивное начало, оно расценивалось как признак благосклонности свыше. Донато Веллутти заявлял: «Вечная хвала Богу за то, что я имел много и в домах, и в землях, и наличными. Я так благодарен Богу, от которого воспоследовало столько благ» [4, С. 34].

Таким образом, в отличие от христианской догматики, богатство в представлениях флорентийцев становилось не только обязательным атрибутом образа жизни доброго купца, знаком его респектабельности, но и первоосновой политической карьеры. Однако накопление денег не могло происходить без активной трудовой деятельности. Еще известный купец Питти отмечал, что «труд — это главный источник богатства» [5, С. 248].

В Средневековом обществе христианская церковь считала труд занятием, отдаляющим человека от Бога, от более удобной созерцательной, монашеской жизни. Труд не считался самоцелью, но и праздность порицалась. Однако уже в эпоху Возрождения под влиянием гуманистических идей труд перестал восприниматься исключительно как грубая физическая повинность. Гуманисты признавали важность труда для личности и общества в целом, формировали представления о труде, связанные с его интеллектуальным измерением. «Без ежедневной трудовой активности я бы не смог достичь такого состояния и высот», — писал купец Виллани [6, С. 551].

Труд деловых людей зачастую требовал расчетливости, способностей руководителя, умения целесообразно планировать жизненный распорядок — приложения интеллектуальных способностей и волевых качеств. Не случаен акцент на здравомыслии, мудрости и рациональной ответственности, так заметный в произведениях пополанов. Купец Веллутти в своей «Домашней хронике» пока-

**Средневековые знамения как приметы грядущего поражения:
Варненская битва²**

зывает как отход от деловых обязанностей и всякое проявление пренебрежения к труду приводит к банкротству (на примере своих родственников): «Затем...они переменили образ жизни, и долгое время проводили, занимаясь фехтованием и другими разорительными вещами. И в короткое время они промотали капитал и то, что было нажито...» [4, С. 34].

Признание значения труда способствовало формированию у представителей деловых кругов Флоренции смелости в стремлении к обогащению и предприимчивости. Как отмечал исследователь Э. Чемберлин, «купец эпохи Возрождения был трудолюбивым и смелым человеком с богатым воображением...» [7, С. 456].

Таким образом, изучение трудов торгово-предпринимательских кругов Флоренции XV в. показывает отход от традиционного средневекового понимания категорий «богатства» и «труда». Под влиянием экономических изменений в обществе и гуманистических идей меняются и основные моральные ориентиры. Идеал активной личности, стремящейся к самореализации на профессиональном поприще, уважающей себя и свой труд, вот что характеризуют мировоззрение деловых людей. Деловые люди эпохи Возрождения ставили первостепенной земной целью накопление богатства посредством активной трудовой деятельности. В качестве основного морального ориентира они выдвинули идеал активной жизни, который подразумевал деятельную самореализацию на выбранном профессиональном поприще, ориентируясь на личность, которая рассчитывает на свой ум и свои способности.

Литература:

- 1) Ролова А.Д. *Итальянский купец и его торгово-банковская деятельность в XIII–XV вв.* // *Средние века.* 1994. Вып. 57. С. 62–74.
- 2) Юдовихин П.А. *Гуманизм, Ренессанс и основные этапы эпохи Возрождения.* М., 1985. // *Режим доступа:* URL: http://www.renesans.ru/renaissance/article_01.shtml. (Дата последнего обращения: 11. 07. 2012).
- 3) Брагина Л.М. *О некоторых спорных вопросах социальной психологии флорентийского купечества XV в.* // *Культура и общество Италии накануне Нового времени.* М.: Наука, 1993. С. 51–64.
- 4) *Документы по истории университетов Европы XII–XV вв.* Воронеж: Воронежский государственный педагогический институт, 1973.
- 5) Питти Б. *Хроника / Пер. с итал. З.В. Гуковской.* Л., 1972.
- 6) Виллани Д. *Новая хроника или история Флоренции / Пер. М.А. Юсима.* М.: Наука, 1997.
- 7) Чемберлин Э. *Эпоха Возрождения. Быт, религия, культура.* М.: ЗАО Центрполиграф, 2006

По мнению Марка Блока, историку в процессе своих исследований нельзя пренебрегать поразительной восприимчивостью средневекового человека к сверхъестественным явлениям, которая заставляла его с болезненным вниманием следить за всякого рода знамениями, снами и галлюцинациями [1, С. 136]. Зачастую под знамениями принято понимать различные природные явления, которые имели место накануне каких-либо важных событий и были их предвестниками. Стихийные бедствия тектонического и метеорологического характера воспринимались как проявления тайных, потусторонних волей, то есть Божественного провидения.

Традиция упоминаний дурных предзнаменований была очень популярна в раннесредневековых текстах. Однако анализ исторических произведений XV в. показывает, что описания знамений использовались хронистами не только в период Раннего Средневековья, но вплоть до конца эпохи Средних веков, в том числе итальянскими гуманистами. Многие писатели обращались к подобным сюжетам. Хотелось бы обратить внимание на таких средневековых авторов, как польский историограф Ян Длугош, венгерские хронисты Антонио Бонфини и Иоанн Туроц, а также польский публицист Филипп Буонаккорси Каллимах. Нельзя обойти стороной и византийских интеллектуалов, которые, возможно, даже в большей степени, чем их западноевропейские коллеги, были восприимчивы к пророчествам и природным явлениям. Здесь хотелось бы упомянуть Параспондила Зотикоса, автора сочинения о битве при Варне 1444 г.

Все упомянутые авторы были современниками знаменитой битвы при Варне 1444 г., когда объединенная армия союзных польских, венгерских и латинских войск под руководством польского короля Владислава III Ягеллончика сошлась в сражении с турецкими войсками султана Мурада II и потерпела сокрушительное поражение, после которого Балканы оказались беззащитны перед дальнейшей турецкой экспансией. Это событие нашло широкий отклик в трудах современников, и каждый пытался объяснить или оправдать неудачу христианского войска. Для исследования были взяты знамения и приметы, предшествующие Варненской битве, описания которых показывают стремление авторов понять причины поражения армии союзников, объяснить или оправдать неудачу христианского войска через трактовку необычных природных явлений и прочих предзнаменований.

2. Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.А18.21.0480 «Император и элиты: модели взаимодействия в кризисные периоды истории Византии».

Хронист Каллимах (он же итальянский гуманист Филипп Буонакорси) очень обстоятельно описывает всевозможные знамения, которые, по его словам, предшествовали Варненской битве. Он заканчивает ими свое повествование, тем самым как бы объясняя, что поражение было предначертано свыше.

Иоанн Туроц тоже сообщает о недобрых знамениях, предшествующих битве: «Бог подал... знак будущего несчастья: сразу после того, как были выставлены боевые флаги и знамена, блестящие как золото, их свалило сильнейшим дуновением ветра, внезапно налетевшим, но вскоре после этого ветер усилился... и разодрал те знамена, и они, будучи высоко в небе, разлетелись в разные стороны» [2, С. 117]. О порывах ветра говорит и Бонфини, который заканчивает свое повествование о битве при Варне такими словами: «Такому наказанию справедливый Бог подвергнул христиан... ведь много плохих знаменений предвещало судьбу доброго короля нашего...» [3, С. 161].

Параспондил Зотикос, утверждавший, что являлся участником битвы, делится с читателем своими переживаниями, отмечая, что любой исход люди должны были воспринять как должное, поскольку, по мнению автора, такие значительные события как битвы с турками являются трансляцией Божественной милости и никак не зависят от действий их участников [4, С. 69–70].

Несмотря на то, что почти все авторы заимствуют многие сведения у Длугоша, в его сочинении мы не находим эмоциональных описаний необычных явлений. Длугош, скорее, более проникнут христианским вероучением, чем сомнительным мистицизмом [5, XII]. Однако в повествовании Длугоша проявляется интересная мысль автора, что, несомненно, христиане в чем-то провинились перед Богом, и именно за это их и настигла кара. Это является основной идеей почти всех сочинений: именно грехи христиан привели к победе неверных. Вероятнее всего, самый большой грех заключался в том, что они нарушили данную туркам накануне Варненской битвы клятву о перемирии и не стали соблюдать его условий. Таким образом, христиане стали клятвopеступниками, за что, безусловно, должны были понести наказание.

Несмотря на территориальные и идеологические различия рассмотренных средневековых авторов (Длугош — типичная средневековая традиция историописания; Каллимах, Туроц и Бонфини — гуманистическая традиция; Зотикос — византийская), все они похожим образом, обстоятельно описывают различные знамения и природные явления. Это подтверждает, что этот прием не был продуктом определенной литературной традиции, но скорее идеей, заложенной глубоко в сознании средневекового человека. Это некий архетип, проявляющийся даже сквозь призму христианских представлений. Помимо этого, очевидно, что различные метеорологические и тектонические природные явления накануне каких-либо значительных событий всегда трактовались авторами источников как проявление Божественной воли, предупреждение о грядущем несчастье. Что интересно, такую же роль выполняли определенные приметы, которые случались с людьми в повседневной жизни, но которые воспринимались так же, как и природные катаклизмы, указывающие на близкое поражение в той или иной битве.

Литература:

1) Блок М. *Апология истории или ремесло историка* / Пер. с фр. Е. М. Лысенко. М.: Наука, 1986.

2) Йоан де Туроц. *Унгарска хроника (увод и бележки: Хр. Димитров, Ил. Илиев; текст и перевод: Ил. Илиев)* / Латински извори за българската история. София: Българската Академия на Науките, 2001. С. 101–120.

3) Антонио де Бонфини. *История на унгарците (увод и бележки: Кр. Гагова и Хр. Димитров; текст и перевод: Кр. Гагова)* / Латински извори за българската история. София: Българската Академия на Науките, 2001. С. 121–169.

4) Параспондилос Зотикосъ. *Сражението при Варна 1444 г. (Увод и бележки: Г. Димитровъ)* / Извѣстия на Варненското Археологическо Дружество. 1910. Т. III. № 1. С. 49–85.

5) Jan Długosz. *Dzielow polskich ksiąg dwanascie* / Przekład Karola Mecherzynskiego. Krakow, 1869. Tom IV. Ks. XI, XII. — Режим доступа: http://www.pbi.edu.pl/book_reader.php?p=44325&s=1. (дата последнего обращения: 12. 09. 2012).

УДК 94(430).796.86

В.В. Степанюк (СПбГУ)

Морально-этические основы «искусства фехтования» по трактату Ганса Талхоффера 1459 г.

На протяжении XIV–XV вв. в Германии появляются первые школы фехтования, возникшие из разнообразных боевых братств (Св. Марка, Св. Луки и т. п.) [1, С. 28]. К началу XV в. немецкая фехтовальная традиция уже достигает своего расцвета. Именно в этот период все больше мастеров не просто открывают школы, где преподают свое искусство, но и составляют собственные учебники (фехтбухи), описывающие индивидуальные техники и приемы фехтования. Распространение фехтовальных трактатов привело к увеличению популярности боевых обществ и школ, обучение в которых проходили горожане и ремесленники. В первую очередь, обучение фехтованию для среднего сословия являлось неким гарантом защиты: в этот период учащаются конфликты между представителями различных гильдий [2]. Кроме того, умение фехтовать могло пригодиться и в судебных поединках, которые были распространенной формой правосудия в средние века [3, Р. 12]. С другой стороны, обучение фехтованию было престижным занятием, т. к. в некоторой степени копировало рыцарские обычаи, благородную культуру.

Таким образом, искусство боя перестает быть монополией только благородного сословия рыцарей и становится доступным для людей более низкого происхождения. Но оружие, призванное отнимать жизнь врага и защищать свою, дает человеку власть, которая должна быть чем-то ограничена. В качестве подобных ограничений в рыцарской культуре выступали морально-этические нормы и правила, которые фиксировались в разнообразных рыцарских кодексах. Фехтовальные трактаты не могли не перенять эту нравственную базу. Формируется

особая этика фехтования, в которой на передний план выходит правда, истинная вера и честь. В каждом фехтбухе появляется образ «хорошего фехтовальщика», наделенного обязательным набором как технических, так и моральных качеств.

Не является исключением и фехтбух 1459 г. Ганса Талхоффера, личного тренера Леотольда фон Кенигсга и мастера оружия королевской армии [4; 5]. Фехтбух 1459 г. отражает не только приемы, характерные для немецкой школы фехтования, но и качества, которые немецкая традиция предьявляла к «хорошему бойцу». Среди них Талхоффер кроме мастерства выделяет благородство и набожность. Центральное место занимает именно набожность, т. е. истинная вера, которая, по всей видимости, имела большое значение для автора.

В тексте его фехтбуха встречается множество упоминаний Бога, Девы Марии, Святого Георгия и т. п. Присутствует множество христианских благословений [4, S. 5V]. Огромный интерес представляет собой две иллюстрации [4, S. 93V, 94R], вероятно, наиболее полно раскрывающие тему веры. На странице 93V изображен конец поединка на мечех: победитель молится Богу, мертвый побежденный лежит неподалеку, мелкий бес лезет проигравшему в рот, вероятно, с намерением забрать его душу. Подпись к иллюстрации гласит: «Здесь победитель благодарит Господа, в котором нуждался, а там лежит мертвый проигравший, которого они [на следующей странице изображены два человека с носилками. — В. С.] уносят в могилу, где он обретет свободу, которая есть у Бога для всех достойных душ. Аминь» [4, S. 93V–94R]. На поверхности лежит утверждение автора, что достойный победил с Божьей помощью. Здесь стоит отметить, что под «достойным» Талхоффер подразумевал не того, кто лучше владел фехтовальной техникой, а именно более достойного духовно. Грешную душу его менее достойного противника тем временем пытается украсть бес, чтобы она не познала спасения. Однако Бог дарует спасение душе проигравшего, о чем свидетельствуют слова Талхоффера: «... где он обретет свободу, которая есть у Бога для всех достойных душ». Этот фрагмент указывает на то, что размышления о спасении души были крайне распространены.

Итак, Талхоффер был набожным человеком и считал, что «хороший фехтовальщик» должен заботиться о своей духовности [4, s. 396], которая подразумевает отстаивание справедливости, идеалов добра, т. е. заботу о творениях Бога. Таким образом, любовь к Богу выражается через любовь к его творениям. Фехтование же, как любое искусство, даровано человеку Богом, следовательно, не должно нарушать его законов, а напротив, служить защите творений Бога, в частности, самого человека. Однако это искусство должно использоваться с умом и во имя правого дела.

Здесь мы переходим к следующему требованию, предьявляемому Талхоффером хорошему бойцу – благородству, основой которого, согласно автору трактата, является борьба за правду, за право. На протяжении всего фехтбуха тема права возникает снова и снова [6, P. 376]. В зависимости от контекста понятие права может иметь разный смысл. Оно может обозначать правомерное, фехтование, предназначенное для защиты законов. «Во-первых, вы должны хорошо знать мастера, который научит вас, что его искусство служит правде и защите...» [4, S. 9R]. Ины-

ми словами, Талхоффер подчеркивает, что фехтование должно соответствовать закону и поддерживать его. Так, судебный поединок был одной из правовых форм решения конфликта между людьми. Многие фехтовальные мастера тренировали человека для подобного суда, либо представляли его интересы в поединке.

С другой стороны, тема права в фехтбухе Талхоффера имеет и моральный аспект. «Хороший человек должен стоять за правду - даже если это кажется очевидным...» [4, S. 1V]. Далее автор дает совет следовать по пути правды, чтобы придерживаться фехтования, основанного на двадцати директивах Лихтенауэра (основоположника немецкой школы фехтования) [4, S. 5V]. Талхоффер подчеркивает необходимость сражаться по правилам: будь то технические правила фехтования или его морально-этические законы. Только такое фехтование автор считает правомерным.

Таким образом, мы видим, что тема права в фехтбухе Талхоффера вплетается в центральную тему истинной веры: фехтовальщик должен не просто любить Бога, но и защищать его законы, отстаивать справедливость и поступать согласно своей совести. Только тогда он может называться «хорошим бойцом» и профессионалом.

Литература:

- 1) Кастл Э. Школы и мастера фехтования. Благородное искусство владения клинком. М.: Центрполиграф, 2007.
- 2) Винклер П. П., фон. Оружие: Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. М.: Софт-Мастер, 1992.
- 3) Clements J. Medieval Swordsmanship: Illustrated methods and techniques. Colorado: Paladin Press, 1988.
- 4) Talhoffer H. Talhoffers Fechtbuch (Ambraner Codex) aus dem Jahre 1459: gerichtliche und andere Zweikämpfe darstellend / Hrsg. von G. Hergsell. Prague: J.G. Calve, 1887.
- 5) Talhoffer H. Tallhoffers Fechtbuch aus dem Jahre 1467 / Hrsg. von G. Hergsell. Prague: Universitas-buchhandlung, 1887.
- 6) Hull J. Fight Earnstly: the fight-book from 1459 AD by Hans Talhoffer with transcription, translation and commentary. Kansas: Kansas State University, 2007.

УДК 94 (100) «05/15» 236.1

Е.Ю. Кобякова (Уральский ФУ им. Б.Н. Ельцина)

Идея «Москва – Третий Рим» как одно из проявлений общевропейского эсхатологического психоза в XV–XVI вв.

Концепция «Москва — Третий Рим» появляется впервые в пасхалии митрополита Зосимы «на осьмую тысячу лет», составленной в 1492 г., и в посланиях старца Филофея начала XVI в. Идея формируется на пике эсхатологических

ожиданий конца XV в., связанных с представлением о наступлении Апокалипсиса с истечением 7000 лет от сотворения мира.

Предшествующие ей события рассматривались современниками как знамения грядущего конца мира. Подписание в 1439 г. Ферраро-Флорентийской унии об объединении Церквей, падение Константинополя в 1453 г. были потрясениями для современников, расценивались как знамения грядущего конца, ведь Византия считалась хранительницей истинной веры, «Новым Иерусалимом». К 1492 г. утверждается идея о переходе к Москве функций христианской Империи.

Идея о преемственности, смене мировых царств, основанная на видении пророка Даниила, разрабатывалась в византийских текстах. Империя как государство и церковь существуют нераздельно (теория симфонии). В церкви воплощается Царство Божие, но оно неотделимо от государства, поэтому Царство Божие воплощено и в имперском государстве. Таким образом, Московская Русь, принимая византийское наследие, воплощает в себе византийскую модель христианской имперской эсхатологии. Московское царство — это одновременно и церковь (в категориях симфонии), и царство. И это царство-церковь есть именно последнее царство, время в котором должно остановиться.

Истоки концепции на основе анализа древнерусских источников исследовала Н. В. Сеницына [1]. Исследовательница приходит к выводу о том, что первоначально концепция «Третьего Рима» имела в большей степени религиозный смысл, а само понятие «Третий Рим» подразумевало не царство земное, а некое трансцендентное, абстрактное царство, Церковь. И только позднее стала перерабатываться в государственную идеологию Московского Царства.

Возможно, что именно эсхатологические ожидания, усилившиеся к 1492 г., стали принципиальным фактором в оформлении этой идеи. Теория «Москва — Третий Рим» была своеобразным идеологическим, философским решением, предложенным государству и обществу, пережившим «Апокалипсис» в 1492 г. и продолжавшим ожидать скорого пришествия грозного Судии.

Масштабы эсхатологических ожиданий накануне 1492 г. были значительны не только в России, ими была охвачена и вся Европа. Ж. Деломо в книге «Ужасы на Западе» говорит о том, что Европа переживала пик эсхатологических страхов в период 1430–1530 гг. [2, С. 165]. К этому времени сложились два представления о грядущем Апокалипсисе. Одни ждали Страшного суда в 1492 г. (это вселяло ужас и панику в умы людей того времени и нагнетало атмосферу), иные ожидали тысячелетнего «царства праведников», царство справедливости и равенства всех людей (так называемое учение о хилиазме) [2, С. 167]. При этом часто эти два подхода сосуществовали в представлениях людей.

Достаточно привести два примера, свидетельствующих о широте распространения эсхатологических ожиданий в Европе накануне 1492 г. На фоне грядущего конца света проповедник и монах Савонарола приходит к власти во Флоренции. Во Флорентийских проповедях 1490–1491 гг. он предсказывает наступление конца света из-за бесчисленных прегрешений Церкви и приводит десять причин

Судного дня, но уже в 1492–1945 гг. Савонарола мечтает о «царстве праведников» во Флоренции, обещает ее жителям мир, процветание и счастье, если они сохраняют верность Христу. Он убежден, что Флоренции суждено стать вторым Иерусалимом [2, С. 168].

Открытие Америки и доселе неведомых народов также было истолковано двояко. Миссионеры, прибывшие в Новый Свет, видели в этом событии либо знамение начала царства святых, либо приближение Страшного суда. В писании от Марка и от Матфея говорится о крещении неверных перед пришествием («И проповедано будет сие евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (Мф. 24, 14); «И во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие» (Мк. 13, 10)). Христофор Колумб также разделял эти взгляды. Он был уверен, что избран Богом, чтобы обратить в христианство заокеанских язычников. Европейские миссионеры поэтому стремились активно обращать индейские племена в истинную веру, которая даст им шанс на спасение в грядущие грозные времена.

Эсхатология оказывала огромное воздействие на мышление людей в XV–XVI вв. Люди чувствовали, что живут в совершенно особое время, что все, что происходит в мире не случайно и имеет сакральное, символическое значение. Эсхатология является очень важной частью любого религиозного учения. Любая религия стремится объяснить смерть, дать ответ человеку на самую пугающую загадку Бытия. Эсхатологическое учение — это мощнейшая часть религии, которая оказывает самое сильное воздействие на мышление и психику человека. Особенно сильно это проявлялось в средневековом обществе, где религиозное сознание было господствующим. Эсхатологические чаяния не просто фон происходящих в Средние века событий, но основной лейтмотив, стимул человеческой деятельности в то время. Показательно то, что люди, живущие на границе Средневековья и Нового времени, в эпоху Ренессанса ощущали себя живущими в последние времена. Пик эсхатологических ожиданий является переломным моментом и в истории России, когда завершается централизация, происходит усиление Московского царства. После конца света в 1492 г. происходит осмысление мирового значения Москвы как «Третьего Рима» — царства Бога, последнего христианского царства перед Вторым пришествием. Это и становится впоследствии стержнем государственной политики Московского царства.

Литература:

- 1) Сеницына Н. В. *Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)*. М.: Индрик, 1998.
- 2) Деломо Ж. *Ужасы на Западе: Исслед. процесса возникновения страха в странах Зап. Европы, XIV–XVII вв.* / Пер. с фр. М.: Голос, 1994.

Фауст Социний и Сиенский университет

Итальянский период жизни еретика-антитринитария, лидера Польских Братьев, Фауста Социния, со слов самого проповедника, приведенных его учеником и биографом Самюэлем Пршипковским [1, Р. 4], считается неплодотворным. Родившись 5 декабря 1539 года, Социний фактически только после 35 лет начинает активную писательскую и проповедническую деятельность, причем за пределами Италии. Общие биографические сведения сводятся к тому, что он происходил из знатной и уважаемой в Сиене семьи юристов, однако сам на этом поприще успехов не проявил, так как рано потерял родителей и не получил должного образования, которым не занимался вплоть до изгнания из страны за еретические воззрения. Во время двенадцатилетней службы при дворе Медичи, так же с его собственных слов, он «тратил время даром». После смерти своих покровителей он уезжает из Италии и начинает заниматься успешной теологической работой. Еретические воззрения Фаусто складываются под большим влиянием дяди Лелия, также известного антитринитария, жившего в Цюрихе и оставившего ему свои труды. Только после окончательного решения продолжить дело дяди Фаусто начинает много и последовательно работать, пишет ряд трудов, оказавших значительное влияние на европейскую мысль того времени. Вопрос в том, возможна ли при этом резкая перемена в образовательном уровне человека или уместно предположить, что оценки «преуспел» и «потеря времени» использованы биографом в понимании самого Фаусто, который оценивал успешность относительно собственной большой цели, которую себе установил.

Проблема культурного образования Социния впервые была поднята Делио Кантимори [2, Р. 67] и сравнительно недавно немного прояснилась после фундаментальных исследований Валерио Маркетти и Джампаоло Дзуккини [3], а также отчасти работ Альдо Стелла, Риккардо Брускальи, Паоло Тровато и Паоло Нарди. Для решения проблемы следует разобраться с той коммуникативной средой, в которой он находился в Италии, коснуться его переписки с друзьями и его отношений с родственниками, а также связи с университетом города Сиена.

С. Пршипковский отмечает, что своим образованием Фаусто занялся в 1561 году, впервые покинув Италию, то есть в 22 года. Однако обратимся к более раннему возрасту, его 17 годам. После смерти 19 августа 1556 г. в Болонье Мариано Социния Младшего, преподававшего в болонском университете с 1542 г., его сын Чельсо, а также юристы и доценты университета решили издать его *Opera omnia*. Понимая невозможность сделать это быстро, для удовлетворения потребностей учащихся в новом учебном году опубликовали сначала сокращенный вариант *De legatis*, текст которого был составлен в соответствии с методологическими критериями школы комментаторов, к которой Мариано считал себя принадлежа-

щим. Характерно, что написать предисловие к тексту попросили не сына Мариано – Чельса, а его племянника – шестнадцатилетнего Фаусто, сына умершего в 1541 г. Александра Социнии, также известного юриста и доцента Сиенской студии. Таким образом, Фаусто вступил в мир науки как представитель семьи выдающихся юристов, которых более века уважали в университетах полуострова. Видимо, он сам показывал редкие способности. Отношение молодого человека с миром адвокатов стало важно и для его последующей теологической деятельности, поскольку Фаусто в своей работе с текстами применял «новый критико-филологический метод», который разрабатывал Мариано Младший [4, Р. 38].

Через год после смерти деда Фаусто вернулся из Болоньи в Сиену, куда семья Социнии была переведена согласно указу 1557 г. герцога Тосканского Козимо I вместе с другими цивилистами. В Сиене он продолжал жить в семье юристов, члены которой не прекращали научной работы. Известно, что 13 и 14 мая 1560 г. Фаусто присутствовал как свидетель на экзаменах в Сиенском университете (*esami di laurea*), на присвоение двум студентам степени *in utroque iure*, по гражданскому и каноническому праву. В течение 60-ти лет он еще несколько раз присутствовал на присвоениях степеней (последний раз у Джерома Керретани) в качестве доверенного друга. Оказывается, что и ряд лекций он посещал вместе с друзьями. Сведения о сиенских учителях Фаусто можно почерпнуть из его переписки [5, Р. 67-91.]. Например, с Джироламо Баргальи, получившим степень в 1563 году. В утвержденном герцогом Козимо I списке были юристы, лекции которых слушал Фаусто вместе с Баргальи – это Адриано Боргези, Акилле Санти, Джованни и Марчелло Бирингуччи, а также Печчи, Камилло Пальмьери, Джулио Петруччи, Панфило Коломбини и Ринальдо Толемеи. Особое очарование в глазах молодых студентов приобрел Джироламо Бенвольенти, один из героев трагических событий, ознаменовавших конец свободы Сиенской республики. Письма Баргальи подтверждают наличие общих интересов с Социнии, он называет это «сходством влечений души и желаний».

Между 1568-69 гг. Фаусто возвращался к обучению в Сиенском университете, о чем свидетельствуют письма дяди Чельса к его сыну Камилло [3], хотя он сам не упоминает о юридических исследованиях того времени. Однако 12 марта 1570 года умирает Чельсо, последний покровитель Фаусто в университете. Это явно не способствует продолжению его обучения. Все 60-е годы он учится «частично в классах, частично дома», точнее, в придворной или куриальной среде, поскольку в это время Фаусто Социнии работал при Медичи.

Итак, Фаусто Социнии вошел в мир итальянских адвокатов, несколько раз попытался возобновить и завершить исследование законов. Следуя наиболее свободным традициям современной ему университетской среды, Фаусто применял критико-филологическую методологию равно как к правовым, так и к религиозным текстам. Именно в итальянский период его жизни формировался подход, который Социний применял впоследствии в теологической работе. Он осознанно, а не от недостатка образования, отвергает правовую карьеру и пишет о том, что трудно найти науку, приносящую настолько большой вред (*maggior nocumento*),

какой приносит миру правовая наука. Разработка теологической концепции его дяди Лелия, связанной со свободой воли и веротерпимостью кажется ему более важной. Хотя эта система воззрений и привела его к изгнанию, но, вероятно, она помогала ответить на важный для Социния вопрос: «Как я могу быть полезен, какими должен обладать знаниями о бытии и законах, чтобы привести мир в города и провинции?» [6, Р. 42]

Литература:

- 1) *Przykowski S. Vita Fausti Socini Senensis descripta ad equite polono. Eleuteropoli, 1651.*
- 2) *Cantimori, Delio. Eretici italiani del Cinquecento. Firenze, 1967.*
- 3) *Faustus Socinus; Valerio Marchetti; Giampaolo Zucchini. Aggiunte all'epistolario di Fausto Sozzini. Warszawa, 1982.*
- 4) *Barzanti, Roberto. Fausto Sozzini e la filosofia in Europa // Siena nel Rinascimento: l'ultimo secolo della Repubblica. Siena, 2005.*
- 5) *Marchetti, Valerio. Notizie sulla giovinezza di Fausto Sozzini da un copialettere di Girolamo Bargagli. //Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance, T. 31, No. 1. 1969.*
- 6) *Nardi, Paolo. Fausto Sozzini e l'Università di Siena dopo la caduta della Repubblica. //Siena nel Rinascimento: l'ultimo secolo della Repubblica. Siena, 2005.*

УДК: 94 (411).05+930.23
В.А. Ковалев (СПбИВЭСЭП)

One-way trip to Hell: аккламационная процессия Марии Стюарт

Клод Леви-Стросс задавался вопросом «мы мыслим мифами или мифы мыслят нами?» И склонялся ко второму варианту ответа: создавая тексты, человек является инструментом, с помощью которого мифы воспроизводят сами себя [1, С. 277; 2, С. 213-214]. Не останавливаясь на общем значении этой мысли, интересно проследить ее проявлении в исследовании мифов и ритуалов власти эпохи перехода от средневековья к раннему Новому времени.

Безусловно, традиционный подход к исследованию королевских ритуалов буквально воспроизводил то значение, которое придавалось мифам и ритуалам власти их создателями. В начале XVII века это значение выразил граф Ньюкасл в своем письме Карлу I: «что хранит вас, монархов, более, чем церемонии? Разные люди с вами, главные служащие, герольды, барабанщики, трубачи, богатые экипажи... Люди маршала расчищают дорогу, ... и даже глаза мудрейших лишаются мудрости и они трясутся от страха...» [3, Р. 90].

Первые серьезные исследования английских королевских ритуалов появились в первой половине XIX века [4; 5; 6]. Особое значение имела работа Уильяма Маскелла, поскольку она стимулировала складывание кружка единомышленников, исследователей в области королевских ритуалов и истории церкви, вокруг библиотекаря Кембриджской университетской библиотеки Генри Брэд-

шоу. Это кружок, в деятельности которого особо выделялись Джон Уикэм Легг [7; 8; 9] и, особенно, его сын Леопольд Джордж Легг [10], а также Кристофер Уордсворт [11], Даглас МакЛинн [12] и другие авторы. Хотя следует воздать должное участникам кружка Брэдшоу за издание множества документов, следует отметить, что только внешне их труды могут считаться «научными». Все издания имели целью привести исследователя к заранее предопределенным результатам, идеологически мотивированным и связанным с религиозной принадлежностью участников кружка – все они были сторонниками Высокой англиканской церкви. Таким образом, повторяющиеся тезисы: непрерывная линия преемственности в английских королевских ритуалах отражала непрерывность английской королевской власти от англосаксонских королей до современности, а двойная роль короля подчеркивала чистоту и древность англиканской церкви, которая была древнейшей христианской церковью и чистота которой была восстановлена в ходе реформации. Таким образом, исследователи из кружка Брэдшоу воспроизводили мифы, заложенные английскими юристами позднего средневековья и антиквариями XVI века [13].

Религиозный аспект был только усилен после выхода работ Эрнста Канторовича и популяризации его концепции «политической теологии» [14; 15]. При этом возникала идея кардинального разрыва в ритуальных практиках и их символическом значении, произошедшая вследствие Реформации. «Словно смерч, реформационное учение обрушилось на великолепные опоры ренессансной монархии и потрясло священное тело короля» - писал Пол Монод [16, Р. 47]. Подобный тезис выдвигали такие авторитетные исследователи как Дэвид Старки, утверждавший, что при упадке символики монархии вообще и коронации в частности, символы превращались в знаки, а власть переносилась от священной монархии в пропаганду культа персональной монархии [17, Р. 221]. Сидни Энгло рассматривал коронационную процессию как выверенную пропагандистскую машину, символизм которой излагал централизованную политику – «тюдоровскую идею» [18, Р. 2]. Рой Стронг писал о превращении церковной литургии в литургию государственную, связывая это со сменой символики с христианской на античную [19, Р. 31].

В целом общий акцент в работах делался на смещении символизма в игровое, креативное пространство театра из непосредственно властных манифестаций. При этом по-прежнему взгляд на властные ритуалы присутствует только со стороны власти, общество воспринимается как пассивный потребитель того мифоритуального символического продукта, который предлагает ему в своих ритуалах власть. Такой подход был заметно усилен особенно с популяризацией в американской и британской исторической науке идей Мишеля Фуко об асимметрии и контроле в отношениях общества и власти периода раннего Нового времени [20; 21]. Кроме того, значительное влияние оказало привлечение к историческим исследованиям методов культурной антропологии, особенно – американской интерпретативной школы и ее основателя Клиффорда Гирца. Наиболее важной оказалась концепция «театра-государства» [22] как способа бытия средневековой власти. «Разделение между парадным мундиром власти и ее сущностью стано-

вится все менее ясным и даже менее реальным. Как масса и энергия они перетекают друг в друга» - писал знаменитый американский антрополог [23, Р. 124]. Суммируя явную недостаточность «властечентричного» подхода классических историков с наработками французской философии и американской антропологии, и зародился новый подход к исследованиям властных ритуалов – «неоисторизм».

Один из представителей неоисторизма, Луи Монтроз, определял цели неоисторизма как «исследование сущностного или исторического базиса, на котором «литература» отделяется от других дискурсов, возможных конфигураций отношений между культурной практикой и социальными, экономическими и политическими процессами. Последствий постструктуралистской теории текстуальности для практики исторического и материалистического исследования. Средств, которыми социальные субъективности устанавливаются и связываются, процессов, в которых идеология производится и поддерживается. Схем созвучий и противоречий среди ценностей и интересов индивида, которые актуализируются в шаговых смещениях различных субъектов» [24, Р. 19]. Традиционно считающийся основателем неоисторизма Стефан Гринблатт писал, что, в противоположность традиционному подходу, который был «монологичен и рассматривал культурное окружение как факт, стабильную точку отсчета и раскрывал лишь одно политическое видение» неоисторизм осознает множественность сосуществующих центров власти, а текст и контекст рассматриваются как равноправные партнеры» [25, Р. 5].

Эти идеи вдохновили целую плеяду исследователей, однако достаточно быстро выяснилось, что неоисторизм унаследовал минусы своих предшественников. Эдвард Пехтер справедливо отмечал, что невозможно отрицать связь интерпретативного и политического действия, но в работах представителей этого подхода связь выглядит произвольной, тенденциозной и идеологически мотивированной. Он связывал эту особенность с марксистскими симпатиями подавляющего большинства «неоисториков» [26]. Уильям Лихи подметил еще одну важную особенность. Несмотря на то, что, как и положено левым, «неоисторикам» отрицательно относились к власти (вплоть до утверждения о близости изучения Шекспира и борьбы с капитализмом), но на практике они воспроизводили мифы власти. Словно кролик, загипнотизированный могуществом (причем чисто мифологическим) властного удава, они начали воспроизводить мифы об односторонности властного дискурса, о едином центре власти, об идее ее божественности, которая успешно внушалась через ритуалы подданным, снова оказывавшимся пассивными реципиентами мифа, созданного монолитной властью с ее единым центром – монархом [27, Р. 32-36].

При этом полностью игнорировались свидетельства, демонстрирующие провалы властной пропаганды, полицентричность власти в ходе ритуалов, конфликтную природу ритуального действия, живой момент практики, становившейся не ритуальной репрезентацией, но живой борьбой за «иерархию принципов иерархии». Одним из таких свидетельств стала аккламационная процессия Марии Стюарт. На театральном пространстве Эдинбурга сошлись в ритуальном (но от этого не менее остром) противостоянии королева, ее двор, город и знаменитый проповедник и создатель процессии Джон Нокс.

Джон Нокс приготовил поистине адский адвент. Он был фактически единственным создателем этого представления, поскольку хаусхолд Марии был маленьким и почти полностью французским, в то время как сам Нокс пользовался почти непререкаемым авторитетом в Эдинбурге. Его цель была очевидна, дидактична и магична одновременно: он должен был показать, что на королеве почитает Благодать Небес, но своим папистским идолопоклонством она сама обрекает себя Аду.

Нокс мастерски использовал рельеф местности. Обычно аккламационные процессии шотландских королей проходили на пространстве от городских ворот до Эдинбургского замка. В этой ситуации сама география города способствовала общей идее королевской триумфальной процессии – превращению монарха в Христа Второго Адвента, въезжающего в Небесный Иерусалим, спустившийся с Неба, как это указано в Откровении. Более того, жители Эдинбурга могли сэкономить – в отличие от Лондона, где замок Небесного Иерусалима делался специально и подвешивался на растяжках над Стрэндом, шотландцы просто красили ворота замка в зеленый цвет, чтобы симитировать яшму Небесного Иерусалима.

На этом пространстве Мария была принята городом согласно традиции. Вода в городском фонтане превратилась в вино при приближении королевы, и три девы черпали оттуда и угощали всех желающих. Ангелы пели для нее. Ее благословила Фортуна и три девы – Жизнь, Правосудие и Политика. Более того, источник вина в фонтане был оформлен в виде креста, что было типично католическим символом. Все это было достаточно обычно для аккламаций как на Британских островах, так и во всей Европе [28, Р. 189-191].

Ключевой точкой (точнее одной из них) аккламационной процессии был спуск ангела с Небес и увенчание монарха. Именно эта точка была использована Ноксом как переломный момент всей процессии. Из раскрывшегося облака спустился ангел, который поднес королеве Библию, подчеркнув в стихах, что королева должна ее «читать и понимать», особо отметив, что это – «истинный перевод», который содержит все необходимое знание – как править страной и людьми, как попасть на Небо, как обрести Правосудие и Мудрость [29, Р. 109-110]. В традиционной процессии в данном случае обычно демонстрировалась «лестница Добродетелей», но в протестантской ее заменило Слово Бога. Более того, несмотря на всю нацеленность адвента на превращение монарха в Христа, ангел предостерег Марию: если она отвергнет путь, то Бог покарает всех, кто сопротивляется Его воле. После этого ангел удалился на Небеса. На протестантские небеса, оставив королеву-католичку с трудноразрешимой проблемой: принимать ли запретный для нее перевод.

За несколько лет до этого Елизавета в Лондоне столкнулась с такой же проблемой, и за короткий миг приняла оправданное решение. Она поцеловала протестантскую Библию, положила ее себе на грудь и дальше ехала так – к восторгу своих протестантских подданных. Но подобный вариант был, разумеется, неприемлем для католички Марии. Она приказала принять Библию одному из лордов своей свиты [30, Р. 354-355].

Процессия в этот момент прошла свою высшую точку, как в географическом, так и в смысловом пространстве, однако не закончилась. Она двинулась дальше – вниз, к Холируд-хаус. Обычно на этом участке пути не было сцен, и процессия теряла свой священный символический характер, просто перемещаясь к заключительной части ритуала – к банкету. Теперь Нокс придал этой части символическое измерение, сделав ее образом Кары Господней. Королеву ждала сцена, на которой изображалось как жестоко, но справедливо Господь карает схизматиков. После произнесения речи, в которой говорилось против католической мессы, три деревянных изображения были сожжены. Сами изображения уже, безусловно, были намеком на идолопоклонство. Символическое их значение описывается по-разному. Лорд Геррис писал о том, что были сожжены изображения католических священников. Английский посол уточняет, что речь идет о том, как Господь покарал Корею, Дафана и Авирона, которые восстали против Моисея и Аарона (Числа 16:28-35). Правда, посол почему-то Дафана называет Нафаном, но это, скорее всего, случайная описка [28, Р. 191]. Так или иначе, Нокс, безусловно ассоциировавший себя с Моисеем, делал послание королеве: «Лишь только он сказал слова эти, расселась земля под ними; и разверзла земля уста свои, и поглотила их, и дома их, и всех людей Корея, и все имущество. И сошли они со всем, что принадлежало им, живые в преисподнюю, и покрыла их земля, и погибли они из среды общества» (Числа 16:31-33). Королева же продолжала спускаться вниз, к той самой преисподней, которой обрекал ее создатель процессии и так и не принявший свою королеву Эдинбург.

Литература:

- 1) Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы. Морфология и история. М.: Новое Издательство, 2004.
- 2) Левин-Стросс К. Структурная антропология. М.: Эксмо, 2005.
- 3) Smuts M. *Public ceremony and royal charisma: the English royal entry in London 1485 – 1642 // The first Modern Society. Essays in English History in honor of Lawrence Stone. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.*
- 4) Taylor A. *The Glory of Regality: An Historical Treatise of Anointing and Crowning of the Kings and Queens of England. London: Printed by and for R. and A. Taylor, Shoe Lane, 1820.*
- 5) Banks T.C. *An Historical Account of the Ancient and Modern Forms, Pageantry and Ceremony of Coronations of the Kings of England. London: Printed for the author, 1820.*
- 6) Maskell W. *Ancient Liturgy of the Church of England. London: William Pickering, 1846.*
- 7) Legg J.W. *Essays Liturgical and Historical. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1917.*
- 8) Legg J.W. *Three Coronation Orders // Henry Bradshaw Society, Vol. XIX (1900). London: Printed for Society by Harrison and Sons, St. Martins Lane, Printers in Ordinary to Her Majesty, 1900.*
- 9) Legg J.W. *Coronation Order of King James I. London: F.E. Robinson, 1902.*
- 10) Legg L.G.W. *English Coronation Records. Westminster: Archibald Constable &*

Co, Ltd., 1901.

- 11) Wordsworth Ch. *The Manner of Coronation of King Charles I. // Henry Bradshaw Society, Vol. II (1892). London: Printed for Society by Harrison and Sons, St. Martins Lane, Printers in Ordinary to Her Majesty, 1892.*
- 12) Maclean D. *The Great Solemnity of the Coronation of the King and Queen of England. London: George Allen & Co, Ltd., 1911.*
- 13) Sturdy D.J. "Continuity" versus "Change": *Historians and English Coronations of the Medieval and Early Modern Periods // Coronations. Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / Ed by J. Bak. Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1990.*
- 14) Kantorowicz E.H. *Laudes Regiae. A Study in Liturgical Acclamation and Medieval Ruler Worship. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1946.*
- 15) Kantorowicz E. *The King's Two Bodies: a Study in Medieval Political Theology. Princeton: Princeton University Press, 1957.*
- 16) Monod P.K. *The Power of the Kings: Monarchy and Religion in Europe 1589-1715. New Haven, London: Yale University Press, 1999.*
- 17) Starkey D. *Representation through Intimacy: A Study in the Symbolism of Monarchy and Court Office in the Early Modern England // Symbols and Sentiments: Cross-Cultural Studies in Symbolism / ed. by L. Lewis. New York: Academic Press, 1977, P. 187-224.*
- 18) Anglo S. *Spectacles, Pageantry and Early Tudor Policy. Oxford: Oxford University Press, 1997.*
- 19) Strong R. *Splendour at Court: Renaissance Spectacles and Illusions. London: Weidenfeld and Nicolson, 1973.*
- 20) Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977
- 21) Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- 22) Geertz C. *Negara: The Theatre State in Nineteenth-Century Bali. Princeton: Princeton University Press, 1980.*
- 23) Geertz C. *Local Knowledge. Further Essay in Interpretive Anthropology. New York: Basic Books. 1983.*
- 24) Montrose L. *Professing the Renaissance. The Poetics and Politics of Culture // The New Historicism / Ed. by H.A. Veeger. New York: Routledge, 1989, P. 15-36.*
- 25) Greenblatt S. *Introduction // The power of forms in the English Renaissance / Ed. by S. Greenblatt. Norman: Pilgrim Books, 1982*
- 26) Pechter E. *The New Historicism and Its Discontents: Politicizing Renaissance Drama // Publications of Modern Language Association of America. Vol. 102 № 3 (May 1987). P. 292-303*
- 27) Leahy W. *Elizabethan Triumphal Processions. Aldershot: Ashgate Publishing, 2005.*
- 28) Mill A.J. *Mediaeval Plays in Scotland. New York: Benjamin Blom, 1969*
- 29) MacDonald A.A. *Mary Stewart's Entry to Edinburgh: an Ambiguous Triumph // The Innes Review Vol. XLII № 2 (Autumn) 1991. P. 101-110*
- 30) Kipling G. *Enter the King. Theatre, Liturgy and Ritual in the Medieval Civic Triumph. Oxford: Clarendon Press, 1998.*

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

УДК 94(44).015

И.Д. Гайворонский (СПбГУ)

Библейский царь, император, фольклорный герой: трансформация образа Карла Великого в литературе «каролингского возрождения» и ее истоки

Задача данного доклада – проследить содержание и истоки трансформации образа Карла Великого в литературе VIII–IX вв. Очевидно, что поиск истоков и механизмов формирования образа императора франков видится нам как в предшествующей и воспринятой писателями «каролингского ренессанса» письменной (а, в ряде случаев, и устной) традиции, так и в социально-политических процессах эпохи.

Первое письменно зафиксированное осмысление личности и власти Карла мы видим в эпистолярном наследии Алкуина Йоркского. Образ монарха англосаксонский клирик строит на библейских максимах, цитируя Священное писание и сравнивая Карла с идеальным ветхозаветным царем. Античные приемы создания образа практически отсутствуют в тексте, однако Алкуин все-таки использует их, вводя понятия «мудрость», «порядок» и «наука» [1, С. 183] в качестве первооснов процветания королевства. Но доминирующей в интерпретационной схеме Алкуина является именно библейско-христианская составляющая. В ее контексте Карл предстает монархом, «исправляющим народ», «защитником» христиан, выводящим души ко Христу накануне Страшного суда [1, С. 182]. Близкий к образу Мелхиседека, Карл, хотя и ответственен перед Богом за свой народ, не наделен, тем не менее, священническими функциями: Алкуин признавал существование трех высших достоинств: папского, императорского и королевского [2, С. 211]. Именованная власть Карла «императорской» не должно вводить в заблуждение, поскольку Алкуин склонен был наделять ей и англосаксонских королей, что было отмечено еще В. Г. Васильевским [3, С. 358]. Образ Карла, нарисованный Алкуином, имеет истоки не только в позднеантичной христианской традиции, но и в самой эпохе становления каролингской цивилизации, когда Карл Великий выступал завоевателем, христианизатором и подвижником во имя веры.

Законотворчество Карла Великого стало развитием как идей Алкуина, так и идей Августина Блаженного, которые, если верить Эйнхарду, импонировали великому императору [4, С. 107]. Достижение христианского порядка согласия было лейтмотивом всей законодательной деятельности Карла Великого. Согласно Всеобщему капитулярию 802 г., император «после Бога и святых Его» поставлен их защитником и покровителем. Капитулярий предписывает подданным Карла пребывать в благочестии и мире, ответственность за их моральный

облик лежит на кесаре [5, Р. 91–99]. Император, таким образом, предстает, как и в учении Августина, посредником божественного единства, водворение которого на земле является его главной задачей. За императором франков остается, как назвал это Д. Хэгерманн, «корректирующее высшее надзирание» [6, С. 356] за христианским народом.

События 800 г. дополнили власть Карла римским элементом. Образ же его сына, праведника и миротворца Людовика Благочестивого, недолго удовлетворял франкских писателей: время Карла, эпоха единства и величия, стало казаться «золотым веком». На сцену вышел ближайший карлов соратник Эйнхард, который создал, в первую очередь, образ цезаря, светского правителя, и только в последнюю — христианского монарха [7, С. 146]. Карл, император-филантроп, цезарь и август, объединивший под своей властью многие народы, у Эйнхарда латентно противопоставляется невзрачному правлению Людовика Благочестивого.

Античные приемы интерпретации завладевают каролингской литературой в творчестве Нитхарда, а через столетие и Рихера Реймского. Однако уже в 80-х гг. IX столетия появляется сочинение, представляющее отдельную магистраль в развитии литературы «каролингского ренессанса», связанную с возрождением и фиксацией в письменном виде франкской фольклорной традиции. Речь идет о «Деяниях Карла Великого» Ноткера Заики. Порочности и разложению в епископате, представлявшем собой центроостремительную силу, Ноткер противопоставил идеального, лишённого каких-либо недостатков, мудрейшего короля Карла, эпического властелина. Справедливый, способный наказывать спесивых и повергать их наземь одним своим взором [8, С. 436], Карл Великий, кроме того, предстает закованным в железо героем-воином, ввергающим в страх врагов, непостижимым в своей величии [8, С. 439]. Король франков, таким образом, превращается в миф, фольклорного героя. Истоки этого не только в народной предании, которое было известно Ноткеру из разных источников, но и в социально-политических реалиях того времени. Романо-германский, каролингский мир окончательно свернул с пути существования в рамках единой Империи, процессы феодализации набирали силу. В этих условиях возникла потребность в новом восприятии образа человека, стоявшего у истоков Франкской империи.

На примере трансформации образа Карла Великого в каролингской литературе конца VIII–IX вв. можно увидеть неоднородность «каролингского возрождения», разные пути восприятия центрального героя названной эпохи и способы интерпретации действительности. Литературный портрет Карла Великого пережил эволюцию от идеального библейского типа, через античный образ нового Августа к персонажу народной легенды. Наследие, связанное с восприятием образа величайшего из Каролингов, стало основой для создания мифа о Карле Великом уже в эпоху Классического Средневековья и показало многослойность и многогранность ренессанса VIII–X вв., богатство мысли творцов «каролингского возрождения».

Литература:

- 1) Алкуин. Письмо к Карлу Великому 796 года // Левандовский А.П. Карл Великий: через Империю к Европе. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 182–184.
- 2) Гизо Ф. История цивилизации во Франции: В 4-х т. М.: Издательский дом Рубежи XXI, 2006. Т. 2.
- 3) Васильевский В.Г. Лекции по истории Средних веков. СПб.: Алетейя, 2008.
- 4) Эйнхард. Жизнь Карла Великого. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
- 5) *Capitulare missorum generale. 802 initio // MGH. Capitularia regum Francorum. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. T. 1. P. 91–99.*
- 6) Хэгерманн Д. Карл Великий. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.
- 7) Гайворонский И.Д. Христианская монархия первых Каролингов в трудах ее идеологов и политическая реальность // Проблемы истории и культуры средневекового общества. СПб: КультИнформПресс, 2010. С. 144–147.
- 8) Ноткер Заика. Деяния Карла Великого // Памятники средневековой латинской литературы VIII–IX века. М.: Наука, 2006. С. 427–441.

УДК 930.2: 393: 929

А.А. Роменский (Харьковский НУ)

Смерть «Красного Солнышка»:

кончина князя Владимира Святославича в осмыслении современников

Личность князя Владимира Великого традиционно остается одной из культовых в историографии Восточной Европы. В работах ученых детально проанализированы подробности его биографии, обстоятельства крещения и канонизации, этапы эволюции в исторической памяти [1; 2; 3; 4]. Тем не менее, хрестоматийный облик Крестителя Руси нередко заслоняет «другого Владимира», сведения о котором сохранились между строк исторических источников. Представляется актуальным изучение восприятия князя современниками и ближайшими потомками, обусловившего конструкцию нарративных памятников и дальнейшую трансформацию образа одного из ключевых деятелей древнерусского средневековья. Смерть «честного и славного в землях владыках» [5, С. 144] не только знаменует начало длительной и кровопролитной усобицы, но и дает возможность рассмотреть истоки противоречий в оценках его деятельности и наследия.

Пятнадцатого июля 1015 г. (6523 г.) киевский правитель умирает в своей загородной резиденции, в селе Берестовом. Летописец описывает детали похорон, вызванные непростой ситуацией нарастающей борьбы за власть, на которую претендовали отказавшийся от повиновения отцу Ярослав, «прелюбодейчищ» Святополк и отцовский любимец Борис, возглавивший дружину для борьбы с печенегами: «Оумре же на Берестовѣмъ. и потаиша и. бѣ бо Стѣполкъ Къиевѣ. ночью же межю [двема] клѣтми проймавше помость. шбегтѣвше в коверь. и

оужи съвѣсиша на землю. възложыше и на сани везыше поставиша и въ стѣби Бѣи». Далее, как и следовало ожидать, помещен посмертный панегирик почившему: бояре скорбели о нем как о заступнике Русьской земли, убогие — как о кормителе, «и вложиша и в корсту мороморану. схраниша гѣло ѹго с плачем блжѣнаго княза» [6, стб. 130; 7, стб. 115]. По замечанию Анджея Поппэ, помещение саркофагов Владимира и его супруги Анны в центре храма Богородицы Десятиной могло свидетельствовать о подготовке их канонизации [8, С. 228]. Тем не менее, церковное прославление «апостола в князих» [9, С. 67] состоялось много позже его земной кончины [3, С. 399–410; 4, С. 51–65], а супруга, багрянородная византийская принцесса, заслуги которой в распространении христианства признавались современниками [10, С. 24; 11, Р. 236], так и не была удостоена этой чести. В летописной статье 6523 г. замечаем ключевой топос, звучащий во всех произведениях-энкомиях, посвященных Святому Владимиру: «се есть новыи Константинъ великого Рима . иже крѣтивъса самъ и люди своѣ. тако и съ створи подобно ѹму. аще бо бѣ и преже на сквернѣную похоть желавъ. но послѣже прилежа к показѣнью» [6, стб. 131; 7, стб. 116]. Впервые с Константином Великим киевского властителя сравнивает Иларион, поместивший похвалу «кагану нашему Влодимероу от него же крещени быхомъ» в своем «Слове о законе и благодати» [5, С. 122]. Та же параллель: Владимир и его бабка, княгиня Ольга – свв. равноапостольные Константин и Елена — имеется в другом древнейшем письменном свидетельстве о Владимире, «Памяти и похвале» мниха Иакова [9, С. 68–69; 3, С. 421].

Обряд похорон Владимира, описанный в статье Повести временных лет под 1015 г., не имеет аналогов в сообщениях о кончине других князей и создает впечатление того, что его участники не хотели возвращения покойника [12, С. 124]. Подобные действия совершаются в скандинавских сагах в случае с похоронами мертвецов, могущих навредить своим живым соплеменникам: так, в «Саге о жителях Эйра» Торольва, считавшегося вампиром, после смерти вынесли через пролом в стене [13, С. 208–209]. В славянской обрядовой традиции отверстие в потолке служит для облегчения предсмертных страданий колдуна [14, С. 190]. По логике летописного текста, чрезвычайные меры при похоронах были предприняты для того, чтобы избежать огласки, утаив смерть старого князя от Святополка. «Дружина отня» была на стороне Бориса в надвигающейся междоусобице, но он не предпринял решительных действий, приблизив тем самым свой мученический венец.

Стремясь продемонстрировать еще раз традиционное для агиографии чудо превращения «Савла в Павла», авторы Житий и Начальной летописи не жалеют черных красок для описания пороков князя в язычестве, и, напротив, после крещения отзываются о нем лишь положительно [15, С. 90]. Во то же время, по мнению современника Титмара Мерзебургского, «король Руси» оставался жестоким распутником, даже приняв христианство, которое «не украсил добрыми делами» [11, S. 486]. Не менее важна сообщаемая Титмаром характеристика политического положения, сложившегося к 1015 г. на Руси. Когда король Руси

умер, «исполнен днями» и «в немощной старости», его наследство досталось двум сыновьям (т.е. Борису и Ярославу Новгородскому), а третий (Святополк), находившийся в темнице, бежал к тестю, Болеславу Храброму [11, С. 486–490]. Интересным представляется и указание на возраст умершего: если выражение «*plenus diegum*» является библейским заимствованием, то фраза о немощной старости противоречит общепринятым представлениям, согласно которым Креститель Руси родился не ранее 955/960 гг. [16, С. 75–76, прим. 81]. Отметим, что время рождения младшего из Святославичей в точности неизвестно. Лишь «Летописец Переяславля Суздальского» упоминает о 73 годах жизни Владимира [17, С. 44], но этой информации, противоречащей остальным сведениям, не доверяют большинство исследователей.

Свидетельства источников об обстоятельствах смерти Владимира позволяют обнаружить противоречивое восприятие современниками и самого князя, и его наследия. Неслучайно Иаков Мних и автор летописной похвалы Владимиру в статье 1015 г. (6523 г.), уверенные в святости Крестителя, сетуют на недостаточное почитание его памяти: «Не дивимся, възлюбленеи, аще чудес не творить по смерти, мнози бо святеи праведнеи не твориша чудес, но святе суть» [9, С. 70]; «коликко добра створил Русьстеи земли, крестив ю, мы же, хрестыяне суще, и (не) въздаем почестья противу оногo възданью» [6, стб. 132]. Лишь впоследствии образ равноапостольного правителя утвердился в историческом сознании восточных славян.

Литература:

- 1) Толочко П. П. *Володимир Святий. Ярослав Мудрий*. К.: АртЕк, 1996.
- 2) Карпов А. Ю. *Владимир Святой*. М.: Молодая гвардия, 2004.
- 3) Милютенко Н. И. *Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники / Науч. ред. Г. М. Прохоров*. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008.
- 4) Ричка В. М. *Володимир Святий в історичній пам'яті*. К.: Видавничий дім «Скіф», 2012.
- 5) Акентьев К. К. «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // *Византинороссика*. 2005. Т. 3. С. 115–152.
- 6) *Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей*. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. Т. 1.
- 7) *Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей*. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. Т. 2.
- 8) Поппэ А. В. *Становление почитания Владимира Великого // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина*. М., 1990. Ч. 2. С. 228–231.
- 9) Зимин А. А. *Память и похвала Иакова мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения института славяноведения*. 1963. № 37. С. 66–75.

10) Розен В. Р. *Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского // Записки Императорской академии наук*. 1883. Т. 44. Приложение 1.

11) Thietmar von Merseburg. *Die Chronik des Bishofs Thietmar von Merseburg und ihre kohlveier Ueberarbeitung / Hg. von R. Holtzmann // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1935. Vol. 9.

12) Шайкин А. А. *Повесть временных лет: история и поэтика*. М.: «Русская панорама», 2011.

13) Петрухин В. Я. *Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв.* Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995.

14) Левкиевская Е. Е. *Низшая мифология славян // Очерки истории культуры славян*. М.: Индрик, 1996. С. 175–195.

15) Руднев В. А. *Слово о князе Владимире*. М.: Советская Россия, 1989.

16) Титмар Мерзебургский. *Хроника (1012–1018гг.) / Пер. с лат. А. В. Назаренко // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова*. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. Т. 4. С. 63–83.

17) *Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей) / Отв. ред. В. И. Буганов, Б. А. Рыбаков // Полное собрание русских летописей*. М.: Археографический центр, 1995. Т. 41с.

УДК 94 (929).731

Т.А. Коробейникова (Самарский ГУ)

Репрезентация королевской власти во Франции XII–XIII вв. по историческим сочинениям

На данном этапе развития исторической науки одним из наиболее разработаемых направлений является проблема «власть и общество», в рамках которой рассматривается комплекс вопросов, связанных с определением функций королевской власти. Этот поворот красноречиво обнаружил себя в исследовании проблемы репрезентации власти, связанной с ритуализированными формами праздничной и повседневной жизни монарха и его двора и особенно торжественными процедурами коронации и легитимации власти правителя. Активно стала рассматриваться мистическая тема сакральной природы королевской власти, которая побудила историков обратиться к сюжетам, связанным с особенностью религиозного сознания и духовной жизни средневековых людей [1, С. 6].

Цель данного доклада – проанализировать и сравнить конституирования образов монархов во Франции XII–XIII вв. на примере Людовика VI Толстого и Людовика IX Святого по историческим сочинениям аббата Сугерия («Жизнь Людовика VI Толстого (1108–1137)») и Жана де Жуанвиля («Книга благочестивых речений нашего святого короля Людовика»).

Рассматривая проблему репрезентации королевской власти и конституирования образа монарха, следует выделить основные критерии, по которым мы будем анализировать источники. Так, одним из основных моментов репрезентации власти является внешность короля. Сугерий изображает Людовика Толстого идеальным государем, добродетельным рыцарем, примером для подражания. Вот одно из описаний внешности Людовика: «Красивый, хорошо сложенный, как в нравственном достойном почтении обучении, так и в высоком росте ладного тела» [2, С. 50]. В более позднем возрасте: «Людовик славный юноша, приятный, привлекательный, доброжелательный настолько, что даже некоторым простоватым считался, уже возмужавший, знаменитый и смелый отцовского королевства защитник» [2, С. 54]. Жуанвиль так же изображает Людовика Святого идеальным праведным государем: «в молодости это был красивый рыцарь, тонкий и стройный, с ангельским лицом, озаряемым «глазами голубя». В зрелом возрасте это аскет, измученный умерщвлением плоти, которому он предается. Через внешность королей конституируется образ идеального государя для подражания.

Оба государя были поборниками церкви. Сугерий описывает множество примеров благотворного отношения Людовика Толстого к церкви, ее защите, а так же почитаемое отношение в Папе Римскому. Особо можно охарактеризовать жест «дружбы» короля и Папы, о котором упоминает Сугерий. Уже в нем проходит красной нитью то, как относился к церкви король, и что именно Франция в будущем станет оплотом папства. «Названный же Людовик так как в юности Церкви любовь щедрой защитой снискал...» [2, С. 78]. Королю в обязанности вменялись все возможные добродетели и достоинства в любых вариациях, ибо нравственному сознанию свойственно убеждение, что «добродетели соединены и связаны так, что если хотя бы одна, то обязательно присутствуют и прочие» [3, С. 190]. Продолжает и даже преувеличивает поклонение Церкви Святой король Людовик.

Милосердие к бедным и сочувствие калекам так же была одной из важнейших черт характера короля. Людовик Святой любил часто повторять: «Я предпочитаю чрезмерно тратиться на милостыню из любви к Богу, нежели на суетную роскошь мира» [4, С. 169].

Уже в этих качествах можно найти природу королевской власти. В Средние века монархическая власть генетически содержала в себе элементы сакрального, поскольку король изначально и неизменно исполнял миссию посредника между вверенным ему народом и Богом [5, С. 78]. Священной становится корона, ее миссия, а Людовик превращается не во временного держателя власти, а настоящего носителя священной, данной ему Богом власти.

Еще одним важным моментом репрезентации королевской власти становится образ справедливого короля. Сугерий описывает Людовика как активного заступника за права своих феодалов, он всегда был готов придти за помощь и сотворить праведный суд. Но если Людовик Толстый был судьей только в пределах своего государства, то к Людовику уже обращались для решения европейских проблем, что свидетельствует о подъеме авторитета французской монархии. Ко-

роль был гарантом справедливости.

Следующим аспектом репрезентации королевской власти следует считать окружение монарха, его двор и свиту. Сугерий описывает нам, что Людовик хоть и был в конце жизни любителем выпить и вкусно поесть, но двор содержал в относительной строгости и благочестии. А Жуанвиль описывает патриархальный двор Людовика Святого: никакой роскоши и чрезвычайная строгость нравов, ибо король не терпел порока, заставлял разбавлять вино.

Так же еще одним аспектом репрезентации является погребальные обряды и проводы королей в последний путь. Сугерий достаточно подробно описывает смерть короля Филиппа и его похороны. Эта часть репрезентативного процесса является очень важной: в королевских погребальных торжествах описывается не образ конкретного умершего короля, а идея короля как общего и вечного принципа власти. Стоит заметить, что в отличие от пышных похорон последующих веков, в XII в. все было достаточно скромно, «тело короля обычными камнями покрывали» [2, С. 78].

Следует сказать, что репрезентация королевской власти XII–XIII вв. конечно отличается от более поздней. Но необходимо учитывать при этом историческое время действия. Ведь Людовик Толстый был одним из первых сильных королей Франции, с которого постепенно началось усиление королевской власти и самого государства в целом, а Людовик Святой прилежно продолжал начинания своего предка. Репрезентация этого времени весьма скудна и проста в отличие от репрезентации королевской власти скажем Франции XV–XVI вв. Возможно, конечно, это определяется характером источников, которые не могут дать нам объективной оценки в силу своего жанра. Специфика источников заключается так же и в масштабе фигур авторов, т.к. масштаб личности автора помогал определить масштаб личности правителя.

Литература:

- 1) Хачатурян Н. А. *Суверенитет, закон и «Вся община»: взаимодействие и дихотомия власти и общества // Власть, общество, индивид в Средневековой Европе. М.: Наука, 2008. С. 34–43.*
- 2) Сугерий, аббат Сен-Дени, *Жизнь Людовика VI Толстого, короля Франции (1108–1137). М.: Старая Басманная, 2006.*
- 3) Малинин Ю. П. *Франция в эпоху позднего средневековья. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008.*
- 4) Жан де Жуанвиль, *Книга благочестивых деяний нашего святого короля Людовика». СПб.: Евразия, 2007.*
- 5) Цатурова С. К. *Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV–XV вв. // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М.: Наука, 2006. С. 78–95.*

Рауль де Вермандуа, сенешаль двух королей

Рауль де Валуа де Вермандуа был одним из самых ярких представителей своего рода в XII в. Если считать данную ветвь продолжением рода Крепи-Валуа, то он может именоваться Раулем IV, как и указывается в некоторых исследованиях [1; 2], а если рассматривать эту династию как прямое продолжение рода Вермандуа, то этот граф будет Рауль I.

Родителями графа, родившегося приблизительно в 1085 г. в Крепи (графство Валуа) были Гуго I «Великий» де Валуа де Вермандуа (1057–1102) – младший брат короля Филиппа I, герой первого Крестового похода и основатель рода капетингских графов де Вермандуа, – а также Аделаида де Вермандуа де Валуа де Крепи (ок. 1062–1122), дочь графа Герберта IV де Вермандуа (она же была внучкой второго мужа королевы Анны Киевской — графа Рауля III де Валуа де Крепи).

Первые упоминания о Рауле де Вермандуа появляются в 1114 г. в акте милости аббатству Сент-Арноль в Крепи [3, Р. 31]. Он стал графом в 1116 или в начале 1117 г., получив в наследство Вермандуа, а также Перонну. После смерти матери (около 1124 г.) он становится графом де Валуа де Крепи, получив также в наследство графства Амьен и Мондидье. Граф Рауль заявил о своем вступлении во владение замком Крепи и графством Валуа актом милости: он освободил жителей Базоша от сервитутов и подтвердил освобождение хартией, которая гласила, что «Базош принадлежит отныне церкви Санлиса» [4, Р. 416] и что Рауль возвращает жителям их прежние налоги, за исключением некоторых кутюмов.

В трудах его современников, в особенности в «Жизни Людовика VI Толстого» Сугерия, аббата Сен-Дени [5], граф Рауль представлен главным образом как сеньор горячий в бою, известный своей доблестью, о чем свидетельствуют также и прозвища, данные графу при жизни: «Доблестный» (что свидетельствовало о его мужестве) и «Одноглазый» (что говорило о его отваге и бесстрашии, т. к. глаз он потерял именно в бою). Он приходился двоюродным кузеном королю Людовику VI, и было вполне естественно, что они сблизились, к тому же Крепи был близко от королевского домена. Рауль участвовал во многих кампаниях короля. В текстах аббата Сугерия мы видим графа де Вермандуа рядом с королем во время второй экспедиции к Пюизе в битве при Жанвиле в 1122 г. [5], а также видим его подле короля в битве против сеньора де Кузи в 1130 г. [2, Р. 89]. Вовсе не удивительно, что граф де Вермандуа становится королевским сенешалем. Начиная с 1128 г., королевские дипломы содержат его имя. Тем не менее, Рауль официально становится сенешалем только в 1131 г., когда Этьен де Гарланд формально отказывается от этой должности. Граф де Вермандуа сохранил эту должность и при правлении юного Людовика VII, вплоть до 1152 г. (год его смерти).

Неустанная преданность королю не мешала Раулю в обычной жизни оставаться человеком достаточно импульсивным. «Именно это никогда не позволило сенешалю стать особым советником короля, роль которого играл Сугерий, аббат Сен-Дени» [3, Р. 33]. И мы видим, что, несмотря на все проявившиеся разногласия между ними после смерти Людовика VI (1137 г.), граф де Вермандуа и Сугерий, были оставлены новым королем — Людовиком VII — управлять государством на время его отсутствия в связи с Крестовым походом (1147–1149). В это время мы не видим никаких конфликтов между Сугерием и Раулем. Оба действовали в интересах королевства, и это видно из писем Сугерия [6].

Помимо дел воинских и государственных граф де Вермандуа так же занимался и делами духовными. Мы знаем, что Рауль принимал активное участие в организации пребывания папы Иннокентия II в королевстве в 1131 г. (из-за разногласий в Риме папа был вынужден укрыться во Франции). Также граф де Вермандуа основал премонтреанское аббатство Лье-Ресторе (1131 г.), аббатство в Лонг-Пон (департамент Уаза) (1141 г.), осыпал милостями монахов Сен-Жан де Винь в Суассоне и дал более тысячи солидов ренты аббатству Сент-Арноль в Крепи [1, Р. 438], а также в 1133 г. даровал тому же аббатству право на откуп налогов с рынков Крепи и Пондрона [3, Р. 33].

Однако граф Рауль предстает перед нами совсем с другой стороны, когда мы узнаем, что он был дважды предан анафеме Святым Бернаром и дважды отлучен от церкви папой по причине союза с юной Перонеллой, сестрой Алиеноры Аквитанской. Рассказ об этой истории стоит отдельной работы. Однако известно, что когда граф де Вермандуа умер в 1152 г., «весь Клунийский орден воздал ему почести, которые оказывались только королям» [1, р. 442].

Граф Рауль де Вермандуа де Валуа де Крепи был мудрым политиком, известным своей доблестью, отвагой, а так же щедростью по отношению к церкви, но его упрямство и вспыльчивость, что наряду со всем вышеизложенным, создавало порой непростые ситуации не только для самого графа, но так же имело и последствия для политики государства. Без сомнения, его личность представляет большой интерес для дальнейших исследований.

Литература:

- 1) Carlier C. *Histoire du duché de Valois. In 4 vols. Paris : Juillyn, 1764. Vol. I.*
- 2) Moreau-Neret A. *Le comte de Vermandois Raoul IV de Crépy et Péronelle d'Aquitaine soeur de la Reine Aliénor // Société historique régionale de Villers-Cottrêts. 1972. P. 82–116.*
- 3) Tomasini J.-M. *Crépy-en-Valois. Mille ans d'histoire. La Ferté-Milon : Corps 9 editions, 1987.*
- 4) Gallia christiana. *De Provincia Remensi : ejusque suffraganeis Ambianensi, Silvanectensi ac Boloniensi ecclesiis... [Province de Reims]: [Evêchés suffragants d'Amiens, Senlis et Boulogne]. Farnborough: Gregg, 1970. Vol. 10.*

5) *Vie de Louis VI le Gros éditée et traduite par Henri Waquet, les classiques de l'Histoire de France. Paris : Champion, 1929.*

6) *Oeuvres complètes de Suger / recueillies, annotées et publiées d'après les manuscrits pour la Société de l'Histoire de France par A. Lecoy de La Marche. – Paris : vve de J. Renouard, 1867.*

УДК 94 (4) 271.024

М.В. Журавлёва (Иркутский ГУ)

«Жизнь и судьба» военно-монашеского ордена тамплиеров

Ордену тамплиеров посвящено множество литературы на французском, немецком, английском и других европейских языках. Все описания сходятся в одном: эти монахи-воины в белых плащах с восьмиконечным красным крестом сыграли огромную роль в крестовых походах, бесстрашно погибая за Иисуса и Гроб Господень. Создававшиеся изначально, как и многие другие военно-монашеские ордена, для защиты и сопровождения паломников в Святую Землю, для организации и функционирования многочисленных госпиталей орден тамплиеров смог эволюционировать в более значимую организацию, обладающую огромными богатствами и властью, дарованной им самим Папой Римским, которому они непосредственно подчинялись. Многие медиевисты видели и продолжают видеть в ордене не только рыцарей церкви, но и своеобразный мистический институт, связанный с темными интригами и мировыми тайнами, которые в современном мире находят отражения в художественной литературе и фильмах. Были также и весьма критичные отзывы о храмовниках: по словам Вальтера Скота (в его знаменитом романе «Айвенго»), тамплиеры «были заносчивыми, алчными и лицемерными деспотами, злоупотребляющие своей властью и направляющие ход событий в нужное им русло» [1, С. 64]. Звучали и мнения, характеризующие рыцарей Храма как дьяволопоклонников, которые отправляли разного рода еретические ритуалы (именно по обвинению в этих грехах, подтвержденных рыцарями после жестоких пыток, тамплиеров будут сжигать на кострах инквизиции). Почему же тамплиеры оказались в центре внимания европейской общественности того времени? Как из отряда в 9 человек образовалась армия рыцарей, считавшихся не просто военно-монашеским орденом-общинной, а целым государством в государстве? Почему, несмотря на кровопролитные войны и, в конце концов, учиненную зверскую расправу над храмовниками, орден продолжал существовать и его последователи до сих пор состоят в различных рыцарских комтурствах и хранят тайны и историю ордена?

Вне сомнения, орден до сих пор представляет собой один из самых загадочных институтов западного мира. Ни одна работа по истории Европы XII–XIII вв. и крестовых походов не обходится без упоминания о тамплиерах. Никто не оспаривает и того факта, что в период своего расцвета орден

Храма был самой могущественной и влиятельной после папства организацией христианского мира, имеющий четкую управленческую структуру – от магистра ордена, управлявшего всеми его делами, до монахов-послушников, работающих на благо ордена. Первое упоминание об ордене Храма принадлежит историографу Гийому Тирскому. Согласно его истории, «бедное рыцарство Христово и Храма Соломонова» [1, С. 67] было создано в 1118–1119 гг. группой французских рыцарей во главе с Гуго де Пэйнсом, дворянином из Шампани. Свое название — тамплиеры или храмовники (рыцари Храма) — они получили потому, что местом собраний им служило помещение, находившееся с южной стороны дворца иерусалимского короля Балдуина Первого и примыкавшее к церкви гроба Господня. В свое время она была мечетью Аль-Акса, святыней мусульман — огромным сооружением XI в., которое поддерживали 280 массивных колонн. На том же месте, по преданию находился храм царя Соломона. По-французски храм — «тамплъ» (англ.), отсюда и название ордена.

Лозунг «освобождения Гроба Господня», изначально служивший для всех орденов ведущей идеей, позднее стал простым «камуфляжем» основных целей, преследовавшимися как орденом тамплиеров, так и другими орденами: грабительская деятельность, банковские махинации и ростовщические дела превратили Храмовников в сильную в политическом и экономическом плане структуру, которая стала угрозой для власти, как церковной, так и светской.

Не сумев попасть в число рыцарей ордена, или ограничить их экономическую деятельность, лишит многочисленных земельных владений, то есть повлиять на орден «мирным» путем, изнутри, король и Папа подписали тамплиерам смертный приговор. Но массовые сжигания рыцарей, пустые обвинения в их адрес не принесли желаемого результата: все богатства ордена были вывезены, а их последователи до сих пор хранят его историю и традиции.

Действительно, по данным исследователей, например, Б. Печникова или Г. Шустера, различные тамплиеровские организации в западных странах существовали вплоть до первой половины XX в. Еще в 1910 г. они заключили между собой конкордат, а в США в 1930 г. насчитывалось около 1716 комтурств (комтурств) — последователей ордена, что говорит нам об огромном идейной силе, объединяющей поколения людей от Средних веков и до настоящего времени.

Литература:

1) Шустер Г. Ю. *История тайных союзов, обществ и орденов / Г.Ю. Шустер. М.: Ваклер, 1996.*

2) Печников Б. А. *«Рыцари церкви». Кто они?: Очерки об истории и современной деятельности католических орденов. М.: Политиздат, 1991.*

Особенности противостояния Фридриха I Барбароссы и папства

Задолго до формирования абсолютизма в Европе правители пытались максимально усилить личную власть. Основным их соперником была Римская католическая церковь. Папство пыталось оказывать давление на политику практически всего континента и к 1152 г. представляло собой серьезную силу, и противостоять которой было действительно смелым решением.

Стоит заострить внимание на ключевых моментах, характеризующих действия Фридриха I по отношению к папству. Борьба королей и пап началась задолго до начала царствования Барбароссы. К началу правления Фридриха I папская власть сумела создать прочную систему управления. Григорий VII фактически превратил зависимую от императоров церковь в самостоятельную диктатуру. Однако помимо ущемления прав монархов в отношении церкви, папство поставило церковную власть выше светской. Из всех христианских государей объективно могли воспротивиться этому только германские императоры, хотя со времен Оттонов их влияние на папскую власть значительно ослабло.

Священная империя в это время переживала сложный период: влияние центральной власти было слабым, внутригерманская политическая обстановка была нестабильной – там сложились две крупные группировки Вельфов и Вайблингенов, стремившиеся усилить свое влияние. После наведения некоторого порядка в Германии, король обратился к реализации имперских амбиций. Барбароссе нужна была поддержка церкви, но также были неизбежны столкновения интересов папы и императора. Что же отличает политику Фридриха I по отношению к церкви от его предшественников и последующих правителей?

Фридрих вел двойственную политику: оказав папе помощь в начале своего правления, он в то же время ущемляет права курии, не вступая в конфронтацию с папством до наведения относительного порядка в стране, где «он вершил суд и расправу» [1, С. 58]. Папа, нуждавшийся в императорской армии, поначалу шел на уступки. Император же прямо пытается подчинить духовенство светской власти, давление Барбароссы на епископат неуклонно возрастает. Здесь уже не идет речь о разделении полномочий, которым ранее характеризовались отношения церкви и империи: начиная с Григория VII, церковь делает попытки установить свой диктат над светскими государями. Ранее империя не смогла оказать достойного сопротивления, но Фридрих I открыто заявляет, что власть императора божественна, он является защитником не только мирян, но и духовенства и потому вправе требовать вассальной покорности. Характерной особенностью политики императора по отношению к папству является обращение к законодательству. Созывая собор в Павии, Фридрих делает упор на прецеденты подчинения церковной власти империи.

Сейм в Безансоне, являющийся высшей точкой, «какой достигло могущество Фридриха I в первую половину его царствования» [2, С. 190], стал началом про-

тивостояния империи с папством. Открытая конфронтация началась с избранием папой Александра III. Выборы эти прошли без согласия и одобрения Фридриха I, и император пошел на отчаянный шаг: объявил папой своего ставленника Виктора IV, ссылаясь на то, что папа должен получить одобрение императора. Тем не менее, ряд политических просчетов не позволил Барбароссе сделать из своего ставленника настоящего противника Александру III. В дальнейшем, ситуации, когда на папском престоле оказывались сразу двое пап, сопровождались интригами со стороны всех государей, но здесь принципиально другая картина. Борьба за влияние на папство приобрела особый смысл: подчинение католической церкви имперской власти могло повлечь за собой фактическое главенство императора над всей Европой. Вероятно, эту ситуацию можно оценить как попытку раскола церкви – однако многие выступали не столько за папу Александра, сколько против растущего влияния императора Фридриха.

С провозглашением папой Пасхалия III ситуация изменилась только к худшему: Германия фактически противостояла всей Европе, Фридрих Барбаросса был отлучен от церкви, последовал ряд тяжелых военных поражений. «На пепле сожженных еретиков внезапно выросла дружба между Фридрихом и папой» [3], однако, дальнейшая политика Барбароссы указывает на то, что для императора это было лишь перемирие. Тем не менее, за этот период имперская власть в Германии усилилась, но продолжить борьбу с папством Фридриху I уже не удалось. Одной из главных причин неудачи императорской политики в отношении папства является то, что политика Фридриха I была чересчур смелой: церковь стала самостоятельной диктатурой, хотя и вынужденной считаться с интересами королей.

Так почему фактическое поражение Барбароссы в этой борьбе привлекает такое внимание? Это не только попытка империи вернуть себе утраченное влияние. Это первая реальная попытка подчинить себе церковь как состоявшуюся диктатуру. Выделяются и попытки установить власть «императорского папы» в пику легитимному Александру III. Двоепапство этого периода также резко отличается от схожих моментов в истории римской церкви. Так, антипапская политика Фридриха I является достойным продолжением деятельности императора Оттона. Борьба императора против церкви характеризуется не только военной силой и дипломатией — одним из орудий является закон (что можно считать нестандартным, даже в сравнении с политикой Капетингов). В то же время многие решения Фридриха I были обречены на провал. Возможно, они опередили своё время, но нельзя с уверенностью сказать и что они не запоздали.

Литература:

- 1) Балакин В. Д. Фридрих Барбаросса / В. Д. Балакин. М.: Молодая гвардия, 2001.
- 2) Лависс Э. Эпоха крестовых походов / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо; Пер. с фр. М. Гершензона. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2005.
- 3) Лозинский С. Г. История папства. // Режим доступа: URL: <http://lib.rus.ec/b/34107/read> (дата последнего обращения: 27. 10. 2012).

**Власть и династическая стратегия в Позднее Средневековье.
Графы фон Нассау в XII–XV вв**

Дворянский род средневековой Германии все чаще привлекает внимание исследователей как специфический субъект истории, «демографическое поведение» которого позволяет выявить стратегии коллективного выживания в условиях постоянной борьбы за власть [1; 2]. Одним из инструментов его описания является заимствованный из демографии и социологии статистический метод.

Интересующий нас род Нассау известен с XII в. и происходит от графов Лавуренбургов, владельцев земель на Среднем Рейне в районе реки Лан, включая гору Нассау, и ленников епископа Вормса [3, S. 26; 4, S. 4; 5, S. 49]. Процесс становления графства пришелся на эпоху Гогенштауфенов, при которых Нассау активно участвовали в имперских делах. К концу этого периода они сумели нарастить значительную территориальную и политическую мощь и в результате поступательного движения к вершинам власти в 1292 г. выдвинуть из своей среды нового короля Германии, обойдя при этом более знатных конкурентов [5, S. 333–335]. Адольф фон Нассау правил всего шесть лет. И хотя ему не хватило политического ресурса, чтобы удержаться на вершине власти [6, S. 14–15; 7, S. 17–78; 8, S. 99–100; 9, S. 369], для рода в целом факт пребывания его представителя на троне имел весьма ощутимые последствия. В следующие два века Нассау продолжали играть значительную роль в имперской политике, занимая трирскую и майнцскую кафедры. Причем последняя, согласно инициированной архиепископом Майнца Герлахом фон Нассау «Золотой булле» (1356), превратилась в ключевую позицию при выборе короля и принятии основных политических решений [10, VIII, № 2558].

Статистическое описание двух первых веков существования Дома Нассау представляет определенные трудности, поскольку сведения о представителях рода в эту эпоху чрезвычайно скудны. Однако очевидно, что в первых шести поколениях графов Нассау количество мужчин превышало число женщин (27 к 13). Это способствовало территориальной консолидации рода, так как общий домен в меньшей степени дробился за счет передачи земель другим домам в качестве приданого.

В высшем сословии вступление в брак преследовало несколько целей: биологическое продолжение рода и порождаемое им воспроизводство власти; стремление породниться с более знатными домами для повышения своего социального статуса; сохранение старых и приобретение новых территорий.

В этой связи важным показателем является качество брака. При возвышении Дома Нассау в конце XIII в. количество «вертикальных» браков (с более знатными партнерами) увеличилось в два раза (в соотношении 4 к 2). Однако их число все же вдвое меньше, чем количество «горизонтальных» браков (13) с равными

в социальной иерархии, в основном с непосредственными соседями, графами Диц, Катценельнбоген, Эппштейн и др. Интенсивность браков последнего типа приходится на первые четыре поколения, а затем снижается. Это свидетельствует об изначальном стремлении Нассау, как и прочих рейнских графов, освоить ближайшие территории.

Статистика в отношении выбора жизненного поприща демонстрирует характерные для этой социальной группы стратегии политического выживания и достижения успеха. Первое поколение нассауских графов занято расширением владений, строительством крепости Нассау как форпоста своих территориальных притязаний на Среднем Рейне, активно контактируют с сюзеренами. В следующем поколении трое из пяти графов Нассау принимают участие в итальянских войнах и в третьем крестовом походе под началом Фридриха I Барбароссы. При этом их политический статус резко возрастает, что способствует увеличению имущества. Начиная с третьего поколения, представители этого Дома все чаще выбирают духовную карьеру. Причем женщины пользуются ею как социальным лифтом, позволяющим участвовать в политике и в управлении. Мужчины становятся также членами Немецкого ордена, учрежденного в 1190 г. при непосредственном участии графов Нассау.

В XIV–XV вв. Дом Нассау живет в состоянии разделения на две большие линии — Вальрамскую и Оттонскую, которые, в свою очередь, начинают дробиться на более мелкие.

По сравнению с предшествующим периодом, в XIV–XV вв. общее число номинантов выросло более чем втрое (43 к 143). При этом Оттонская линия наследовала от XII–XIII вв. преобладание мужчин над женщинами (41 к 30 и 27 к 13 соответственно), в то время как в Вальрамской линии произошло изменение гендерного соотношения в пользу последних (26 к 34). В этот период заметно увеличились практически все показатели. Причем, за редким исключением, по всем пунктам, включая качество браков, Вальрамская линия опережала Оттонскую. Прежде всего, это проявилось в сфере социальной активности, где вальрамские графы, особенно в XIV в., удерживали не столько количественное (18 к 14), сколько качественное преимущество на поприще духовной карьеры. Однако к концу Позднего Средневековья находившаяся в аутсайдерах Оттонская линия умело использовала выгодную брачную партию с представительницей угасающего Дома принцев Оранских, а также свою территориальную близость к их владениям, чтобы занять престол Нидерландов и тем самым вырваться вперед в соревновании амбиций между разными линиями рода Нассау.

Таким образом, опыт правления короля Адольфа не пропал для них даром, и Нассау уже в эпоху Нового времени вновь совершили восхождение к вершинам власти. В основе этого лежала постоянная забота о роде как основном условии биологического существования во времени, память о династических традициях как способе социализации семьи, превращения ее в значимую политическую единицу, которая, опираясь на экономический ресурс в виде территориального массива, обеспечивает себе бытие в истории.

Литература:

- 1) Дюамель К. Семейные стратегии и социальное воспроизводство католического дворянства Германии в XVII-XVIII вв. // *Семья, дом и узы родства в истории / Под общей ред. Т. Зоколла, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбама. СПб.: Алетейя, 2004. С. 175-199.*
- 2) Spiess K.-H. *Familie und Verwandtschaft im deutschen Hochadel des Spätmittelalters: 13. bis Anfang des 16. Jahrhunderts. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1993.*
- 3) Schütz F. D. von. *Geschichte des Herzogtums Nassau. Wiesbaden: Wilhelm Roth, 1853.*
- 4) Hennes J. H. *Geschichte der Grafen von Nassau. Bd 1: Bis zum Jahr 1255. Köln: Komet Verlag, 1842.*
- 5) Schliephake F. W. T. *Geschichte von Nassau von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart, auf der Grundlage urkundlicher Quellenforschung. Wiesbaden: Kreidel, 1867. Bd. 2.*
- 6) Gerlich A. *Nassau in den politischen Konstellationen am Mittelrhein von König Adolf bis Erzbischof Gerlach (1292–1346) // Nassauische Annalen. 1984. Bd. 95. S. 1–37.*
- 7) Gerlich A. *Adolf von Nassau (1292–1298). Aufstieg und Sturz eines Königs, Herrscheramt und Kurfürstenfronde // Nassauische Annalen. 1994. Bd. 105. S. 17–78.*
- 8) Thomas H. *Deutsche Geschichte des Spätmittelalters. 1250–1500. Stuttgart u. a.: Kohlhammer, 1983.*
- 9) Reinle Ch. *Adolf von Nassau (1292–1298) // Die deutschen Herrscher des Mittelalters / Hg. von B. Schneidmüller und S. Weinfurter. München: C. H. Beck Verlag, 2003. S. 360–371.*
- 10) *Sammelwerk Regesta Imperii / Hg. von J. F. Böhmner; Bearb. von V. Samanek. Innsbruck: Wagner, 1948; Hildesheim: Olms, 1968. Bd. VIII.*

УДК: 94 (4) «04/14»

Р.С. Митрофанов (Казанский (Приволжский) ФУ)

«Включая зачумленных»: рождение дисциплинарной техники власти в средневековом городе в состоянии чумы (сер. XIV в.).

В данной статье исследуется процесс становления дисциплинарной властной практики, которая определила совершенно новую технику взаимодействия власти с обществом на целые столетия вперед, зародившись в средневековье и достигнув своего триумфа в XVIII столетии. Вопрос о прямом воздействии властных институтов на человека и силе их проникновения в его сознание, поставленный ещё в 60-е гг. XX в. философами М. Фуко, Г. Маркузе, А. Негри и др., и интересует широкий круг специалистов по сей день.

Актуальность данной работы продиктована тем, что современное общество контроля властью, описанное М. Фуко в «Истории безумия в классическую эпоху» (XVIII–XIX вв.), напрямую восходит к дисциплинарному обществу, истоки

которого обнаруживаются в средневековом чумном городе, требующего тщательного и комплексного изучения. Ключевым понятием новой дисциплинарной техники становится «территория города» находящегося на карантине во время чумы, актуализированное М. Фуко. [1, С. 68]. Территория города очерчивалась и маркировалась пропускными пунктами, а затем тщательно ограждалась город или иногда город с предместьями.

Территория эта была совершенно закрытая, но новшество заключается, в том, что она не была неупорядоченной зоной, куда, как было раньше, во время различных болезней (проказы, лепра, холеры и др.) изгонялись люди, от которых надо было очиститься, а стала местом конкретной разметки.

В «Правлении во времена чумы» Антонио Муратори, важнейшем источнике по этой проблематике, обнаруживается, что город в состоянии чумы, подразделялся на округа, округа делились на кварталы, в кварталах разграничивались улицы, и на каждой улице назначались наблюдатели, в каждом квартале инспекторы, в каждом округе — окружные управляющие, городом управлял специально избранный комендант и эшеваны, наделявшиеся на время пандемии особыми властными полномочиями.

Таким образом, пространство чумного города четко разграничивается, вплоть до конкретных улиц и домов, а местные чиновники наделяются непрерывной властью, в двух смыслах сразу. Во-первых, начиная с часовых, дежуривших у дверей крайних на улице домов и заканчивая комендантом и эшеванами, налицо предстает структурированная иерархия власти, в которой не допускалось пропусков. Во-вторых, непрерывность этой власти связана не только с её иерархичной пирамидой, но к её исполнению, поскольку контроль над зачумленными осуществлялся без перерывов. Часовые всегда стояли на окраинах улиц, а квартальные и окружные инспекторы осматривали свою территорию дважды в день, чтобы всё, что происходило в городе, представало их взору и контролировалось. Все изученные наблюдения о болезненном состоянии зачумлённых, об общественном спокойствии и др., неукоснительно регистрировались и заносились в специальные книги учёта. В начале карантина все горожане, находящиеся в «территории города», называли свои имена, которые тоже записывались в книги. Часть этих книг попадала в распоряжение участковых инспекторов, а другая — в распоряжение центральной городской администрации — коменданта. В обязанность инспекторов входил ежедневный осмотр домов и вызывание проживающих в них зачумленных. За каждым человеком закреплялось окно, в котором он тотчас же должен был появиться, когда назовут его имя, и если горожанин не появлялся, это означало, что он болен, что, в свою очередь, представляло опасность заражения окружающих. Во время процесса «вызывания горожан» и происходило распределение их властью на больных и здоровых. Все сведения, собранные в ходе этого досмотра, повторяющегося дважды в день, сверялись с общей книгой, по которой и вычислялись новые зараженные дома и индивиды. После всего, списки зараженных заносились в книгу зачумленных, которая хранилась в центральной администрации города [2, С. 197–201].

Теперь, по выражению М. Фуко «включая зачумленных» в пространство города, власть дисциплинирует тело и сознание индивида, задает механизм его существования в обществе, отводя человеку определенную роль и конкретное место в театре чумы. «Наоборот, — пишет Фуко, — речь идёт о серии мелких и постоянно регистрируемых отличий между заболевшими и не заболевшими индивидами. Следовательно, мы очень далеки от грубого, общим скопом, раздела, который характерен для исключения прокаженных» [3, С. 69].

Именно в средневековом городе рождается новая техника власти, которая в постоянной регистрации и изучении состоянии здоровья горожан, формирует определённую норму здоровья всего городского сообщества. Этот принцип положен в основу современного общества и его представления о норме человеческого здоровья, когда индивид проверяется «на здоровое состояние» посредством всевозможных институтов (больниц, диспансеров, психиатрических лечебниц и др.), осуществляющих контроль и гигиену над обществом, рождение которого произошло именно в средневековом городе.

Литература:

1) Фуко М. *Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году*. СПб.: Наука, 2004.

2) Фуко М. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999. С. 197–201.

3) Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. Общ. ред. Ю.Л. Бессмертного*. М.: Издательская группа Прогресс; Прогресс-Академия, 1992.

УДК 94(411).03

Е.А. Михайленко (СПбГУ)

Шотландская монархия в Хронике Дж. Фордуна

Отдельным этапом в развитии шотландского историописания стало появление первой хроникальной истории Шотландии до XII в., написанной Дж. Фордуном и озаглавленной «Хроника шотландской нации» [1]. Произведение Дж. Фордуна во многом основывается на работах авторов более раннего времени (в том числе Тургота, написавшего «Житие св. Маргариты, королевы шотландцев», и Элреда из Риво [2; 3]).

Хроника Дж. Фордуна несёт в себе несколько интересных структурных моментов. В первую очередь, он пишет хронологически последовательную историю Шотландии и включает её в общемировую историю. Это объясняет как лаконичность изложения, так и внимание Фордуна к фактологии. Тем не менее, основная идея произведения и цели его написания ясно прослеживаются на протяжении всего нарратива.

Некоторые эпизоды в хронике Фордуна представляются особенно интересными в связи с развитием шотландского историописания и взглядов на королевскую власть.

Одна из главных задач Дж. Фордуна — попытка противопоставить притязаниям Англии на господство над Шотландией чёткую и детальную историческую схему, подтверждающую право последней на независимость. Выполнению этой задачи было подчинено всё повествование.

Шотландские реалии конца XIV в. побуждали Фордуна стремиться к созданию образа сильного и милостивого короля, чьё правление символизировало бы период расцвета королевства. Фордун осознавал, что совсем недавно Шотландия была подчинена Англии, а королевская власть лишь недавно перешла в руки Стюартов, и что отношение к смене династии в обществе было далеко не однозначным [4]. Идеал королевской власти в Шотландии во многом формировался под воздействием постоянной угрозы со стороны Англии, и в этом случае король становился не просто носителем определённых властных функций, представителем рода или наиболее благородным во всех смыслах человеком, но и «наиболее ярким доступным символом исторической и современной автономии королевства».[5, Р. 128]

Самое пристальное внимание уделяет Фордун семейным связям, благородству рода шотландских королей. Хотя Элред также упоминает об этом, в его произведениях большее внимание уделяется окружению короля, его верным подданным из числа нормандцев, а у Фордуна этот вопрос стал ключевым в описании добродетелей короля. Фордун помещает в хронике две родословных Давида — как по линии отца, так и по линии матери. Предисловия к этим родословным свидетельствуют, что при создании образа «христианского короля» для Фордуна важнее оказывается именно материнская сторона. Здесь он приближается более ранней схеме, которую предложил Тургот в «Житии св. Маргариты».

Примечательно, что Фордун видит в потомках Малькольма III династию с утвердившимся прямым наследованием по мужской линии. Не случайно сын Малькольма III от первого брака у Фордуна однозначно именуется «*illegitimate*»: автор подчёркивает исключительность именно потомков Маргариты, в правление наиболее успешного из которых, Давида, Шотландия достигла своего расцвета. Эта преемственность подчёркивается автором в связи с пресечением прямой мужской линии шотландских королей после смерти Александра III и началом нового, очень тяжёлого периода в истории Шотландии.

Также стоит отметить, что в произведении Фордуна уже не используется прием противопоставления — как внутри королевской семьи, так между королями и подданными. В отличие от Тургота, Фордун не пишет только о благочестивой и святой Маргарите, противопоставляя ей её мужа, который если и претерпел положительные изменения, то лишь под влиянием супруги. Фордун пишет уже о королевской чете — Малькольме и Маргарите. Попытка сгладить противопоставление внутри королевской семьи стала основной и для снятия противопоставления между королевской династией и подданными, которое так чётко обрисовано Элредом в его произведениях.

Необходимо подчеркнуть, что Фордун первым из шотландских авторов разработал связную и последовательную теорию происхождения шотландского наро-

да. Помимо того, что этноним «*Scots*», согласно Фордуну, произошло от имени дочери фараона Египта Скотии, он также несколько видоизменяет существовавшую концепцию сосуществования пиктов и шотландцев. Она была высказана в т. н. «Вопросах» и «Возражениях» Балдера Биссета и состояла в том, что шотландцы прибыли на территорию Аргайла едва ли не раньше пиктов, и вообще старалась всячески завуалировать пребывание пиктов на территории шотландского королевства. Фордун же постарался смягчить противоречия и предложил версию о том, что пикты и шотландцы прибыли на эти территории почти одновременно. Эта теория была призвана противодействовать попыткам королей Англии подчинить себе Шотландию и доказать (в том числе, и папской курии) исконную независимость шотландцев. Что касается точки отсчёта «современной» истории Шотландии, шотландского королевства, которую использовали авторы в своих произведениях и в списках королей, то Фордун относит её к времени правления Кеннета Мак-Альпина, или Малькольма III и Маргариты [6]. Причём, чем дальше, тем большее внимание уделялось именно Малькольму и Маргарите как основателям прямой линии шотландских королей. Для шотландской историографии не было характерно деление единой линии шотландских королей на династии. Однако этот тезис распространяется, скорее, не на всю историю Шотландии, со времён прихода шотландцев на острова, но на период со времени правления Маргариты и далее.

Таким образом, происхождение шотландского королевства и шотландского королевского дома было спорным моментом для авторов позднего Средневековья. В конечном итоге, шотландские короли рассматривались как потомки разных, но одинаково славных родов. На вопрос о появлении королевства Шотландии современники давали разноречивые ответы, однако тем или иным способом доказывали исконное право шотландцев на независимость, и даже возможность предъявить претензии на английские земли.

Литература:

- 1) *John of Fordun. Chronicle of the Scottish Nation / Ed. by W. F. Skene. Edinburgh: Edmonston and Douglas, 1872.*
- 2) *Turgot. Life of St. Margaret, Queen of Scotland. Edinburgh: W. Paterson, 1884.*
- 3) *Ailred of Rievaulx. The historical works / Ed. by Marsha Dutton. Kalamazoo: Cistercian Publications, 2005.*
- 4) *Boardman S. Chronicle Propaganda in Fourteenth-Century Scotland: Robert the Steward, John of Fordun and the «Anonymous Chronicle» // The Scottish Historical Review. 1997. Vol. 76. N 201. P. 23–43.*
- 5) *Mason R. Kingship, Tyranny and the Right to Resist in Fifteenth Century Scotland // The Scottish Historical Review. 1987. Vol. 66. N 182. P. 125–151.*
- 6) *Dauvit B. The Picts' place in the Kingship's past before John of Fordun // Scottish History: The Power of the Past / Ed. by E. J. Cowan and R. J. Finlay. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2002. P. 11–28.*

УДК: 94(44) «026» 1428/1429
О.С. Казак (Сахалинский ГУ)

Осада Орлеана(1428–1429 гг.)

Город Орлеан находится во Франции в 130 км к юго-западу от Парижа. Осада Орлеана в 1428–1429 гг. — одно из важнейших событий Столетней войны (1337–1453 гг.). Город, располагавшийся на важной водной артерии страны (р. Луара), был последним препятствием для англичан к полному покорению земель Северной Франции, поскольку от Орлеана открывался прямой путь к городу Бурж — столице Карла VII. В этих условиях положение Карла стало бы безнадежным, поэтому Орлеан и имел важное стратегическое значение. [1, С. 269–270]

В августе 1428 г. английское войско графа Солсбери выступило из Парижа и двинулось к городу. 12 октября 1428 г. английское войско осадило Орлеан. Жители города лучше, чем кто-либо другой, знали силу укреплений, которые сооружались многими поколениями их предков. Они знали, что штурмом город взять почти невозможно и поэтому приготовились к длительной осаде [2]. Англичане построили на северном берегу, к западу от города укрепление вокруг церкви Сен-Лоран, на острове Шарлемани, вокруг церкви Сен-Приве, фортов Турель Августинцев. Укрепления Лондон, Руан, Париж. На востоке от Орлеана — укрепления вокруг церквей Сен-Лу и Сен-Жан-Ле-Блан.

Положение становилось критическим: к началу лета англичане ждали пополнение для окончательного окружения города. А у французского короля не было ни сил, ни средств, чтобы направить к Орлеану подкрепление. И тут он получил помощь, которую иначе как чудесной назвать нельзя.

В марте 1429 г. к Карлу VII привели семнадцатилетнюю девушку, Жанну д'Арк, которая обещала помочь. Идеи Жанны поначалу вызывали смех и раздражение у опытных полководцев и советников Карла VII. Однако Жанна успешно прошла все проверки и была столь убедительна, что король поверил ей. Во всяком случае, он действительно назначил ее главнокомандующим французской армией. За несколько недель Жанне д'Арк удалось то, что не мог сделать ни один командующий до нее — поднять воинскую дисциплину. Она подняла в войсках боевой дух и вернула своим солдатам, казалось, навсегда утраченную уверенность в победе [3, С. 35].

27 апреля французское войско вышло из города Блуа по направлению к Орлеану. Жанна высказала свое намерение двинуть отряд по правому берегу Луары. Это было кратчайшее и самое удобное направление, так как Орлеан находится на правом берегу реки. При движении левым берегом пришлось бы форсировать реку, которую контролировали 7-я и 8-я Бастилии циркумвалационной линии англичан. При движении правым берегом приходилось проходить мимо замков в Божанси и Мёнге, находившихся в руках англичан, и прорываться через линию западных Бастилий английской циркумвалационной линии. Однако в этом случае исключалась необходимость форсирования реки в сложной обстановке.

Военачальник Гокур обманул Жанну и повел отряд левым берегом Луары. Когда армия дошла до Орлеана, ее от города отделял мост, рядом с которым находился контролируемый англичанами форт Турель. Армия по левому берегу «прошла мимо» Орлеана на 9 километров [4, С. 259–261].

Тактическая же обстановка оказалась для французов явно неблагоприятной. Предстояло форсировать Луару. Теперь стала ясна невыгодность движения отряда левым берегом реки.

Жанна отправилась в Орлеан взяв с собой только 200 всадников и приказала погрузить продовольствие, а отряд отправила обратно в город Блуа, приказав ему идти в Орлеан правым берегом Луары. 29 апреля небольшой отряд численностью три-четыре тысячи человек во главе с Жанной д'Арк прошел в город, и подвезли припасы. Прибытие в Орлеан небольшого отряда всадников во главе с Жанной, доставившей продовольствие, подняло настроение жителей города. [5, С. 139]

Несколько дней до прибытия основных сил Жанна пыталась убедить англичан уйти, отправляя им парламентаров с письмами. Англичане, естественно, не ушли, но письма, возможно, сыграли свою роль. Ведь направить такие безрассудные требования мог только тот, кто чувствует силу. Также как во французской армии распространяется убежденность, что Жанна — святая, англичане начинают верить, что она ведьма.

Эта убежденность скрепилась после первой стычки. 4 мая, когда в Орлеан (уже по правому берегу) пришла основная часть армии, французские командиры предприняли вылазку против форта Сен-Лу. Англичане умело оборонялись, и французы, ничего не добившись, уже начали отступать, когда из города с небольшим отрядом ополченцев вышла Жанна д'Арк. Не выдержав напора, англичане вынуждены были отступить из форта. Сен-Лу был захвачен и уничтожен, блокада города была прорвана.

Боевые действия продолжились 6 мая. Французы переправились на противоположный берег Луары и овладели двумя фортами (Сен-Жан-ле-Блан и святого Августина) [5, С. 267].

Утром 7 мая французы с юга (со стороны, противоположной городу) начали атаку на Турель. Вход в форт защищал барбакан (четырёхугольное укрепление, отделенное рвом). Французы навели лестницы и начали подниматься. Когда Жанна карабкалась вверх, ее ранили выстрелом из арбалета. После этого англичане начали брать верх. Французские командиры уже хотели командовать отступление, но Жанна вернулась в битву, и барбакан был захвачен. Без передышки французы начали штурм самого форта Турель. К вечеру форт был захвачен, а армия вернулась в город.

8 мая англичане вывели все свои войска из оставшихся фортов и построились для сражения. Жанна не хотела кровопролития, и французы остались в городе. Подождав некоторое время, англичане развернулись и отступили от города. Осада Орлеана была снята, а Жанну д'Арк после этого стали называть Орлеанской Девой. [5, С. 291–292]

После снятия осады Орлеана полностью поменялось настроение воюющих сторон. Начался новый этап войны, этап, когда французы, наконец, осознали, что они воюют за свою страну, что они могут и должны победить.

В краткие сроки французы освободили долину Луары, разгромив английские гарнизоны в городках Жаржо, Менге, Божанси. Очистив долину Луары от противника, французы двинулись к Реймсу, чтобы короновать своего короля Карла VII, а затем — уже после гибели Жанны д'Арк, одерживая победы, отбили удерживаемый англичанами Париж. Таким образом, взятие Орлеана стало переломным этапом в длительной и кровопролитной войне, чуть было не обернувшейся катастрофой для французов.

Литература:

1) *Басовская Н. И Столетняя война: леопард против лилии. М. Астрель: АСТ. 2007. — 446 с.*

2) *Дневник Орлеанской осады. Режим доступа: <http://www.wikilivres.info.wiki.ru>. (Дата последнего обращения: 18. 10. 2012).*

3) *Дююю Э. Всемирная история войн. М.; СПб.: Полигон: АСТ, 1997. Кн.2: 1400–1800 гг.*

4) *Фабье Ж. Столетняя война. СПб.: Евразия. 2009.*

5) *Левандовский А. Вступление в Орлеан // Художественно-историческая хрестоматия: Средние века: пособие для учителей / Сост. О.В. Волобуев, С.А. Секиринский. М.: Просвещение, 1977.*

УДК 94(4)»375/1492»

Н.С. Ростова (Сахалинский ГУ)

Антисемитизм в странах Западной Европы в средневековье

Антисемитизм принимал в ходе истории различные формы — от религиозного и психологического предубеждения и сегрегации [1, С. 109] до насильственного выселения евреев и даже их физического истребления (геноцида) [2, С. 167]. История еврейского народа в средние века полна трагизма и драматических контрастов [3, С. 64]. Повсеместно рейнские общины были уничтожены [4, С. 438].

Папа Григорий IX собрал все декреты церкви против евреев и издал в виде церковного права, что привело к их полному установлению на государственном уровне [5, С. 239]. Уже во время первого Крестового похода тема убийства евреями христианских детей для ритуальных целей и умышленного отравления колодцев и водоемов появляется в Германии [6, С. 388]. Такое обвинение было выдвинуто против евреев в Фулде в 1235 г., когда на мельнице в отсутствие родителей сгорели пятеро детей. В связи с этим 32 еврея подверглись пыткам и были убиты.

Императоры и короли получили возможность продавать, закладывать или передавать евреев их князьям, епископам и городам. Иннокентий III созвал Четвертый Латеранский собор в 1215 г. для принятия мер против еретиков и иноверцев во всех странах. Христианским правителям предписывалось: не допускать евреев к общественным должностям; не позволять им показываться на улицах в дни страстной недели, накануне католической Пасхи; следить, чтобы крещеные евреи не соблюдали обрядов прежней веры; обязывать евреев, купивших дома у христиан, платить налог в пользу церкви; предусматривалась возможность продавать, закладывать или передавать евреев их князьям, епископам и городам. Католическая церковь постановила, что евреи, живущие в христианских землях, должны постоянно носить на своей одежде отличительный знак. Такой знак обычно имел вид большого желтого круга, пришитого к верхней одежде. Он стал прообразом желтой Звезды, которую нацисты заставляли носить во время Второй мировой войны.

Решения собора помогли папе Иннокентию III реализовать свои планы в отношении евреев, о которых он еще раньше писал графу Неверсу: «Евреи, подобно братоубийце Каину, обречены бродить по земле как беженцы и бродяги, и лица их должны быть покрыты стыдом» [7, С. 158].

Гонения на евреев в Германии достигли крайних пределов в XIV в. «С тех пор, как евреи живут на свете, — говорил немецкий писатель Ф. Веббер, — они еще не переживали более жестокого столетия, чем четырнадцатое. Можно удивляться, как после такой бойни остался еще в Германии хоть один еврей». В 1348 г. в Европе свирепствовала страшная чума, известная под именем «черной смерти». В это время пущен был чудовищный слух, будто зараза вызвана евреями, которые нарочно отравили воду в колодцах и реках, чтобы погубить христиан. Избиение евреев началось в Южной Франции и Драгонии, но страшные размеры оно приняло в Германии: евреев убивали тысячами [8, С. 199]. Их сжигали на кострах, пытали, вешали, местами изгоняли или заставляли принимать крещение. В Вормсе городской совет решил сжечь евреев, но последние, не дожидаясь смерти от рук палачей, сами подожгли свои дома и погибли в пламени. То же сделали и евреи Франкфурта и других городов. В Майнце часть евреев оказала вооруженное сопротивление своим мучителям и убила около двухсот человек; когда же дальнейшая борьба стала невозможна, майнцские евреи сами сожгли себя в своих домах [9, С. 301]. Священник из Севильи, Фернандо Мартинес поставил себе целью возбудить христиан к нападению на евреев. 15 марта 1391 г. около четырех тысяч евреев было убито, взято в плен и продано в рабство арабам; остальные же позволили совершить над собой обряд крещения. Цветущая и древняя община была уничтожена; некоторые синагоги были разрушены, а целевшие переделаны в церкви.

Решительная борьба против марранов (перешедших в христианство, но тайно исповедовавших иудаизм) и евреев началась с тех пор, как Папа Сикст IV дал свое согласие на учреждение судилища, названного Святой инквизицией. За десять месяцев инквизиция сожгла в одной Севилье до 300 марранов. Имущество казненных отбиралось и поступало в королевскую казну; таким образом, жечь марранов было не только «богоугодным», но и выгодным делом.

«Во всей Испании и на ее островах, — говорит современный проповедник Исаак Арама, — возносится до неба дым костров, на которых сжигают подозреваемых в иудействе (марранов). Треть их уже погибла в огне, треть разбежалась, бродит и скрывается в разных местах, а треть живет в великом страхе и трепете» [11, С. 107].

Сразу же после окончания Реконквисты короли обнародовали указ от 31 марта 1492 г. об изгнании всех евреев из обоих королевств — Кастилии и Арагона. В конце апреля возвестили, что евреям дается до июля срок выселиться из Испании; кто останется после этого срока на испанской почве подлежит смертной казни, если он не согласится принять крещение [12, С. 234].

В годовщину разрушения Иерусалимского Храма евреи покинули Испанию (2 августа 1492 г.). Число изгнанников доходило до трехсот тысяч мужчин и женщин, стариков и детей. Бежавшие в Португалию евреи (свыше ста тысяч) сначала получили от короля разрешение на временное проживание в этой стране. Но когда срок кончился, их оттуда стали гнать; малолетних детей отнимали у родителей и насильно крестили; взрослых обращали в рабство. После пятилетних преследований, евреев окончательно изгнали из Португалии (1498 г.). Многие погибли в дороге от голода, лишений и болезней; иные попали в руки морских разбойников и были проданы в рабство. Некогда цветущие еврейские общины Пиренейского полуострова исчезли в несколько лет. [13, С. 490].

Литература:

- 1) Баландин С. *Основы научного антисемитизма*. М.: Алгоритм, 2009.
- 2) Мороз. Е. *Евреи в конфликте цивилизаций*. М.: АСТ; Красноярск: Абу; Владимир: ВКТ, 2009.
- 3) Алиевский Д. *Ортодоксальные иудеи — добрые христиане*. М.: Азбука, 2006.
- 4) Арад И. *Трагедия евреев*. М.: Сфинкс, 2000.
- 5) Пинхас Полонский. *Две тысячи лет вместе — еврейское отношение к христианству*. Иерусалим: Книги Израиля, 2008.
- 6) Буровский А. *Евреи, которых не было. Курс неизвестной истории*. М.: АСТ, 2004.
- 7) *История еврейского народа // под ред. Ш. Эттингера*. М.: Мосты культуры, 2001.
- 8) Джонсон П. *Популярная история евреев*. М.: Вече, 2001.
- 9) Вайс Р. *Евреи и власть*. М.: Текст, 2009.
- 10) Тюменев А. *Евреи в древности и в средние века*. М.: Крафт +, 2003.
- 11) Штерениш М., *Евреи. История нации*. М.: Феникс, 2011.
- 12) Пиотровский Ю. Г. *Является ли Иисус Мессией? Проблемы иудео-христианского диалога*. СПб.: Изд-во Алетейя, 2006.
- 13) Таланцев Д. *Христианство и юдофобия*. М.: Алгоритм, 2009.

Формирование института прав и свобод в Европе в Средние века

На протяжении всей истории шло постепенное признание всеми народами достоинства и ценности человеческой личности. Каждая отдельная личность — это продукт социализации и носитель определённых культурных ценностей. В Средние века было характерным понимание прав и свобод человека как привилегии, дарованной сеньором вассалам. Феодализм и церковь преградили все пути стремления человека к политической свободе, свободе совести.

Изменение социальной структуры общества, её усложнение всё же позволило лицам, находящимся на нижнем уровне социальной лестницы, обладать определённым правовым статусом, но вопрос о реальных правах широких слоёв общества даже не ставился. Кодексы прав, появившиеся в это время, закрепляли права на политическую и гражданскую свободу, свободу совести, которые были не универсальны и распространялись только на один слой общества — дворянство.

Один из таких кодексов — «Великая хартия вольностей», принятая в Англии в 1215 г. Этот документ впервые законодательно закрепил гражданские свободы. Признавалось, что индивид вправе свободно располагать собой и может быть подвергнут наказанию не иначе как по приговору суда. Никто не мог быть арестован, лишен собственности «или иным способом обездолен» иначе, чем по решению суда и по закону, воспрещались неправосудные аресты и задержания [1, С. 324].

В эпоху Средневековья господствовало теологическое мировоззрение, обосновывался принцип относительной автономии человека через идею служения Богу. Идея прав человека теряет естественно-историческое обоснование и сменяется божественным правом, которое утверждалось христианством. Это требует уважения каждого человека как творения, наделённого душой и созданного Богом по своему подобию [2, С. 8–9]. Божественное происхождение обуславливает равенство и свободу всех людей.

Из Библии берут своё прямое начало современные конституционные принципы свободы, обеспечения прав человека, ограничение самодержавия, независимости суда, разделения властей [3, С. 43]. Учитывая роль и значение канонического права в Средневековой Европе, имевшего наднациональный характер, положения Священного писания можно признать в качестве своеобразного источника международного действия [4, С. 146–147], причём источника до определённого времени абсолютно непрерываемого и при этом поддерживаемого европейскими государствами.

Следует обратить внимание на политико-правовое учение Фомы Аквинского. Фома Аквинский (1223–1274) один из самых крупных представителей всей послеантичной философии. Он помещает человека в общество и государство, а государство существует затем, чтобы заботиться об общем благе. Однако, Фома ре-

шительно выступает против социального равенства, сословные различия он считает вечными. Подданные должны подчиняться господам, покорность является их основной добродетелью, как и всех христиан в целом. Он считает, что лучшая форма правления — монархия. Задача монарха — вести граждан к добродетельной жизни. Важнейшими предпосылками для этого выступают сохранение мира и обеспечение благосостояния граждан, внешней же целью и смыслом является достижение небесного блаженства. Роль церкви выше, чем роль государства. В сочинении «О правлении государей» Аквинский рассматривает человека как социальное существо, а государство как организацию, заботящуюся о благе народа [5, С. 41]. Сущность власти он связывает с нравственностью, в частности, с добром и справедливостью, и, конечно с оговорками, но говорит о праве народа на сопротивление светской власти. При этом Ф. Аквинский разрабатывает особую теорию закона, носящую иерархическую систему.

Пирамиду законов венчает вечный божественный закон (*lex aeterna*), содержащий универсальные нормы и общие принципы божественного разума, управляющего Вселенной. Естественный закон (*lex naturalis*) — отражение вечного закона бога человеческим разумом, это «печать божественного света на нас» [6, С. 42]. Он предписывает стремление к самосохранению, продолжению рода, обязывает искать истину (Бога) и уважать достоинство людей. Это «свет естественного разума, с помощью которого мы различаем, что хорошо, а что плохо». Человеческий (позитивный) закон (*lex humana*) — феодальное право того времени, отражающее и конкретизирующее естественный закон, соответствующее ему и закону бога. Соответствие призвана определить церковь. Закон представляет собой «частные распоряжения, выработанные человеческим разумом», например порядок заключения браков, определение санкций за совершение определённого правонарушения [7, С. 43].

Таким образом, несмотря на то, что в эпоху Средневековья в Европе вопрос о реальных правах широких слоёв общества не ставился, акты, появившиеся в это время, закрепляли права верхних слоёв общества, а личность осознавала себя в рамках христианства и через служение Богу, рассмотренные материалы позволяют говорить о постепенном зарождении институтов прав человека, таких как: право на политическую и гражданскую свободу, свободу совести и др.

Литература:

- 1) *Всеобщая история государства и права: учебник: В 2 т. / Под ред. О. А. Омельченко; 4-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2007. Т. 2.*
- 2) *Лебедев В. А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России (теория и практика современности). М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2005.*
- 3) *Баренбойм П. Д. Первая Конституция мира. Библия и конституция. Сборник статей. М.: Белые альвы, 1998.*
- 4) *Туманов Д. Ю. Библия как источник формирования конституционных положений и прав человека // Теоретические и прикладные проблемы науки*

и образования в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международной заочной научно-практической конференции 31 января 2012 г.: В 10 ч. Тамбов: Бизнес-Наука-Общество, 2012. Ч. 1.

5) Марченко М. Н., Мачин И. Ф. История политических и правовых учений: учебное пособие. М.: Проспект, 2011.

УДК: 929.714:94(410)«1509-1547»

В.А. Стасевич (СПбГУ)

Орден Подвязки при Генрихе VIII

Правление Генриха VIII было отмечено несколькими переменами, коснувшимися Ордена Подвязки. Самой зримой из них стала достройка орденской часовни в Виндзорском замке, в которой король изъявил желание быть похороненным еще в 1517 г. [1, Р. 282]. Суммы на завершение строительства и отделки регулярно взыскивались с рыцарей [1, Р. 268–437], а «венцом» программы стало обширное потолочное украшение, включающее в себя гербы короля и других членов ордена, и в таком виде представляющее его состав на 1528–1531 гг. [2, Р. 112–113].

В меньшей степени сегодня можно наблюдать результаты иной реформы: составления нового орденского устава, или статута (действовавший на тот момент был составлен при Генрихе V) [3, Р. 118–120; 4, Р. 356–375]. В 1517 г. король впервые объявил о своем желании обновить устав и приказал созвать членов ордена для обсуждения реформы. По всей видимости, несмотря на декларацию, проект был отложен, и о нем было объявлено заново 28 мая 1519 г., когда собравшиеся на капитул рыцари обратились к королю с просьбой о реформе устава. К 1522 г. была составлена и вступила в силу соответствующая новая версия [5, Р. 192–193; 1, Р. 293–295].

Из уставных новшеств, прежде всего, отметим три «организационных». Во-первых, королю (на языке статутов, Суверену ордена) предоставлялось исключительное и неограниченное право толкования устава. Во-вторых, уточнялись условия принятия в орден. Прежнее требование благородного происхождения (на языке английской версии статута, качество «джентльмена по крови») толковалось как происхождение от благородных лиц вплоть до третьего колена с отцовской и материнской стороны. Также из возможных «пороков», не допускающих к членству, указывались три: осужденность за ересь; измена королю; дезертирство с поля боя или из армии, которой командует король или его уполномоченное лицо. В-третьих, был определен «кворум» для капитула — шесть рыцарей. Большинство же перемен носило почти исключительно церемониальный характер, вроде оговоренного права Суверена менять закрепленные за рыцарями кресла в Виндзорской часовне или правил празднования дня Святого Георгия для рыцарей, отсутствующих на капитуле по уважительной причине. Введенная тогда же новая орденская инсигния — массивная золотая цепь-оплечье с «тюдо-

ровскими розами» — сохраняется до настоящего дня [1, Р. 293–341; 5, Appendix; 6, Р. 71–114; 7, Р. 1–43].

Еще одно новшество было связано с Реформацией. В 1540 г. было отменено прежнее положение об оплате рыцарями месс за умерших товарищей по ордену; теперь по тому же случаю рыцари должны были жертвовать определенные суммы на «благотворительные нужды», в качестве примеров которых была названа починка дорог и помощь бедным. Соответствующее изменение было внесено в текст статута [1, Р. 417–418; 5, Appendix; 6, Р. 96–98; 7, Р. 25–27].

Рассматривая связь этих реформ с практикой, заметим, что ряд из них был псевдореформами. Так, право короля на свободное толкование устава были заявлено еще Генрихом VII в 1503 г. [1, Р. 242]. Перемена рыцарей местами в часовне практиковалась еще при Ричарде III [1, Р. 221]. Мнимым новшеством, педалируемым Х. Миллер, является утверждение за королем свободы на избрание в орден любого достойного рыцаря, вне зависимости от итогов голосования на капитуле [8, Р. 88]. Действительно, соответствующая формулировка присутствует в латинском тексте статута 1522 г., тогда как в изданиях прежних уставов право короля ограничивалось голосованием. Однако в английской версии нового устава (а именно она вручалась рыцарям при принятии в орден) ограничительная формулировка возвращается [1, Р. 319–320; 4, Р. 380; 5, Appendix; 6, Р. 57–58]. Но что важнее всего, избрание в орден самим Генрихом VIII очень редко расходилось с результатами голосования. Из 27 капитулов при Генрихе VIII, которые завершились избранием и для которых зафиксировано распределение голосов, в 25 случаях прослеживается своеобразный «принцип большинства»: за любым избранным стояло наибольшее возможное по итогам голосования число голосов в пределах той категории, по которой была выдвинута его кандидатура. Лишь дважды (в 1510 или 1511 г. и в 1543 г.) король включил в орден рыцарей, уступавших по числу голосов кому-либо в своей категории [1, Р. 268–437].

В плане состава ордена можно проследить различия между правлениями Генриха VIII и его отца; при этом наиболее «уловимой» социальной группой, члены которой могли быть включены в орден, являлась титулованная знать. Генрих VII включил в орден 37 рыцарей, из них 2 собственных сыновей (оба — герцоги к моменту посвящения), 6 иностранных правителей, 14 членов титулованной знати (включая одного ирландского — графа Килдера), 15 нетитулованных рыцарей (из которых позднее получают титулы 4, в том числе один — граф Уилтшир — только при Генрихе VIII). Генрих VIII ввел в состав ордена 53 рыцарей (в их числе собственного внебрачного сына), 7 иностранных правителей и аристократов, 26 членов английской титулованной знати, 19 нетитулованных рыцарей (из них 7 получают титулы позднее и в то же правление). Таким образом, если при Генрихе VII доля титулованной знати в составе новых орденских креатур (как обладавших титулом до посвящения, так и получивших его позже при том же монархе) составляла менее половины, то при Генрихе VIII она приблизилась к двум третям. Однако при втором Тюдоре резко понизилось отношение числа титулованных рыцарей Подвязки к общему числу титулованной знати: если

к восшествию Генриха VIII на престол имело место соотношение 13 к 45, то к его смерти — 10 к 51.

Представляется возможным проанализировать приведенные данные в «династическом» ракурсе, т. е. деля титулованную знать на тех, кто был так или иначе обязан своим титулом правящей династии, и не обязанных таковым образом. Если к началу правления Генриха VIII наметился перевес «династической» знати в ордене на одного человека (7 человек против 6), к моменту смерти Генриха «династическая» знать перевешивала «додинастическую» более чем вдвое (7 человек против 3). Последняя цифра близка к соотношению этих групп в тот же момент среди знати в целом (34 к 17) [9].

Литература:

1) *The register of the most Noble Order of the Garter / Ed. by J. Anstis. London: J. Barber, 1724. Vol. II.*

2) *Fellowes E. H. The Knights of the Garter, 1348–1939. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1939.*

3) *D'Arcy J. D. The Knights of the Crown: The Monarchical Orders of Knighthood in Later Medieval Europe, 1325–1520. Woodbridge: The Boydell Press, 2000.*

4) *Jefferson L. M. S Arundel 48 and the Earliest Statutes of the Order of the Garter // The English Historical Review. 1994. Vol. 109. N. 431. P. 356–385.*

5) *Ashmole E. The institution, laws and ceremonies of the most noble Order of the Garter. London: J. Macock, 1672.*

6) *Dawson T. Memoirs of St. George the English patron: and of the most noble Order of the Garter. London: Henry Clements, 1714.*

7) *The statutes of the most Noble Order of the Garter. London: T.H. Coe, 1814.*

8) *Miller H. Henry VIII and the English nobility. Oxford: Basil Blackwell, 1986.*

9) *The Complete Peerage of England, Scotland, Ireland, Great Britain, and the United Kingdom Extant, Extinct, or Dormant. 13 Vols. / Ed. by V. Gibbs et al. London: St. Catherine Press, 1910–1959.*

УДК: 94 (410). 05

Ю.М. Гришина, О.П. Жалменова (Тамбовский ГУ)

Личность в системе общественных отношений:

Елизавета Тюдор (1533-1603)

Человек всю свою жизнь находится во взаимодействии с другими людьми. Он вырабатывает определённую модель поведения, которой сам и следует. Избранная модель отражает характер и определяет его как личность. Особенно интересной представляется фигура английской королевы Елизаветы Тюдор, отношения которой с окружающим её обществом были не всегда стандартными.

Личность Елизаветы Тюдор была многогранной и разносторонней. Своеобразие личности и её поступков проявилось во всем: в манерах, образе жизни и мы-

слях. Королева выработала в себе определённые качества поведения и вела себя сообразно им. Уже в детском и юношеском возрасте Елизавета хотела походить на взрослых. Это сказывалось в поведении, сосредоточенности, умении выслушать других и дать вразумительный ответ [1, С. 126]. Став королевой, Елизавета непременно совершенствовала этот образ общением с окружающими во время поездок по стране и постоянно заботилась о своей репутации [2].

Даже в юном возрасте она демонстрировала выдержку: после заключения принцессы в Тауэр, усевшись под дождём на ступеньки, она отказалась идти дальше, выкрикнув, что «лучше уж остаться здесь, чем где-то ещё. Где будет ещё хуже, ибо видит Бог, не знаю, куда меня ведут» [2]. Превозмогая чувства, она двинулась в сторону стражников и народа.

Елизавета проявляла также такие типично женские качества, как трепет, загадочность и застенчивость. Посланник Мелвилл отмечает, что, когда королева пригласила его в свои покои, у неё был таинственный вид, с которым она открыла ящичек с драгоценностями [1, С. 122].

Елизавета была ревнивой и вспыльчивой. Эти качества она проявляла в форме выпадов и криков. Самыми известными являются два эпизода. Первый связан с Робертом Дадли. Он произошёл в 1567 г., когда она бросила ему в лицо фразу «Если вы намереваетесь править здесь, я позабочусь, чтобы этого не случилось. Здесь будет только одна госпожа и не будет господина!» [1, С. 95]. В ответе королевы проявилась и личность Елизаветы как женщины, так и правительницы. Она произнесла данную тираду в присутствии своих советников, чему все были немало поражены. Второй эпизод случился позже, в 1599 г. на заседании парламента, когда молодой Эссекс рьяно высказывал свою точку зрения, явно не считаясь с мнением Р. Сесила по вопросу ирландского восстания. В итоге разгорелся скандал, и в гневе Елизавета ударила своего фаворита [1, С. 245].

В последующем королева срывала свой гнев и плохое настроение на фрейлинах [3, С. 245]. Так, по словам М. Тэлбот, Елизавета швырнула в одну из фрейлин подсвечник, и говорила потом, что это было несчастный случай, а другую фрейлину полоснула ножом [3, С. 157]. Вероятно, они чем-то задели королеву, и она дала волю своим чувствам. Мы не склонны осуждать не одну из сторон, так как не знаем истинной причины происшедших событий. Возможно, фрейлины сплетничали о личности королевы. Этим поступком Елизавета показывала, кто является ключевой фигурой при дворе.

Ещё одним любопытным моментом, связанным с поведением Елизаветы Тюдор, является её разговор с леди Кобэм. Королева спросила её мнение по поводу своего брака с французским принцем Генрихом IV. Получив ответ, что между ними слишком большая разница и их брак не будет из-за этого счастливым, королева разгневалась и ответила, что всё это чушь и Генрих всего на десять лет моложе её [2, С. 134]. Елизавета «забыла» упомянуть о разнице в возрасте, составлявшей восемнадцать лет [2, С. 134]. Тем самым, королева продемонстрировала типично женские черты характера: вспыльчивость, ревность и желание скрыть свой истинный возраст от окружающих. Она пыталась избавиться от не-

достатков характера на протяжении всей своей жизни, но это ей не удавалось. С возрастом Елизавета стала более требовательной по отношению к себе и окружающим.

При этом английская королева продолжала заботиться о своей репутации. Она активно боролась против порочащих её личность памфлетов. При этом Елизавета не смотрела на то, кто писал и распространял такие памфлеты, и распорядилась заключить его под стражу (например, печатник Стаббс, опубликовавший в 1567 г. памфлет о королевской чести и вмешивающийся в сватовство королевы и герцога Алансонского, был сразу же арестован и осуждён).

Примечательно, что Елизавета сама решала, как ей поступать в том или ином случае, проявляя черты жесткого политика. В то же время женская сентиментальность приводила её к раскаянию в совершенном. Так, например, она плакала по поводу казни Марии Стюарт. Королева дала волю своим эмоциям в данной ситуации, и можно полагать, что с её стороны это было вполне искренне. Не исключено, что ей надоел сам затянувшийся процесс, к тому же, несомненно, она надеялась на раскаяние Марии. Стоит отметить, что Елизавета объявила виновной не себя, а советников, в первую очередь У. Сесила, тем самым, сняв с себя ответственность [4].

В целом, королева Елизавета Тюдор вела активную и насыщенную жизнь в обществе как в частной жизни, так и в политике. Она была человеком своего времени, пыталась ярко проявить себя, выразить своё недовольство и радость, умела как скрывать, так и, напротив, показывать свои истинные мысли и намерения, когда это было необходимо. Эти же качества проявились и в политической деятельности королевы.

Литература:

- 1) Дмитриева О. В. *Елизавета Тюдор. М.: Молодая гвардия, 2004.*
- 2) Эриксон К. *Елизавета I / Пер. Н.А. Анастасьева. М.: Аст, 2008.*
- 3) Феллоуз В. М. *Код Шекспира / Пер. И. И. Буровой. СПб: Диля, 2008.*
- 4) *Елизавета I - Якову VI, королю Шотландии. // Режим доступа: URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVI/1580-1600/Elisabet/JakobVI_1587.phtml?id=4836. (Дата последнего обращения: 12. 10. 2012).*

УДК: 94(420).06
А.Н. Каретина (СПбГУ)

Спор о клятве верности 1607–1610 гг. и участие в нем Якова I Стюарта

В 1603 г. на английский престол, наследуя бездетной Елизавете Тюдор, взошел Яков I Стюарт. Его правление открыло совершенно новую страницу в истории Англии. Ранее известный благосклонным отношением к своим католическим подданным, он дал английским католикам надежду, что сложные отношения

между ними и светской властью, продолжавшиеся все правление Елизаветы, наконец-то наладятся. Как считает У. Б. Паттерсон, сам Яков также искренне этого желал и намеревался однажды добиться религиозного умиротворения во всех своих владениях [1, Р. 18–19].

Однако этим планам не суждено было сбыться. 5 ноября 1605 г. был раскрыт Пороховой заговор, который позже в своей речи к парламенту король описывал как попытку враждебно настроенных английских католиков уничтожить тех людей, которые были, по их мнению, повинны в установлении «несправедливых законов» [1, Р. 75]. Пойманные заговорщики действительно оказались католиками и поддерживали связи с Римом, поэтому такое заключение было закономерно, хотя и до сих пор среди ученых нет единого мнения об истинных целях заговора. После неудавшегося покушения на себя Яков резко переменял отношение к католикам, и в стране началась новая волна гонений.

В частности, одной из первых мер, предпринятых Яковом, чтобы обезопасить себя от повторения таких покушений в будущем, стало включение в традиционную клятву верности, приносимую подданными королю, пунктов о недопустимости причинения монарху или его семье какого-либо вреда, в том числе по религиозным соображениям, и о невозможности для папы сместить короля и освободить его подданных от данной ему клятвы. Такие попытки со стороны Рима случались и раньше, так что опасения Якова были не напрасны. Яков и его единомышленники считали, что в том числе и эти ранние прецеденты повлияли на заговорщиков 1605 г. и подтолкнули их к действию.

Однако из избранной Яковом для клятвы формулировки вытекало и другое теолого-политическое следствие. Дело в том, что принимавший клятву таким образом не только подпадал под светскую власть монарха, но и признавал, что учение, провозглашающее право папы смещать королей, «нечестивое» и «еретическое» [2, Р. 127]. Таким образом, английские католики оказались перед сложным выбором, разрываемые между преданностью вере и преданностью законному сузерену.

Именно эта клятва и стала поводом к началу одной из самых громких и длительных религиозно-политических полемик XVII в. Яков явно надеялся, что папа осудит Пороховой заговор и разрешит католикам принять клятву, чтобы смягчить последствия заговора, но Павел V категорически запретил им это делать, утверждая, что клятва противоречит вере и спасению. В Англию были отправлены два папских бреве с осуждением клятвы, а также письмо иезуита кардинала Беллармина к главе английских католиков архиепископу Блэквеллу.

В ответ на такую реакцию Рима в феврале 1608 г. Яков анонимно опубликовал трактат под названием «В защиту клятвы верности» [3, Р. 71–109], в котором выступил с разъяснением своих взглядов и критикой папских бреве и письма Беллармина. По его мнению, потребованная им клятва нужна была для обеспечения государственной стабильности, а требовать верности от своих подданных — естественное право всякого монарха. Яков указывает, что ни в одном из процитированных бреве папа не перечисляет, что именно в тексте

клятвы противоречит учению церкви и делу спасения души, а также что повинение светским властям, о котором там идет речь, никогда не считалось противоречащим вере.

После того, как Беллармин по поручению папы ответил на его трактат, Яков опубликовал трактат «В защиту клятвы верности» уже под своим именем, снабдив его предисловием под названием «Предупреждение всем самым могущественным монархам, королям, свободным государям и государствам христианского мира» [3, Р. 110–168]. На этот раз его послание было обращено не к Риму, а к другим королям и правителям. Он призывал их обратить внимание на важность этого спора, вынося свои воззрения на их суд и указывая на опасность амбиций папства. В «Предупреждении» Яков подробно разобрал некоторые сочинения Беллармина, как теоретика светской власти папы, и сопоставил их с историческими примерами и текстами Священного писания, показывая, что притязания папы на светскую власть не новы, но христианским королям и императорам прошлого прежде всегда удавалось их отвергнуть.

Свою книгу Яков старался распространить как можно шире, посылая ее с гонцами в разные уголки Европы, и, действительно, его сочинения вызвали широкий отклик как у католической стороны, так и у протестантской, мало кого оставив равнодушным. Именно с этого момента начинается бурная публичная дискуссия, которая включает в себя десятки сочинений и с которой связаны имена виднейших фигур того времени, таких как Франсиско Суарес, Гуго Гроций, Исаак Казобон, и многих других. Сам Яков вмешивается в нее еще только раз, отвечая на критику его взглядов кардиналом Дюперроном. Сего выходом из дискуссии она не заканчивается, и отдельные произведения продолжают публиковаться даже после его смерти.

Литература:

- 1) *Patterson W. B. King James VI and I and the Reunion of Christendom. New York: Cambridge University Press, 2000.*
- 2) *Tutino S. Empire of souls: Robert Bellarmine and the Christian commonwealth. Oxford: Oxford University Press, 2010.*
- 3) *The Political Works of James I / Ed. by Ch. H. McIlwain. Harvard: Harvard University Press, 1918.*

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА

УДК: 94(410).7.033.4
Т.Е. Федорова (СПбГУ)

Винчестерская школа в английской миниатюре последней трети X века

К Винчестерской школе книжной миниатюры в Англии относят обычно работы, созданные в скрипториях различных монастырей Винчестера. Автор в своей работе посчитал важным выделить характерные черты рукописей, созданных мастерами Винчестерской школы, а также проследить, в каких вариациях они встречаются в оформлении конкретных памятников. Для этого были рассмотрены несколько манускриптов, принадлежащих Винчестерской школе, при этом особое внимание уделялось технике, в которой выполняются миниатюры, стилю изображений, используемому художником набору орнаментальных элементов, чтобы определить таким образом, что позволяет объединять эти памятники в одну школу.

Отечественные учёные, такие как В.Н. Тяжёлов и Ц.Г. Нессельштраус, касаются памятников Винчестерской школы лишь в контексте общих работ, посвящённых искусству средних веков, не выделяя её из более обширного англосаксонского стиля [1, С. 89; 2, С. 313]. Зарубежные же авторы выделяют в своих трудах Винчестерскую школу с середины XIX века [3, Р. 12], однако она редко становится основным объектом их исследования.

Для получения наиболее полного представления о Винчестерской школе миниатюры, в работу были включены памятники как религиозного, так и светского содержания; рукописи, миниатюры в которых выполнены красками и в технике перьевого рисунка; манускрипты оригинальные и копирующие произведения других мастерских; а также рукописи как созданные в самом Винчестере, так и за его пределами, но мастерами Винчестерской школы. Таким образом, были рассмотрены: Дарственная Хартия короля Эдгара Ньюминстерскому аббатству – первый известный нам памятник Винчестерской школы (966 г., Британская Библиотека, Лондон) [4, Р. 20], Бенедикционал святого Этельвольда – самая роскошная рукопись, созданная в Винчестере (971-984 гг., Британская Библиотека, Лондон) [5, Р. 57], Псалтирь Рамзи (кон. X в., Британская Библиотека, Лондон) [6, Р. 89] и сочинение *Aratea*, копия лагинского перевода книги «Явления» Арата из Сол (кон. X в., Британская Библиотека, Лондон) [4, Р. 24], созданные одним мастером.

Проведённое исследование позволило выделить следующие черты, объединяющие памятники Винчестерской школы.

Для манускриптов Винчестерской школы характерно применение двух совершенно различных техник выполнения миниатюр, а также их сочетание в одной

рукописи, а порой и в одном изображении. Наиболее ранние памятники создаются в привычной технике миниатюры в красках и золоте. Постепенно перьевой рисунок пробуют в создании миниатюры в размер целого листа, сочетают с красками и золотом в оформлении инициалов и, наконец, становится возможным появление целого манускрипта, хотя и светского содержания, декор которого создан исключительно в этой технике. Перьевой рисунок в Винчестерской школе применялся как с тонировкой, так и без.

Наиболее важную роль в художественном языке всех миниатюр Винчестерской школы играет линия. Ярче всего это, разумеется, проявляется в иллюстрациях, созданных в технике перьевого рисунка, где мастеру удаётся несколькими штрихами без помощи цвета создать эмоциональный образ. Однако и в миниатюрах, выполненных с применением краски и золота, не исчезает ни линия контура, ни линия складок на драпировке. Напротив, порой они даже намеренно подчёркиваются повторяющимися их силуэт линиями другого цвета. Характерная линия Винчестерской школы – резкая, чёткая, образующая беспокойные складки и острые края одежд. Художникам так понравилась найденная ими формула, позволяющая создавать экспрессивный образ и передавать движение, что в работе некоторых мастеров она превратилась в закрепившуюся схему, появляющуюся даже там, где она не соответствует спокойной позе изображённых героев. Но в тех случаях, когда схема организации драпировок сочетается с резким поворотом, смелым движением, эмоциональным накалом, она продолжает производить сильное впечатление.

Наконец, все памятники Винчестерской школы объединяет склонность к определённым орнаментальным мотивам. Прежде всего это, конечно, растительный орнамент. Впервые в английской миниатюре применённый именно Винчестерской школой, лист аканта стал неотъемлемой частью декора созданных ею рукописей. В одних рукописях он используется в виде классической, оплетающей основу лозы, в других из его элемента создают плоскостное орнаментальное заполнение. Одни мастера применяют его в украшении рамок, другие оформляют им исключительно инициалы. Акантовый лист присутствует даже в памятниках, лишённых орнаментов, оказывая подспудное влияние на процесс выбора художником формы, например, рыбьего хвоста или короны.

Таким образом, все памятники Винчестерской школы, созданы они в технике перьевого рисунка или выполнены в цвете и золоте, объединяют различным образом переработанные и воплощённые в миниатюре острая динамика линии и мотив акантового листа.

Литература:

- 1) Тяжёллов В.Н. *Искусство средних веков в Западной и Центральной Европе*. М., 1981.
- 2) Нессельштраус Ц. *Искусство раннего Средневековья*. СПб., 2000.
- 3) Humphreys H.N. *The Illuminated Books of the Middle Ages*. London, 1995.
- 4) Backhouse J. *The Illuminated Page: ten centuries of manuscript painting in the*

British Library. London, 1997.

5) Brown T.J. *The Benedictional of St. Æthelwold // The British Museum Quarterly*. Vol. 22, No. 3/4. London, 1960. P. 57-59.

6) Brown M.P. *Manuscripts from the Anglo-Saxon Age*. Toronto, Buffalo, 2007.

УДК: 75.01:111.852

Е.В. Рохлина (Алтайский ГУ)

Метафизика света в учении Бонавентуры и ее влияние на искусство Средневековья и современности

В рамках постмодерна полезно переосмыслить наследие средневековых мыслителей, поскольку это помогает понять многие культурные явления современности. Умберто Эко в работе «Эволюция средневековой эстетики» справедливо заметил: «Можно уловить то положительное, что заключено в подобном мировоззрении, поскольку одной из тем современной философии является как раз потребность человека нашей цивилизации в жизненной целостности» [1, С. 124]. В рамках средневековой эстетики философы и богословы развивали многие теории культуры, в частности теорию света. Духом метафизики света пронизана вся культура Средневековья.

Метафизика света – совокупность учений о вземном происхождении света и о его значении для человека, возникшая в позднюю античность и развитая в средние века Августином, Бонавентурой и другими мыслителями. Согласно этому учению, для совершенного духовного познания, кроме человеческой силы познания, необходимо еще особое освещение божественно-духовным светом, благодаря которому человек достигает видения вечной истины. Так, немецкий теолог и философ Ульрих Страсбургский подчеркивал, что «свет предшествует красоте, он является причиной прекрасного» [2, С. 298].

Наиболее целостно метафизика света представлена в наследии Джованни Фиданца, прозванного Бонавентурой (1221–1274). Его эстетические идеи, изложенные в трудах «Путешествие души к богу», «О возвращении наук к теологии» и других, имели в основном неоплатоническую ориентацию, приспособленную к культурно-исторической и духовной атмосфере латинского Запада. Бонавентура заимствовал также идеи Аристотеля и его часто упрекали за эклектизм. Фредерик Чарлз Коплстон справедливо заметил, что «считать его непоследовательным аристотеликом – значит не уметь воздать ему должное» [3, С. 203]. Т. Лейн также указывает, что хотя, будучи неоплатоником, Бонавентура и заимствовал идеи Аристотеля, «однако это были идеи, подхваченные под его неоплатоническое мировоззрение» [4, С. 124].

Воздействие божественного света Бонавентура объясняет так: «Свет этот невидимый, ибо он – сам Бог, созерцание которого нам недоступно из нашего тварного мира; он воздействует на человеческий разум непосредственным касанием, благодаря этому мы видим не только то, что есть, но и что должно быть и разум

наш оказывается, таким образом, способным к суждению» [5, С. 125 – 126].

Бонаventura усвоил идею Платона о том, что «свет не столько обнаруживает цвет, сколько творит его» [6, С. 91]. Представление о тождестве Бога и света трансформируется в «идею света как эманации Бога, как истечения божественной энергии» [7, С. 551]. В. Задворный считает, что Бонаventura «в метафизике света основывался во многом на положениях Гроссетеста, при этом понимая под светом не тончайшую материю, а силу (энергию), действующую в материи» [8, С. 679]. Но усвоенные идеи образовали у Бонаventura довольно стройную метафизику света.

Бонаventura подчеркивал, что «свет есть наипрекраснейшее и доставляющее высшее наслаждение и самое лучшее среди всего телесного» [9, Р. 300]. «Свет – субстанциональная форма тел; своей большей или меньшей причастностью к свету тела приобретают правду и достоинство своего бытия» [1, С. 143]. В этом смысле свет является первоначалом всякой красоты. Через свет осуществляется всевозможная дифференциация цветов и степени освещенности как на земле, так и на небе. В работе «О возвращении наук к теологии» он приводит классификацию света, показывая, что «первый свет озаряет формы рукотворные, второй – природные формы, третий – интеллектуальные истины, четвертый и последний – истины спасения» [10, С. 127].

Итак, он различает не только духовный, божественный свет, но и телесный (освещение). Свет он рассматривает в трех аспектах. В качестве *lux* (света) свет рассматривается сам в себе, как нечто распространяющееся свободно и являющееся причиной всякого движения. В качестве *lumen* свет обладает светоносной сутью (*esse luminosum*) и переносится в пространстве прозрачными субстанциями. В качестве *color* (цвета) или *splendor* (сияния) свет отражается непрозрачными телами, о которые ударяется. Буквально *splendor* порождался небесными светилами, *a color* – земными телами. Свет в его чистом виде является субстанциональной формой (то есть созидательной силой в неоплатоническом смысле). Свет как цвет или отражение непрозрачного тела есть форма случайная. Для Бонаventura свет, прежде чем стать физической реальностью, является реальностью метафизической.

Метафизика света Бонаventura нашла практическое применение в средневековом искусстве. Блестящий цвет понимался как свет, как эманация божественной энергии. Может быть, поэтому в средневековой живописи доминировала мозаика, в которой цвет выступает как блеск: цвет здесь оживает лишь под действием света, а сама мозаика становится светообразующей. В мозаике свет существует как категория реальная, а не изобразительная. И.Е. Данилова, анализируя средневековое искусство, замечает, что «трансцендентность света в мозаике усиливается еще и тем, что это свет, не дающий теней... Отсутствие теней – признак субстанциональности света» [6, С. 93]. Свет, таким образом, понимается и воспринимается как чувственная категория и как трансцендентная.

Не только в Средневековье свет имел большое значение в живописи, в искусстве в целом. В современном искусстве он также занимает важное место. Н.Н. Волков подчеркивает, что «развитие светотеневых контрастов предполагает

появление новых качеств цвета, качеств, которые ассоциируются с цветовыми пятнами» [11, С. 178]. Актуальность метафизики света наглядно демонстрирует то, что «противопоставление холодных и теплых тонов в единстве с противопоставлением света и тени становится одним из правил реалистической живописи» [11, С. 187].

Понимание метафизики света средневековья, и в частности – Бонаventura полезно не только теоретикам искусства, но и самим художникам.

Литература:

- 1) Умберто Эко. *Эволюция средневековой эстетики*. М.: Азбука-классика, 2004.
- 2) Ульрих Страсбургский. // *Памятники мировой эстетической мысли*. Т. 1., М., 1962.
- 3) Коллстон Ф. *История средневековой философии*. М.: Энигма, 1997.
- 4) Лейн Т. *Христианские мыслители*. СПб.: Мирт, 1997.
- 5) Бурлака Л.В. *Бонаventura*. // *Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского средневековья): В 2 т. Т. 2. / Под ред. С.С. Неретиной*. СПб.: РХГИ, 2002.
- 6) Данилова И.Е. *Искусство средних веков и Возрождения*. М.: Советский художник, 1984.
- 7) Лосев А.Ф. *Эманация*. *Философская энциклопедия*. Том 5. М., 1970.
- 8) Задворный В. *Бонаventura* // *Католическая энциклопедия*. Том 1. М.: Издательство Францисканцев, 2002.
- 9) *Bonaventura. Doctoris Seraphici S. Bonaventurae Opera omnia. Florentia: Quaracchi, 1882-1902, t.V.*
- 10) *Бонаventura. О возвращении наук к теологии / Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского средневековья): В 2 т. Т. 2. / Под ред. С.С. Неретиной*. СПб.: РХГИ, 2002. С. 127-140
- 11) Волков Н.Н. *Цвет в живописи*. М.: Искусство, 1984.

УДК: 908 (470+571)72”
Х.А. Описева (ГИ СКФУ)

Искусство в средневековой архитектуре ингушей

Башенная архитектура средневековой Ингушетии является уникальным культурным наследием ингушского народа, правдиво отражающим реальность, действительность жизни народа. Его особенность в том, что здесь нет блеска, пышности, здесь формы рациональны, красота – в гармонии форм.

Своеобразие культуры чеченцев и ингушей, языка и фольклора, бытовых построек, как и сама природа этих земель издавна привлекали внимание российских ученых. [1. С. 8]

Проблема искусства башенной архитектуры малоизученна исследователями, именно поэтому она представляет большой научный интерес.

Изучение искусства остается всегда актуальной проблемой. Исследуя искусство можно понять, каково было состояние людей в этот период, как изменилось их сознание, как они оценивали события, чего от них ждали.

В научном смысле для нас более плодотворен XIX век. Труды А. П. Берже, А. П. Ипполитова, В. Ф. Миллера, Б. Далгата, Ч. Э. Ахриева и др. В 1925–1932 гг. большие исследования в Ингушетии вели ученые Л. П. Семенов, Н. Ф. Яковлев и И. П. Щерблюкин, труды последнего представляет для нас особый интерес т.к. он один из немногих которые попытались раскрыть исследуемую нами тему. Нельзя не упомянуть таких известных кавказоведов как: В. Б. Виноградов, А. И. Рабакидзе, Е. И. Крупнов, В. И. Марковин, М. Б. Мужухоев.

Ингушские средневековые памятники архитектуры хорошо представлены в горной зоне края такими каменными постройками, как жилищно-оборонительные башни, храмы, святилища, склеповые усыпальницы. [2. С. 12]. Первые башни, появившиеся в горах Ингушетии, относятся к V веку, к периоду после гуннского нашествия. С XIV вв. строились в основном жилые и полубоевые башни.

Жилые башни строили в два-три этажа из нетесанного камня на известковом растворе. Каждый этаж имел свое назначение: первый – хлев, на втором этаже был очаг и спальня, а на третьем – кунацкая, комната для гостей. В последующем, с изменением социальных отношений, начали строить полубоевые башни, они отличались появлением бойниц и «машикулей» – это каменные балкончики, служившие для военных целей.

В XIV в. башенная культура ингушей достигает своего наивысшего развития. Вслед за жилыми и полубоевыми башнями с XV – XVI в.в. стали сооружать боевые башни, более высокие и достигающие 30 метров в 5-6 этажей. Они уже были узкие и имели коническую, а чаще всего квадратную форму с пирамидальными крышами и целый ряд с плоскими. Боевая башня имеет один выход, реже два, ведут они сразу же на второй и третий этажи. Это делалось в целях обороны, приставная же лестница – балка с зарубками могла быть в любой момент поднята вверх. Внутри башни переходы устраивались по углам и располагались зигзагообразно. Нижний этаж боевой башни предназначался для хранения различных припасов (пищи, воды и пр.) и содержания пленников, второй – для хорошо вооруженных воинов, третий и четвертый этажи занимали защитники и их семьи, а на верхних этажах располагались воины и наблюдатели. Боевые башни покрыты плоской кровлей с выступами – парапетами по углам, или чаще ступенчато – пирамидальным. Боевые башни снабжены массой бойниц – узких щелей, а у самого верха – боевыми балкончиками – машикулями. Бойницы хорошо приспособлены для стрельбы из луков и кремневых ружей. Полубоевые и боевые башни использовались для обороны во время междоусобных столкновений и внешних нашествий.

«При удивительной стройности, пропорциональности и довольно большой высоте, – отмечал И.П. Щерблюкин, – они устойчивы и прочны. Поражаешься мастерству строителей, их вкусу и умению так великолепно разрешить и воплотить в реальные формы свои замыслы и фантазии».

Е.И. Крупнов писал: «Ингушские боевые башни «воув» являются в подлинном смысле вершиной архитектурного и строительного мастерства древнего населения края. Они поражают простотой формы, монументальностью и строгим изяществом. Боевые башни Чечено-Ингушетии – высокие образцы техники и строительного искусства того времени. Несколько перефразируя Константина Симонова, высоко оценившего сванские башни, можно сказать, что ингушские башни для своего времени были подлинным чудом человеческого гения, как для нашего столетия новые шаги человека в небо» [6. С. 88]

Видное место среди архитектурных объектов горной Ингушетии занимают культовые памятники. К этой категории относятся менее многочисленные, но также разнообразные объекты, связанные с отправлением двух религиозных культов – язычества и христианства. [6. С. 128]

Самым выдающимся архитектурным сооружением, связанным с христианской религией, является одноапсидный храм «Тхаба-Ерды» XII в. [6. С. 128].

Храм Тхаба-Ерды расположен в ущелье р. Асса и в эпоху средневековья являлся центральным культовым архитектурным объектом того региона. Первоначально он был христианской церковью, а в позднем средневековье с процессом дехристианизации местного населения стал выполнять функцию центрального языческого святилища. Впервые он упоминается в работе Л. Штедера в 1781 г. [7. С. 82]

Датировку данного архитектурного объекта различные исследователи приводят разную. По некоторым данным датируют концом VIII – началом IX века, по другим концом X века.

Храм не имеет аналогов на территории как Северного Кавказа, так и Закавказья. Храм перестраивался по данным исследователей в различные периоды. Восточная часть, с апсидой и купелью относится к IX-X в. Западная часть считается более поздним периодом строительства.

Тхаба-Ерды щедро украшен разным декором в виде карнизов, бордюров, и других деталей, выполненных искусным мастером по мягкому известковому конгломерату. Орнамент – стилизованные листья ивы и клена, перевитые сложной плетенкой, – характерен для многих памятников грузинской архитектуры. Особенно красив барельефный фриз на западном фасаде храма, где в центре треугольной композиции, обрамленной выпуклым валиком, изображен сидящий человек. Над фризом имелось еще три барельефа с ангелами, простирающими руки. Время сильно попортило барельеф. [1. С. 105]

Географическое расположение горной Ингушетии влияло на религиозные воззрения ингушей, следовательно, это отражалось в памятниках материальной культуры народа. Башни – как жилые, так и боевые – украшались рисунками, узорами, изображениями на камнях – петроглифами, а стены боевых башен, декорировались крестами-«голгофами». [4. С. 204]

При и изучению петроглифов нужно помнить, что все стороны жизни людей средневековья были до предела насыщены верованиями, подчинялись национальным обычаям, правилам этикета, установлениям рода и т.д. это лишь частично нашло отражение в фольклоре, а если к петроглифам подходят как к сво-

еобразным записям жизненных ситуаций, пожеланий и молений, то со временем можно будет наметить подходы к их пониманию.

Среди петроглифов Ингушетии легко обнаружить знаки, напоминающие буквы, рисунки в виде крестов, спиралей, «завихрений» (свастик), солярных кружков («солнечных» символов), фигур людей и животных, изображение рук и ног, предметов быта и вооружения, тамгообразные знаки (тамга – родовой фамильный знак), всевозможные орнаментальные мотивы. Известны одиночные петроглифы, но чаще, их можно видеть в разных комбинациях. [1. С. 25] Подобные знаки можно увидеть в селе Эрзи горной Ингушетии.

Буквенные знаки напоминают простейшие начертания грузинской и арабской письменности. Это вполне возможно, так как грузины являются соседями ингушей, а элементы арабской вязи могли попасть в состав петроглифов с проникновением мусульманства. Знаки в виде крестов спиралей, свастик и других близких им изображений встречаются очень часто. Кресты могут быть связаны с былым христианством, но это и вполне «языческий» оберег, предохраняющий от всяких неожиданностей со всех с четырех сторон. В мусульманстве крест – символ обширности вселенной. Различных трактовок много.

Спирали, как считал известный этнограф А.С. Башкиров, «имеют за собой силу магического апотропея (оберега), отгоняющего все злое от жизни человека». Спирально-свастический узор ученые сопоставляют также с солнечно-огненной символикой, хотя Солнце, как светило, изображалось в виде круга с «ресничками», концентрических окружностей и других круговых композиций. Как считает лингвист Ю.Д. Дешериев, Солнце у ингушей было тотемом, иначе говоря, они относились к нему как к своему родоначальнику.

Человеческие фигуры на петроглифах встречаются не так часто. Редко встретишь башню, чтобы на ней где-либо у входа не было изображения ладони-руки мастера, возводившего здание. [1. С. 26]

Не исключено, что некоторые из рисунков на строительных камнях обозначают определенные даты. Этнограф С.А. Хасиев считает, что части человеческого тела и фигуры животных могли входить в графические изображения народного календаря.

Обратим внимание на «голгофу». Разные исследователи дают множество объяснений на счет этого знака. Еще в XIX в. Исследователь В. Миллер писал, что «на многих древних башнях в Галгае (например в аулах Ньюй, Пеленг, Таргим, Муруч и др.) виднеются высокие, несколько ниже пирамидальных крыш, фигуры крестов, высеченных на стенах». Археолог Л.П. Семенов, в 20-30-х гг XX в. изучавший башни в горах Ингушетии, считал, что этот знак является изображением креста. Археолог Д.Ю. Чахкиев писал, что изображения человека на боевых башнях, сделанные путем выборки камней крестами, является «голгофой», т. е. распятием Христа. [5. С. 23]

Исследователь культуры ингушей Ф.Ю. Албакова пишет, что на ингушских башнях встречается «изображение «креста-голгофы», который в древнем Египте символизировал торжество жизни, власть». Подобный символ был известен

не только в горной Ингушетии и в древнем Египте, но и в Америке. На юго-западе США, на территории индейцев племени навахо, археологами обнаружены камни, на которых имеются многочисленные пиктографы, в том числе разнообразные варианты интересующего нас символа. [5. С. 24]

Искусство и архитектура вайнахов, вероятно, не могут оставить равнодушным любого человека. Если рассматривать архитектуру вайнахов в целом, то лишь на первый взгляд она покажется довольно однообразной.

Необходимо отметить, что эстетика горской архитектуры почти не изучена, все ограничивается лишь всеобщим восхищением ею. [1. С. 188]

Литература:

1) Марковин В.И. *Каменная летопись страны вайнахов. Памятники архитектуры Чечни и Ингушетии.* / сост. М. А. Азиев, Д. Ю. Чахкиев, М.: «Русская книга», 1994.

2) Мужухоев М.Б. *Ингуши. Саратов: издательство «Детская книга», 1995.*

3) Сампиев Х. *«Архитектурное мастерство ингушей»* // URL: <http://ingusheti.ge> (дата последнего обращения 12.09.2012)

4) Языков М.М. *Традиционная культура ингушей: история и современность.* Ростов-на-Дону. СКНЦ ВШ. 2004.

5) Абадиев И.У. *Эздел – формула земной и вечной жизни. Издание 2-е, дополненное.* Н. «Партнер». 2005.

6) Крупнов Е.И. *Средневековая Ингушетия. 2-е изд. Магас: Изд-во Сердало. 2008.*

7) Гадиев У.Б. *Археологические исследования на северо-восточном Кавказе.* Нальчик: «Пилигрим». 2011.

УДК 296.2

В.В. Андерсен (СПбГУ)

Абеляр и иудаизм

Взаимоотношения христианской и иудейской мысли в средневековой культуре, пик интенсивности которых приходится на так называемое «Возрождение XII века», представляют особый интерес для современных исследователей: прежде всего, это одна из тех областей медиэвистики, где в полной мере можно реализовать преимущества кроссдисциплинарного подхода для того, чтобы охарактеризовать это уникальное явление средневековой цивилизации, никогда не ставившейся ранее с такими сильными внешними влияниями, какое оказали взаимодействия с иудейской и арабской культурными средами в XII веке. Несмотря на попытки исследователей построить целостную картину христианско-иудейских отношений и их коллапса, связанного, в основном, с пропагандой крестовых походов и погромной деятельностью крестоносцев, эта картина по-прежнему является весьма фрагментарной даже для самых известных представителей эпохи. Характерен случай Петра Абеляра (1080–1143; о датировке смотри [1, С. 66]).

Казалось бы, изучение отношений Абеляра и иудаизма стоило бы начать с отдельного сочинения Абеляра, известное под названием «Диалог между иудеем, христианином и философом» (вероятно, 1142 – 1143; [2; 3]). Однако принципиальной новизны в трактовке Абеляром иудаизма и его глубокого знакомства с иудейской религией мы не видим: по большому счету, «Диалог» проходит по традиционным точкам христианской апологетики: доказательства того, что еврейские пророки имели в виду Христа, а откровения Ветхого Завета совместимы и дополняются Новым Заветом. Примерно ту же диспозицию мы видим и в значительном количестве антииудейских сочинений (Альперт Мецский, Гвиберт Ножанский, Петр Достопочтенный и др.). Главная разница в тоне. Абеляр сталкивает в диалоге иудея не столько с христианином, сколько с нейтральным философом; иудей не подминается, как у современников, христианской риторикой, смешанной с оскорблениями — вместе с философом иудей Абеляра сходится на методе христианской теологии как на общем знаменателе отношения к божественному. Иудей отстаивает преимущества Моисеева Закона, тогда как философ противопоставляет ему естественный закон; оба признают правоту собеседника в некоторых точках (воспитание как ключевое влияние для веры).

В двух пассажах в «Утешительном письме к другу», посвященных болезненной для Абеляра теме наказания «в той части тела, коей он согрешил», Абеляр ссылается на два ветхозаветных пассажа, которые запрещают приносить в жертву оскотленное животное, а евнуху — входить в храм. Однако в христианской экзегетике ко времени Абеляра оба эти пассажа однозначно истолковываются как отсылающие к духовно оскотленным. Разумна точка зрения Ш. Мерфи, согласно которой это согласуется с общими взглядами Абеляра («Комментарий на послание к Римлянам») на Закон как на источник буквальной истины [4; 5]. Но в то же время, на наш взгляд, этот невротический страх перед «умертвляющей буквой» показывает, что, столкнувшись с тем, что Абеляр эксплицитно называет «божьей карой», он сам ставит себя в ветхозаветную систему координат, лишая себя надежды на искупление (таким образом, это место в автобиографии Абеляра дает важную психологическую характеристику его состояния).

Именно фигура иудея становится декорацией для высказывания Абеляром его главной этической идеи: о намерении как о ключевом понятии морали. Так, в «Комментарии на послание к римлянам» Абеляр указывает, что обрезание для евреев имеет такой же смысл, как крещение для христиан; в «Да и нет» это приводит его к выводу, что распявшие Христа (это не сказано прямо, но, скорее всего, имеются в виду именно иудеи, а не римские солдаты) не согрешили, поскольку их намерение состояло в том, чтобы выполнить приказ в соответствии с законом (это положение Абеляра было предсказуемо осуждено на Санском соборе 1141 г.) [6].

В целом из тех данных, которыми мы располагаем, складывается следующая картина: Абеляр относится к иудаизму не как к конкурирующей религии, а как к историческому и религиозно-философскому феномену, ключевые позиции которого осмысливаются Абеляром в личном ключе. Абеляр показывает редкий

пример толерантного и эмпатического отношения к судьбе евреев, на экзистенциальный характер вечного изгнания которых он указывает (судя по «Утешительному письму к другу», это чувство бретонцу Абеляру было крайне знакомо).

Откуда это толерантное отношение Абеляра к иудаизму? Велико искушение объяснить его влиянием Элоизы. В т.н. хронике Уильяма Годеля (конец XII в.) читаем: «[Абеляр] поставил во главе монастыря свою прежнюю супругу, женщину благочестивую и чудесно образованную и в латинских, и в еврейских писаниях, именем Элоиза». В переписке Абеляра и Элоизы философ дважды упоминает о ее глубоких познаниях в греческом и еврейском языках (сам Абеляр еврейского языка не знал, но упоминает в одном месте, что в еврейском языке нет субстантивированного глагола), к ее познаниям в еврейской этимологии апеллирует Петр Достопочтенный. Для этого Элоиза должна была учиться в еврейской школе (возможно, предполагает К. Мьюз [7], в знаменитой школе Раши в Труа; в то же время, гораздо проще предположить, что Элоиза могла получить знания еврейского языка в vicus Iudaeorum, в центре Сите, где до 1182 г. располагалась синагога). К сожалению, оценить влияние мысли и ценностей Элоизы на Абеляра крайне сложно. Предположим лишь, что не менее важным фактором в «толерантности» Абеляра может служить то, что (в отличие от Петра Достопочтенного или Альберика Реймского), Абеляр никогда в своей магистерской карьере не сталкивался с еврейскими школами или синагогами в качестве «конкурентов» — и ничто из сочинений Абеляра не предполагает, что он когда-либо непосредственно общался с иудеями.

Литература:

- 1) *Андерсен В.В. «Ambianis, urbs predives» Примаса Орлеанского и Петр Абеляр // Альманах кафедры истории, культурологии и древних языков Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского Федерального округа РФ. Вып. 2. 2009. С. 63–73.*
- 2) *Mews C.J. On Dating the Works of Peter Abelard // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du moyen âge. 1985. Т. 52. 3. 73–134.*
- 3) *Allen J.A. On the Dating of Abelard's Dialogus: A Reply to Mews // Vivarium. 1998. Vol. 36. P. 135–151.*
- 4) *Murphy S.D. The Letter of the Law: Abelard, Moses, and the Problem with Being a Eunuch // Journal of Medieval History. 2004. Vol. 30. P. 161–185.*
- 5) *Murphy S.D. Judaism in the Thought of Peter Abelard. Diss.: Cornell University, 2000.*
- 6) *Häring N.M. Die vierzehn Capitula Heresum Petri Abaelardi // Cîteaux. 1980. Т. 31. P. 36–52.*
- 7) *Mews C.J. Abelard and Heloise on Jews and Hebraica Veritas // Christian Attitudes towards Jews in Middle Ages: a Casebook. New York-London: Routledge, 2007. P. 83–108.*
- 8) *Mews C.J., Perry M.J. Peter Abelard, Heloise and Jewish Biblical Exegesis in the Twelfth Century // The Journal of Ecclesiastical History. 2010. Vol. 62/1. P. 3–19.*

Ритуал в протестантской драматургии³

Формирование нового по форме и содержанию театра происходит в рамках реформы образования в конце 1520-х гг. в Швейцарии и середине 1530-х гг. в немецких землях. Сходство сюжетов, близость теологических идей, а также стилистическое единство позволяют говорить о феномене протестантского театра. С другой стороны, конфессиональная ситуация периода была достаточно неоднозначной: есть указание на оформление цвинглианского и евангелического единства в конце 1520-х гг. Деятельность и появление многочисленных сект также способствует религиозной дифференциации. Отражал ли театр 1530-х гг. условную «протестантскую» или все же внутрипротестантскую конфессиональную идентичность?

Для ответа на этот вопрос проанализируем тексты двух драматургических адаптаций «Книги Юдифь» середины 1530-х гг., написанных лютеранином Иоахимом Грефом из виттенбергского кружка и протестантом Сикстом Бирком, тесно связанным с базельскими реформаторами [1; 2]. Оба гуманиста понимают задачей драматургии христианскую проповедь и последовательно раскрывают заложенные в тексте идеи, в том числе, принципы социально-политической организации, гендерных ролей и моделей взаимоотношений между людьми. При адаптации этого, равно как и других ветхозаветных сюжетов, драматурги имели задачей отображение древнееврейских обрядов (общественных молитв, жертвоприношений и т.д.). Образ ритуала, восприятие внешних форм ритуальной практики был маркером конфессиональной идентичности [3]. В первую очередь, мы говорим о рефлексии по поводу католической ритуальной практики: история Реформации, по сути, сводится к череде протестов против нее. Сложение нового ритуала происходило на протяжении XVI – XVII вв. и связано только с заключительными этапами формирования конфессий. Как раз различное решение в изображении ритуала принципиально отличает тексты Бирка и Грефа.

В предисловии к «Юдифи» Бирк определяет угол прочтения драмы в свете противостояния монотеистов (протестантов) и идолопоклонников (католиков): именно к победе над последними, к принятию Реформации в Базеле, и приурочена постановка драмы [1, S. 61]. В иллюстрации на титульном листе первого издания «Ваала» 1535 г. культ идолопоклонников также обыгран как католическое богослужение [4, S. 300]. Эта же тема звучит в предисловии к «Экклезиасту» [5, S. 9]. Однако в переработанной редакции «Юдифи» 1539 г. «избранный народ» противопоставлен туркам, а тема конфессиональной розни никак не поднимается [6]. Гуманист тогда работает в Аугсбурге, где в 1530-е гг. одновременно

находились католики, цвинглиане, лютеране и анабаптисты, и, похоже, задача установления земского мира была для него важнее. Осуждение идолопоклонничества и следующее из этого иконоборчество были ключевыми пунктами в программе преобразования церкви, разработанной Цвингли, и, следовательно, можно говорить о трансляции в базельских текстах Бирка характерной цвинглианской идеи. «Языческому богослужению» он противопоставляет практику личной молитвы, тексты которых частично взяты из «Книги Юдифь», частично являются переработкой псалмов. Бирк, будучи точным исторически и верным принципу *sola scriptura*, задает «протестантский» норматив неформализованных отношений человека с Богом.

Иоахим Греф в предисловии к «Юдифи» фактически дословно повторяет комментарий Лютера к апокрифу. Реформатор определяет основной конфликт текста также как конфликт «идолопоклонников» и истинно верующих [7, S. 149]. Однако Греф разворачивает этот тезис, противопоставляя «избранный народ» не только язычникам, но маловерным христианам [1, S. 6]. Иконоборчество не было принципиальным пунктом лютеранской Реформации, напротив, Лютер подчеркивал допустимость религиозного искусства в назидательных целях. В изображении личной молитвы Греф аккуратно следует за текстом апокрифа, однако подчеркивает значение общей, церковной молитвы. Вместо хора жителей Ветилуи, который мы видим у Бирка, Греф вводит образ «Израиля», избранного народа. Судя по всему, реплики «Израиля» исполняли и актеры и зрители, к которым и была обращена театрализованная проповедь. Тексты этих молитв носят универсальный христианский характер. «Израиль» реагирует на происходящие в драме события, подтверждая особенно важные решения возгласами «Да будет так» и «Аминь», что повторяет принцип диалога литурга и прихода во время богослужения. В заключительных сценах «Юдифи» звучит южнонемецкий пасхальный хорал «*Christ ist erstanden*» XII в., который к 1530-м гг. должен был восприниматься как лютеранский. Мартин Лютер включил его в первые сборники гимнов 1529, 1533 гг. и утверждал, что эту песню радости христианину следует исполнять ежедневно, а не ежегодно [8, S. 36]. Итак, Грефа отличает при последовательной работе с текстом «Книги Юдифь» попытка воссоздания образа лютеранской Церкви и литургии, члены которой и являются новым «Израилем».

Таким образом, тезис о единой традиции протестантского или реформационного театра позволяет выявить его общие черты (самоощущение «избранности», ориентацию на древнее благочестие и т. д.) и в этом смысле вполне корректен. Однако уже в текстах 1530-х гг., написанных в разных условиях, находят отражение различные, в первую очередь, социально-политические, культурные и религиозные установки. В условиях недавно проведенной Реформации в Базеле текст Бирка отличает отсутствие образа новой церкви. Самоидентификация строится на ощущении инаковости, выразившемся у Бирка в антитезе «избранный народ – идолопоклонники» и в повышенном внимании к личному диалогу с Богом. Напротив, деятельность Лютера по формированию нового типа богослужения и, в частности, утверждению гимнов как отличительной черты евангелической цер-

3. Данная работа выполнена при финансовой поддержке правительства Санкт-Петербурга (кандидатский проект № 1.1/22-06/01А) «Библейская драма в лютеранской традиции как инструмент религиозного образования».

кви находит отражение в тексте Грефа. Гуманист не направляет свою проповедь против конкретных врагов: как он пишет в посвящении лютеранским князьям, текст учит бороться против различных видов тирании [1, С. 6], но только тем, кто входит в число прихожан новой Церкви Бог дарует спасение.

Литература:

- 1) Greff J. *Tragedia des Buch Iudich. Wittemberg, 1536.*
- 2) Birck S. *Ivdiith: Ain Nützliche History durch ain herrliche Tragcedi... // Sämtliche Dramen / Ed. by Manfred Brauneck. Berlin; New Yorck, 1976. Bd 2. S. 55–165.*
- 3) Scribner R. W. *Ritual and Reformation // Popular Culture and Popular Movements in Reformation Germany. London, 1987. S. 103–122.*
- 4) Birck S. *Beel: Ain Herrliche Tragedi wider die Abgötterey... // Sämtliche Dramen... Bd 1. S. 159–305.*
- 5) *Ezechias: Am nützliche kurtze Tragedi Wie man sich in knegs nöten gegen Gott halten soll // Sämtliche Dramen... Bd 1. S. 3–23.*
- 6) Birck S. *Ivdiith: Drama Comicotragicum. Exemplum Reipublicae recte institutae. Vnde discitur, quomodo arma contra Turcam sint capienda // Sämtliche Dramen... Bd 2. S. 273–437.*
- 7) *Martin Luther. Vorrede auf das Buch Judith // Luthers Vorreden zur Bibel / Hgs. H. Bornkamm. Frankfurt/M, 1989. S. 147–149.*
- 8) *Becker H. Geistliches Wunderhorn: Große deutsche Kirchenlieder. München: C. H. Beck Verlag, 2011.*

УДК: 7(430).033.4

М.С. Алексеева (СПбГАИЖСА им. И.Е.Репина)

Скульптура эмпор церкви монастыря Грёнинген в Саксонии.

Портал немецкой церкви необходимо воспринимать не только как функциональную часть здания и часть художественного декора, но и как символическое явление. Именно поэтому на тимпанах помещали изображения, соответствующие тексту Апокалипсиса – Христа в мандорле с предстоящими пред ним символами евангелистов (или же без них) и изображение Страшного Суда или Вознесения. Однако эту ключевую сцену помещали не только на тимпаны, но и на эмпоры, навесы, а также в виде фресковой живописи на западной стене. Скульптурная композиция на эмпорах из церкви монастыря Грёнинген близ Хальберштадта (ок. 1170 г.) – яркий пример иконографии Страшного Суда в немецкой скульптуре зрелой романики. Христос сидит, согласно тексту Апокалипсиса, на престоле, вокруг – радуга. У него распростерты руки, на кистях которых – развевающиеся ленты, первоначально с написанными красками словами из Библии. Романская скульптура, из какого бы материала она ни была сделана: дерева, камня или стукко на завершающем этапе всегда получала окраску (*Fassung*). Так было и в ситуации с рельефом эмпор из Грёнингена. Однако с течением времени

росписи стерлись, и в XIX веке в связи с романтическими веяниями и возникающим интересом к средневековью предпринимались попытки их восстановить, но это подвергло бы скульптуру риску, поэтому от подобных восстановительных работ отказались.

Тема Страшного Суда занимает самое большое место в средневековом искусстве. А.Я. Гуревич в главе «Западный портал церкви Сен Лазар в Отене и парадоксы средневекового сознания» книги «Культура и общество средневековой Европы глазами современников» рассматривает вопрос об эволюции иконографии Страшного Суда в европейском средневековом искусстве. Так, он замечает, что образы Страшного Суда — визуальные «тексты» — «читались» верующими в соответствии со словом проповедника о смерти, суде и приговоре. «Здесь нужно учитывать, что повествовательный текст по необходимости развертывается во времени, тогда как визуальное изображение симультанно, объединяет сцены и образы в синхронную картину» [1, С. 268]. Страшный Суд – это тема именно западной стены интерьера и западного фасада церкви. А.Я. Гуревич предлагает следующие варианты иконографии Страшного Суда: Отделение овец от козлиц, Христос-Судия на престоле, Христос на престоле, окруженный ангелами и апостолами, с воскресением мертвых. Однако часто сцены с изображением Страшного Суда представляются только каким-либо элементом из этих общих догматических иконографических схем (например, Христос в мандорле в окружении тетраморфа), иногда они сводились даже к одному единственному символу, как и в рельефе эмпор из Грёнингена: на нем пред нами предстает только Христос с апостолами. Голова Христа окружена крестчатым нимбом, его суровое лицо с низким лбом, широко раскрытыми глазами, тонким, остро прорезанным ртом является великолепнейшим по мастерству произведением искусства зрелой романики. «Никогда снова ужас Страшного Суда не был показан так впечатляюще и убедительно как в этом Христе» [2, С. 69]. В теле Иисуса нет ни капли слабости, это фигура прекрасного могущественного Господа, грозного Судии, Отца всего сущего. Его одеяние ниспадает множеством мелких складок, они все проработаны совершенно по-разному: мы замечаем изящные тонкие складки кромок его одежд и глубокие, острые с завершениями в виде желобков складки, обхватившие его левую руку. Этот фрагмент скульптурного рельефа был рассчитан на рассматривание. На это явно указывает и то, что эта часть эмпор выступает вперед в виде полукружия.

По обе стороны от Христа изображены апостолы, ближе всего, по правую руку – Петр, и по левую – Павел. Из двенадцати фигур апостолов сохранились только десять. Они повернуты или к центральной фигуре Христа, или друг к другу. Перед анонимным мастером встала определенная композиционная проблема: каким образом расположить центральные фигуры, как скомпоновать между собой три главных образа – Христа, Петра и Павла. Заметна некоторая скованность в построении фигур на плоскости, в их пластической моделировке. Г. Пильтц отмечает, что умение скульпторов свободно вращать и поворачивать «тела» фигур, еще существовавшее в оттоновское время, в романике было потеряно [2, С. 69], мастера ограничивались только строго фронтальным положением

фигур на плоскости, и в данном рельефе скульптор вместо того, чтобы свободно расположить фигуры, как бы «вращая» на шарнирах отдельные их части, разворачивает фигуры полностью. Оба апостола обращены к Христу, однако они так и остаются фронтальными, приобретая лишь иное направление.

Воздействие северо-итальянской романской скульптуры на немецкую является определяющим. В качестве аналогии можно провести стукковые рельефы шатрового навеса над алтарем ломбардской церкви Сан-Пьеро аль Монте в Чивате конца XI века. Общее проявляется в частности в характере пластической проработки, лепке фигур, имитирующей каменный рельеф, то есть скрывающий сам материал, а также в манере передачи одежд Христа – такой же условной: V-образные, ниспускающиеся острыми наподобие язычков концами, складки. В иконографии Христа наблюдается явное сходство. То, как Он фронтально сидит, как располагаются его руки восходит к общей иконографии Христа во Славе (*In Gloria*). Однако в рельефе из Грёнингена, в отличие от навеса из Чивате, Христос не держит Книгу Жизни. Иконография Иисуса Христа и апостолов в церкви Сан-Пьетро аль Монте в Чивате традиционна и типична для Ломбардии: почти точь-в-точь ее повторяет рельеф над алтарем монастырской церкви Сан-Амброджо в Милане (XI–XII века).

Стукковый рельеф эмпор церкви монастыря Гренинген – этапное произведение искусства Саксонии XII века. Образ Иисуса Христа был одним из самых ключевых в романском искусстве, так как выражал основу христианства. Иконография Христа проявилась в традиционных, но очень разнообразных вариантах, и в наследии романского саксонского и тюрингского искусства до нас дошли все иконографические типы и в том числе отдельные сцены из жизни Христа.

Литература:

1) Гуревич А. Я. *Культура и общество средневековой Европы глазами современников. // Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб.: 2007. С. 287 – 527.*

2) Piltz G. *Deutsche Bildhauerkunst. Berlin, 1962.*

УДК 7.046.3

С.А. Макарова (Новгородский ГУ им. Ярослава Мудрого)

Образ бесов в сцене Страшного Суда на порталах соборов Франции XII–XIII вв.

«Всё человеческое существование заключено в трёх словах: жить, умереть и быть судимым. Мы рождаемся, чтобы умереть, и умираем, чтобы быть судимыми» – эту формулу французского юре и проповедника XVIII в. Шеваксю можно наложить на мир средневекового человека [1, С. 356]. Именно суд, Страшный Суд христианского учения занимает центральное место в религиозной жизни Средних веков. Его образы в скульптуре – это результат состояния чувств

и мыслей человека того времени перед «последними вещами» – смертью, судом, раем и адом. Страх перед судом дал злу, которое люди видели в своём сознании, видимые очертания, отсюда рождаются образы Ада. Некий священник после ночного видения описывает его: «Там царила великая суэта, бесы хлопотали и бегали с места на место: одни приводили души умерших, другие принимали их, третьи подвергали их пыткам...» [1, С. 342]. Из данного описания следует, что бес – главный обитатель адского мира и интерпретация его образа должна была донести до верующих все ужасы ада. Он не вымышленный персонаж, а объективная реальность, которая существует рядом с людьми и может вмешиваться в их повседневные дела. Как изображали бесов и какую роль это изображение играло в жизни средневекового человека? В нашей работе мы попытались ответить на эти вопросы.

Что это за существа – бесы? В Евангелии от Матфея – «нечистые духи», «ангелы дьявола» (Мф 10:1), лишь вера способна изгнать их (Мф. 7:22; 8:16; 6:28-34; 9:32-33; 17:14-21; 24:41). В Откровении от Иоанна – ангелы змия, сброшенные архангелом Михаилом с небес вместе с Сатаной (Откр. 12:7-9), нечистые духи, вселяющиеся в людей и творящие беды (Откр. 16:13-14). Место их обитания – бездна. (Лк. 8:31). Аврелий Августин выделяет их в отдельную группу живых существ, говоря, что с одной стороны они сродни богам, так как бессмертны, а с другой – людям, так как у них есть душевные страсти [2, С. 159]. Фома Аквинский отмечает, что они подвержены гордыне и зависти, за что и были наказаны [3, С. 208–209]. Но сам образ беса был взят из греческой мифологии и является Сатиром – лесным божеством, козлоногим существом, населявшим греческие острова. Изменение его образа произошло в иконах в Восточной части Римской империи, и было перенято в Западной. Своё начало образ берёт в романском стиле XII в., но тогда он был свободен от «сатирного» беса Востока: на портале собора Сен-Мадлен – это человекоподобное существо, на портале Сен-Лазар – бестелесное создание, но на соборе в Конке – это маленький карлик, похожий на козла. В готике он приобретает вид козлоногого демона.

Фасады соборов несли чётко продуманный сюжет: после смерти люди будут судимы, праведники отправятся вместе с ангелами в рай, а грешники будут мучиться в огне. Грозный Судья – сам Христос, но не Он один будет центральной фигурой суда, чистота дел души будет взвешена архангелом Михаилом на весах и победа добра или зла решит дальнейший её путь. Сюжет сначала появляется в искусстве христианского Востока, в которое приходит из эпизода в древнеегипетских верованиях. Благодаря его переосмыслению Отцами Церкви, он был перенесён в изображение на порталах соборов во Франции, но здесь на одном уровне с архангелом-защитником становится бес-обвинитель. Таковым он предстаёт на порталах соборов: Сен-Фуа в Конке, Сен-Мадлен в Отене, Нотр-Дам-де-Пари в Париже, Сен-Этьен в Бурже и др. Но интересно, что на порталах Шартрского и Амьенского соборов мы видим только взвешивание дел души архангелом, что значительно смягчает сцену Суда.

Изображения маргиналов в Лицевой Псалтири XIII в

После обречённых связывают и увлекают в ад, где они будут отправлены на вечные муки. Изображение этой сцены было различным, но сохранялись главные герои – бесы. На фасадах соборов они уводят грешников в пасть Левиафана, бросают их в котёл или истязают. Так рождаются ужасные картины Страшного суда соборов Сен-Фуа, Сен-Этьен, Нотр-Дам-де-Пари и т. д.

Отметим и детали, не связанные с христианской догматикой. В Конке интересен бес на границе миров: он угрожает дубинкой душе, которую ангел уносит в рай. В Нотр-Дам-де-Пари бесы вышли на архивольты портала, где веселятся и мучают грешников, а бес Амьенского собора имеет крылья, что, вероятно, указывает на то, что когда-то он был небесным ангелом, но из-за гордыни занимается наказанием, а не благословением.

Таким образом, бес – это злобное, могучее и опасное существо, их мир несёт грешнику боль и страдания, что и отображено в скульптуре фасадов соборов. Порталы стали Библией в картинках, которую смогли читать необразованные люди и, с позиции Церкви, правильно воспринимать образ беса. Надпись на тимпане собора Сен-Лазар в Отене, относящаяся к грешникам, гласит: «Да ужаснет здесь страх тех, кто связан с земными заблуждениями, ибо ужас этих изображений означает, что таков будет их удел» [1, С. 373]. Этот текст направлен на зрителя, он увещевает и предостерегает: лишь осуждение и страдания будут итогом жизни отступников и грешников. По мнению Л. П. Карсавина, наглядный догматический образ стал необходим в XII–XIII вв., т. к. народное религиозное сознание воспринимало бесов как духов, наполнявший их мир. Они оказывали большее содействие человеку, нежели ангелы и святые. Последние – пришельцы в мире людей, они «не живут с ними в постоянном общении» [4, С. 81], тогда как бесы связаны с человеком «какой-то глубинной интимной связью» [4, С. 81]. Церковь же, пытаясь её разрушить, создала картину суда на фасаде соборов и тем зафиксировала образ в одной интерпретации. Порталы стали ещё одним способом донесения истин веры и борьбы с языческим миром, на смену которому и пришло христианство, но который продолжал жить в необразованной среде. В целом, образ беса в сцене страшного суда на порталах соборов стал воплощением общих представлений о добре и зле, которое постоянно противостоит друг другу, и которое в конце жизни будет решать дальнейший путь души человека.

Литература:

- 1) Гуревич А. Я. *Избранные труды. Культура средневековой Европы.* СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007.
- 2) *Августин Аврелий. О граде Божьем.* Мн.: Хаверст, М.: АСТ, 2000.
- 3) *Фома Аквинский. Сумма Теологии.* Киев: Эльга, Ника-Центр, 2003. Ч. 1.
- 4) Карсавин Л. П. *Основы средневековой религиозности XII–XIII вв.* СПб., 1915. С. 49–81.

Отдельный круг памятников – это средневековые рукописные книги с лицевыми изображениями. Лицевые рукописи, например, Псалтири, имеют культовое предназначение, но рисунки, встречающиеся в оформлении заглавных букв, относят читателя к воспоминанию о народном празднике явно светского характера. Обратим внимание на несколько таких примеров.

В рукописях Псалтири из собрания БАН и РНБ [1] неоднократно встречаются фигуры, визуально воспроизводящие юродивых. Например, в Псалтире из коллекции БАН [2, С. 134] в инициал латинской буквы D введено изображение фигуры в застывшем движении с хлебом в левой руке и дубинкой в правой. Фигура в рост, пропорции несколько удлинены, задрапирована в фиолетово-синий хитон, открывающий босые ноги, правое плечо и обнаженные руки выше локтей. Голова повернута в профиль, в то время как сама фигура развернута к зрителю. Выходящая за пределы инициала правая нога демонстрирует стремительное движение. Бритая наголо голова не позволяет точно определить пол человека, но отсутствие бороды и некоторая хрупкость тонкой фигуры относит ее к женскому типу. Похожий на дубинку пастуший посох должен символизировать странничество, а круглая лепешка, похожая на головку сыра, относит зрителя к вечной идее о трудностях приобретения человеком хлеба насущного. Подобные фигуры нищих, бедно одетых или, точнее, полураздетых странников с хлебом и посохом в руках повторяются в других рукописях [3, л. 52 об]. Чаще всего это инициалы упомянутой буквы «D». Но самым показательным, на наш взгляд, можно считать инициал с изображением вписанного в замысловатой формы букву «D» из Псалтири Российской публичной библиотеки фигурки человека с взлохмаченными густыми волосами, язвами на щеках, с посохом и рогом в руках [4, лл. 57–67]. Фигура этого маргинала явно напоминает юродивого, который мог быть небритым и нечесаным, ходить в грязной и рваной одежде и босоногим. Именно такова фигура на этой странице рукописи. Человек представлен в профиль, припадающим на одно колено, отпивающим из кубка, похожего на рог изобилия. Складки нижней ткани (подобие юбки с поясом) обтекают ноги, верхней (плаща на плечах) – покрывают обнаженную по пояс фигуру нищего человека. Многочисленные развивающиеся складки и нога, выходящая за пределы контура буквы – способ передачи стремительного движения. Алые обветренные губы и красное пятно на щеке – знак запекшейся крови, ран, истязаний плоти. Фигура непропорциональная. Крупная голова и мелкие ступни ног вполне в традиции изображения средневековых художников. Привлекают внимание четко прорисованные глазницы с черточками век, пряди поднятых на голове волос, мочки ушей, морщины на щеках, пальцы рук и ног. Мелкая детализировка фигуры гармонирует с орнаментом полей буквы.

Такое изображение средневекового маргинала в лицевой иллюстрации рукописей XIII в. может считаться протографом изобразительного канона для воспроизведения юродивого во Христе в русском иконописании.

Литература:

1) Мокрецова И.П., Романова В.Л. *Французская книжная миниатюра XIII в. в советских собраниях: 1200 – 1270-е гг. М.: Искусство, 1983.*

2) Псалтирь. БАН Q. № 188. Л. 53 // Мокрецова И.П., Романова В.Л. *Французская книжная миниатюра XIII в. в советских собраниях: 1200 – 1270-е гг. – М.: Искусство, 1983. илл. С. 134.*

3) Псалтирь. РПБ. Лат. О. v. I, 72. Л. 52 об.

4) Псалтирь. ГПБ. Лат. О. v. I, 24. Л. 61; Псалтирь. ГПБ. Лат. О. v. I, 24. Л. 67. Л. 57.

УДК: 94(4) «75» 12/16
Н.А. Морозова (НИУ ВШЭ)

Отражение мировоззренческой картины мира Западной Европы в живописи XII – XVI вв.

Средние века можно назвать временем постепенной трансформации ценностей эпохи Античности и зарождения современных культурных ценностей Западной Европы. В этом процессе искусство всегда выступает ключевым отражением мировоззрения людей, их восприятия мира, в то время как живопись по своей сути можно назвать зеркалом определенной эпохи [1, С. 83].

В рамках данной работы для изучения отображения в живописи мировоззрения средневековой Западной Европы был выбран период XII–XVI вв., поскольку он позволяет проанализировать не только процесс зарождения современных культурных ценностей региона, но также дает возможность увидеть, как происходит видоизменение мировоззрения эпохи и как это находит свое отображение в живописи. В ходе исследования были изучены ключевые работы, посвященные пониманию мировоззренческой картины мира и развитию средневекового искусства, в частности живописи. Также были проанализированы картины, представленные в художественных музеях Западной Европы (например, Германии, Франции, Испании).

Переходя к анализу ключевых особенностей живописи периода XII–XVI вв., в первую очередь стоит отметить, что трансформация средневекового мировоззрения особенно ярко выделяется в XIV–XV в. в процессе перехода в эпоху Реформации, что проявляется и в живописи. Именно поэтому полезно отдельно проанализировать произведения, созданные до и после конца XIV – начала XV веков.

Так, в XII–XIV в. главенствующую роль в живописи играла в первую очередь религиозная составляющая [2, С. 28]. В произведениях прослеживается огромная роль церкви в жизни людей, которая зачастую является их единственной опорой, верой и надеждой. Период XII–XIV вв постоянно доносит до зрителя при-

частность божественного к прекрасному, где чувство художественной красоты превращается в чувство единения с Богом и радости бытия [3, С. 60].

Это ведет к тому, что художники того времени фокусируют свое внимание на изображении религиозно насыщенных произведений, где основным является изображение Библейских сцен. Многие из подобных произведений в итоге стали центром церквей, храмов и монастырей.

Вместе с религиозной тематикой в произведениях XII–XIV вв. ярко проявляется отход от античной живописи с ее основным фокусом на изображении человека, и пристальное внимание к его внутреннему миру. Художники сосредотачиваются на изображении духовных переживаний человека, которые так свойственны эпохе средневековья.

Также мы видим в произведениях яркое отображение внутренней борьбы человека. Ее главной целью является достижение внутренней красоты верующего, которая в итоге противопоставляется красоте внешней [3, С. 84].

Ключевая тематика внутреннего мира и борьбы человека, поиск веры доносится через изображение в светской живописи людей, погруженных в размышления, которые всегда достаточно задумчивы и грустны. Также это часто передается через образы молящихся людей.

При анализе живописных произведений важно понимать, что подобное изображение устремления к духовному в понимании средневекового человека является важным моральным уроком, который должен брать верх над чувствами человека [4, С. 58]. Средневековые произведения сосредоточены на донесении смысла до зрителя, большой значимости происходящего на картине.

Данный фокус на смысле произведения проявляется в двух важных аспектах средневековой живописи. Первое – это презрение к особенной красоте творения, которая должна быть умопостигаемой [5, С. 220]. Для этого повсеместно используются простые изобразительные формы и достаточно поверхностная и доступная для непосредственного восприятия цветовая гамма, которая не признает разнообразия цветов и оттенков: «излишества отвлекали христианина от благочестия и сосредоточенной молитвы, однако не отрицали красоту и приятность украшений» [6, С. 137]. Для того, чтобы постичь смысл произведения важны: «*perspicax et liber animi contuitus in res perspicendas*» («свобода и проницающий взор души, обращенный на вещь, которую надо постичь») [6, С. 185].

Второе – это активное использование символов в живописных произведениях XII – XIV веков. Они проявляются в качестве образной реакции на ощущение кризиса эпохи и способности хоть как-то приблизиться к божественному. При этом символы в произведении зачастую не имели одного подхода к их трактовке, что придавало произведениям дополнительную значимость [3, С.120].

Однако, в конце XIV – начале XV века происходят важные изменения в мировоззрении Западной Европы, что постепенно находит свое отражение и в живописи. Так, восприятие человека смещается с целого на частное. Человеку все более важным становится понимать смысл происходящего, он начинает все больше задумываться и искать причины того, что его окружает. Это в свою оче-

редь выражается в увеличении значимости деталей живописных произведений.

Важный аспект развития мировоззрения человека позднего средневековья – начала периода Реформации в Западной Европе проявляется также в красочном наполнении картин. Художник все больше стремится передать красоту окружающего мира, ему уже не хватает простых красок и тонов и он уделяет особое внимание как оттенкам красок, так и наполнению произведения светом.

Созерцание мира превращается в созерцание красоты как через пропорции, так и через непосредственное воздействие света, поэтому художники начинают много работать со световыми изображениями на своих произведениях, донося, таким образом, световые оттенки, которые представлены как на земле, так и на небе [6, С. 185].

Не менее важным также является и переход от активного изображения сложных и многозначных символов к более простым и легким в трактовании аллегориям [3, С. 125]. Аллегии позволяют человеку, с одной стороны приблизиться, к пониманию смысла, с другой же, по-прежнему работать над постижением смысла произведения, тем самым, продолжая внутренне развиваться.

Подводя итог всему изложенному выше, необходимо отметить значимость живописи в постижении и передаче мировоззренческой картины мира средневековья, где важным является религиозная составляющая произведения и донесение внутренних переживаний человека, которые постепенно переходят во все большее желание понимать окружающий мир и наслаждаться красотой живописного произведения.

Литература:

- 1) Гене Б. *История и историческая культура средневекового Запада*. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- 2) Бицилли П.М. *Элементы средневековой культуры*. СПб.: Мифрил, 1995.
- 3) Эко У. *Эволюция средневековой эстетики*. СПб.: Азбука-классика, 2004.
- 4) Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада*. М.: У-Фактория, 2005.
- 5) Уколова В.И. *Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V-середины VII в.)*. М.: ЛКИ, 2010.
- 6) Эко У. *Искусство и красота в средневековой эстетике*. СПб.: Алетейя, 2003.

УДК: 72(033).5

Е.А. Лютина (Иркутский ГУ)

Истоки и формирование готического стиля в архитектуре Западной Европы

Готика – искусство XIII–XV вв., сформировавшиеся в Европе, было, наверное, самым необычным стилем на протяжении многих столетий, вплоть до XX века. Она зародилась во Франции, и именно там были созданы самые прекрасные произведения готического стиля. Из Франции готика распространилась

на другие страны, принадлежавшие тогда к западноевропейскому культурному кругу. Она господствовала с XII по XVI вв.

Свое имя готический стиль получил уже позднее от германского племени готтов, хотя они к этому стилю не имени ни какого отношения. Это имя сначала было презрительным и означало все дикое и варварское. В наше время готический стиль считается одним из самых тонких, прекрасных и удивительных художественных явлений. «Нейтрализация распора свода за счет вынесения наружу основных конструктивных элементов позволила создать ощущение легкости и символизировать творческое величие усилий человеческого коллектива. Каждая архитектурная подробность облечена символикой: розетки – это вечная роза, ее лепестки – души праведников, символические священные цифры кладутся в основание математических пропорций стройки» [1, С. 305].

На раннем этапе готика сохраняет в себе элементы романского стиля: существование готического нервюрного свода вместе с романскими круглыми арками, массивный вид, частично еще сохраняется «связанная» система, которая не позволяет разгрузить стены и сделать в них оконные проемы и т.д. «При более внимательном рассмотрении раннего готического собора, например в Нойоне, видно, однако, каким постепенным путем шло развитие готической системы от перекрытой сводами романской базилики. Из круглого ребра, правда, уже образовалась стрельчатая нервюра, но в основе продолжает лежать все еще чисто-романская, «связанная» система, в которой на один пролет главного корабля приходится два пролета бокового» [2, С. 96].

В идеологии и культуре времени готики сохранились феодально-церковные основы. Несмотря на это, некоторые веяния готического стиля отразились на замках и дворцах знати: с одной стороны, совершенствуются оборонительные устройства, а с другой, замки приобретают парадно - увеселительный характер; замки и дворцы отличаются теперь обработкой стен, ажурной декорацией переплетов окон, арками и скульптурами. «Во Франции в целом тип замка остался прежним, что и в романское время, но он обогатился рядом новшеств, заимствованных на Востоке во время крестовых походов. Совершенствуются оборонительные устройства: крепостные стены завершаются выступающими вперед каменными галереями с отверстиями в полу, через которые вниз на неприятеля сбрасывали камни и лили горячую смолу» [5, С. 87].

Франция оказала огромное влияние на архитектуру Германии. На раннем этапе готического искусства архитектура Германии представляла синтез элементов романского стиля и ранней готики Франции: совмещала стрельчатую арку (имеющую, правда, не конструктивное применение, как во Франции, а декоративное), башни для разрешения сверху, нервюрные своды, круглую розетку с романскими пилястрами, круглым сводом и т.д. «Нужно отметить, что на раннем этапе готики в Германии преобладают элементы романского стиля, но уже отличающиеся более богатыми формами, сложными узорами лизен, дуг, фриз круглых арок и т.д. В расцвет готического искусства архитектура Германии отличается уже своей уникальной скульптурой и декоративной резьбой» [3, С. 123].

Влияние раннего итальянского Возрождения на стиль интернациональной готики во Франции

Это был взрыв, революция в строительстве храмов. Здания как бы теряют материальность, кажутся невесомыми, хрупкими. От легких на вид, очень высоких башен до фундаментов они сплошь покрыты ажурными каменными кружевами. Размеры громадны, поражают воображение. «Готический собор сразу можно узнать по стрельчатым (заостренным кверху) аркам окон, дверных проемов и т.п. Церкви больше не похожи на крепости, как в романский период, но легко возносятся к небу своими стройными башнями – будто они вовсе не из камня. Огромные окна из цветных окон занимают столько места, что почти не остается стен. Своды поддерживают покрытые полуколоннами столбы, напоминающие связки стеблей. Вверху полуколонны столбов разветвляются и превращаются в нервюры (ребра). Их выкладывали либо из фигурного кирпича, либо из резного камня. На нервюры опирались своды, которые были куда тоньше и легче, нежели романские. Однако своды с нервюрами нуждались в дополнительной опоре, поэтому с наружной стороны к стенам пристраивались специальные столбы – контрфорсы, а высоко между стенами центрального нефа и контрфорсами ставились наклонные опорные арки – аркбутаны» [4, С. 118].

Вместо стен в готических соборах появляются стеклянные окна с витражами. Круглое окно – «роза» (обязательный элемент главного фасада) – также заполнялось живописными витражами.

Соборы населяют тысячи скульптур: святых, ангелов, королей и ужасных чудищ-химер. На вошедшего человека сверху обрушиваются мощные звуки органа. Синтез искусств оказывает даже на неверующего человека громадное воздействие.

По моему мнению, изучение зарождения и формирования готического стиля без сомнения важная и интересная тема. Создание единой картины о готическом стиле позволит еще глубже понять социальные, экономические и прочие условия жизни и в целом атмосферу, царившую в обществе в XII – XVI веках, с ее проблемами, недостатками и достоинствами.

Литература:

- 1) Гнедич П. П. *История искусств с древнейших времен / П. П. Гнедич.* - М.: Летопись-М, 2000.
- 2) *История стилей изобразительных искусств / под ред. Кон-Винер.* М.: Сварог и К, 2000.
- 3) Кашикова И. Э. *От Античности до модерна / И. Э. Кашикова.* М.: Просвещение, 2000.
- 4) Лисичкина О. Б. *Мировая художественная культура. Средние века.* М.: Астрель, 2005.
- 5) Филимонова С. В. *История мировой художественной культуры. Мозырь: Белый ветер, 1997.*

Термин «интернациональная готика» был предложен в XIX в. французским историком искусства Луи Куражо. Ядро стиля интернациональной готики было сформировано искусством Сиены, Кельна, Богемии и Франции [1, С. 396].

Расцвет стиля интернациональной готики во Франции пришелся на время правления Карла V в 1380-1422 гг., его ядро составляла парижская художественная школа.

Ввиду широких экономических и политических связей, которые существовали в Средневековой Европе, мастера, работавшие при французском дворе, могли быть в курсе самых передовых тенденций в живописи, а именно, творчеством нидерландских мастеров и работами мастеров итальянского треченто, а затем и кватроченто. Целью данной работы было выявить итальянские черты, влиявшие на стилистику интернациональной готики во Франции, а также проследить их развитие.

Итальянские художественные течения оказались наиболее доступными французским мастерам при перенесении папской резиденции в Авиньон, когда для ее строительства и украшения было привлечено большое количество итальянских мастеров, в Авиньоне работал самый яркий представитель сиенской школы живописи Симоне Мартини [2, С. 482].

Его влияние можно заметить в «Благовещении», имя автора которого неизвестно, выполненного около 1375 г [1, С. 369]. Богатство орнаментального декора, насыщенная и глубокая цветовая гамма, указывают на принадлежность мастера к парижской школе, но более интересным представляется попытка перспективного решения престола Богородицы, что не встречалось ранее у мастеров парижской школы. В целом, влияние искусства Италии на французских мастеров прослеживается в появлении и разработке мотива пейзажа и пространственной ориентации архитектурных элементов в живописи.

Эту тенденцию можно проследить сначала в передаче объема и перспективы, которую мы видим в памятнике, получившем название Уилтонский диптих и создававшимся, по одной из версий, неизвестным французским мастером [4]. Но Эрвин Панофский предложил считать это произведением Мельхиора Брудерлама из Ипра, работавшего при бургундском дворе и вполне усвоившего как стилистические особенности школ Богемии и Кельна, так и эстетику парижской школы [5, С. 148]. Неудивительно, что на его творчество оказало также влияние итальянское кватроченто. В изображении левой створки диптиха видна новая для готического стиля попытка совместить перспективную передачу архитектурной постройки и пейзажа, но это хорошо соотносится с произведениями эпохи треченто, которым свойственно четкое разграничение между архитектурным фо-

ном и пейзажем, масштабирование архитектуры в соответствии с человеческой фигурой и изображение гор валунами.

На закате французской средневековой живописи мастера уже не парижской, а авиньонской школы продолжают разрабатывать пейзаж в традициях итальянской живописи. Наглядный пример тому творчество Никола Фромана, а именно центральная часть триптиха, написанного около 1476 г. для церкви Сен-Совёр в Экс-ан-Провансе «Неопалимая купина» [6, С. 125]. В этой картине Никола Фромана виден развитый, стремящийся вдаль пейзаж, в котором мастер передает глубину пространства не только через построение перспективы, но и с помощью тонких градаций света.

Таким образом, можно выделить влияние итальянского искусства на стиль интернациональной готики в вопросах перспективного построения и разработки пейзажа.

В творчестве авиньонского мастера Ангеррана Картона (Шаратона), нашли отражение другие тенденции итальянского искусства. Ангерран Картон как представитель школы Авиньона стремится изображать фигуры объемными, и размещал их такими группами, чтобы они могли выражать свое состояние с помощью жестов, что можно отметить как влияние склонной к большей экспрессии итальянской живописи эпохи кватроченто [1, С. 397].

Манере художника свойственна определенная резкость с подчеркнутыми контрастами светотени и стремлением к упрощенности форм. Его «Пьета», необыкновенно выразительная по звучанию, произведение готической стилистике, она, тем не менее дает нам вместе с тем глубокоую выразительность жеста и поз все изображенных, а черты донатора в левом углу почти портретны. Ангерран Картон был хорошо знаком с произведениями тосканской школы, но это знакомство, по-видимому, не выходило за рамки станковых работ итальянских мастеров, с которыми художник мог познакомиться благодаря коллекциям флорентийских купцов, проживавших в Провансе [7, С. 116].

Самое значительное влияние итальянского искусства на творчество французского мастера проявилось в произведениях Жан Фуке. Его стиль сформировался под влиянием таких итальянских живописцев как Мазолино, Учелло, а в особенности – Фра Анжелико [8, С. 116]. Последовательное чередование планов пейзаже, перспективное сокращение его вглубь указывает на приемы итальянских мастеров. Но главным достижением Жана Фуке можно считать портретность его образов, что мы можем наблюдать, к примеру, в «Портрете Этьена Шевалье со св. Стефаном» 1451-1455 гг.

Итак, французские мастера интернациональной готики заимствовали у итальянских мастеров две главные тенденции – разработку перспективы и пейзажа, и, для мастеров школы Авиньона - эмоциональную выразительность жеста, попытку передать состояние изображаемых, что было не характерно для готической эстетики; но очень громко прозвучало в работах итальянских мастеров, стремящихся придать новый, чувственный и земной облик библейским персонажам.

Литература:

- 1) Готика. Архитектура, живопись, скульптура. Под ред. Р. Томана, Изд-во Конетамп, 2002.
- 2) Степанов А. В. Искусство эпохи Возрождения. Италия. XIV—XV века. СПб: Азбука-классика, 2003.
- 3) Клуцкерт Э. Готическая живопись // Russian Gothic Page (Электронный ресурс) URL: <http://art.gothic.ru/articles/lorna/18gothzhiv.htm> (дата последнего обращения 17.10.2012).
- 4) Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. М.: Искусство, 1998
- 5) Лайта Э. Ранняя французская живопись. Будапешт, 1980
- 6) Ta-Van-Thinh L. Enguerrand Quarton, peintre de l'Unité. Le maître de «l'École d'Avignon» au XVème siècle. Malaucene, 2002
- 7) Золотова Е. Ю. Жан Фуке. Москва, 1984
- 8) Леванов Э.Е. Картина мира эпохи Возрождения. Эпоха интернациональной готики // Образовательный портал слово (Электронный ресурс) URL: <http://www.portal-slovo.ru/art/44791.php> (дата последнего обращения 22.10. 2012)
- 9) Петрусевич Н. Б. Искусство Франции XV—XVII вв. М., 1973
- 10) Эрши А. Живопись интернациональной готики. Будапешт: Корвина, 1984
- 11) Villela Petit I. Le gothique international. Hazan, 2004

УДК: 902.01

С.Н. Астахов (Челябинский ГПУ)

Вопросы классификации средневекового холодного оружия ближнего боя

История войн занимает важное место во всей истории человечества. Для того, чтобы ориентироваться в этом многообразии, учеными создаются и используются различные классификации. В этой работе мы рассмотрим достоинства и недостатки некоторых из классификаций холодного оружия ближнего боя.

Австрийский историк В. Бехайм ещё в 1890г. попытался систематизировать этот материал в труде «Руководство по оружиюведению. Оружейное дело в своем историческом развитии от начала средних веков до конца XVIII в.». Несмотря на то, что Бехайм не прописывает классификации в самом тексте работы, ее можно вывести из организации материала. Так, Бехайм делит холодное оружие ближнего боя на 3 категории:

1. Холодное оружие (в тексте работы также используется наименование «кинжаль»). К данной категории Бехайм относит: меч, саблю, шпагу, кинжал и другие подобные им виды оружия.
2. Древковое оружие – копье, пика, алебарда, глефа, протазан и т.п.
3. Ударное оружие – булава, чекан, топор, и т.п.[1]

Вторую классификацию находим у российского оружейоведа Е.А. Смолина. Классификация Смолина строится по единому признаку – характеру поражающего действия оружия. В соответствии с данной классификацией выделяются следующие категории холодного оружия:

1. Колющее – копье, кинжал, рапира.
2. Режущее – стандартных типов, практически, не существует.
3. Рубящее – топор, алебарда.
4. Колюще-режущее – нож, рогатина.
5. Колюще-рубящее – шашка, палаш.
6. Рубяще-режущее – разновидности сабель, тесаков.
7. Колюще-рубяще-режущее – меч, ятаган.
8. Ударно-раздробляющее – булава, кистень, кастет.[2]

Третья классификация создана российским востоковедом В.А. Асмоловым на базе классификации корейской школы боевых искусств чхонмедо. Данная классификация является попыткой систематизировать холодное оружие ближнего боя по строению:

1. Оружие с переменной боевой частью – боевой шест.
2. Ударное оружие – дубина, булава.
3. Оружие с боковым острием – топор, боевой серп.
4. Оружие с дополнительной рукоятью, расположенной перпендикулярно его вертикальной оси – тонфа.
5. Клинковое оружие – меч, сабля, кинжал.
6. Древковое оружие – копье, алебарда, глефа.
7. Гибкое оружие – цеп, кистень.
8. Короткое оружие – кастет.[3]

Таким образом, в классификациях В. Бехайма и В.А. Асмолова при выделении категорий используются различные критерии. Классификация Е.А. Смолина, несмотря на использование одного критерия, является неудобной для историка, так как к одной категории относится оружие, имеющее различное строение, технику и тактику использования.

В связи с обозначенной проблемой, нами была предпринята попытка, опираясь на перечисленные классификации, создать собственную классификацию. В отличие от рассмотренных классификаций, наша имеет многоуровневую структуру, что позволяет использовать различные критерии на разных уровнях.

На первом уровне холодное оружие ближнего боя разделяется по критерию «основной тип поражающего действия» на две категории:

1. Оружие проникающего действия – колющее, режущее, рубящее и их сочетание по классификации Е.А.Смолина.

2. Оружие дробящего действия – ударно-раздробляющего по классификации Е.А.Смолина.

Предложенное разделение является авторским, до этого не применявшимся в историографии. Выделение только двух категорий по одному критерию позволяет максимально упростить классификацию, благодаря совмещению всего оружия, имеющего первичной целью нарушение целостности кожного покрова и повреждение мягких тканей (колющее, режущее, рубящее) в одной категории. Дробящее оружие используется с принципиально иной целью: оно разрушает кости.

В свою очередь категория «оружие проникающего действия» разделяется по критерию «соотношение поражающей части и рукояти» еще на две:

1. Клинковое оружие (поражающая часть равна рукояти или превышает ее) – мечи, ножи, шпаги и т.п.
2. Наконечниковое оружие (поражающая часть значительно меньше рукояти) – копье, алебарда, топор, клевец и т.п.

Категория «наконечниковое оружие», выделенная из категории «оружие проникающего действия», разделяется по критерию «расположение поражающей части относительно вектора основной оси оружия» на две категории:

1. Оружие с поражающей частью, параллельной вектору основной оси оружия – копье, боевые вилы, протазан, глефа и т.п.
2. Оружие с поражающей частью, перпендикулярной вектору основной оси оружия – топор, клевец и т.п., что соответствует категории «оружие с боковым острием» в классификации Асмолова.

Стоит отметить наличие оружия, совмещающего в себе характеристики каждой из категорий, например, поздние виды алебард, которые имеют заостренный наконечник, параллельный вектору основной оси оружия и топор, перпендикулярный вектору основной оси оружия.

Таким образом, наша классификация использует два основных критерия: «основной тип поражающего действия», использующийся на первом уровне разделения, и «конструктивные особенности оружия» - на последующих уровнях. При этом многоуровневая структура позволяет выдерживать принцип научности в классификации, так как разделение на одном уровне происходит по одному критерию. Разделение на первоначальных уровнях на две категории позволяет относительно легко относить тот или иной вид оружия к одной из них. Так как конструктивные особенности влияют на технику использования оружия, в разных категориях оказывается, соответственно, оружие с разной техникой использования. Следовательно, наша классификация избавляется от недостатков рассмотренных ранее классификаций и представляется нам оптимальной для специалиста-историка.

Литература:

- 1) Бехайм В. *Энциклопедия оружия. СПб, 1995.*
- 2) Смолин Е.А. *Холодное оружие и его криминалистическая экспертиза: словарь терминов. Барнаул, 1996.*
- 3) Асмолов В.А. *История холодного оружия. Ч.1. М., 1993.*

УДК: 929.62

Я.А. Попова (Тюменский ГУ)

Геральдика в «Кодексе Манессе» с. XIV в.

«Кодекс Манессе» или Большая Гейдельбергская книга песен – знаменитый немецкий литературный памятник XIV столетия. Возник он, вероятно, по заказу цюрихских вельмож из рода Манессе – Рюдигера и Йоханесса. В создании миниатюр принимали участие четыре художника, причем первый выполнил 80% иллюстраций [1, S. 1050], датируемых 1300 и 1315 годами. Остальные три художника внесли свой вклад в работу позже, около 1330 года, написав в общей сложности 27 миниатюр [2, P. 4]. Согласно заявленной теме, мы попытаемся определить виды гербов в миниатюрах кодекса и обозначить их функции.

«Кодекс Манессе» содержит 138 миниатюр. Лишь небольшая часть (14,5%) не имеет геральдических изображений. Большинство миниатюр (70%) едины по своей структуре: верхнюю часть занимают щит с гербом и шлемовая эмблема, а нижнюю - художественная сцена. Всего же в рукописи фигурирует 135 гербов [3, S. VII].

Историческая подлинность гербов вызывает сомнения. Инго Ф. Вальтер считает, что не все гербы рукописи можно рассматривать как подлинные, некоторые из них являются продуктом воображения художников. Вероятно, на это повлияло большое количество певцов и их различное происхождение.

Мишель Пастуро в своих исследованиях говорит о том, что большинство гербов тесно связаны с семьей и именем. Однако еще более тесную связь с именем имеют «гласные гербы» - название главной фигуры (чаще всего) и имя владельца созвучны и образуют игру слов [4, С. 245]. Механизм создания герба в таких случаях ясен: герб миннезингера Вальтера фон Фогельвейде представляет собой красное поле с серебряной птицей в клетке [5, R. 124]. Если взять первую часть имени vogel, что по-немецки означает «птица», то можно утверждать, что герб певца «говорящий». На миниатюре с Рейнмаром Скрипачом та же ситуация: его прозвище Fiedler, обозначающее «скрипач», определило герб [5, R. 321]. Герб Бухайма – это красное поле с белым разворотом книги, т.к. первая часть имени миннезингера buch, что означает «книга» [5, R. 271]. На щите и клейноде в миниатюре, где присутствует Фрауэнлоб, изображена женщина. Нетрудно догадаться, что frau по-немецки означает «женщина», более того, Фрауэнлоб был известен тем, что восхвалял в своих стихах Деву Марию [5, R. 399].

Кодекс содержит подлинные изображения гербов Генриха VI, Конрадина,

Вацлава II Богемского и Генриха IV Пробуса и некоторых певцов. Например, Готфрид фон Нойффен изображен с гербом своего родного города Нойффена [5, R. 32], а граф Альберт фон Хайнгерлох – с гербом графства Хоэнберг [5, R. 42]. Представляется возможным отследить аутентичность остальных гербов в дальнейших исследованиях.

Шлемовая эмблема тесно связана с гербами. В кодексе художники изображали нащлемники, повторяя элементы герба, как, например, черный орел на миниатюре с Генрихом VI [5, R. 6]. Стоит отметить, что 71% нащлемников идентичны своим гербам. Однако Пастуро утверждает, что репрезентация шлемовой эмблемы не регулировалась никакими правилами. Художники были вольны сами определять ее особенности, могли даже пренебречь тем, что изображено на щите [4, С. 255–256].

Гербы в миниатюрах исследуемого источника употребляются в разных контекстах, таких как турниры, сражения, охота, спортивные игры, любовные сцены и быт. Носителями гербовых изображений выступают щит, шлемовая эмблема, налатник, баннер и попона. Почти три четверти попон точно соответствуют щитами, баннеры появляются на 11 иллюстрациях.

При анализе иллюстраций «Кодекса Манессе» были определены некоторые виды гербов, в частности, родовые, государственные, «говорящие», личные и гербы городов.

Геральдика была неотъемлемой частью средневекового общества. Гербы играли важную роль в визуальном представлении личности человека. Большое разнообразие геральдической информации говорит нам о важнейшей роли гербов в репрезентации повседневности немецкого общества.

По мнению А. П. Черных, «гербы были вплетены в ткань повседневности. То, что гербы встречаются часто, говорит о незаменимости и обязательности использования герба в общественной практике, иными словами “геральдизации” процесса социального общения» [6, С. 48].

Литература:

- 1) Bill C. H. *Der «Codex Manesse» und seine Adelsbildnisse//Nobilitas. Bd. 21. 2002. S. 1049-1057.*
- 2) Costa R. *Codex Manesse: quatro iluminuras do Grande Livro de Canções manuscritas de Heidelberg (século XIII) análise iconográfica. Primeira parte//Brathair. Bd. 1, 1. 2001. P. 3-12.*
- 3) Zangemeister K. *Die Wappen, Helmzierden und Standarten der Grossen Heidelberger Liederhandschrift (Manesse-Codex). Görlitz, 1892.*
- 4) Пастуро М. *Символическая история европейского средневековья. СПб: Александрия, 2012.*
- 5) *Codex Manesse — die große Heidelberger Liederhandschrift, Heidelberg//Universitätsbibliothek (Cod. Pal. germ. 848). Heidelberg, 2006.*
- 6) Черных А.П. *Геральдика // Введение в специальные исторические дисциплины. Москва: Издательство МГУ, 1990.*

**Развитие книжности в сербских землях
в правление Стефана Лазаревича (1389–1427 гг)**

В правление князя (а с 1402 г. – деспота) Стефана Лазаревича сербские земли пережили последний перед турецким завоеванием взлет государственности и культуры. Стефан был весьма образованным человеком, выдающимся книжником своего времени. По свидетельству летописцев, он любил книги как никто другой на свете, читал с большим усердием, желая почерпнуть из них мудрость, пользу, стремился с помощью прочитанного облагородить нравы, речь и души подданных [1, С. 79].

Стефан Лазаревич инициировал новую критическую оценку «предшествующей книжности, начиная с <...> языка и сложившейся орфографии и кончая содержанием литературы», сравнение ее с византийскими образцами [2]. Своей целью он видел сохранение и укрепление в Сербии православной традиции, сплочение населения и всего православного мира перед лицом внешней угрозы, в том числе, за счет унификации церковной литературы. Замысел нашел воплощение в проверке старых, появлении новых переводов с греческого языка, «стремлении в житийной и исторической литературе максимально использовать источники, проверяя их показания и устраняя баснословные элементы» [2]. Эта работа протекала под влиянием идей исихастов, принесенных в сербские земли афонскими и болгарскими монахами – представителями Свято-Троицкой школы. Последняя была основана во второй половине XIV в. патриархом Евфимием при одноименном монастыре недалеко от Тырнова и являлась центром болгарского просвещения до 1393 г. После турецкого завоевания многие ученики школы были вынуждены покинуть Болгарию, уходя и в сербские земли. Среди них был книжник Константин Костенецкий – горячий сторонник патриарха.

Константин Костенецкий, получивший в Сербии за свою ученость и житейский опыт прозвище «Философ», оказал значительную помощь Стефану Лазаревичу в осуществлении его планов. Составив руководство для переписчиков, он открыто выступил против недобросовестности, невежества тех, кто, не обладая достаточными знаниями, брался за книжное дело. Именно в необразованности таких людей Константин видел главную причину «испорченности книг» и потому добивался обязательных правил для всех, желающих заниматься книжностью. В «Сказании о письменах» он с негодованием говорил о том, что в Белграде книги копируют даже недоучившиеся мальчики, и что из ста книг не найдется и двух, правильно написанных [3, С. СII–СIII]. Главным занятием Константина при дворе деспота было исправление и перевод греческих текстов на славянский язык; его труды должны были стать новыми образцами для переписчиков. В заключительной главе написанного им «Жития Стефана Лазаревича» Константин обозначил сферу своей деятельности, назвав себя «преводьникомъ» [4, С. 327].

В рассматриваемый период основные центры по копированию и переводу книг располагались и на юге сербских земель (в Дечанах, монастыре Святых Архангелов, в окрестностях Приштины и Печа), но, в основном, они были сосредоточены в Поморавье (Ресава, Мильков монастырь, Радешин, колония иноков при Любостыне, и др.) и в Подунавье (в Браничевской митрополии) [1, С. 64–65, 67, 70–73, 77–84]. Отдельно нужно сказать о Ресавской книжной школе при одноименном монастыре, которая являлась одним из важнейших очагов переписческой и переводческой деятельности своего времени. Она оказала общее влияние на развитие книжности в Сербии, на славянском юге (в частности, в Македонии и Западной Болгарии) и Руси в XV–XVII вв., куда были перенесены ее орфографические и грамматические принципы. В источниках встречаются упоминания о «старых переводах ресавских, не имеющих порока», пользовавшихся огромным авторитетом среди книжников в XV–XVII вв. [5, С. 121].

Значительная часть переводов и списков делалась для деспота Стефана в Хиландарском монастыре. В семи из 25 дошедших до нас из времени Лазаревичей свидетельств говорится, что та или иная рукопись была результатом трудов насельников этой обители, и что работа протекала на Афоне [1, С. 67–70, 76]. Существовала практика приглашения монахов Хиландара в деспотовину [1, С. 79–81].

По указаниям правителя переписывалась и переводилась самая разнообразная литература. Копировались богослужебные книги – Минеи, Триоди, Апракос, Псалтирь, «Апостол», – Евангелие и сочинения Отцов Церкви. В 1418 г. в монастыре Святых Архангелов были переписаны «Слова» Григория Богослова. Инок Сербской Лавры была скопирована сокращенная редакция сочинения Иоанна Зонары. В правление Стефана были переведены еще три византийские хроники: Георгия Амартола, Иоанна Малалы и Константина Манассии.

Исследователям доступно сообщение о «переложенной» в 1412 г. монахом-святогорцем с греческого языка Книге Притчей Соломоновых. Стефан Лазаревич, видимо, интересовался экзегетикой, так как в этом же году были переведены «Толкования» Книги Иова с использованием извода обители Эсфигмен. В 1426 г. на Афоне был сделан перевод «Шестоднева» Иоанна Златоуста. Книги подобного рода были и в личной библиотеке деспота Стефана: надпись о принадлежности правителю имела на «Толковании» Евангелия Феофилакта Болгарского и на рукописи «Лествицы» [1, С. 77]. Правитель и лично переписывал книги: на одной из рукописей – собрании отрывков из сочинений подвижников, отцов исихазма – Симеона Нового Богослова Григория Синаита, аввы Фаласия, – имела помета, что «деспот <...> книгу писал за душевное спасение» (1421 г.) [6, С. 47].

Известно, что Стефан Лазаревич занимался писательской деятельностью. В «Житии» Стефана Лазаревича говорилось о некоем «завете» Белграду, который составил сам правитель, и приводился его отрывок [4, С. 272]. Перу деспота принадлежит поэтическое послание «Слово о любви», которое, вероятно, обращено к его брату Вуку. Стефан Лазаревич считается и автором надписи на Косовском столбе, установленном в память о событиях 15 июня 1389 г. между 1402–1404 гг. [7, С. 56].

В правление Стефана Лазаревича были также созданы замечательные сербские литературные образцы – различные похвальные слова князю Лазарю, произведения Григория Цамблака, Константина Философа. Многие из них писались под впечатлением трагической кончины Лазаря и гибели сербского воинства в Косовской битве, но, их появление было бы затруднительно вне той культурной среды, которая сложилась в сербских землях благодаря деспоту.

Литература:

1) Стојановић Љ. *Стари српски записи и натписи* / Љ. Стојановић. Београд: САНУ, 1902. Књ. I.

2) *История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. 2. Ч. 1* // (Электронный ресурс) URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il2/il2-1712.htm> (дата последнего обращения 30.10.2012)

3) Сырку П.А. *Очерки из истории литературных сношений Болгар и Сербов в XIV–XVII вв.* // *Сборник Академии наук. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1901. Т. 71. С. 1–176.*

4) Јагић В. *Константин Философ и његов живот Стефана Лазаревича деспота српског (по двема српско-словенским рукописима)* / В. Јагић // *Гласник Српског ученог друштва. Београд, 1875. Књ. XLII. С. 223–328.*

5) Леонид (Кавелин Л.А.), архм. *Историческое описание Сербской царской лавры Хиландаря и ее отношения к царствам Сербскому и Русскому. М.: Унив. тип. (Катков и Ко), 1868.*

6) Стојановић Љ. *Стари српски записи и натписи* / Љ. Стојановић. Београд: САНУ, 1905. Књ. III.

7) *Свети Кнез Лазар и косовски завет. Цетиње: Светигора, 2007.*

УДК 94(4)«375/1492»

И.В. Ковригина (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Зооморфные черты демонов на гравюрах трактатов позднего средневековья: проблемы истолкования (на примере «краткой» редакции трактата «Ars moriendi»)⁴

Изучение визуальной демонологии представляется нам крайне важной задачей, так как именно демонологические представления, во многом, отражают основополагающие элементы системы миропонимания и мировосприятия людей Средневековья. Нами были исследованы гравюры, сопровождающие издания «краткой» редакции трактата «Ars moriendi» 1450, 1470, 1475, 1480/1485, 1495, 1495/1498 и 1512 годов [1–7].

Итак, одной из наиболее характерных особенностей изображений демонов

на рассматриваемых нами гравюрах является придание демонам элементов животного облика. Например, обитатели infernalного мира могли изображаться с головой собаки, осла, обезьяны, кабана, с разнообразными хвостами, покрытым шерстью туловищем. Кроме того, одним из наиболее распространенных атрибутов демонов являются рога, причем их форма вариативна. Также зачастую демоны наделяются конечностями животных.

Следует отметить тот факт, что в изображениях демонов, как правило, мы наблюдаем сочетание абсолютно «несовместимых» черт. Достаточно распространенным является сочетание антропоморфных и зооморфных внешних признаков. Например, типичным для исследуемых нами гравюр является сочетание человеческого (или, скорее, подобного человеческому) лица с рогами и туловищем, покрытым шерстью и наделенным копытами или птичьими лапами; либо сочетание антропоморфного туловища, с головой и конечностями животных. Зачастую в облике демона, при отсутствии антропоморфных черт, соединяются внешние признаки различных животных.

Итак, обращаясь к демоническому бестиарию, — т. е., к совокупности представителей фауны, которые порой целиком, но чаще отдельными своими чертами входили в состав облика дьявола, — мы обнаруживаем, что эти животные (или их отдельные свойства) выступают как знаки в системе значения вещей [8, С. 51]. В данной связи, мы считаем необходимым обратиться к рассмотрению основных символических значений животных, чьи черты наиболее часто встречаются в изображениях демонов на исследуемых нами гравюрах.

Так достаточно распространенным является изображение демонов с головой собаки. Следует отметить, что образу собаки присуща многозначность — с одной стороны, собака является символом преданности, верности, способности жертвовать собой, с другой — символом агрессии, злости, нечистоты.

Исидор Севильский в своем труде «Этимологии» сообщает: «Собаки умнее других животных, ибо только они распознают свои собственные имена, знают своих хозяев, а также защищают дом своего господина, умирают за своего господина, охотятся со своим господином, и отказываются покинуть мертвое тело своего хозяина. У собак имеется два качества: мужество и скорость» [9, Р. 120].

В свою очередь Рабан Мавр в своей работе «De naturis rerum» дополняет Исидора Севильского, сообщая, что «... собака имеет и противоположное значение, ибо означает либо дьявола, либо иудеев, либо язычников. Потому и Пророк молит Господа: “Избавь от меча душу мою и от руки пса единственную мою”» [10, Fol. 224].

Одним из наиболее распространенных элементов облика демонов являются клыки вепря. Так, следуя за Исидором Севильским [9], Храбан Мавр отмечает, что свое имя кабан получил из-за своей свирепости: «Вепря (*aper*) зовут так из-за его свирепости (*a feritate*), убрав букву *f* и подставив *p*... Вепрь же означает дикость князя мира сего» [10, Fol. 207]. Кроме того, сходные мысли о дьявольском происхождении свирепости кабана встречаются в проповедях, *exempla*, трактатах о пороках и бестиариях. Храбрость кабана, воспетая римскими поэтами, трактуется как слепая и разрушительная жестокость [11, С. 75].

4. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (мероприятие 1.2.1; Соглашение № 14.В37.21.0962), проект «Образы прошлого в историографических и политических дискурсах Западной Европы и России».

Образ викинга в средневековой Исландии
как проблема современной отечественной историографии

Последние несколько десятилетий как среди представителей широких масс населения, так и внутри научного сообщества наблюдается заметный рост интереса к истории средневекового скандинавского общества. Актуальность данного исследования обуславливается относительно невысокой степенью разработанности темы. Зачастую изучение проблемы проводилось фрагментарно — с точки зрения лингвистики или социально-экономической истории, что предопределило отсутствие комплексного подхода к проблеме. Несмотря на это, к началу 1980-х гг. были созданы предпосылки для решения такой задачи благодаря достижениям отечественной школы скандинавистов: М.И. Стеблин-Каменского, А.Я. Гуревича, Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина, Г.С. Лебедева, Т.Н. Джаксон, Г.В. Глазыриной и др.

Работы М.И. Стеблин-Каменского в большей степени посвящены истории литературы и культуры Исландии. В предметное поле его исследований вошли язык, поэзия, мифы, саги средневековой Скандинавии. Большое количество работ посвящено именно «миру саги»: изучению сознания раннесредневековых скандинавов, истории и предпосылок создания саговой традиции, ее развития, отличий и сравнению с прочим культурным наследием Скандинавии и Европы в целом [1]. М.И. Стеблин-Каменский заложил основы анализа саговой литературы, определил основные подходы к ее литературной критике.

Не менее важны для медиевистов-историков работы А.Я. Гуревича, которому принадлежит целый ряд статей и монографий по истории древних скандинавов. В отличие от Стеблин-Каменского, Гуревич подходил к проблематике средневекового скандинавского общества с историко-антропологической точки зрения. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет монография «Походы викингов». Данная работа ценна тем, что в ней уделяется внимание причинам и факторам, оказавших влияние на возникновение движения викингов; представляет интерес глава, посвященная дружинному лагерю Йомсборгу и самим йомсвикингам. Кроме этого работа содержит данные относительно древнескандинавского общества, социальных отношений внутри него [2].

Работы Т.Н. Джаксон, посвященные пребыванию скандинавских конунгов на Руси, ценны для нас тем, что в основе их лежит детальный разбор и перевод отрывков из королевских саг, затрагивающих пребывание скандинавов на Руси [3]. Анализируется участие норвежских конунгов в политической и военной жизни

Пожалуй, наиболее характерной чертой во внешности демонов являются рога, в том числе козлиные. Образ козла был неоднозначен. Двусмысленность данного зверя была закреплена двумя латинскими словами, обозначающими козла — *hircus* и *caper (caprea)*. Так в Абердинском bestiarii сообщается: «*Hircus* — это резвое и бодливое животное, постоянно жаждущее соития, глаза его из-за похоти смотрят в разные стороны» [12, Fol. 21v]. *Caper (caprea)* же отличается «особой остротой зрения и любовью к горным вершинам» [12, Fol. 14v].

Достаточно часто мы наблюдаем использование черт такого животного как обезьяна, при построении облика демонов. В уже упомянутом нами Абердинском bestiarii мы находим следующее толкование данного зверя, во многом, объясняющее использование черт обезьяны в демонологической иконографии: «Обезьяна не имеет хвоста. Дьявол имеет вид обезьяны, с головой, но без хвоста. Хотя все тело обезьяны безобразно, — особенно отвратителен и безобразен ее зад. Дьявол начинал как ангел на небесах. Однако будучи внутри лицемерным и коварным, он потерял свой хвост, ибо он погибнет полностью в конце, как сообщает апостол: “Господь Иисус убьет его духом уст Своих”» [12, Fol. 12v].

На наш взгляд, описанная выше особенность демонологической иконографии гравюр «*Ars moriendi*» имела глубокое символическое значение для людей Средневековья. Во-первых, подобное смешение человеческих, животных и фантастических (с нашей точки зрения) черт во внешнем облике демонов может трактоваться как некое нарушение Божественного порядка, т.е. в данном случае нарушение установленных Богом телесных чинов. Главные же нарушители правил «дома бытия» — падшие ангелы [8, С. 30–31]. Во-вторых, за счет наделения демонов животными чертами происходит их принижение по сравнению с изображенными на гравюрах людьми и ангелами. Подобным образом акцентируется внимание на животной, т.е. агрессивной, порочной сущности демонов.

Литература:

- 1) *The Ars moriendi (editio princeps, ca. 1450) / Ed. by W.H. Rylands. London, 1881.*
- 2) *Ars moriendi. Rheinland (Niederrhein, Köln, Meinz ?). ca. 1470.*
- 3) *Ars moriendi. Süddeuschland (Ulm ?). ca. 1475.*
- 4) *Ars moriendi. Rheinland (Straßburg? Basel?). ca. 1480/85*
- 5) *Ars moriendi. Lyon. ca. 1495.*
- 6) *Ars moriendi. Leipzig. ca. 1495/98. .*
- 7) *Ars moriendi ex variis sententiis collecta cum figuris ad resistendum, in mortis agone dyabolice suggestioni valens. Nürnberg. 1512.*
- 8) Махов, А.Е. *Средневековый образ: между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии. М.: Изд. Кулагиной–Intrada, 2011.*
- 9) *Isidorus Hispalensis. Etimologiae. Venedig, 1483.*
- 10) *Rabanus Maurus. De naturis rerum. – 302 fol.*
- 11) Пастуро, М. *Символическая история европейского средневековья. Спб.: Александрия, 2012.*
- 12) *Aberdeen University Library, Univ. Lib. MS 24 (Aberdeen Bestiary). – 103 fol.*

ни Руси [4]. На основе анализа текстов выделяются некоторые закономерности и стереотипы в изображении их судеб, черт присущих конунгам и их поступкам. Речь идет о некотором дуализме образа конунга: с одной стороны, это конунг-викинг, а с другой, представитель некоего идеала, господствовавшего в скандинавском обществе.

Ценность представляет также и работа Г.В. Глазыриной, посвященная так называемым «викингским сагам» [5]. Подобно исследованиям Джаксон, в ее рамках проведен тщательный разбор исландских саг, но уже другого жанра (проанализированные источники относятся к сагам о древних временах). Их анализ важен в том плане, что в данном жанре зафиксированы походы героев в поисках славы и добычи, события, повествующие об эпохе викингов.

Немаловажный вклад в развитие данной проблематики внесла работа Е.А. Мельниковой в соавторстве с В.Я. Петрухиным «Норманны и варяги: Образ викинга на западе и востоке Европы» [6]. В поле зрения исследователей оказывается не просто представитель скандинавской дружины, а именно викинг. В статье затрагивается проблема изображения викингов в различных источниках (как западных, так и восточных), рассматривается этническая принадлежность викингов, сравниваются их социальные роли, на основе чего выделяются некоторые модели образа викинга, присущие каждому из регионов.

Значительного внимания заслуживает фундаментальный труд известного отечественного историка-археолога Г.С. Лебедева «Эпоха викингов в Северной Европе» [7]. Лебедев впервые рассматривает викингов как особую социальную группу, возникшую внутри скандинавского общества VIII–IX вв., подробно разбирает причины появления и формирования такого социального статуса как «викинг», а также его дальнейшую трансформацию и переход в другие социальные статусы. Затрагивается проблема сопоставления викинга и королевского дружинника, рассматриваются механизмы становления власти первых конунгов-королей.

В последнее десятилетие появился ряд работ, которые задали новый темп развитию отечественной скандинавистики проблемы дружинной культуры. А. А. Хлевов затрагивает в своей работе период до эпохи викингов (тем самым уделяя особое внимание предпосылкам формирования движения викингов), поднимает проблему становления и развития дружинной культуры, атрибутов воинов [8]. Другая его монография, написанная в соавторстве с А.А. Фетисовым и А.С. Щавелевым: «Викинги. Между Скандинавией и Русью» [9], уделяет основное внимание проблеме формирования и появления дружины, а так же вопросу противопоставления рода и дружины. Рассматриваются до этого мало изученные особенности дружины Йомсвикингов, ее организация.

Особый интерес представляет монография А.В. Якуба, посвященная проблеме смежного направления, а именно, образу норманна в западноевропейском обществе IX–XII вв [10]. Используя обширный массив западноевропейских источников (преимущественно франкского происхождения), упоминающих скандинавов, автор работы анализирует экспансию норманнов, процесс их оседания

на территории Франкского государства, а также проблемы интеграционных процессов. Проводится анализ формирования и развития образа норманна в иноэтнической среде.

Литература:

- 1) Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы. Л.: Наука, 1984.
- 2) Гуревич А.Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.
- 3) Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012.
- 4) Джаксон Т.Н. Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. М.: Языки русской культуры, 2000.
- 5) Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М.: Ладомир, 1996.
- 6) Мельниковой Е.А., Петрухин В.Я. Норманны и варяги: Образ викинга на западе и востоке Европы // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М.: АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики, 1990. С. 153–171.
- 7) Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005.
- 8) Хлевов А.А. Предвестники викингов. СПб.: Евразия, 2002.
- 9) Фетисов А.А., Щавелев А.С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. М.: Вече, 2009.
- 10) Якуб А.В. Образ «норманна» в западноевропейском обществе IX–XII вв.: становление и развитие историографической традиции. Омск: Изд-во Ом.гос. ун-та, 2008.

УДК: 94(48).021
Т.А. Сафин (МГУ)

Особенности гренландского «народовластия»

Проблема организации управления в гренландских поселениях норманнов на раннем этапе их существования: от появления в 80-е гг. X в. до образования епископской кафедры в Гардаре (Garðar) в 1126 г., ставшей главным административным центром скандинавских колоний, — решалась в историографии, исходя из тезиса о тождественности гренландской и исландской потестарных систем [1, С. 228]. Впоследствии внимание было обращено на ту исключительную роль, которую играли основатель первых гренландских поселений Эйрик Рыжий и его потомки [2, С. 82; 3, Р. 42]. Затем, благодаря археологическим исследованиям и палеоэкономическим реконструкциям, было доказано, что гренландское

общество было строго иерархичным и аристократизированным [4, p. 258–264]. Однако слой крупных землевладельцев предстает по этим данным достаточно однородным, чтобы применить для реконструкции властных отношений в среде гренландских хевдингов полицентрическую модель, характерную для Исландии периодов заселения и народовластия [5, P. 80-81]. Насколько же правомерно применение исландской модели для реконструкции гренландской потестарной системы?

Данную проблему закономерно рассмотреть на примере становления такого института, как народное собрание — тинг (þingi). Известно о двух местностях в Гренландии, принимавших тинг. На основании их географической близости был сделан вывод о том, что эта ситуация отражает борьбу хевдингов за сферы влияния [6, P. 188]. Однако письменные источники позволяют значительно прояснить ситуацию.

По-видимому, именно Эйрик Рыжий выступил организатором системы управления, т. к. место первого гренландского тинга располагалось, согласно археологическим данным, на землях его хутора Браттахлид (Brattahlíð), что свидетельствует об исключительном положении Эйрика в делах управления. Можно утверждать и то, что тинг в Браттахлиде был общегренландским: кооперация жителей обоих поселений (Западного и Восточного) для решения насущных проблем в то время известна по «Саге о людях с Потока» (Flóamanna saga) [7, P. 659]. Следовательно, Браттахлид был центром управления Гренландией, а Эйрик Рыжий — «гегемоном» среди хевдингов: «его очень уважали, и все ему подчинялись», как сообщается в саге [8].

Тинг в Гардаре, что располагался в соседнем с Браттахлидом фьорде, известен по письменным источникам примерно с 1025 г. Благодаря сагам, известно, что начиная с 1010 г. владельцам Гардара угрожала серьезная опасность [8], и более Гардар не упоминается как чье-либо частное владение. Видится, что произошел перенос тинга, и поводом к тому стало изменение статуса Гардара — земли этого хутора стали общественной собственностью в промежутке между 1010 и 1025 гг. По сути, был применен «исландский механизм»: перенос тинга на общественную землю в Исландии описывает «Книга о заселении страны» (Landnámabók). Таким образом, тинг был выведен из-под власти потомков Эйрика Рыжего и стал *de jure* независимым институтом. Следовательно, тинги в Браттахлиде и Гардаре имеют различную природу, а наличие двух мест, принимавших тинг, отражает стремление хевдингов создать полицентризм власти, преодолев исключительность одного влиятельного рода.

Но и перенос тинга не смог переломить тенденцию утверждения гегемонии хевдингов. Действительно, первые сведения о тинге в Гардаре связаны с ростом могущества хевдинга не из рода Эйрика — Торгрима Тролля из рода Эйнара, который назван в саге «вторым по могуществу хевдингом во всей Гренландии» [9]. Торкель сын Лейва, внук Эйрика и современник Торгрима, уже не столь яркая личность, как отец и дед, однако «первый» хевдинг, очевидно, все же он. Гардар располагался во Фьорде Эйнара. Именно там заправлял Торgrim, что позволя-

ет предположить, что инициатива переноса принадлежала именно ему (или его отцу, учитывая неопределенность хронологии). В любом случае, связь между положением хевдинга и расположением тинга напрашивается сама собой. Но приезжий исландец по мотивам мести убил Торгрима и четырех из пяти племянников, и надо полагать, что род Эйнара потерял силу. Век спустя обитатели Браттахлида «на голову были выше и опережали во всем своих сограждан» [10].

Столь длительная преемственность «верховой» власти наталкивает на мысль о наследственности ее природы. По-видимому, Эйрик и его потомки не были законоговорителями, как утверждалось ранее, и не занимали какой-либо выборной должности [2, С. 82; 4, P. 264]. При сопоставлении Исландии и Гренландии необходимо помнить о разнице в масштабах поселений: размеры освоенных территорий и численность населения в Исландии были на порядок больше. По масштабу социальной сети Гренландия сопоставима с одним из исландских судебных округов, организованных вокруг местного тинга. В Гренландии было значительно меньше родов первопоселенцев, претендовавших на власть, что делало возможным выделение гегемона и ненужным наличие легретты (собрания предводителей) и должности законоговорителя; об их существовании в данный период в Гренландии нет сведений. В самой Исландии эти институты представлены лишь на уровне Альтинга (Alþingi), но не на местном уровне. Таким образом, собственно исландские институты (законоговоритель, легретта, система административного деления страны на четверти и годорды) в Гренландии, по-видимому, не получили развития. Поэтому местная система управления является самостоятельной, созданной на основе общескандинавской политической традиции в соответствии с локальными условиями. Властная ситуация в Гренландии с самого начала не была полицентричной. Традиции гегемонии, моноцентризма прослеживаются на протяжении всей ее истории, и единственная известная попытка использования исландского механизма для изменения местной конъюнктуры не привела к качественным сдвигам в природе и субъекте власти. А создание (по инициативе хевдингов Браттахлида) единой, общегренландской и крупнейшей в Северной Атлантике епархии — закономерное следствие ситуации, сложившейся в предшествующий период.

Литература:

- 1) Стриннгольм А. *Походы викингов*. М.: АСТ, 2003.
- 2) Джонс Г. *Норманны. Покорители Северной Атлантики*. М.: Центрполиграф, 2010.
- 3) Gad F. *The History of Greenland*. London: C. Hurst, 1970. Vol. I. — 350 p.
- 4) McGovern Th. H. *Cows, Harp Seals, and Churchbells: Adaptation and Extinction in Norse Greenland // Human Ecology*. 1980. Vol. 8. N 3. P. 245-275.
- 5) McGovern Th. H. *Climate, Correlation, and Causation in Norse Greenland // Arctic Anthropology*. 1992. Vol. 28. N 2. P. 77-100.
- 6) Sanmark A. *The Case of the Greenlandic Assembly Sites // Journal of the North Atlantic*. 2010. Vol. 2. P. 178–192.

7) *Origines Islandicae*. Oxford: Clarendon Press Oxford, 1905. Vol. 2. — 811 p.

8) *Saga о гренландцах*. // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://norse.ulver.com/src/isl/groenlendinga/ru.html>. (дата последнего обращения: 29.10.2012).

9) *Saga о названных братьях*. // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://norse.ulver.com/src/isl/fostb/ru.html>. (дата последнего обращения: 29.10.2012).

10) *Прядь о гренландцах*. // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://norse.ulver.com/src/isl/groenth/ru.html>. (дата последнего обращения: 29.10.2012).

УДК: 94(47).021

П.А. Атанов (г. Сосновый Бор)

Был ли Рюриком Рёрик Ютландский?

Эпоха викингов насыщена яркими и известными событиями, однако деятельность отдельных личностей этого периода имеет нераскрытые аспекты. К их числу принадлежит датский конунг Рёрик Ютландский. Одной из проблем, связанных с его биографией, является вопрос о том, не был ли он известным по летописям Рюриком.

Дядя Рёрика — датский конунг Харальд в 826 г. крестился вместе с женой, сыном и племянником Рёриком во Франкской империи в присутствии самого императора Людовика Благочестивого [1, С. 158]. После этого он в обмен получил от Людовика часть земель в восточной Фрисландии. Владения Харальда унаследовал Рёрик [2, С. 253]. При новом императоре Лотаре Рёрика обвинили в измене и посадили под стражу. Затем он бежал и присягнул Людовику Немецкому [3, Р. 39]. При этом Рёрик потерял владения во Фрисландии [1, С. 159].

А.А. Хлезов, ведя речь о последующей деятельности Рёрика, говорит о походах и попытках вернуть себе утерянный лен [4, С. 27]. В 850 г. ему это удалось. Им был взят Дорестад [2, С. 147], после чего Лотарь вернул Рёрику земли во Фрисландии [3, Р. 39]. Однако после смерти датского владетеля Хорика I в 854 г. начались усобицы между его родственниками. Этим воспользовался Лотарь, который разделил Фризию между своими сыновьями и, по вероятному предположению Е. В. Пчелова, оставил Рёрика и его двоюродного брата без уделов [1, С. 159]. Однако некоторое время спустя Рёрик приобрёл новые земли. Он, как сообщают Фульдские анналы, по соглашению с королём данов Хориком (Хориком II) взял во владение часть земли, находящейся между Северным морем и рекой Эгидора (Эйдер) [3, Р. 47].

По А.Н. Кирпичникову, И.В. Дубову, Г.С. Лебедеву, Рёрик контролировал выход к Северному морю для Хедебю, который был крупнейшим центром скандинаво-славянской торговли на Балтике [5, С. 193]. В силу данного обстоятельства Рёрик, скорее всего, был хорошо осведомлён и о привлекательных сторонах восточноевропейской экономики, и об этносоциумах, создавших и поддерживав-

ших эти привлекательные стороны. В свою очередь, вожди восточнославянских и финно-угорских союзов племён имели представление и о Хедебю, и о Рёрике Ютландском. Эта взаимная известность могла в дальнейшем стать причиной прибытия Рёрика на север Восточной Европы.

Рюрик и Рёрик могут быть одним лицом и потому, что Рёрик был врагом шведских викингов [5, С. 193], нападавших на восточноевропейские земли, народы которых нуждались в союзниках, умевших воевать против этих викингов. Есть косвенное свидетельство тому, что Рёрик связал свою деятельность с севером Восточной Европы. А.А. Хлезов отмечает, что в 858–862 гг. Рёрик исчезает из поля зрения хронистов [4, С. 27].

Если вести речь о времени прихода Рюрика (Рёрика) на восточноевропейский север, то, принимая во внимание, отмеченное А.А. Хлезовым время отсутствия в хрониках сведений о Рёрике, целесообразно согласиться с мнением исследователя, указавшего на совпадение этих дат с летописью и дендрохронологией Ладоги, свидетельствующей о пожаре между 859 и 865 гг. Учёный подчёркивает, что это совпадение — чрезвычайно убедительный аргумент в пользу прихода в Ладогу именно этого викинга [4, С. 27]. Не позднее начала 862 г., по А.А. Хлезову, Рёрик возвращается в Дорестад [4, С. 27]. Но в 864 г. Дорестад погиб от наводнения [6, С. 131]. Тогда, скорее всего, Рёрик покинул эти места, так как богатый торговый город, которым он всегда хотел владеть, перестал существовать. Он вернулся в Ладогу, которая тоже принадлежала ему. А.А. Хлезов верно отмечает, что Ладога была вряд ли менее хлебным местом, чем Дорестад [4, С. 28]. В свою очередь, из Ладоги он двинулся в Новгород (Рюриково городище) и установил здесь свою власть [7, стб. 14].

Ильменские словене, в отличие от ладожских, к Рюрику не обращались. Поэтому, надо полагать, что в верховьях Волхова он утвердился насильственным путем. На наш взгляд, были неизбежны враждебные отношения между Рюриком и новгородцами. Это могло приводить к тому, что он покидал Новгород и возвращался в Европу. Причём, Рёрик был на Западе не только в 867 г., но и в 870, 872 гг. [4, С. 28].

Какую роль сыграл Рюрик в истории восточноевропейского Северо-Запада? Датские варяги, которых он с собой привёл, очевидно, стали сдерживающим фактором для других викингов. Скандинавы, как подчеркивает А. Н. Кирпичников, до конца X в. не нападали на область Ладоги и Новгорода [8, С. 87].

Могло ли вышесказанное иметь место, даже если предположить, что Рёрик Ютландский не был летописным Рюриком? Здесь представляется ценным взгляд Е.В. Пчелова на личность Рёрика. Учёный характеризует Рёрика, как чрезвычайно активную личность, типичного викинга, участвующего во всевозможных военных авантюрах, часто меняющего лены. Исследователь подчеркивает, что с Рёриком считаются и императоры Франкского государства, и многочисленные родственники, и правители Дании. Вполне допустимо, что Рёрик мог оказаться и на Руси [1, С. 160]. Именно такой опытный предводитель был способен защитить восточных славян и финно-угров от набегов шведских варягов.

Наконец, можно привести ещё один красноречивый аргумент в пользу того, что Рюрик и Рёрик Ютландский — одно лицо. Е.В. Пчелов обращает особое внимание на то, что около 882 г. владения Рюрика во Фризии окончательно переходят к его родичам. Автор правомерно предполагает здесь связь с киевским походом Олега, преемника Рюрика, и временным исключением Новгорода из сферы великокняжеского влияния [1, С. 160].

Таким образом, приведённые здесь доводы в пользу мнения о тождестве двух конунгов, говорят о том, что Рёрик Ютландский, скорее всего, и был известным по летописям Рюриком.

Литература:

1) Пчелов Е.В. Происхождение династии Рюриковичей // Труды Историко-архивного института. М.: РГГУ, 2000. Т. 34. С. 139–183.

2) Ксантенские анналы // Историки эпохи Каролингов / Под ред. А.И. Сидорова. М.: РОССПЭН, 1999. С. 250–257.

3) *Annales Fuldenses sive Annales Regni Francorum Orientalis. Hannoverae: Broschert, 1891.*

4) Хлевов А.А. Ещё раз о Рюрике // История и культура средних веков: актуальные проблемы. Тезисы докладов XXI межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2001 г. / Отв. ред. Г.Е. Лебедева. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2002. С. 27–28.

5) Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Прогресс, 1986. С. 188–298.

6) Гуревич А.Я. Походы викингов // Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 81–186.

7) Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей / 2-е изд. М.: Яз. славян. культуры : Кошелев, 2001.

8) Кирпичников А.Н., Сарабянов В.Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб.: Славия, 1996.

УДК: 94 (48).022 «1160/1176»

А.А. Лапшина (РГГУ)

Dýrlig kóróna, corona martirii, diadema regni:

концепт «корона» в норвежских текстах второй половины XII в.

Одной из проблем развития потестарных институтов средневековой Норвегии является превращение варварского конунга в христианского короля – процесс, развивавшийся с начала XI столетия и закончившийся в целом лишь к середине XIII в. Важным вопросом становится механизм легитимации власти короля в символическом поле, где особое место начинает занимать концепт короны.

В 1163 или 1164 г. над малолетним королем Магнусом Эрлингссоном был проведен обряд церковной коронации (впервые в Норвегии), совершенный архиепископом Нидаросским Эйстейном Эрлендссоном, поддерживавшим партию лендрманнов, которую возглавлял отец нового короля ярл Эрлинг Кривой. Магнус Эрлингссон, сын Кристин, дочери Сигурда Крестоносца, не был сыном конунга, что в традиционном понимании лишало его прав на королевский сан. Переосмысление и переоценка роли короля в системе властных институтов были продиктованы долгим отсутствием в годы гражданских войн сильного правителя, который мог бы обеспечить правопорядок внутри страны и защитить ее от нападений извне, а также развитием дискуссии о роли светской и духовной власти и об источнике права внутри самого Норвежского королевства. На практике были выработаны такие механизмы легитимации власти, которые скомбинировали элементы нескольких потестарных символических систем как традиционных, так и новых для того времени.

Во-первых, в 1163 г. с принятием нового «Закона о престолонаследии» Норвегия стала наследственной монархией [1, С. 3-4]. Во-вторых, формирование нового образа короля не обошлось без поддержки и влияния церкви: развитие культа Олава Харальдссона, чему активно способствовал архиепископ Эйстейн, привело к превращению первого коронованного монарха, Магнуса Эрлингссона, а, следовательно, и всех его преемников, в вассала святого короля [2, Р. 5, 9].

Именно в связи с этим в источниках второй половины XII в. учащается употребление понятия «корона». Особого внимания заслуживают грамота о привилегиях (*Privilegiebrev*) Магнуса Эрлингссона (датируется 1163–1176 гг.), составленная по инициативе архиепископа Эйстейна, первая редакция «Закона о престолонаследии» 1163 г., «Древнеисландская книга проповедей» (*«Íslensk Hómiliubók»*) и «Древненорвежская книга проповедей» (*«Gamal Norsk Homiliebók»*), а также «Страсти и чудеса Святого Олава» (*«Passio et Miracula Sancti Olavi»*), также принадлежащие перу нидаросского прелата.

В той части «Древненорвежской книги проповедей», которая представляет собой перевод труда Алкуина «О пороках и добродетелях» (*«De virtutibus et vitiis»*), переводчик всегда использует понятие «*dýrð*» (слава) для перевода слова «*corona*»: например, «*accipiet coronam vitæ*»=«*hann man taka dýrð*» (он получит славу), «*coronam merebitur sempiternam*»=«*æignasc æilifa dýrð annars hæims*» (получает вечную славу в другом мире), «*coronaret*»=«*hann dyrki*» (он славит, почитает) [3, С. 14, 29]. Сделанный выбор показывает, что рассматриваемый концепт обладал как библейским значением, так и коннотациями, традиционными для норвежской потестарной культуры. Примечательно, что понятие «*dýrð*» относится в том числе и к области сакрального, зачастую употребляясь именно в отношении Божьей славы («Сага о фарерцах») и славы мученичества и воскресения Спасителя («Сага о Сигурде Крестоносце» и «Сага об Олаве сыне Трюгви»).

Сугубо христианское употребление понятия венца или короны встречается в «Древнеисландской книге проповедей», где словом «*kóróna*» называется терновый венец Спасителя («*coróna ór þyrnom*») [4, С. 173], а также в «Саге о Магнусе

**«История о древних норвежских королях» Теодорика Монаха
как памятник общественной мысли раннесредневековой Норвегии**

Святом» [5, p. 268]. В «Чтении на день святого Олава» («*In die sancti Olavi Regis et martiris*») из «Древненорвежской книги проповедей», которое считают принадлежащим перу архиепископа Эйстейна, Бог, явившийся Олаву Харальдссону во сне накануне битвы при Стикластадире, обещает ему за труды и заботы «*dyrlega coronu, lif endlast, fagnað oc gleði himnesca*» (драгоценную корону, вечную жизнь, небесное блаженство) [3, S. 149]. В «Страстях и чудесах Святого Олава», также составленных Эйстейном, «*corona*» – это «*corona martirii*» [6, P. 73].

В то же время в «Страстях» видно противопоставление двух понятий «*corona martirii*» и «*regni diadema*». При этом первое относится к описанному выше христианскому значению, а второе означает земное правление («*...nec solum temporalis regni diadema pro christo paratus erat deponere, set eciam per coronam martirii ad perhennium gloriam gaudiorum pertingere desiderabat*») [6, P. 69]. Профанное употребление «*diadema regni*» встречается и в грамоте о привилегиях – «*diadema*» правда получена из рук Божьих [1, S. 442].

В «Законе о престолонаследии» слово «*korona*» для обозначения предмета принадлежащего конунгу («*korona konongs*»). Однако корону умершего конунга следует отнести святому Олаву, «для славы Олава и Господа» (*guði til dyrðar oc hinum helga Olave kononge*). Там же упоминается Магнус Эрлингссон как основоположник этого обычая и как «*hin fysti koronaðr konongr i Norege*» (первый коронованный король в Норвегии) [1, S. 4].

Таким образом, видно постепенное складывание и оформление концепта короны в норвежской потестарной культуре. Можно выделить два основных контекста его употребления: корона как мученический венец и как идея верховной светской власти, которые в латинских текстах обозначаются разными словами – «*corona*» и «*diadema*». При этом второе значение появляется только в текстах, связанных с коронацией Магнуса Эрлингссона или в его указах. Большинство текстов исходят от архиепископа Эйстейна. В некоторых из них венец святости и корона Норвегии сближаются посредством святого Олава и через понимание королевской власти как данной «*Dei gratia*» (формула, начавшая употребляться в Норвегии именно в указах Магнуса Эрлингссона).

Литература:

- 1) *Norges gamle Love indtill 1387 / Utg. R. Keyser. Christiania: [s.n.], 1846. Bd. 1.*
- 2) *Wanner K. J. At smyrja konung til veldis: Royal Legitimation in Snorri Sturluson's Magnúss saga Erlingssonar // Saga-Book Viking Society. 2006. N 30. P. 5-38.*
- 3) *Gammel Norsk Homiliebog. Codex Arn. Magn. 619. QV / Udg. G. R. Unger. Christiania: [s.n.], 1864.*
- 4) *Íslensk hómiliubók / Útg. Th. Wisén. Lund: [s.n.], 1862.*
- 5) *Orkneyinga saga, and Magnus saga, with Appendices, Icelandic Sagas and Other Historical Documents Relating to the Settlements and Descents of the Northmen on the British Isles 1, Rerum Britannicarum medii ævi scriptores / Ed. G. Vigfússon. London: Eyre and Spottiswoode, 1887.*
- 6) *Passio et Miracula Beati Olavi / Ed. by F. Metcalfe. Oxford: Clarendon Press, 1881.*

Тайно или явно на протяжении всей «Истории о древних норвежских королях», составленной в 70-80-е гг. XII в. одним из ранних норвежских интеллектуалов, известным как Теодорик Монах, звучит мотив неприятия такого явления, как гражданская война. Именно такой характер приняла серия внутренних противостояний в Норвегии в период 1130–1240 гг., самые острые из которых разворачивались непосредственно вокруг автора «Истории». Теодорик приводит отрицательные примеры, демонстрирующие сходные явления в далеком прошлом, где он обращается к событиям библейской, античной и европейской раннесредневековой истории [1, S. 51-54].

Одной причин, лежащих в основе современных ему общественно-политических столкновений, Теодорик видит глубоко укорененную проблему борьбы между светской и духовной властью. Отношения между носителями светского и духовного меча вступили во второй половине XII столетия в новую фазу, как повсеместно в Европе, так и в самой Норвегии. У Теодорика фраза о двух мечах также появляется на страницах его «Истории» и вложена в уста папы, спасенного вмешательством того же Карла Великого в конфликт понтифика с лангобардами [1, S. 46-48]. Реакцией уже на современные события, произошедшие на Безансонском сейме 1157 г., стала грамота, отправленная в Рим и содержащая коронационную клятву Магнуса Эрлингссона, в которой новый король, в частности, выражал верность и послушание святой римской церкви и собственнo папе Александру III, а также всем его преемникам [2, S. 62, 64]. Данный документ появился при непосредственном участии архиепископа Эйстейна (ему посвящена «История» Теодорика), впоследствии ставшего ярым противником Сверрира.

Путем скрытой аллюзии в образе Юлиана Отступника Теодориком проведена параллель между императором-язычником и Сверриром. Оба этих правителя носили когда-то духовный сан и оба изменили своему первоначальному служению [4, S. 80-81]. Параллели отдельным оскорблениям, которые звучат в адрес Сверрира, прослеживаются в знаменитом сочинении блаженного Августина «О граде божием». Когда Августин говорит о том, что отошедший от истинной веры правитель-вероотступник более не принадлежит богу, то ему на ум сразу же приходит пример того же Юлиана Отступника [5, S. 188–191]. Подобно Юлиану, который выкрикнул в адрес Христа слова — «Ты победил, Галилеянин», Сверрир также раздражается глумливой речью [4, С. 43].

Теодорик питает явный пиетет к королевской власти, законности, что приводит его в стан ярла Эрлинга Кривого и его сына, короля Магнуса. Скрытым образом Теодорик выражает симпатию последнему, высказывая необходимость при-

держиваться законов престолонаследия, диктующих приоритет кровного родства и признание законным церковного брака. В этой связи Теодорик обращается к ситуации, связанной с признанием прав на корону Дании Свена Эстридсена, который был признан законным наследником только потому, что он был сыном сестры Кнута Могучего. Тем самым, Магнус Эрлингссон, доведившийся родным внуком Сигурду Крестоносцу по материнской линии, представляется более законным претендентом на престол. Сверрир же в этом отношении обладал происхождением самым неподходящим. Даже если он и был сыном короля Сигурда Рта, то был рожден наложницей, как, впрочем, и все его ближайшие предки – сам Сигурд Рот, Харальд Гилли, Магнус Голоногий. Не говоря уже о том, что их принадлежность к королевскому роду на основе тех критериев, которые к законному браку предъявляла церковь, была более чем сомнительной.

То, что Теодорик принадлежит к партии ярла Эрлинга Кривого и короля Магнуса подтверждается и тем, как автор «Истории» описывает обстоятельства заключения мирного договора между Магнусом Добрым и Харальдом Суровым Правителем. Мысль о том, что «любая страна, будучи разделенной, без всякого сомнения, должна подвергнуться разорению», вложена Теодориком в уста скандинавских магнатов [1, S. 45-46]. Тем самым, можно говорить о том, что позиция лендрманнов, предводимых ярлом Эрлингом Кривым, сумевшим в 1161–1163 гг. даровать Норвегии долгожданное замирение, кажется Теодорику наиболее разумной. Сходная мысль проводится Теодориком, когда он описывает обстоятельства заключения мирного договора между Хардакнудом и тем же Магнусом Добрым. Соглашение в виду малолетства королей было выработано опять-таки усилиями могущественных представителей датской и норвежской элиты [1, S. 54-55].

В своей работе Теодорик дает понять, что его долгом является обратить внимание на проблему внутреннего единства страны и необходимости прочного мира. Их следует добиваться любыми достойными методами, чтобы избежать главной опасности – гражданской войны, всюю полыхавшей в годы создания Теодориком своей «Истории». Отсюда такое пристрастие к Лукану, в «Фарсалии» которого Теодорик находит многочисленные красочные примеры и параллели тому, что происходит в Норвегии.

Но в «Истории» Теодорика как реакция на текущие события деликатно и настойчиво, в противовес берестяникам и посошникам звучит тема «третьего пути». Она обнаруживается также и в «Саге о Сверрире», и в «Круге Земном», когда на их страницах мельком проглядывает реакция местных обществ на происходящие события и политику, проводимую противоостоящими друг другу коалициями. Для самого автора «Истории» своеобразным прообразом положительной программы является правление Олава Тихого, когда в стране на протяжении тридцати лет не было внутренних конфликтов и войн. Это именно то, чего так не хватало в дни самого Теодорика. В главах, посвященных Олаву Святому, этот король предстает в образе идеального правителя, обустроивающего церковь, возводящего храмы, наделяющего их доходами, составляющего на родном языке

законы, исполненные справедливости и умеренности. Все это – также необходимые составляющие положительной программы общественного развития. В том, как Теодорик описывает деятельность Олава Святого, находятся параллели тому, что происходило при Магнусе Эрлингссоне, а именно: прочный союз церкви и королевской власти, внутренний мир в стране, кодификация областных законов, которые были призваны воспринять дух законов святого короля Олава и даже отождествлялись с ними. Все акции, предпринимаемые в этот короткий промежуток времени, с точки зрения Теодорика, были направлены на то, чтобы избежать главного несчастья, которого также боялся Олав Святой – гражданской войны.

Литература:

- 1) *Theodoricus Monachus. Historia de antiquitate regum Norwagiensium // Monumenta Historica Norvegiae: Latinske kildeskriver til Norges historie i middelalderen / Utg. G. Storm. Kristiania [s. n.], 1880.*
- 2) *Latinske dokument til norsk historie fram til år 1204 / Utg. E. Vandvik. Oslo: Norske samlaget, 1959.*
- 3) *Johnsen A.O. Om Theodoricus og hans Historia de antiquitate regum Norwagiensium. Oslo: I Kommissjon Hos Jacob Dybwad, 1939 (Avhandlingar utg. av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. II. Historisk-Filosofiske Klasse).*
- 4) *Saga o Sveppure. M.: Наука, 1988.*
- 5) *Paasche F. Kong Sverre. Oslo [s. n.], 1920.*

УДК: 94 (481)“02” 7.033(4)

Н.Н. Курина (СПбГУ)

Искусство Норвегии в контексте глобализации средневековой культуры

Черты сложения глобальной экономики и культуры можно отметить уже в Древнем мире, а Европа сталкивается с этими процессами к XII в. Сложные политические и экономические связи средневековья явились результатом формирования уникальной культуры, которая, сохранив ряд национальных особенностей различных стран, позволяет говорить о средневековом мире как о некоей общности.

Процесс глобализации в средневековье нагляднее всего рассматривать на примере стран, всегда являвшихся активными участниками исторической арены того времени: Германии, Франции, Италии, Англии, Испании и т.д. Однако существует ряд государств, история и культура которых традиционно выделяется в отдельный блок – это страны Скандинавии и, в частности, Норвегия. Как правило, норвежское королевство, расположенное на периферии Европы, принято считать политическим, экономическим и культурным аутсайдером, однако, не стоит забывать, что с IX по XIII вв. из Норвегии исходили мощные импульсы, во многом определяющие жизнь государств от Англии до Византийской империи.

В эпоху викингов Норвегия оказала существенное влияние на европейскую историю. Казалось, этого достаточно, чтобы говорить о ее ведущей роли в процессе формирования единой политической и экономической карты средневекового мира, но данный импульс постепенно нивелировался, а сама Норвегия оказалась в числе стран, испытавших внешнее влияние. Этот процесс отразился на развитии ее искусства. Сохраняя определенный экономический и политический уклад, характерный для скандинавских стран, Норвегия была вовлечена в общее развитие романского стиля в Европе, хотя, безусловно, не являлась художественным центром Европы. Несмотря на это, норвежское искусство должно рассматриваться в самом широком контексте, что позволяет включать эту страну глобальную картину культуры европейского мира средневековья.

В контексте культурной глобализации XI–XII вв. приходится говорить, прежде всего, о романском стиле, но было бы неправильно полагать, что традиции скандинавского искусства не нашли себе место в Европе. На территории Северной Европы переход от искусства викингов к романскому позволяет проследить большое количество промежуточных памятников этого периода [1, Р. 97]. Такими, например, являются деревянные резные порталы первых церквей Норвегии (Боргунда и Ульвика, первая четверть XII в.), где скандинавские элементы были в значительной мере подвергнуты влиянию романского искусства, но остались легко узнаваемыми. Подобных произведений довольно много и располагаются они в основном на территории Англии, Швеции, Дании, Исландии.

Исследование сфер влияния скандинавского искусства редко выходит за пределы стран Европы. Однако для полноты картины представляется важным обратиться и к древнерусскому искусству, в частности, к памятникам Древнего Новгорода, как к одному из центров, имевшему наиболее тесные связи со Скандинавией. Археологические находки Новгорода X–XII вв. представляют ряд предметов, свидетельствующих о присутствии элементов искусства эпохи викингов в декоративном искусстве Древней Руси. В основном это разнообразная кухонная утварь, орнамент которой имеет прямые аналогии со скандинавским, фрагменты резной мебели или декора домов [2, С. 10–14]. Одним из самых ярких примеров существования «переходного стиля» и, следовательно, доказательством сближения двух художественных традиций являются «колонны Дубовой Софии» (40–80е гг. XI в.), давшие исследователям обширное поле для архитектурных реконструкций.

Важной вехой в жизни Норвегии является принятие христианства, которое, не смотря на сильное сопротивление языческой традиции, постепенно укрепляется. К этому моменту Норвегия перестает играть активную роль на мировой исторической арене, но, даже являясь европейской периферией, ее нельзя исключать из общей глобальной картины, которая складывается к XII в. Романский стиль, позволяющий объединять искусство различных стран, появился в Норвегии с началом строительства каменных соборов. Первым из них был собор в Трондхейме, построенный во второй четверти XII в. В результате стилистического анализа фрагментов скульптуры, становится ясно, что строительство собора напрямую проходило под воздействием английского искусства. Сравнительный

анализ норвежской и английской монументальной скульптуры позволяет понять не только тесные художественные связи между этими странами, но и увидеть пути решения различных задач в области переосмысления орнаментальных мотивов каменной скульптуры в дереве. Англия способствовала развитию норвежской резьбы, но было бы неправильно ограничить свои поиски только в этом регионе Европы [3, Р. 80–82].

Влияние Италии (Ломбардии) нашло весьма опосредованный отклик в искусстве средневековой Норвегии. К концу XI в. в Европу проникло влияние ломбардской архитектуры, заключающееся, прежде всего, в скульптурном убранстве храмов, а именно, в решении порталов, что сыграло решающую роль в появлении их самого распространенного типа «Согн-Валдрес». Ведущую роль в этом процессе сыграли каменные соборы, расположенные не только на территории Норвегии [4, Р. 29]. В Скандинавии каменные соборы являлись основными проводниками романского стиля, благодаря которым, он смог проникнуть в самые удаленные уголки страны. Складывающаяся перед нами картина позволяет говорить о едином художественном пространстве средневекового мира, что подтверждает мысли о тесных взаимосвязях искусства и поиска черт, имеющих общее происхождение. Проявляющиеся на уровне деталей, орнамента или конструкции порталов, они дают возможность объединить различные памятники в едином контексте. Это дает возможность понять, насколько сильны были художественные связи разных стран во время средневековья, выразившиеся не путем прямых заимствований, а на уровне общих конструктивных и декоративных идей.

Литература:

- 1) Fuglesang S.H. *Stylistic groups in late Viking and early Romanesque art // Acta ad Archaeologiam Et Artium historiam pertinentia. Rome: Giorgio Bretschneider, 1981. Vol. I. P. 79–125.*
- 2) Колчин Б. А. *Новгородское резное дерево. М.: Наука, 1971.*
- 3) Hohler B. E. *Norwegian stave church sculpture. Oslo: Scandinavian University Press, 1999. Vol. I.*
- 4) Zarneski G. *The early sculptural of Ely cathedral. London: Tiranti, 1958.*

УДК 94(48).022 +94(47).027+ 930.272

Д.В. Верховцев (СПбГУ)

Первое упоминания племени ижора в шведских хрониках

В поисках наиболее ранних упоминаний в западных письменных источниках племени ижора мы должны, прежде всего, обратиться к источникам скандинавским, ведь именно они в VIII в. селились в расположенной в низовьях Волхова Ладогге [1, С. 47], а кратчайший водный путь туда лежал через Неву, бассейн которой в более позднее время связывался с Ижорской землей. В дальнейшем упоминания этих земель неоднократно встречается в рунических надписях,

скальдических стихах и сагах [2, С. 26–28], что не оставляет сомнений в частом посещении ими скандинавами. Остается лишь выяснить, когда этноним «ижора» впервые фиксируется в письменном памятнике.

1187–1188 гг. датируется разрушение Сигтуны язычниками, прибывшими с восточного побережья Балтийского моря. Наиболее полный рассказ об этом событии содержится в Хронике Эрика, составленной в 1320-х гг. на основе письменных и устных преданий [3, С. 174]. И. П. Шаскольский пришел к выводу, что, несмотря на мнение некоторых западных историков об участии в походе не только карел, но и русских, ингров, куршей, эстов, однако эти заявления, в основном, не имеют источниковой базы [4]. Шведский историк А. Шюкк, отвечая на статью И.П. Шаскольского «Сигтунский поход 1187 г.» [5] и критикуя отдельные утверждения советского историка, в частности, обращает внимание на то, что иные известия о сожжении Сигтуны, помимо хроники Эрика, не уточняют, кто был участником набега, говоря лишь о «язычниках» [6, Р. 219].

Однако, помимо самого описания разрушения Сигтуны, один упомянутый персонаж хроники — ярл Йон — вызывает особенный интерес, т.к. о нем приводятся следующие сведения: «тот, что последние девять лет, дом свой не видя, в латы одет, с русскими и ижорой (*rytza ok ingerboo*) сражался [7, Р. 17]. Он также «веру христову» старался «сберечь» [2, ст. 490]. Если Йон, действительно, был современником разрушения шведской столицы, то эти сведения можно считать одним из древнейших известий об ижоре как отдельно идентифицируемом народе, однако подтверждение личности ярла по иным источникам встречает определенные проблемы. Историографический обзор, проведенный И.П. Шаскольским, свидетельствует, что среди западных историков бытовало как мнение об отсутствии исторического прототипа Йона в источниках, так и мнение, что сведениям Хроники Эрика соответствуют два исторических деятеля, живших в середине XII в. и в начале XIII вв. А. Стаде предполагал, что рассказ хронике повествует о первом Йоне, а значит его гибель и связанные с ней события произошли в 1140–1150-х гг. [4, прим. 34]. А. Шюкк считал более подходящей кандидатурой герцога финляндского Йона, погибшего в 1206 г., что соответствует его хроникальной роли как защитника шведов от русских и ижор [5, Р. 219], однако, чуть позже связь этой даты с гибелью ярла была опровергнута другим шведским исследователем [4]. И.П. Шаскольский, наряду с другими версиями, предположил также, что часть Хроники о Йоне ярле — ни что иное, как запись устного топонимического предания, что и вовсе лишает эту личность историчности [4, прим. 34].

Очевидно, что при отсутствии уверенности в историчности героя известия, необходимо сверить изложенные события с данными других источников. Так, запись 1142 г. Новгородской летописи сообщает, что шведы напали на три ладьи с новгородскими купцами [8, С. 26, 212], в 1164 г. тот же источник сообщает, что шведы приходили под Ладогу, и пожгли посад [8, С. 31, 218]. Эти известия подтверждают военную активность шведов в регионе Приневья. Подтвердить же, что во второй половине XII в., что племя ижора уже выходит на историческую арену позволяет посланием Папы Римского Александра III архиепископу

Уппсальскому Стефану, которое датируется по времени пребывания церковных иерархов в указанном сане 1164–1181 гг. Здесь Папа призывал обращать в католицизм языческие земли Корелу, Ижору, Лопь и Водскую землю (*Pagani Karelie, Ingrid, Lappie et Watlandie*) [9, С. 260; 10, Р. 257].

Таким образом, два разнородных источника подтверждают вероятность описанных в сообщении Хроники Эрика событий, а в комплексе эти известия можно считать достаточно достоверным свидетельством существования отдельной ижорской племенной общности, самое позднее, к концу XII в.

Литература:

- 1) *Киртичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. Вып. 1. С. 39–79.*
- 2) *Джаксон Т.Н. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славянской культуры, 2001.*
- 3) *Хроника Эрика / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М.: РГГУ, 1999.*
- 4) *Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://www.around-spb.ru/history/sigtuna/sigtuna.php#nazad76>. (дата последнего обращения: 19.04.2012).*
- 5) *Шаскольский И.П. Сигтунский поход 1187 г. // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 29. С. 135–163.*
- 6) *Schück A. Sigtunas förhärjning 1187 enligt Sovjet-ryska Vetenskapsakademien 1949. // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://www.ukforsk.se/ny/schu1187.htm>. (дата последнего обращения: 19.04.2012).*
- 7) *Gamla eller Erikskrönikan: Folkungarnes brödrastrider, med en kort öfversigt af närmast föregående tid. 1229-1319 / Red. G. E. Klemming. Stockholm: P.A. Norstedt & söner, kongl. boktryckare, 1865. Vol. 1.*
- 8) *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. Т. 3.*
- 9) *Кеппен П.И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1861.*
- 10) *Diplomatarium suecanum. Svenskt diplomatium / Utg. af J. G. Liljegren. Stockholm, 1829. B. I. Aren 817–1285.*

УДК 94(430).03
В.В. Муненко (СПбГУ)

Прошведская религиозная агитация в Германии на начальном этапе участия Швеции в Тридцатилетней войне

Активная религиозная пропаганда позволила Густаву II Адольфу и его армии предстать в глазах немецких протестантов благочестивыми и надежными союзниками. Сакральное узаконивание военного вмешательства в Немецкую войну

стало для шведов способом избежать обвинений в интервенции и заручиться поддержкой практически всех северогерманских сословий [1, S. 84]. Религиозная пропаганда была сосредоточена, в первую очередь, вокруг фигуры самого короля Густава и его решения вступить в войну. Обнаруженный нами в Королевской библиотеке Стокгольма плакат, озаглавленный «Молитва, которую король шведский произнес в апреле 1630 г. на о. Рига» [2] является характерным примером агитационных иллюстрированных материалов, демонстрирующих исполнение Густавом Адольфом религиозной миссии освобождения немецких протестантов из под католического ига.

Данный источник был создан в начале шведского участия в войне. Это дает представление о том, каким образом шведские пропагандисты стремились генерировать энтузиазм для шведской кампании в период, когда надежда на обретение духовной свободы в протестантском лагере сошла на нет после поражения Христиана IV [3, S. 90]. Плакат представляет Густава Адольфа христианским правителем глубоких религиозных убеждений. Изображение обращает все внимание зрителя на подчеркнутое благочестие короля. Анонимный автор представил монарха на коленях в молитве, обращенной к Богу. Этот символ смирения и благочестия направлен на противодействие создаваемому католическим лагерем образу иностранного захватчика в лице шведов, преследующих экспансионистские цели. Автор плаката изобразил Густава Адольфа военачальником, следующим по указанию Бога - немецким протестантам нечего бояться, ибо религиозный авторитет, которым обладает лидер войска, не позволит солдатам совершать акты неоправданной жестокости. Изображение армии Густава Адольфа, как его конгрегации верующих, вызывало восторг у аудитории, на которую данная пропаганда была направлена [4, S. 138].

В соответствии с легендой, по прибытии на материк во время высадки король споткнулся и упал с борта своего корабля. Этот потенциально неловкий инцидент был впоследствии использован пропагандистами, как преднамеренный акт, подчеркивающий силу королевской веры. Сорок шесть строк прозы под изображением короля подробно объясняют детали религиозной миссии шведской кампании. На первые тридцать одну строку переложены слова предполагаемой молитвы: «Господь, мой повелитель, ... тот, кто управляет ветрами и морями, на небесах и на земле, как я могу благодарить тебя за ту защиту, которую ты дал мне ... во время этого опасного путешествия? Я благодарю тебя от сердца... Ты тот, кто знает, что я предпринял эту экспедицию..., не для собственной славы, а для поддержки угнетенной церкви. Не переставай поддерживать нас ... в этом святом деле до тех пор, пока оно не разрешится». Затем описан эффект, произведенный на советников, находившихся в непосредственной близости от короля, и приведено его обращение к ним: «не плачьте, а лучше молитесь Богу от всего сердца. Часто пребывать в молитве значит бороться» – суммируется в пять строк; последние 10 строк описывают команды Густава Адольфа войскам после высадки. Молитва составляет большую часть текста плаката и призвана продемонстрировать зрителям, что король вступает в религиозную, а не мирскую кампанию.

Цель шведской кампании, пронизывающая все прошведские агитационные материалы, однозначна: спасение оскорбленной протестантской церкви и представление миссии короля как святого дела. Эта интерпретация связана с мотивом, следующим из целого ряда образцов пропаганды: король – эквивалент библейских персонажей, таких как Моисей, Иисус, Давид и др [5, S. 17]. Как эти герои, Густав Адольф изображен в образе пастуха, получившего задачу вести Божье стадо во времена великой опасности, привести его в безопасное место, но в то же время и уничтожить врагов. Упор на тесную связь между Богом в рассматриваемом нами источнике является частью стратегии легитимации: благочестивая аудитория была крайне внимательна к параллелям между библейской историей и людьми своего времени [6, S. 118].

В результате, изображение божественного подтверждения в «Молитве» толкает читателя к принятию шведской миссии. Давление также достигается через напоминание в тексте об угрозе протестантской церкви. Создание чувства общности – центральный мотив политической, религиозной и военной шведской пропаганды: шведский монарх не просто союзник, он – единомышленник. И достигается такое чувство в первую очередь посредством использования гуманистического этоса, имевшего в своей основе принцип религиозного единства. В этих рассуждениях мы видим эхо пропаганды Бетлена Габора и еще одно свидетельство сплоченной, продуманной кампании, когда речь заходит о представлении иностранных союзников. Как и в «Молитве», в некоторых чешских источниках подчеркивается опасность, с которой сталкивается протестантская церковь и утверждается, что Бетлен Габор был героем посланным защитить протестантскую веру от вымирания [1, S. 102].

В соответствии с изображением, молитва - это оружие, используемое христианами шведскими войсками. Пункт 7 «Шведского военного устава» [7] (кодекса поведения, правил которого обязан был придерживаться весь состав шведской армии) указывал на повышенную значимость ежедневного отправления культа в рядах шведского войска, за чем пристально следит сам король [8, P. 9].

Акцент на шведском благочестии короля и его войска был обращен к глубоким религиозным инстинктам протестантской аудитории XVII в., поощряя к добровольному принятию иностранной интервенции. Кроме того, изображение святых войск было предназначено вызвать благоговение перед вновь вступившей в войну силой и убедить аудиторию в необходимости ее поддержки. В результате, у читателей «Молитва» оставляла отчетливо положительное впечатление, наделяя их верой в прибытие истинной христианской армии в Империю.

Литература:

1) *Tschopp S. S. Argumentation mit Typologie in der protestantischen Publizistik des Dreissigjahrigen Krieges// Mittelalterliche Denk- und Schreibmodelle in der deutschen Literatur der fruhen Neuzeit. Amsterdam, 1993.*

2) *Das Gebett So Ihr Kon. May. in Schweden Anno 1630. im Monat Aprill in der Insel Riga ankommen da Er alß bald auff seine Knye niedergefallen mit auffgerekten*

Handen zu Gott in Himel gethan. Augsburg: Mannasser, 1630.// Kunglika biblioteket Sv. HP G.II A A.25

3) Böttcher D. *Die schwedische Propaganda im protestantischen Deutschland. 1628-1636. Jena, 1951.*

4) Oredsson S. *Gustav Adolf, Sverige och Trettioåriga kriget. Lund 1992.*

5) Zellhuber A. *Der gotische Weg in den deutschen Krieg: Gustav Adolf und der schwedische Gotizismus. Berlin, 1991.*

6) Forssberg A. M. *Att hålla folket på gott humör. Informationsspridning, krigspropaganda och mobilisering i Sverige 1655-1680. Stockholm, 2005.*

7) *Schwedisches Kriegs-Recht oder Articuls-Brieff deß Durchleuchtigsten Großmächtigsten Fürstens und Herrns Herrns Gustaff Adolffs der Reiche Schweden Gothen und Wenden Königs ... angeheffter General: vnnd Obergerichts-Ordnung vnd deß General Auditors, wie auch General-Gewaltigers uß Ampt und Bestallungs Punkten. Auß Befelch deß Woledlen Gestrengen Herrn Bernhard Schaffelitzkhi von Mukkendell uß Rittern vnd Obristen zu Roß und Fuß Gedruckt zu Heylbrunn im 1632 Jahr // Linköpings stadsbibliotek ex.: 63425C*

8) *Damit auch eine wahre Gottesfurcht in der Kriegs-Leute Herzen einwurzeln möge So wollen vnnd verordnen Wir hiermit daß von allem Kriegsvolck taglich deß Gottesdienstes mit Singen vnd Betten Morgends vnd Abends im Lager abgewartet // Schwedisches Kriegs-Recht*

НА ГРАНИЦЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ МИР

УДК 94 (37).09

Е.А. Мехмадиев (СПбГУ)

Комит Северной Африки Гильдон и военная экспедиция 388 г.: к вопросу об истории войскового подразделения *Constantiaci*

В VII главе западного списка *Notitia Dignitatum* в секции, посвященной полевым войскам Проконсульской Африки, упоминается войсковое подразделение *Constantiaci*, обладающее рангом *legio comitatenses* (ND. Occ. VII. 150). О первоначальном месторасположении данного легиона мы можем судить на основании греческого папируса из египетской общины Аскалон, датированного 359 г. Этот документ сообщает о покупке у Флавия Агемунда, «сенатора из отряда ауксилиариев Константиаков», раба, перешедшего в собственность Флавия Виталиана, биарха «вексилляции всадников-катафрактариев, размещенных сейчас в египетском городе Арсиноя» [1, S. 307-308]. Необходимо подчеркнуть, что два документа – *Notitia*, отражающая более поздний период, и папирус из Аскалона – свидетельствуют о повышении военного ранга «Константиаков» от ауксилиарного соединения до легиона *comitatenses*.

Мы полагаем, что «Константиаки» папируса и *Constantiaci* Нотиции из Северной Африки представляют собой одно и то же подразделение, переведенное из Египта в Проконсульскую Африку в период после 359 и до 419 гг., когда, по мнению М. Куликовского, была составлена окончательная редакция западного списка ND [2, P. 372-374, 375]. Как видно из данных папируса, изначально соединение *Constantiaci* принадлежало к разряду пограничных вспомогательных войсковых отрядов, более известных в надписях как алы и когорты. Возможно, одна из старых ал или когорт Египта эпохи Принципата была переименована в период правления императора Констанция II (337-360 гг.), в честь которого она получила свое новое название. На основании сведений других папирусов мы можем установить причины перемещения отряда *Constantiaci* в Северную Африку. В папирусе из коллекции Лейпцигского университета, датированном 388 г., содержится предписание о выдаче продовольственной анноны «воинам, поднимающимся в Пентаполис с целью отплытия в Африку» [3, S. 198-199].

В этом смысле совершенно не случайно папирус упоминает о предстоящей отправке данных войсковых корпусов из северной Киренаики (совр. восточная Ливия, обозначенная в документе под именем «Пентаполис») в соседнюю Проконсульскую Африку, поскольку из близлежавшей Киренаики перемещение военных отрядов могло быть произведено более оперативно. Как нам представляется, перевод ауксилиарного отряда *Constantiaci* из Египта в Проконсульскую Африку следует поставить в связь с экспедицией 388 г., упомянутой в лейпциг-

ском папирусе. Как известно, в 388 г. восточноримский император Феодосий I совершил военный поход в Северную Италию, где он одержал победу над войском западноримского узурпатора Магна Максима, вторгнувшегося в Италию в 387 г. Как убедительно доказала Д. Вера, тремя годами ранее, в 384 г., между Феодосием и Магном Максимом было заключено соглашение, согласно которому Галлия и Британия перешли под контроль Максима, а Северная Италия осталась под властью законного западноримского императора Валентиниана II [4, P. 268-271].

Важно отметить, что Северная Африка, в административном плане принадлежавшая к италийской префектуре, признала власть Магна Максима в качестве равноправного с Валентинианом II императора-соправителя. Об этом свидетельствуют две надписи из Проконсульской Африки, в которых Магн Максим фигурирует как император, что определенно указывает на поддержку власти узурпатора со стороны местной провинциальной администрации [5, P. 2103, n. 22076; 6, P. 90, n 311]. Скорее всего, военная экспедиция, отправленная из Антиной в Киренаику, была проведена с целью предполагаемых боевых действий с войсками, признавшими власть Магна в пределах Проконсульской Африки.

Очевидно, Феодосий, разбивший армию Магна Максима и обезглавивший самого узурпатора в июле 388 г., опасался, что верные Максиму войска Проконсульской Африки поднимут мятеж и заблокируют поставки продовольствия из Карфагена в Италию. Среди соединений, отправленных из Египта в Африку для борьбы с силами мятежников, могли находиться и *Constantiaci*, которые после 388 г. в награду за участие в кампании против сторонников Магна получили привилегированный ранг легиона *comitatenses*, свидетельствующий о вхождении «Константиаков» в состав полевой армии Проконсульской Африки.

В целом можно подчеркнуть, что в 388 г. из Египта в Проконсульскую Африку были отправлены вексиляции, но не легионы, поскольку восточноримское правительство не могло допустить ослабления защиты египетского лимеса. В этом контексте следует обратиться к греческому папирусу из Гермополиса, датированному 286 г., в котором мы встречаем упоминание об отряде всадников-маркоманнов под командованием препозита Аргюрина, получивших денежную и продовольственную аннону [7, S. 138-139].

В VII главе западного списка ND указано, что под командованием военного комита Проконсульской Африки указана вексиляция *comitatenses Equites Marcomanni* (ND. Oss. VII. 183), которую М.П. Шпайдель совершенно справедливо идентифицировал с маркоманскими всадниками, обозначенными в цитированном выше папирусе [8, S. 224]. Сопоставление сведений «Нотиции» и папируса из Гермополиса определенно свидетельствует в пользу перевода вексиляции всадников-маркоманнов из Египта в Проконсульскую Африку – это перемещение вновь можно поставить в связь с экспедицией 388 г. в мятежные североафриканские провинции. Очевидно, вексиляция всадников-маркоманнов вместе с подразделением *Constantiaci* принимала участие в боевой операции против

сторонников Магна Максима в Проконсульской Африке, и в результате успешного возвращения этого региона под контроль Феодосия I две вексиляции были повышены до ранга легиона *comitatenses* (*Constantiaci*) или вошли в состав полевой армии Северной Африки в статусе вексиляции *comitatenses* (*Equites Marcomanni*).

Литература:

1) *Aegyptischer Urkunden aus den Koeniglichen Museen zu Berlin. Griechische Urkunden. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1895. Bd. I*

2) *Kulikowski M. The «Notitia Dignitatum» as a Historical Source. // Historia. 2000. Bd. 49. Hft. 3. P. 358-377.*

3) *Griechische Urkunden der Papyrussammlung zu Leipzig. / Hrsg. L. Mitteis. Leipzig: Druck und Verlag von B.G. Teubner, 1906. Bd. I.*

4) *Vera D. I rapporti tra Magno Massimo, Teodosio e Valentiniano II nel 383-384. // Athenaeum. 1975. Vol. 53. Fasc. 3-4. P. 267-302.*

5) *Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. VIII: Inscriptiones Africae Latinae. Supplementi pars III: Inscriptiones Mauritaniae. Miliaria et instrumentum domesticum. / Ed. I. Schmidt, R. Cagnat, H. Dessau. Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1881.*

6) *L'Année épigraphique.. Paris: Presses Universitaires de France, 1958. P. 80-100.*

7) *Ägyptische Urkunden aus den Staatlichen Museen Berlin. Griechische Urkunden. Bd. XI, Hft. 2: Urkunden den römische Zeit. / Bearb. von H. Maehler. Berlin: Verlag Bruno Hessling, 1968.*

8) *Speidel M.P. The Rise of Ethnic Units in the Roman Imperial Army. // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. / Hrsg. H. Temporini. Berlin-N.Y: Walter de Gruyter., 1975. Bd. II, pt. 3. P. 202-231.*

УДК 94(495).01

М.М. Синица (Белгородский ГУ)

Византийские эпиграммы AG I. 1-18

Палатинская (Греческая) Антология представляет собой сборник эпиграмм, собранных и упорядоченных в X в. Константином Кефалой [1]. Это четвертый сборник греческих эпиграмм, куда были добавлены эпиграммы христианского содержания [2, С. 160].

Книга I состоит из 123 христианских посвятельных эпиграмм. Большинство из них – надписи на храмах, камнях, столпах. Некоторые взяты из книг. Первые 18 эпиграмм Книги I созданы в различные времена, но все они посвящены различным христианским храмам в основном в Константинополе. Эпиграммы посвящены либо строителям храмов, либо святым, в честь которых они построены. 18-я эпиграмма сохранилась частично.

1-я эпиграмма, посвящена мозаике храма св. Софии в Константинополе. В содержании эпиграммы отражен процесс восстановления иконопочитания в Византийской империи. Относится к 867 г., когда апсида и свод вимы храма были украшены новыми мозаиками [3, С. 61]. Она написана 12-сложным трохаическим триметром.

2-я и 3-я эпиграммы посвящены Влахернскому храму Богородицы. Они состоят из 4 строк каждая, написаны 16-сложным хорямбическим тетраметром. 2-я эпиграмма описывает деятельность Юстина II по улучшению храма. В 3-й эпиграмме сравнивается деятельность Юстина I и Юстина II по украшению храма.

4-я эпиграмма посвящена церкви во имя св. Иоанна Крестителя в имении патрикия Студия, построенной в 463 г. [3, С. 61] В 4-й эпиграмме перепутаны причина и следствие: Студий стал консулом Востока в 454 г., а храм построил в 463 г., хотя в эпиграмме консульство – это награда за строительство храма – небольшой трехнефной базилики [4, С. 586]. Надпись сделана 16-сложным тетраметром. 5-я эпиграмма о храме святого апостола Фомы в имении Амантия. Написана элегическим дистихом.

6-я эпиграмма посвящена храму св. Феодора в имении Сфоракия, в ней говорится о пожаре, которые были нередки в Константинополе; спасшийся из которого патрикий Сфоракий построил храм, посвятив его мученику. Она написана ямбическим тетраметром. 7-я эпиграмма также относится к этому храму. Как и 6-я, она посвящена Сфоракию и создана на смерть Сфоракия его племянником Антолием. Она написана 16-сложным пентаметром.

Эпиграмма 8 посвящена храму св. Апостолов Петра и Павла. Этот храм известен по свидетельству Прокопия Кесарийского [5, I.IV.1-3]. В эпиграмме говорится о красоте храма. Это же подтверждает и Прокопий [5, I.IV.8]. Она написана 16-сложным гексаметром. Эпиграмма 9 посвящена храму архангела Михаила в Ботрепто. Из надписи можно узнать о достаточно известном строителе Геррадии. Она написана 16-сложным ямбическим пентаметром.

Эпиграмма 10 посвящена храму мученика-воина Полиевкта в Константинополе. Он был построен Аникией Юлианой, знатной византийской дамой (462-528 гг.), дочерью одного из последних императоров Западной Римской империи Флавия Аникия Олибрия и Плакидии. Храм был возведен в 524-527 гг. Он соперничал по красоте и величию с храмом св. Софии Юстиниана [6, С. 262]. Этот храм был обнаружен при раскопках в Константинополе в 1960 г., его датировка и реконструкция проводилась именно по этой посвячительной эпиграмме [7]. Надпись выполнена гексаметром.

Эпиграмма 11 посвящена храму св. бессребреников Космы и Дамиана в Вассилиске. Это посвячительная надпись святым от жены императора Юстина II Софии с просьбой о счастливой судьбе ее мужа. Она написана гексаметром в 13–14 слогов.

Эпиграммы с 12 по 17 посвящены храму св. Евфемии Олибрии. Эпиграмма 12 написана от имени храма, в ней указываются строители храма: Евдоксия – жена

императора Валентиниана III и дочь Феодосия II, Плакидия – ее дочь и жена императора Олибрия, Аникия Юлиана – их дочь. Из эпиграммы ясно, что храм строился в течение длительного времени, был завершен в VI в. Эпиграмма написана 16-сложным спондеическим пентаметром.

Эпиграмма 13 описывает тот же храм, но теперь его внутреннее убранство. Она написана спондеем, в 16 слогов. Эпиграмма 14 о том же храме, содержание повторяет две предыдущие, надпись характеризует деятельность Аникии Юлианы по восстановлению храма. Эта надпись сделана спондеем, в 14-16 слогов.

Эпиграмма 15 содержанием полностью соответствует эпиграмме 14. Подчеркивается деятельность Аникии Юлианы по восстановлению храма. Выполнена хорямбическим тетраметром. Эпиграмма 16 подчеркивает красоту храма, прославляется деятельность Юлианы по его украшению. Она написана пентаметром, в 14–15 слогов. Эпиграмма 17 также о красоте этого храма и прославляет Юлиану. Она написана 16-сложным гексаметром. Эпиграмма 18 не завершена, сам объект неясен, судя по надписи, посвящен мученику Трофиму. Известно две строки, написанные гексаметром.

У всех этих эпиграмм можно наблюдать нарушение принципов метрического стихосложения, что было характерно для переходной ранневизантийской поэзии и связано с реформой гексаметра и переходом от музыкального к эспираторному ударению [8, С. 48] - спондей в эпиграммах смешивается с ямбом и трохеем, ямбический триметр, который с VI-VII вв. прочно утверждается в византийском стихосложении [8, С. 76], смешивается с гексаметром.

Большинство эпиграмм прославляют аристократов. Из этого следует, что привилегия в строительстве храмов не принадлежала правителям, аристократия составляла им достаточно сильную конкуренцию.

Литература:

- 1) *The Greek Anthology with an English translation by W.R. Paton. In 5 volumes. Vol. I. London; New York, 1920.*
- 2) *Петровский Ф.А. Византийские эпиграммы // Византийская литература. М., 1974. С. 159-180.*
- 3) *Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986.*
- 4) *Культура Византии IV - первой половины VII веков. М., 1984.*
- 5) *Прокопий Кесарийский. О постройках // Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. М., 1996. Т. II. С. 141-288.*
- 6) *Беляев Л.А. Христианские древности. СПб., 2000. 576 с.*
- 7) *Липатов А.А. Церковь св. Полиевкта и ее декоративная программа / [э.л. реч.] // krotov.info/history/06/3/lipatov.htm (дата последнего посещения 11.10.2013)*
- 8) *Фрейберг Л.А. Византийская поэзия IV-X веков и античные традиции // Византийская литература. М., 1974. С. 24-76.*

**Применение теории фронта
при изучении межэтнического взаимодействия
в рамках социально-гуманитарных дисциплин
(на примере темы «Развитие римско-иранского пограничья
в кон. III – нач. VII вв. н.э.)**

Основатель «теории границ» (фронтира) Ф. Тернер называл его «точкой встречи дикости и цивилизации» [1, С. 76]. Первоначально эта теория использовалась для изучения истории США, однако в дальнейшем данная теория стала использоваться также антиковедами и медиевистами. Так, по мнению антиковедов, Римская империя начинает формироваться в зоне фронта – границы античной цивилизации и «варварских» народов [2, Р. 79]. Фронт может пониматься как пограничное сосуществование и всякое взаимодействие народов и культур, в конкретном временном и пространственном измерении.

В нашем исследовании с точки зрения фронта рассматривается регион, существовавший в течение почти восьми столетий в пограничье между Римской (Византийской) империей и Ираном (империи Аршакидов и Сасанидов). Географически – это территория от Северного Кавказа до Южной Аравии и Северо-Восточной Африке. Неоднократно этот регион становился ареной внутренних и внешних конфликтов, а так же мирных форм взаимодействия между народами, культурами и государствами.

В рамках школьной программы (в курсе истории Древнего мира и Средних веков в 5-6 классах) проблемы развития римско-иранского пограничья не поднимается (нет темы связанной с римско-иранскими отношениями). На втором контенте в 10 - 11 классах эта проблема также не рассматривается, в курсе Россия и мир упоминается: «Долгое время грозным противником Византии на востоке был Иран. Длительные и кровопролитные войны истощили обе стороны. В VII в. византийцам все же удалось восстановить свои рубежи на востоке...» [3, С. 16]. Изучение развития римско-иранского пограничья не включено в минимальные требования к содержанию Государственный образовательный стандарт по историческим специальностям [4].

Пограничный регион всегда порождает множественность идентичности личности (в том числе этнической идентичности). Современный человек имеет множественную идентичность, часто рождающую противоречия в его сознании. Его преодолению помогает образовательная и воспитательная деятельность. Педагогическая наука, укрепляет взаимодействие культур и выходит на мировоззренческий уровень, приводит к необходимости познавать вместе с историей конкретных народов еще и тупиковые ситуации межнационального противостояния, межэтнического, межконфессионального [4, С. 173].

При изучении Римско-иранского пограничья следует акцентировать внимание на мирных формах сосуществования этносов: торговле, брачно-семейных отношениях, культурном синтезе. В III-VII вв. сохраняет свое значение «Великий шелковый путь», «Путь благовоний», Морской путь Египет-Химьяр-Индия, которые создавали условия не только для экономического, но и для культурного обмена. Пример такого обмена – случай раннесредневекового «промышленного шпионажа». В 532 г. н.э. по поручению византийского императора Юстиниана два монаха-несторианца, происходивших из персидских владений, тайно вывезли из Китая личинки гусениц тутового шелкопряда. В результате жители Ближнего Востока и части Европы получили одно из культурно-экономических дальневосточных достижений.

Парадигма преподавания социально-гуманитарных дисциплин в сфере межэтнических отношений строится на принципе «против кого дружить». Бросается в глаза заимствование военно-технических элементов, в частности катафрактариев [5, С. 14]. Примером, иллюстрирующим временное объединение в период противостояния – битва между арабами и византийцами при Ярмуке 636 г. В составе византийской армии были Сасанидские контингенты (несмотря на недавнюю персидско-византийскую войну 602-628 гг.).

Одна из особенностей фронта в том, что он требует исчерпанности во взаимоотношениях, они должны быть доведены либо до полного примирения и согласия, либо обеспечить конфронтацию, в которой одна из сторон одерживает верх над другой. Эта тенденция присутствует в наше время - отношения с исламским миром, современные призывы к созданию исламского халифата, созвучны событиям VII в. Проведение исторических аналогий с современностью – необходимый педагогический прием, обеспечивающий доступность исторического материала. В отличие от современной ситуации, в VII в. арабо-исламское завоевание явилось логическим завершением противостояния различных политических, этнических, конфессиональных общностей. В раннем исламе отношение к иудеям и христианам как к «людям писания» больше устраивало покоренное население, чем неустойчивое существование в пограничном состоянии под постоянной угрозой имуществу, быту, частной жизни и даже самому физическому существованию.

Можно констатировать, что преподавание истории Древнего мира и средневековья не учитывает воспитательный потенциал, заложенный в самом содержании образования. Римско-иранское пограничье – лишь один из примеров длительного сосуществования различных этнических групп в рамках одной системы. Подобными примерами служат не включенные в школьную и вузовскую программу Андалузская Испания, Золотая Орда, Великое княжество Литовское и многие другие.

Литература:

1) *Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах//Общественные науки и современность» №5, 1998.*

2) Kristinsson, Axel. *Expansions: Competition and Conquest in Europe since the Bronze Age*. – 2010.

3) Волобуев О.В., Клоков В.А., Пономарев М.В., Рогожкин В.А. *Россия и мир с древнейших времен до конца XIX века: учеб. для 10 кл. общеобразоват. учреждений*. – М.: Дрофа – 2006.

4) Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030600 История (квалификация (степень) «бакалавр») // http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/m732.html

5) Дмитриев В.А. *Всадники в сверкающей броне. Военное дело сасанидского Ирана и истории римско-персидских войн*. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008.

6) Лурье Л. И. *Моделирование региональных образовательных систем/Л.И. Лурье – М. Гардарика, 2006.*

УДК 94(37).08
Г.А. Шмидт (СПбГУ)

Военная терминология в Res Gestae: проблемы и интерпретации

В своем докладе, я хотел бы рассмотреть два не совсем обычных примера использования Аммианом Марцеллином военных терминов.

В эпизоде, в котором Аммиан сообщает о переходе правительственных войск на сторону восставшего Прокопия (364 г.), он пишет дословно следующее: «Пешие и конные части (*equitum peditumque turmae*), которые были вызваны во Фракию для военных действий, при своем проходе через те местности встретили самый ласковый и заискивающий прием» [1, С. 368].

Для того, чтобы выяснить, что необычно необходимо проследить, какое значение термин *turma* имеет у Аммиана Марцеллина. Анализ употребления этого слова в тексте Res Gestae показывает, что историк использует его исключительно для обозначения кавалерийских подразделений. Это могут быть как различные подразделения римской кавалерии, так и отряды германской или персидской конницы. Однако в этом фрагменте Аммиан неожиданным образом использует его для обозначения пехотных подразделений.

Второй эпизод – рассказ о победе из римского плена армянского царя Папа, где Аммиан утверждает, что в погону за армянским всадниками был отправлен «целый легион»: «Тотчас был выслан за ним целый легион; но когда он уже достигал беглецов, Пап, повернув назад, бросился на солдат с храбрейшими людьми, осыпая противника стрелами, как искрами, но намеренно не попадая ни в кого, и испуганные солдаты вернулись в город вместе со своим трибуном быстрее, чем выступили» [1, С. 465]. Из контекста понятно, что Аммиан подразумевает кавалерийский отряд, поскольку он сообщает, что римляне достигли беглецов.

Нам представляется, что подобное употребление терминов могло быть вызвано не невнимательностью историка, а определенными особенностями его работы со своими источниками и спецификой самих источников. Мы полагаем, что при написании этой части своего труда Аммиан воспользовался неким не сохранившимся греческим текстом и его ошибка обусловлена переводом греческих терминов на латинский язык.

Как известно, для обозначения подразделений римской армии в греческом языке использовались различные термины: *σπείρα*, *στρατόλεδον*, *ἵλη*, *τάγμα*. Значение трех первых терминов практически не менялось на протяжении первых двух столетий нашей эры. Слово *στρατόλεδον* обозначает легион, термин *ἵλη* – кавалерийское подразделение, *σπείρα* – когорту.

Последний же термин, *τάγμα*, имел в греческом языке весьма расплывчатое значение, претерпевшее существенные изменения с течением времени. Применительно к римским подразделениям *τάγμα* – это и манипула, и когорта, и легион и даже отряд кавалерии.

Значение манипулы мы встречаем, например, в шестой книге Полибия, где он пишет об организации римского легиона. Говоря о том, что каждая манипула имеет в своем составе двух офицеров, замещающих в случае необходимости друг друга, он называет это подразделение *τάγμα* (Polyb., VI, 24, 7).

Дионисий Галикарнасский употребляет слово *τάγμα* в отношении римских легионов, говоря, что после убедительной речи консула Валерия перед народом для войны с вольсками было сформировано десять легионов [3, Р. 361].

Тот же самый смысл вкладывают в этот термин и некоторые другие греческие авторы. В частности, Стабон в своей «Географии» называет *τάγματα* три легиона, которые император Тиберий послал нести службу в недавно покоренных землях кантабров [4, С. 152].

В том же значении *τάγμα* часто встречается у Плутарха. В жизнеописании Брута, описывая планы первой битвы при Филиппах, Плутарх пишет, что свой лучший легион во главе с Мессалой (*τάγμα*) Кассий специально поставил на правом фланге, где командующим был Брут (Plut. Brut. XL, 6).

Принципиально важное для нас уточнение, касающееся значения слова *τάγμα*, делает Дион Кассий. Историк говорит, что у Марка Аврелия был легион, все бойцы которого происходили из Мелитены и были христианами. Называя подразделение *τάγμα*, Дион Кассий замечает, что римляне называют тагмы легионами («*τάγμα ἦν τῷ Μάρκῳ ἡ καλοῦσι δὲ τὸ τάγμα οἱ Ῥωμαῖοι λεγέοντα τῶν ἀπὸ Μελιτηνῆς στρατιωτῶν*») [6, р. 30].

У Зосима, использовавшего для написания своего труда источники IV в., *τάγμα* также обозначало пехотное подразделение.

Однако Созомен утверждает, что в современную ему эпоху подобное значение воспринималось как устаревшее: «...римские легионы, которые теперь называются *ἀριθμοί*...» («...τὰ Ῥωμαίων τάγματα ἃ νῦν ἀριθμοῦς καλοῦσιν...») [7, р. 880].

В сочинениях императора Юлиана *τάγμα* – и пехотное подразделение, и кавалерийское. В действительности, в этом нет ничего необычного, так как еще

у Полибия слово *τάγμα* могло обозначать отряд кавалерии (Polyb., III, 111, 11).

Тенденция обозначать римское кавалерийское подразделение словом *τάγμα* сохраняется и в дальнейшем. Это приводит к тому, что термин приобретает узкоспециальное значение, и в конце VI в. *τάγμα* – византийское кавалерийское подразделение численностью от двухсот до четырехсот человек.

Таким образом, время, когда жил Аммиан было эпохой активного изменения греческой военной терминологии. Появлялись новые термины, но и традиционные термины приобретали новые значения. Как отметил В. И. Холмогоров, впервые затронувший в отечественной историографии этот вопрос, важной особенностью вообще всех источников эпохи поздней империи является «крайняя сбивчивость, неясность и подчас даже противоречивость военной терминологии» [8].

В таких условиях, вряд ли можно обвинять Аммиана в том, что он совершил грубую ошибку. В эпизоде с царем Папом, как мы предполагаем, в греческом тексте было использовано слово *τάγμα*, в значении кавалерийский отряд. Однако по той причине, что это слово стояло в тексте достаточно далеко от упоминания об армянских всадниках, значение его было неясно, и Аммиан по невнимательности, при его переводе на латынь сохранил за ним старое значение – *legio*.

В том же случае, когда Аммиан говорит о кавалерийских и пехотных турмах, он переводит на латынь греческую фразу, которая, по нашему мнению, могла выглядеть следующим образом: *ἵπτεῶν καὶ στρατιῶν τάγματα*. Стремясь к благозвучию и красоте стиля и желая сохранить структуру фразы оригинала, где при одном существительном стоит два несогласованных определения, Аммиан вместо того, чтобы использовать два различных латинских термина для перевода слова *τάγμα*, один из которых обозначал бы пехотное подразделение, а другой кавалерийское, воспользовался словом *turma* возможно потому, что греческое *ἵπτεῶν* (всадников) стояло на первом месте.

Итак, как нам представляется, необычные случаи употребления латинских военных Аммианом имеют как субъективные причины, стремление к благозвучности и простая невнимательность, так и объективные – неясность позднеантичной греческой военной терминологии, переживавшей трансформацию.

Литература:

1) Аммиан Марцеллин. Римская история / Перевод А. И. Сонни, Ю. А. Кулаковского. СПб., 1994.

2) Полибий. Всеобщая история. 2 т. Т. 1. / Пер. Ф. Мищенко. М.: АСТ, 2004.

3) *The Roman Antiquities of Dionysius of Halicarnassus Dio's Roman History / With english translation by E. Cary. 7 vol. Vol. 3. The Loeb Classical Library, 1940.*

4) Страбон. География / Пер. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994

5) *Dio's Roman History / With english translation by E. Clark. 8 vol. Vol. VIII. The Loeb Classical Library, 1925.*

6) *Sozomenus. Historia ecclesiastica. / Patrologia Graeca. / Accurente J.-P. Migne. Tomus LXVII. 1864.*

7) Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа и римская армия IV века н. э. Архив СПб ИИ РАН. Русская секция. Ф. 276. Оп. 2. Ед. хр. 49. Гл. XI. (цит. по Банников А. В. Численность подразделений позднеримской армии (часть 1) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 3. СПб, 2009. С. 164-172)

УДК: 94(37).09

Д.Е. Богданов (Белгородский ГУ)

Участие варваров в борьбе Восточного и Западного дворов Римской империи в последней четверти IV века

Продолжительный кризис, поразивший Римскую империю, привёл к замедлительной деградации хозяйства и развитию различных форм экономической зависимости, что вынудило римское правительство в IV–V вв. отказаться от войн с целью добычи рабов «и направить внимание на пополнение естественной убыли рабочей силы за счет местных людских ресурсов» [1, С. 3]. В такой ситуации, армии всё чаще приходилось выполнять полицейские функции, подавляя сопротивление населения провинций и мелких собственников, не выдерживавших экономического гнета, что делало перспективу использования варваров в этих целях весьма привлекательной, хотя и ослабляло обороноспособность империи.

После периода противостояния в середине IV века, подробно описанного Зосимом (Zos. III-IV) и, особенно, Аммианом Марцеллином (Amm. Marcell. XIV-XVII), а также освещенного в отечественной историографии [1; 2], пришедший к власти Феодосий перешел к политике союза с варварами.

Главной целью, которую он преследовал в начале своего правления было, очевидно, укрепление власти и устранение внутренней опасности, для чего были предприняты решительные шаги: государственной религией вновь было объявлено христианство «восточного образца» вместо христианства арианского толка, которое было очернено союзом с готами-арианами и преступлениями прежнего правительства [1, С. 30].

Своеобразными иллюстрациями отношений Рима и варваров в данный период являются действия Феодосия, который много делал для упрочения союза с готами: выдвигал их на высокие посты в армии, устраивал браки готов со знатными римлянками, воздавал им почести [1, С. 35].

Реальным подтверждением союза войск варваров под командованием Феодосия против узурпатора Арбогаста и его ставленника Евгения. Однако готы продолжали оставаться опасными и для империи, и для её жителей, которых они грабили (Zos. IV.47-50; FHG IV, P. 41).

К моменту смерти Феодосия Великого империя, несмотря на преобладание сил варваров, устояла перед их натиском. Используя противоречия среди варварских племен и продажность их предводителей, Рим привлек их для ликви-

дации социальной опасности и отражения натиска других варварских племен на ее границы.

Победив Евгения и Аргобаста, Феодосий стал единовластным правителем, однако внутреннего единства не было. В 395 г. римское государство было окончательно разделено на две империи: Западную со столицей в Риме, а двором в Милане (до 402 г., затем в Равенне) и Восточную (или Византию) со столицей в Константинополе.

После раскола империи степень проникновения варварских элементов во все сферы римской жизни значительно возросла. Выходцы из варваров занимали важнейшие посты в римской армии и административном аппарате (Арбогаст, Стилихон, Рикимер, Одоакр)[3].

Так, после смерти Феодосия, Флавий Стилихон стал правителем Западной империи, имея тот же титул – «опекун», что и патриций Руфин на Востоке (Zos. V, 1.1).

Стилихону, выходцу из Византии и вандалу по происхождению, было бы трудно удержаться на посту фактического главы правительства Запада и добиться такого же положения в Византии без поддержки знати и римского плебса. Обязанность привлечь их на сторону Стилихона легла на его секретаря, поэта Клавдиана, который выдвигал лозунги, способствовавшие объединению различных группировок знати вокруг Стилихона.

Претензии Запада на господство над обеими частями Римской империи встретили отпор византийского правительства. Готовясь к схватке, оба двора искали союзников среди провинциальной знати и варваров, что способствовало усилению и тех, и других.

Руфин не сумел претворить в жизнь свои планы, т.к. его соперники на Востоке, судя по всему, объединились со Стилихоном (Zos. V, 7). Обвинённый в заговоре против Аркадия и тайных переговорах с варварами, Руфин «был заслуженно обезглавлен перед городскими воротами воинами из Италии, которые были отправлены к Аркадию вместе с комитом Гайной» (Marcell. Chron. 395, 5). Не последнюю роль в этом убийстве сыграл ставший следующим «опекуном» Аркадия евнух-кувикулярый Евтропий (PLRE II, 440-444) [4, С. 116].

Одновременно с усилением вестготов в Иллирике окрепли позиции готских наемников в Константинополе и диоцезе Азии. Их предводители Гайна и Требигильд попытались захватить политическую власть в стране, однако после свержения Евтропия, во главе константинопольской знати стал Аврелиан, префект претории Востока. Это было началом нового продолжительного противостояния Восточного и Западного дворов.

Таким образом, к началу IV века сложилась ситуация, в которой дальнейшая судьба Римской империи, в основном, зависела от решений выходцев из варварской среды: Флавия Стилихона, Алариха, Требигильда, Гайны, Рикимера и других.

В эту эпоху окончательно нарушился баланс сил Римской империи и окружавших её племён варваров. Сыграв огромную роль в истории Поздней империи, варвары, отношения с которыми у Римской империи практически никогда

не были только враждебными, тем не менее, выступили в качестве разрушителей могущественнейшего некогда государства, хотя далеко не все из них прямо желали этого.

Литература:

- 1) Сиротенко В.Т. *История международных отношений в Европе во второй половине IV-начале VI вв.* Пермь, 1975.
- 2) Буданова В.П. *Варварский мир эпохи Великого переселения народов.* М., 2000.
- 3) O'Flynn J.M. *Generalissimos of the Western Roman Empire.* Edmonton, 1983.
- 4) Успенский Ф.И. *История Византийской империи.* Т.1. М., 1996.
- 5) Cameron A. *Barbarians and politics at the Court of Arcadius.* Oxford, 1993.
- 6) Джонс А.Х.М. *Гибель античного мира.* Р/н/Д, 1997.
- 7) Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада.* М., 1992.
- 8) Томпсон Э.А. *Римляне и варвары: Падение Западной Римской империи.* СПб, 2003.

УДК 94(37).08

В.Н. Кузнецов (Белгородский ГУ)

Образ Феодосия Великого у христианских и языческих авторов

В данной статье мы попробуем показать, как может изменяться образ отдельной исторической личности посредством интерпретации его авторами с различной религиозной принадлежностью. И насколько важен комплексный подход к анализу источников. Проблема «однобокости» в описании той или иной личности или события довольно часто встречается в истории. Ведь не редко автор, так сказать, действует «по заказу» или руководствуется своими политическими, духовными или идеологическими целями. Попробуем разобраться на примере биографии последнего императора единой Римской империи Феодосия Великого.

Сама оценка личности и вклада в историю Феодосия Великого крайне неоднозначна. Это обуславливается его описанием у христианских и языческих историков. Известно, что Феодосий объявляет войну язычеству. И более того (хотя это и весьма дискуссионный вопрос), впервые признает верховенство духовной власти над политической. Разумеется, в период противостояния христианской веры и язычества нехристианские авторы старались представить образ Феодосия не в лучшем свете, но христианские историки пытались всячески защитить и превознести фигуру римского императора.

Упоминаний о Феодосии встречается довольно таки много и у языческих и у христианских историков. Очень подробен в описании Феодосия Великого римский историк IV века Секст Аврелий Виктор в «*Epitome de caesaribus*» (хотя его авторство спорно). Он дает, безусловно, положительную оценку образу императора:

«Феодосий был кроток, милостив, общителен, он считал, что отличается от прочих людей только своей одеждой; и был благожелателен ко всем, особенно же к хорошим людям. Он в такой же мере любил людей простодушных, как и восхищался учеными, но притом честными, был щедр и великодушен; он был привязан к гражданам, совместно проживающим с ним, в частной жизни, и щедро одарял их почестями, деньгами и другими благодеяниями, особенно тех, за кем знал услуги, оказанные ему или его отцу в тяжелых обстоятельствах» [1, XLVIII].

Византийский историк конца V века Зосим придерживается совершенно противоположного мнения о Феодосии. Он считал первой причиной развала Римской империи именно распространение христианства, центральное направление в политике Феодосия Великого. В своей *Ἱστορία νέα* («Новой истории») он крайне негативно описывает Феодосия. Зосим приписывает ему растраты казны, и продажу права на управления провинции тем, кто предложит более выгодную цену, то есть «с молотка».

О ключевой роли Феодосия в развале империи Зосим пишет следующее: «Из-за всего этого Римская империя будучи унижена в высшей степени, став обиталищем варваров, или, точнее, утратив всех своих обитателей, что была низведена до такого состояния, что никто не мог бы сказать, где раньше были ее города» [2, IV. 59].

Складывается впечатление, что Аврелий Виктор и Зосим пишут о Феодосии как о разных людях.

Аммиан Марцеллин же называет Феодосия великим полководцем [3, XX-VIII.3.1]. Он же его считает осторожным и здравомыслящим военачальником [3, XXIX.5.37]. Он также высказывается о Феодосии как о щедром и благодарном начальнике [3, XXIX.5.29].

Автор в целом оценивает Феодосия положительно, но в своих трудах Аммиан Марцеллин не касается периода непосредственного правления Феодосия.

Византийский христианский историк V века Сократ Схоластик в «*Historia Ecclesiastica*» (Церковная история) упоминает его противостояние с арианами (т.е. еретиками) [4, V.13]. Сократ Схоластик прямо указывает на то, что император Феодосий Великий происходит из христианской семьи и относит его к «своим» [4, V.6].

Это выглядит весьма странным. Происходивший из христианской семьи и вдруг принимает крещение в болезни, на пороге смерти! Никак не вяжется это с личностью императора-христианина проводящего активную политику по внедрению христианства и полному искоренению язычества. Все это похоже на создание биографии истинного христианина.

Об искажении биографии Феодосия Сократом Схоластиком говорит и факт упоминания о бунте ариан в Константинополе: «Люди любят сочинять рассказы о том, чего не знают, и так как они всегда жадны до новостей, то эти рассказы их, если представится к тому случай, растут и плодятся по воле каждого. То же произошло и теперь в городе. Каждый толковал по-своему и все в дурную сторону

о происходивших вдали военных действиях; и хотя сам никто не был на войне, но все рассказывали, как бы очевидцы...» [4, V.13].

Мы можем осторожно предположить следующее. Помимо того, что сказанное Сократом Схоластиком дает некоторые основания полагать, что выбор императором никейской веры и противостояние с арианским направлением это рациональная политическая стратегия, а не только духовные предпочтения. Но и этими словами Сократ Схоластик как бы заранее оправдывается в возможных вопросах к нему относительно правдивости сказанного.

Таким образом, можно говорить, что образ императора Феодосия в источниках христианских и нехристианских историков имеет различную оценку, и только взвешенный подход к работе над источниками об этой исторической личности позволит наиболее правдиво реконструировать его биографию и место в истории.

Литература:

1) Секст Аврелий Виктор. Извлечения о жизни и нравах римских императоров [электронный ресурс] // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Avr_Izvl/48.php (дата последнего обращения 14.10.2012)

2) Zosimus. *The New History* [электронный ресурс] // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://www.tertullian.org/fathers/zosimus04_book4.htm (дата последнего обращения 14.10.2012)

3) Аммиан Марцеллин. Римская история. [электронный ресурс] // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Marcell/15.php (дата последнего обращения 14.10.2012)

4) Сократ Схоластик. Церковная история. [электронный ресурс] // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/Sholastik/12.php (дата последнего обращения 14.10.2012)

УДК 94 (37).08

О.В. Пржигодзкая (СПбГУ)

Синезий, епископ Птолемаидский (370/375–413/415 гг.), и его друзья: социальный и политический контекст

Круг людей, с которыми общался Синезий, безусловно, влиял на его мировоззрение и политическую позицию. Можно выделить две категории друзей Синезия: к первому относятся те, кто учился с ним в Александрии у Ипатию, и с кем у Синезия были общая философская позиция. Ко второму принадлежат знакомые Синезия по Константинополю, которые являлись его единомышленниками в политических взглядах, особенно в отношении варваров в Империи. С представителями и той, и другой группы Синезий вел активную переписку, благодаря которой можно установить круг его общения в разные периоды жизни.

В Александрии у Синезия сложился свой круг друзей, в который входили: Ипатия, к которой он часто обращался с письмами, Геркулиан, Олимпий и некоторые другие [1, Р. 385-428]. Несомненно, друзья Синезия влияли на его становление, поэтому круг тех людей, с которыми он общался, имеет большое значение для понимания событий в жизни философа. Близкий друг Синезия – Ипатия (вторая половина IV в. – 415 г.), дочь математика Теона, жила в Александрии, где преподавала математику и читала лекции по философии Платона и Аристотеля, занималась астрономией. Синезий обучался у нее во время своего пребывания в Александрии [2, Р. 575-576]. А. Гарднер отмечает, что дружба Синезия и Ипатии всегда поддерживалась взаимным интересом к науке и философии, что являлось главной особенностью именно их взаимоотношений [3, Р. 18]. Геркулиан (вторая половина IV-V вв.) – философ, обучался философии вместе с Синезием в Александрии, к нему обращены несколько писем Синезия по различным философским вопросам [2, Р. 545]. Олимпий (вторая половина IV–V вв.) – уроженец Сирии, ученик Ипатии в философской школе в Александрии, сохранилось несколько писем Синезия к нему. Таким образом, александрийские знакомые Синезия представляли собой его единомышленников по философским взглядам. Будучи учениками Ипатии, они принадлежали к позднеантичной неоплатонической традиции.

Деятельность Синезия в Константинополе в 399-402 гг. была тесно связана с его друзьями и соратниками, которые поддерживали его политические взгляды, особенно по отношению к варварам в Римской империи. Круг друзей Синезия в Константинополе отличался по положению и жизненному укладу от друзей в Александрии, т.к. в столице большинство из них занимали государственные и военные посты, и с Синезием их объединяла не любовь к философии, а общий взгляд на накопившиеся противоречия в обществе той эпохи. Именно среди этих людей Синезий нашел поддержку своим антигерманским воззрениям. Среди близких знакомых Синезия в Константинополе были: Пеоний, Аврелиан, Троил, Анастасий. К числу друзей можно также отнести Полимена, Феотима и некоторых других. Пеоний-комит (*comes*), жил в Константинополе, где и познакомился с Синезием, позже занимал пост *comes rei militaris* в Александрии. Синезий адресовал ему письмо (Ер. 66), где убеждал его сочетать военную стратегию с философией [2, Р. 816]. Самым влиятельным из константинопольских друзей Синезия был Аврелиан – консул 400 г., *praefectus praetorio per Orientem* в 399 г. Он был смещен из-за происков Гайны и отправлен в ссылку (*Zos. V, 18, 7-9; Soz. VIII, 4,5; Soc. VI, 6,9-10*), и вернулся в Константинополь после поражения Гайны. Был лидером антигерманской оппозиции при дворе императора Аркадия [4, С. 128-129]. Именно при содействии Аврелиана [5, С. 330] Синезий смог получить аудиенцию у императора Аркадия и изложить перед ним нужды городов Пентаполя, а заодно и программу партии антигерманистов. Идейными вдохновителями антигерманской партии стали философ и софист Троил [6, Р. 128]. Троил – софист, родом из Памфилии, обучался философии в Константинополе. Он познакомился с Синезием во время пребывания последнего в

столице, а затем состоял с ним в переписке [2, Р. 1128]. Анастасий – придворный императора Аркадия и, возможно, воспитатель его детей (*Syn. Ер.22*), был влиятельным лицом в Константинополе в конце IV в. [2, Р. 77-78]. Среди константинопольских знакомых Синезия был и поэт – Феотим, которого Синезий считал выдающимся поэтом (*Syn. Ер.99*), Феотим был одновременно другом *praefectus praetorio per Orientem* 405-414 гг. Анфимия [2, Р.1128].

Таким образом, деятельность Синезия и его взгляды непосредственно определяли сферу общения, в которой он мог находить поддержку и взаимопонимание. Среди единомышленников Синезия было немало высокопоставленных чиновников Римской империи, потому его взгляды могли оказывать влияние и на умонастроения интеллектуальной элиты рубежа IV–V вв., которая, в свою очередь, оказывала воздействие на политическую и социальную жизнь Римской империи рубежа столетий.

Литература:

- 1) Crawford W.S. *Synesius the Hellene*. London, 1901.
- 2) *The Prosopography of the Later Roman Empire. A.D. 395-527 / Ed. by J.R. Martindale. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.*
- 3) Gardner A. *Synesius of Cyrene, philosopher and bishop*. London, 1886.
- 4) *The Prosopography of the Later Roman Empire. A.D. 395-527 / Ed. by J.R. Martindale. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.*
- 5) Синезий Купенский. О царстве /пер. и пред. М.В. Левченко. //ВВ, VI, 1953, с.327-357.
- 6) Lacombrade Chr. *Synésios de Cyrène. Hellène et chrétien*. Paris, 1951.

УДК: 94(44).01

Е.В. Горбунов (Вятский ГУ)

Римские и варварские начала в государстве Сиагрия (461–486 гг.)

В 476 г. Одоакр сверг Ромула Августула и отправил императорские регалии в Константинополь. Эта дата считается традиционной датой падения Западной Римской империи. Большую часть Западной империи к этому времени занимали многочисленные варварские королевства, большую, но не всю.

Значительная часть Галлии к 476 г. находилась под контролем варваров – бургундов, вестготов, аланов. В 486 г. франки под предводительством Хлодвига разбили в битве при Суассоне войска Сиагрия, которого Григорий Турский называет «*rex Romanorum*» [1, С. 47], то есть король римлян.

Таким образом на 10 лет Западную Римскую империю пережила её отдельная часть. В исторической науке эту территорию называют Суассонской областью или государством Сиагрия.

Для начала определим границы «королевства римлян». Оно находилось в Северной Галлии, с запада ограничено Арморикой (современный полуостров Бре-

тань), с юга – владениями вестготов (здесь граница проходила по реке Луара), на юго-востоке и востоке – с землями бургундов и франков соответственно. Факт того, что римская власть сохранялась не на самой романизированной территории империи дольше всего, поражает. Чем же это было обусловлено?

Люсьен Мюссе [2, С. 92] и Перри Андерсон связывают этот факт с размещением полевой армии (*comitatenses*) на данной территории. Мощная и боеспособная группировка войск отражала вторжения противника на данную территорию, в то время как для прикрытия всей Рейнской границы сил просто не хватало. «Северная Галлия спустя шестьдесят лет после того, как имперская система на Западе потерпела крах, оставалась оплотом последней предоставленной своей судьбе римской армии» [3, С. 120]. В середине V века командующим полевой армией Суассонской области был Эгидий Афраний, отец Сиагрия. Его дед (прадед) был консулом, сам он занимал пост магистра армии.

Он был назначен императором Майорианом, вёл боевые действия против вестготов и саксов, обороняя Северную Галлию. После смерти Майориана в 461 году Эгидий не признавал власть последующих императоров. Прииск Панийский писал: «с одной стороны беспокоила их (западных римлян) сила Вандилов, с другой Эгидий. Он был из западных Галатов, служил при войске Маиориана, пользовался при нем великой силой, и потому был раздражен его убиением» [4, С. 84]. Франки, «прогнав Хильдерика (своего короля), единодушно признали своим королем Эгидия, магистра армии, посланного... в Галлию Римской империей». Эгидий являлся королём франков на протяжении 8 лет, с 457 по 463 год [1, С. 41]. Факт того, что Эгидий был признан королём франков, очень интересен. Он несомненно имел авторитет среди них, разбирался в их обычаях. Понимался ли он при этом только как военный вождь? Нет. Эгидий собирал с франков дань и даже повелел умертвить сто мужей. И после возвращения Хильдерика франки продолжали сотрудничать с Эгидием в его походах против саксов и готов.

Очевидно, что Эгидий имел большой политический вес не только у франков и римлян. «Хильдерик вел войну под Орлеаном, а Одоакр с саксами выступил против Анжера. Тогда сильная эпидемия чумы покосила народ. Умер также и Эгидий, оставивший сына по имени Сиагрий. После смерти Эгидия Одоакр получил заложников из Анжера и других мест» [1, С. 43]. Эгидий Афраний умер в 464 году, и саксы сразу же утвердили своё влияние на римских территориях. Оборону возглавил Павел, который назван «римским военачальником» [1, С. 43]. Павел не был прислан из Рима, значит, он был одним из сподвижников Эгидия. После смерти Павла государство возглавил Сиагрий. Итог его правления печален: «На пятом году правления Хлодвига король римлян Сиагрий, сын Эгидия, местом своего пребывания выбрал Суассон, которым некогда владел вышеупомянутый Эгидий. Против Сиагрия выступил Хлодвиг... и потребовал, чтобы Сиагрий подготовил место для сражения. Тот не уклонился и не побоялся оказать сопротивление Хлодвигу. И вот между ними произошло сражение. И когда Сиагрий увидел, что его войско разбито, он обратился в бегство и быстрым маршем двинулся в Тулузу к королю Алариху» [1, С. 47].

Этот отрывок представляется весьма интересным. Сиагрий не отклонился от сражения по обычаям германцев: «*campum pugnae praeparare*», он подготовил поле боя. Анализируя факт избрания Эгидием королём франков, а также согласие Сиагрия сражаться по варварскому обычаю, можно сделать вывод о уже намечавшемся сближении галло-римской знати с варварской элитой. Более того, можно отметить, что покорение Суассонской области не было единовременным делом, ведь после выдачи Аларихом Сиагрия Хлодвиг приказал казнить последнего лишь «после того как захватил его владение» [1, С. 48].

Государство Сиагрия не было анахронизмом либо осколком империи [5, С. 142]. На основании приведённых выше фактов можно сделать вывод, что владычество Сиагрия было исторически обусловлено.

Эгидий, а затем Сиагрий, сами представители галло-римской знати, отказавшись от признания законными новых императоров, по сути дела объявили независимость, и само собой учитывали интересы аристократии. Они обеспечивали оборону подконтрольных территорий как вооружённым, так и дипломатическим путём. Они не преследовали христиан-ортодоксов, как это делали вестготские короли-ариане, обеспечивали преемственность права. Поэтому элита Суассонской области не видела смысла в приглашении варваров.

Хлодвиг, захватив Суассонскую область у «странного соседа» [6, С. 38], продолжил путь Сиагрия, просто переняв эстафету. Отмечая факт разграбления церковей, нужно учитывать и рассказ про «суассонскую чашу», и принятие Хлодвигом ортодоксального христианства. Хлодвиг довольно быстро пришёл к осознанию необходимости союза с церковью. Он поступал не как обычный варварский военачальник, а как дальновидный политик.

Таким образом, можно сделать вывод: существование государства Сиагрия благоприятно сказалось на преемственности римских традиций. Синтез варварского и римского начала начался в Северной Галлии не при Хлодвиге, а значительно раньше, и вектор последующего развития франкского государства был задан именно в период правления Эгидия и Сиагрия.

Литература:

- 1) Григорий Турский. *История франков / отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1987.*
- 2) Мюссе Л. *Варварские нашествия на Европу: Германский натиск. СПб.: Евразия, 2008*
- 3) Андерсон П. *Переходы от античности к феодализму. М.: 2007.*
- 4) Сказания Приска Панийского // *Ученые записки второго отделения императорской академии наук, Книга VIII. Вып. 1. СПб. 1861. <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prisc/frameset22.htm> (дата последнего обращения 13.10.2012)*
- 5) Корсунский А.Р., Гюнтер Р. *Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.: МГУ, 1984.*
- 6) Альфан Л. *Варвары: От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века. СПб.: Евразия, 2003.*

**Италия при Теодорихе Великом (493-526 гг.):
Остготское королевство как реализация идеи
единого готско-римского государства**

После смерти Одоакра в 493 г. единственным правителем Италии является Теодорих. Став правителем Италии, Теодорих всячески пытался успокоить италийцев, дать понять, что им не нужно бояться готского завоевания, что готское войско будет охранять спокойствие в стране. Для этого Теодорих прекратил военные действия. Объявил амнистию по политическим делам при поддержке местной католической церкви. Обещал римлянам сохранить их законы, и что военная сила готов будет служить в качестве защиты миропорядка.

Правление Теодориха в Италии представляет собой попытку продолжить римско-императорские формы правления. Теодорих был носителем и реализатором идеи справедливого распределения между готами и римлянами обязанностей и прав. Он был убежден в том, что римские законы, учреждения, римские формы жизни являются достойным образцом. Поэтому, заняв Италию, он стремился к наиболее удобному способу приспособления приведенных в Италию готов к найденным ими в стране социальным и экономическим условиям [1, С. 27].

Теодорих является преемником идеи, предложенной еще Атаульфом: слияние готов и римлян в единое целое. Свою идею Теодорих изложил в письме императору Анастасию: «Всемиловитейший император! Нам следует стремиться к охранению мира, тем более, что у нас нет и поводов к вражде. Наше королевство есть ваше подобие, форма прекрасного образца, экземпляр единственной империи: насколько мы подражаем вам, настолько превосходим другие народы. Верим, что вы не допустите, чтобы существовал какой-либо повод к несогласию между двумя республиками, которые всегда составляли одно целое при древних царях. Они не только должны быть соединены между собой возвышенной любовью, но и взаимно оказывать одна другой поддержку. Да будет всегда одна мысль о единой римской империи» [2, С. 567]. Официальным титулом Теодориха был *Flavius Theodoricus rex*. Обладая этим титулом, Теодорих объединяет варваров и римлян в одном государстве.

По мнению Теодориха, Остготское королевство будет представлять собой образец мирного сосуществования римлян и варваров. Важнейшим источником и законодательным памятником периода правления Теодориха, в котором отразилась эта идея, является, изданный им эдикт. Он представляет собой римское право, приспособленное к готам, и регулирующее их отношения с римлянами. Идея слияния двух наций нашла свое отражение в его словах римскому сенату: «Нам приятно, что соединились и владения, и сердца римлян и готов; так произойдет то, что обе нации, живя вместе, будут единомысленны» [2, С. 574].

В решении основных проблем его королевства большую роль играет религиозный вопрос. Теодорих установил свободу веры в стране. Он проявлял терпимость даже к нехристианским культам. По приказу Теодориха разрушенные еврейские синагоги были восстановлены. «Я не могу приказывать в деле религии, ибо насильем никого нельзя принудить веровать», - отметил Теодорих [2, С. 581].

Эннодий дает очень высокую характеристику Теодориху в частном письме к одному южногалльскому епископу: «Его успехи в войне есть результат нашей молитвы о воздаянии ему за то, что он, исповедуя совсем другую религию, сделал все возможное, чтобы защитить нашу веру. Не изменяя своих религиозных убеждений, он продемонстрировал удивительную терпимость ко всем инакомыслящим» [3, С. 103-104]. Здесь интересен тот факт, что хвалебные речи в адрес правителя-арианина, излагал один из самых известных ортодоксальных священников римской церкви.

Придворные и административные чины, показывают, что придворная и провинциальная администрация остготского короля была полным подражанием римско-императорской. Провинциальное устройство и городское муниципальное управление осталось без изменений [4, VI. 6. 23]. Для решения спорных вопросов, которые могли возникать между римлянами и варварами назначались королевские чиновники – *comites Gothorum*.

Современники Теодориха говорили о временах его правления как поистине о Золотом веке. Рим вновь стали называть *Felix Roma*, то есть счастливым Римом [3, С. 117]. В правление Теодориха восстанавливались старые водопроводы и строились новые, строились бани, осушались болота для создания новых посевных площадей. «Принимались все меры по сохранению, увеличению и рациональному использованию природных богатств страны» [3, С. 118]. Стабильное финансовое положение, высокий уровень экономического развития повлияли и на развитие культуры. Эннодий так описывал в своем панегирике деятельность Теодориха: «Я вижу, как в лежащий во прахе город вливается новая красота, как повсюду во благо государства встают новые дворцы, а старые обретают былое величие. Я вижу полностью возведенные здания там, где совсем недавно я видел лишь их проекты. Весь Рим, мать городов, стряхнул с себя все увядшее и прямо на глазах помолодел». Вот что говорит о Теодорихе ортодоксальный священник Аноним Валесиан: «Король любил строить новые здания и придавать прежний блеск стареющим городам, что, безусловно, следует считать одним из самых больших его достоинств» [3, С. 122].

Историк Прокопий высоко оценивал личность и деятельность Теодориха. Он пишет о Теодорихе: «Его мощная длань всегда заботилась о соблюдении порядка и была лучшей защитой права и закона. Он всегда надежно охранял свою страну от набегов соседних варваров; его мудрость и отвага внушали страх и уважение к нему далеко за пределами его королевства. Он старался избегать любой несправедливости по отношению как к своим подданным, так и к другим народам... Теодориха часто называли тираном, а на самом деле это был истинный император...» [5, V, 1].

Литература:

- 1) Уколова В.И. «Последний римлянин» Бозций. - М.: Наука, 1987.
- 2) Успенский Ф.И. История Византийской империи. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2001.
- 3) Пфальшифтер Г. Теодорих Великий. СПб.: Евразия, 2004.
- 4) Кассиодор. *Variae (фрагменты)* / вступ. ст., пер. с лат. и коммент. П.П. Шкаренкова // Вестник РГГУ. № 12. 2008. С. 231-251
- 5) Прокотий Кессарийский. *Война с готами*. М.: Арктос, Вика-пресс, 1996.

УДК 94(430).012

А.В. Пикин (Ивановский ГУ)

Посольский протокол в миссиях римлян к варварам в V веке

В V в. происходит кардинальное изменение всех сфер жизни римского общества. Старые формы правления на территории Западной Империи переживают кризис. Светская власть перестает справляться со своими обязанностями. С крахом Великой империи (военным, гражданским, социальным и культурным одновременно) начинается период экономического кризиса и дефицита власти. Однако римские государственные традиции сохранялись [1, С. 6-7] при помощи различных институтов, переживших падение Римской империи. Одним из таких институтов, чей авторитет постоянно рос, была ортодоксальная церковь. Клирики начинают играть значительную роль при дворах властителей не только как советники, но и как активные участники политических событий. Раньше основу их деятельности составляло отправление богослужения, административная деятельность внутри общины и, порой, различные теологические измышления. Но, начиная с середины V века, на первый план выходит поддержание мира между бывшими частями империи. В это время сфера деятельности епископов значительно расширяется. Одним из «новых» занятий становится отправление посольских функций. Чтобы понять, почему епископ становится хорошим кандидатом для отправления посольской деятельности, необходимо привести формальную сторону этой самой деятельности.

Пожалуй, важнейшим источником, свидетельствующим о деятельности епископов на посольской ниве, является «Житие Епифания Тицинского» (*Vita Epirhani*, далее VE). Это, скорее, не житие в полном смысле слова, а жизнеописание Епифания, составленное одним из его сотрудников Эннодием в начале VI века [2, С. 87; 3, Р. 150]. В достоверности его сообщений о формальных признаках посольств не может быть сомнения. Со стороны светской мы привлечем один из интереснейших источников, свидетельствующих о посольском деле в V веке: Сказания Приска Паннийского [4; 5, С. 371-379].

Мы будем сравнивать только формальную сторону посольских миссий, описанных Эннодием и Приском Паннийским, и постараемся реконструировать элементы деятельности посольства от избрания посла до завершения его дея-

тельности.

Начнем с описания посольств Приском Паннийским [4, С. 18-99]. Приск помогает понять те критерии, на основании которых и выбирался посланник. Он должен был обладать определенным уровнем образования и несомненным авторитетом. Приск упоминает нескольких посланников, причем все они когда-либо, за единственным исключением, отправляли высшие государственные должности. Кроме того, у Приска можно выделить формализованные особенности посольства.

Можно говорить о том, что посольство формируется высшей властью: формально посла назначает Сенат, однако кандидатура выбирается императором. Он инструктирует посланника, сопровождая того письмами. Важную роль в деятельности посольства играют отношения почтения. Посланник обязан оказывать почтение адресату посольства всеми способами, но не унижающими его достоинство. Кроме того, посланники располагают к себе правителя, членов его семьи, участников свиты, в общем тех, кто мог каким-либо образом повлиять на принятие решения, всевозможными подарками. Посольское общение происходило следующим образом. Главный посланник обращался непосредственно к правителю и вручает ему письма от своего владыки. Происходит обмен речами, однако решения по делам посольства принимаются не сразу. Важной частью варварского церемониала являлся пир. Приск свидетельствует, что на пир приглашались все посланники [4, С. 67]. После пира участники посольства отбывают, щедро одаренные. Адресат посольства передает через них письма, а кроме того, вместе с послами отправлялся его представитель.

Епифаний Эннодия принимает участие в пяти больших посольствах, на основании которых можно реконструировать деятельность посольской миссии. Прежде всего, правитель и знать обсуждают кандидатуру посланника, после чего происходит избрание, причем источник подчеркивает единодушное избрание посланника. Однако авторитет самого избранника должен быть крайне высоким [3, Р. 232]. После избрания посла обсуждался круг его помощников. Епифаний просит себе в помощники епископов соседних с Тицином городов. Посольство встречал руководитель советников правителя, который назначал день для встречи посла с королем (VE 85-86). Во время встречи происходил обмен речами непосредственно между властителем и посланником. Интересно отметить, что источник ни разу не упоминает каких-либо верительных грамот или писем правителю [3, Р. 246]. Отправитель посольства, согласно Эннодию, полностью доверяется искусству посланника. Однако стоит остановиться на восприятии посла-епископа. Каждый владыка попадает под действие чар Епифания и не может ему отказать в силу разных причин. Практически все говорят о его огромной силе убеждения и невозможности отказать столь достойному епископу. После общения происходит фиксация договоренностей [6, С. 506]. Затем происходил пир, однако посол не всегда на него оставался. Епифаний мотивирует свой отказ от участия в пире религиозными причинами (VE 92). Заключив соглашение, посол отбывал в свою область.

Как мы видим, в посольствах римлян к варварам в середине-второй половине пятого века вне зависимости от личности посла и территории, на которой проходит деятельность посольства очень много схожего. Римские традиции в сфере государственной и общественной жизни сохраняются еще какое-то время, и одной из, если не единственной, хранительниц этих традиций на Западе является Церковь. Клирики на Западе имеют авторитет, достаточный для отправления посольской должности.

Литература:

- 1) Уколова В.И. *Культура Остготской Италии // Средние века, 1983, вып. 46. С. 5-27.*
- 2) Шкаренков П.П. «*Vita Eriphani*» Эннодия: риторический дискурс и формирование символического образа власти в остготской Италии // *Вестник РГГУ, № 12/08. С. 81-113.*
- 3) Gillett A. *Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411-533. Cambridge, 2003.*
- 4) Дестунис Г.С. *Сказания Приска Панийского. СПб., 1860.*
- 5) Удальцова З.В. *Дипломатия ранней Византии в изображении современник* // *Культура Византии, Т.1. под ред. Удальцовой З.В.М., 1984. С. 371-392.*
- 6) Нечаева Е.Н. *О посольствах и политическом общении на позднеантичном Западе. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. / Под ред. Э.Д. Фролова, СПб., 2005. С. 497-507.*

**УДК: 94(495)«02»:913
Г.С. Майоров (СПбГУ)**

Сведения Константина Багрянородного (905 – 959 гг.) о южной границе Абхазского царства⁵

В деле изучения исторической географии Южного Кавказа немалую важность представляет византийский трактат X в. «Об управлении империей» императора Константина VII Багрянородного (913-920 и 945-959). Для интересующей нас проблемы особое значение имеет отрывок из главы 42: «За Таматархой, милях в 18 или 20, есть река по названию Укрух, разделяющая Зихию и Таматарху, от Укруха же до реки Никопсис, на которой находится крепость, одноименная реке, лежит страна Зихия; ее протяженность 300 миль.... Побережье же от пределов Зихии, или от реки Никопсис, до крепости Сотириуполь составляет страну Аваджию; на триста миль» [1, С. 176-177]. Соответственно, локализация крепости имеет важность для определения южной границы Абаз-

гии – но именно в этом положении и заключается своеобразный *lapis offensioinis* уже нескольких поколений историков. Дело в том, что традиционная локализация Сотириуполя в Пицунде (античном Питиунте) никак не соотносится с данными других известных источников о границах Абхазского царства. Между тем, из «Летописи Картли» анонимного грузинского автора XI в. нам известно, что еще в 780-е гг. Абхазское царство не только освободилось от византийской зависимости (о реальном масштабе приобретенного суверенитета можно лишь догадываться; на наш взгляд, ситуация соответствовала предложенной в свое время Д. Оболенским концепции «Содружества византийских наций» [2, С. 13-15]), но и включило в свой состав сопредельную страну Эгриси [3, С. 48]. При этом, сведения, сообщаемые императором в 42-ой главе, достаточно точны и их нельзя просто отбросить в сторону.

В дореволюционной историографии Сотириуполь традиционно помещался в сектор Пицунда – Сухуми (см. на этот счет труды Ф. Бруна [4, С. 245], В. Латышева [5], Ю. Кулаковского [6, С. 36]). Советские историки С. Каухчишвили [7, С. 218] и З. Анчабадзе [8, С. 115-116] преимущественно также склонялись к отождествлению Сотириуполиса с Пицундой, но были и другие точки зрения. Например, Ю. Воронов, буквально истолковывая сообщение Константина, получал общую протяженность Зихии и Аваджи в 600 миль (или ок. 900 км) – отсюда Сотириуполь переносился им в район Траpezунда [9, С. 72-73]. Известный британский ученый Э. Брайер в коллективной работе с Д. Винфилдом выступил за локализацию Сотириуполиса в верховьях р. Чорох, в районе с. Борчка [11, С. 347-349]. Из современных историков за отождествление Сотириуполиса с Пицундой в специальной статье на эту тему выступила Л. Хрушкова [12], ей оппонировал О. Бгажба [13].

Таким образом, мы имеем три основные версии локализации Сотириуполиса, каждая из которых не в полной степени соответствует сообщению Константина Багрянородного. Версия Ю. Воронова, на которую ссылается и О. Бгажба, основанная на примате указанного в милях расстояния, не кажется нам возможной, так как в этом случае нам бы пришлось признать, что в область, подконтрольную Абхазскому царству, входил и Траpezунд. Между тем, в нескольких главах нашего трактата (напр., в гл. 50; [1, С. 226-227]), равно как и в другом трактате Константина VII «О фемах» [14, С. 11], Траpezунд обозначается как область, непосредственно принадлежащая империи.

Традиционная версия с Питиунтом также имеет несоответствия с первоисточником: помимо того, что южная граница Абхазского царства по имеющейся у нас картине находилась гораздо восточнее, оба приведенных Константином VII расстояния в 300 миль оказываются проигнорированными. Следует, однако, отметить любопытную версию З. Анчабадзе: он считал, что Константин под понятием «Аваджи» мог иметь в виду не Абхазское царство, а «историческую Аваджию» или «эриставство Абхазии» [8, С. 116].

Слабое место локализации Э. Брайера в том, что современное с. Борчка находится не на черноморском побережье, а в 30-40 км выше по течению Чороха.

5. Статья подготовлена под редакцией д.и.н., проф. А.К. Шагиняна и на средства гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых - докторов наук МД-1664.2012.6, проект д.и.н., проф. Шагиняна А.К.: «Раннесредневековая география стран Южного Кавказа (Закавказья) и Армянского нагорья».

Это, как справедливо заметила Л. Хрушкова, мало соответствует сведениям трактата. Вообще, ее статья «Где находился Сотириуполис?...» казалось бы, должна была подвести точку под этим вопросом. Однако, некоторые ее положения не кажутся нам столь же убедительными. Прежде всего, вопреки высказанному Л. Хрушковой мнению (как иначе трактовать фразу: «Сотириуполис был крайним пунктом путешествия Константина, и император мог бы заметить, что город Авазгии лежит вне ее, на территории фемы Халдия»[12. С. 46]?), глава 42 не является описанием личного путешествия императора – Константин VII пользовался сведениями различных информаторов. Далее, расстояние в 300 миль между Никопсисом и Сотириуполисом никак, а не больше или меньше [12. С. 46], не может соответствовать расстоянию между Никопсисом и Питиунтом (Никопсис отождествляется с современной р. Нечепсухо к северу от Туапсе).

Приблизительные расчеты, полученные нами с помощью карт Google maps, дают расстояние между Нечепсухо и Пицундой около 180 км, в то время как 300 миль, как уже говорилось, приблизительно равны 450 км. Замерив с помощью того же инструмента протяженность побережья от устья Нечепсухо и до устья Чороха (о которой в своих построениях писал Э. Брайер и которую в качестве южной границы Абхазского царства упоминал авторитетный историк С. Джанашиа [10, С. 149-150]), мы получили почти буквальное соответствие сообщаемому Константином VII расстоянию. Сведения же Л. Хрушковой о том, что «Чорох находится на расстоянии свыше 800 миль от Никопсиса» крайне неточны и, по всей вероятности, заимствованы у З. Анчабадзе [8, С. 115], который в данном случае ошибался.

Таким образом, если мы согласимся с локализацией Э. Брайера, нам придется признать лишь одну ошибку первоисточника: в расстоянии от р. Укрух до р. Никопсии. Наши замеры показали, что это расстояние равно примерно 180 км. Сведем полученные результаты в таблицу:

	Укрух – Никопсис	Никопсис – Сотириуполь	
«Об управлении империей»	300 миль	300 миль	
	Укрух – Нечепсухо	Нечепсухо – Пицунда	Нечепсухо – Чорох
Google Maps	ок. 180 км	ок. 160 км	ок. 450 км

Более глубокий анализ полученных сведений выходит за рамки данной работы. Мы можем лишь отметить, что возможное решение противоречивости сведений трактата лежит в существовании двух Сотириуполей, возможность которого не отрицает и Л. Хрушкова, и некой географической контаминации, этой двойственностью порожденной.

Литература:

- 1) Константин Багрянородный. *Об управлении империей* / Текст, пер. и комм. Г. Литаврину. 2-е изд. М., 1991.
- 2) Оболенский Д. *Византийское содружество наций*. М., 1998.
- 3) *Летопись Картли* / Пер., введ. и прим. Г. Цулая. Тбилиси, 1982.
- 4) Брун Ф. *Черноморье*. В 2-х тт. Одесса, 1880. Т. II.
- 5) Латышев В. К истории христианства на Кавказе. *Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря* // Сборник археологических статей, поднесенных графу Бобринскому. СПб, 1911.
- 6) Кулаковский Ю. Где был построен императором Юстинианом храм для абазгов? *Археологические известия и заметки*. Т. 5, ч. 2. М., 1897.
- 7) Георгика. *Сведения византийских писателей о Грузии*. Т.IV. В.II / Греч. текст с груз. пер. издал и примеч. снабдил С. Каухчишвили. Тбилиси, 1952..
- 8) Анчабадзе З. *Из истории средневековой Абхазии*. Сухуми, 1959.
- 9) Воронов Ю. К локализации Никопсии. // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1988.
- 10) Джанашиа С. О времени и условиях возникновения Абхазского царства // *Известия ин-та языка, истории и материальной культуры*. Т. 8. 1940.
- 11) Bryer A., Winfield D. *The Byzantine monuments and topography of the Pontos*. Washington, 1985 (*Dumbarton Oaks Studies*, 20)
- 12) Хрушкова Л. Где находился Сотириуполис? Из истории церковной организации Западного Закавказья // *Вестник РГНФ*. 2006, Вып. 1.
- 13) Бгажба О. Так где же все-таки находился Сотириуполис Константина Багрянородного? // *Электронный ресурс*. Режим доступа: URL: http://www.kolhida.ru/index.php3?path=_archeology&source=bgajba_where_is (дата последнего обращения 07.10.2012)
- 14) Константин Багрянородный. О фемах. // *Электронный ресурс*. Режим доступа: URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr/De_Thematibus/text1.phtml?id=733 (дата последнего обращения 07.10.2012)

УДК: 94(497.2) 969/1018

К.Р. Капсалькова (Уральский ФУ им. Б.Н. Ельцина)

Болгарские полководцы на византийской службе (969–1018)⁶

К 80–90-м гг. X в. четверым братьям, сыновьям болгарского комита Николы, удалось создать на Балканах крупное государственно-политическое образование, немногим уступающее по территории Болгарскому царству эпохи царя Симеона. Вся последующая история династии Комитопулов представляет собой постоян-

6. Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., грант № 14.А18.21.0480

ный поиск внешнеполитических союзников и лавирование между группировками болгарской знати. Необходимо признать, что в условиях непрерывной войны с Византией младшему из Комитопулов, царю Самуилу, удалось создать на болгарских землях достаточно эффективную военно-административную систему. В каждом стратегически важном городе (κάστρον) он оставлял военачальника, в обязанности которого, помимо военных вопросов, входили также и функции гражданского управления. В частности, полководцы Самуила занимались обеспечением городов продовольствием. В XI в. Кекавмен с гордостью и похвалой отзывается о своём деде, тоже Кекавмене, который долгое время управлял городом Лариссой: «В безопасности засеваю землю, Кекавмен содержал своё войско в довольстве... приказал лариссянам... и они сеяли и жали... собрал урожай, которого хватит на четыре года» [1, С. 267].

Увеличение территории державы Комитопулов создало для царя Самуила значительную проблему. Контроль центральной власти над областными правителями и поддерживающими их аристократическими кланами становился номинальным. По сути, само существование «эфмерной державы Самуила» [2, С. 9] обеспечивалось только верностью этих людей. Некоторые из военачальников, обязанные своим возвышением царю, продолжали поддерживать Комитопулов даже после смерти Самуила (Гавра, Елемаг, Ивац).

Однако со временем у болгарской знати появилась альтернатива. Речь идет о переходе на византийскую службу, и продолжение военной карьеры в рядах императорской армии. Реорганизация вооруженных сил Византии, которая происходила на рубеже X–XI вв. давала опытным болгарским военачальникам шанс на получение высоких византийских титулов и должностей. Необходимо отметить, что переход многих болгарских полководцев на службу Василию II во многом предопределил исход войны. В источниках упоминаются имена Никулицы из Лариссы, Димитрия Полемарха (он получил от василевса титул патрикия), Драгшана из Водена. Самуила предал также Кракра из Перника в подчинении у которого были брат, сын и тридцать пять воевод [3, Р. 347; 4, С. 314-315]. Отдельно следует отметить представителя армянского княжеского рода Ашота Таронита, зятя Самуила. Он передал Василию II Диррахий и был удостоен за это титула магистра [3, Р. 345].

Политика, которую Василий II проводил по отношению к болгарской знати, была достаточно традиционной для Византии. Аналогичные процессы происходили в X в. и в других пограничных регионах империи. Армянские, грузинские, арабские военачальники переходили на императорскую службу, получали титулы, должности и земельные владения. Однако, становясь частью византийской военной элиты, они должны были многим пожертвовать.

Перешедшие к Василию II болгарские полководцы привыкли к тому, что в державе Комитопулов они занимали исключительное положение. Теперь от этой исключительности нужно было отказаться. Большинство из них вынуждено было довольствоваться должностями в провинциальных военно-административных структурах, рассчитывать на особое положение в византийской

военной иерархии им не приходилось. В связи с этим, некоторые военачальники, недовольные своим положением на императорской службе, возвращались к Самуилу. Например, Драгшан покинул Фессалонику и бежал в горы Тмор, где продолжали действовать болгарские военные отряды. Никулица также ненадолго вернулся на болгарскую службу после того, как его семья оказалась во власти Самуила.

Последние представители династии Комитопулов, по сути, разделили судьбу болгарской аристократии. Сыновья последнего болгарского царя Ивана Владислава Прусиан, Аарон и Алусиан стали византийскими военачальниками. Однако Прусиан был уволен со службы и отправлен в ссылку в правление Константина VIII. Алусиан в 1040–1041 гг. поддержал восстание Петра Деяна, но был помилован императором Михаилом IV. Только Аарон не принимал участия в заговорах и мятежах. Это позволило ему сделать блестящую карьеру, которая завершилась при Константине X Дуке. Отметим, что укреплению престижа и влияния Комитопулов в Византии больше способствовало заключение династических браков. Сестра Прусиана, Аарона и Алусиана Екатерина была замужем за Исааком I Комниным. Первой женой Романа Диогена была дочь Аарона Анна. Правнучкой царя Ивана Владислава была и другая византийская императрица – Ирина Дукена.

Подводя итоги, отметим, что в особом мире «балканского лимеса» процесс инкорпорации болгарских элит в состав византийской аристократии проходил сложно, болезненно и неоднозначно. Переход военачальников Самуила на сторону Византии означал для Болгарии не только потерю ключевых крепостей и источников дохода. Главное, что эта «полоса предательства» лишила династию Комитопулов людей, способных организовать сопротивление империи. После 1018 г. значительная часть болгарской знати, в том числе и сами Комитопулы, стала частью византийской элиты.

Литература:

- 1) *Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в.* / Изд. подг. Г.Г. Литаврин. СПб.: Алетейя, 2003.
- 2) *Ταχιάου Α.-Αι. Το εφήμερο κράτος του Σαμουήλ (976–1018) // Προβλήματα και ερωτηματικά. Θεσσαλονίκη: Ελληνική Εταιρεία Σλαβικών Μελετών, 1990. Σ. 9–20.*
- 3) *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn. Berlin, New York, 1973.*
- 4) *Книга историография початия имене, славы и разширения народа славянского, и их цареи и владетелеи под многими имянами, и со многими царствыями, королевствами, и провинциами. Собрана из многих книг исторических, чрез господина Мавроурбина Архимандрита Рагужского. СПб. 1722.*

**Византийско-русские связи в середине 60-х годов XI века:
Константин X и Святослав Ярославич
против самостоятельной Тмутаракани**

Одним из ключевых эпизодов византийско-русских отношений 1060-х гг., не удостоенным пристального внимания исследователей, является короткое (1064-66) княжение в Тмутаракани внука Ярослава Мудрого Ростислава Владимировича, в убийстве которого оказались замешаны как его ближайшие родственники, так и правительство автократора ромеев.

В 1064 г. Ростислав Владимирович (сын умершего еще в 1051 г. Владимира Ярославича [1, С. 107]), бежавший в Тмутаракань с приближенными отца, изгнал сидевшего там, возможно, с 1054 г. своего двоюродного брата Глеба Святославича [2, С. 310]. Несмотря на то, что в следующем 1065 г. Святославу Ярославичу удалось восстановить сына на формально закрепленном за Черниговом [3, С. 201] тмутараканском столе, Ростислав вновь овладел княжеством, вероятно, после ухода черниговского «экспедиционного корпуса» [4, С. 190], отозванного для начавшейся в том же году войны Ярославичей с Всеславом Брячиславичем Полоцким [5, С. 66-67; 6, С. 185, 374, 473].

Ростислав бежал (был изгнан?), по всей видимости, из Новгорода [3, С. 201] – некогда вотчины его покойного отца, крупнейшего после Киева, хотя и ущемленного в правах, но экономически мощного города, центра глухой оппозиции Ярославичам. Выступление Ростислава против Глеба Святославича – непопулярного черниговского ставленника [5, С. 65-66], оказавшегося не готовым к отражению удара с севера [3, С. 202], примерно совпало с кампанией Всеслава против «триумиров» (март – июль 1067 г.), окончившейся поражением и вероломным пленением полоцкого князя. Однако даже если предположить, что Ростислав захватил Тмутаракань по совету Всеслава [7, С. 95], то мысль о попытке повторения комбинации 1026 г., когда Ярослав и Мстислав Владимировичи управляли соответственно северо-западом и юго-востоком Руси, контролируя таким образом торговый путь из Балтийского моря к Азову, не находит достаточного подтверждения.

Спустя год после повторного вокняжения, 3 февраля 1066 г. (по сентябрьскому стилю; по мартовскому – 1067 г. [8, С. 31]), Ростислав, укрепившийся в Тмутаракани настолько, что «брал дань с касогов и с других народов [очевидно, посягая и на крымскую фему – Авт.], чего так устрашились греки» [2, С. 311-312], был отравлен лично прибывшим к нему «котопаном» (т.е. катепаном – военно-административным руководителем Климатов). По всей видимости, устранение Ростислава Владимировича произошло по просьбе или по согласованию Святослава Ярославича с Константином X Дукой, также заинтересованным в ликвидации беспокойного князя-изгоя [9, С. 21]. Предположение об усилении Киевской Руси в Приазовье, выразившееся не только в покорении касогов, но и в предполага-

емом захвате русскими Боспора [10, С. 96-97], встретило во многом справедливый контраргумент: ни в одном из источников нет упоминаний о цели убийства как об устранении русского политического влияния на Таманском полуострове [11, С. 404]. Впрочем, именно смерть Ростислава и возвращение (до 1068-69 гг. [6, С. 325, 473-474]) в Тмутаракань Глеба Святославича, в той или иной степени зависевшего от Чернигова, явились важными факторами перенаправления вектора тмутараканской экспансии с византийского на внутрирусский. Стремясь сохранить за собой Кубанское устье, Глеб оказался вынужден помогать отцу как в начавшихся на Руси междоусобицах, так и в отражении половецкой угрозы, ставшей общей проблемой не только для Руси, но и для Византии, наверняка стремившейся заручиться протекцией сильного северо-восточного соседа, тем более, что ее дунайские рубежи в 1064 г. массово пересекли вытесненные половцами родственные печенегам узы (торки) [12, С. 50-54; 13, С. 27-33].

Не менее интересным представляется еще одно последствие убийства Ростислава: возвратившись в Херсонес катепан «поведал там, что именно в этот (8-й – [14, С. 84]) день умрет Ростислав, как и случилось. Котопана этого побили камнями корсунские люди, (боясь мщенья русских – [14, С. 84])» [2, С. 311]. Несмотря на отсутствие византийских данных о таком самоуправстве, существуют предположения о мести, возмездии за предательское убийство пользовавшегося значительной популярностью в Крыму [7, С. 95] князя со стороны жителей (в первую очередь, купцов и пришлых русичей [3, С. 205]) Херсонеса [15, С. 110], тесно связанных с Русью через Тмутаракань [16, С. 84] и решивших в очередной раз продемонстрировать свою самостоятельность и несогласие с политикой Константинополя. Однако нельзя исключать и возможности, так сказать, замечания центральным византийским правительством следов, натравившим (неважно, под каким предлогом, который у позднейшего летописца трансформировался в месть за отравление Ростислава) херсонесцев на катепана-убийцу. В конечном счете, это не представляет большого значения, поскольку, действуя совместно и не имея сил избавиться напрямую [5, С. 67], Константин X и Святослав Ярославич устранили опасного соперника, потенциально угрожавшего интересам и Константинополя, и Чернигова в стратегически важном регионе, где обе стороны были заинтересованы в сохранении *status quo*. Последовавшее вскоре вторжение половцев, нарушившее традиционные русско-византийские коммуникации в низовьях Днепра, повлекло за собой кардинальное изменение ситуации на южных рубежах Руси, в том числе и в отношении Тмутаракани: через 20-30 лет для удержания позиций в Северном Причерноморье у князей уже не оставалось сил, чем Византия и сумела воспользоваться.

Литература:

1) *Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1998.*

2) *Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста Д.С. Лихачева; перев. Д.С. Лихачева, Б.А. Романова; под ред.*

В.П. Адриановой-Перетц: В 2 ч. Ч. I. М.-Л.: АН СССР, 1950.

3) Мавродин В.В. *Очерки по истории левобережной Украины (с древнейших времен до первой половины XIV в.)*. СПб.: Наука., 2002.

4) Егоров В.Л. *Русь и ее южные соседи в X–XIII вв.//Отечественная история. №6, 1994. С. 184-201.*

5) Голубовский П.В. *История Северной земли до половины XIV столетия*. Киев: Университетская типография И.И. Завадского, 1881.

6) Шахматов А.А. *Разыскания о русских летописях*. М.: Академический Проект, Жуковский: Кучково поле, 2001.

7) Вернадский Г.В. *История России: В 2 т. Т. II. Киевская Русь/Под ред. Б.А. Николаева*. Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 1999.

8) Черепнин Л.В. *Русская хронология/Под. ред. А.И. Андреева*. М.: Историко-архивный институт, 1944.

9) Якобсон А.Л. *Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.)//Материалы исследования по археологии СССР. № 17. М.-Л., 1950.*

10) Насонов А.Н. *«Русская земля» и образование территории древнерусского государства*. М.: АН СССР, 1951.

11) Левченко М.В. *Очерки по истории русско-византийских отношений*. М.: АН СССР, 1956.

12) Князький И.О. *Византия и кочевники южнорусских степей*. СПб.: Алтейя, 2003.

13) Васильевский В.Г. *Византия и печенеги (1048-1094)//Избранные труды по истории Византии (Труды В.Г. Васильевского): В 2 кн. (4 т.). Кн. 1 (тт. I-II)/Ред.-сост. М.В. Грацианский, П.В. Кузенков*. М.: Дарь, 2010.

14) Татищев В.Н. *История Российская: В 3 т. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.*

15) Якобсон А.Л. *Херсонес и Киевская Русь в XI в. // Вестник ЛГУ им. А.А. Жданова. № 4, 1949.*

16) Пашуто В.Т. *Внешняя политика Древней Руси*. М.: Наука, 1968.

УДК 94 (495) “929”.04
И.Ю. Гаврилова (СПбГУ)

Софья Палеолог: «Грекиня», «Римлянка» на великокняжеском столе

Зоя Палеолог была дочерью деспота Морей Фомы и племянницей последнего византийского императора Константина XI. В 1460 г., когда турки начали продвигаться вглубь Пелопоннеса, деспот Фома отправил своих малолетних детей на о. Корфу, а сам поехал в Рим. Папа Римский предоставил высокородному беглецу политическое убежище, а в 1465 г. принял и его детей. Правда, отца они уже не увидели, он скончался до их приезда. Перед смертью Фома Палеолог передал своих детей на воспитание Никейскому кардиналу Виссариону.

Согласно сохранившимся письмам кардинала Виссариона, детей деспота Морей воспитывали в достатке, обучали греческому и латинскому языкам. Настав-

ники уделяли много внимания нравственному воспитанию юных Палеологов. «Благородное происхождение ничего не стоит без добродетели, – обращался к ним в письме кардинал Виссарион. – <...> Изучайте серьезно науки, чтобы впоследствии занять в свете подобающее положение» [1, С. 157]. Система воспитания, составленная опекуном, соответствовала требованиям времени; характер и мировоззрение будущей великой княгини Московской формировался в атмосфере Итальянского Ренессанса.

Время шло, царевна подрастала. К 1469 г. в условиях сложных дипломатических отношений, созрел план «русско-византийского» брака, который воплотился в жизнь только через три года. 1 июня 1472 г. в Риме состоялось торжественное обручение Зои Палеолог с русским посланником, заменявшим жениха [2, С. 684]. 24 июня 1472 г. невеста с многочисленной свитой отправилась в Москву и 6 октября 1472 г. прибыла во Псков. Сразу по приезде в «вотчину великого князя» Зоя Палеолог сменила европейский наряд на «порты царские», желая подчеркнуть, что переходит под власть своего супруга и принимает традиции его страны.

Торжественный въезд невесты в Москву состоялся в четверг 12 ноября 1472 г. В тот же день произошло венчание молодых. Византийская царевна-бесприданница Зоя была наречена Софьей Фоминичной Палеолог и стала женой государя Всея Руси.

Воспитанная в духе Итальянского Возрождения, Софья Фоминична не смогла свыкнуться с русскими традициями. Супруга великого князя не была теремной затворницей. Она интересовалась политикой и принимала послов. Венецианский посол Амброджо Контарини, посетивший Россию в 1476 г., вспоминал, что Софья Фоминична принимала его у себя и обращалась к нему с «добрыми и учтивыми речами» [3, С. 229]. Такой стиль поведения отличался от размеренного образа жизни Московских княгинь и вызывал осуждение со стороны окружающих.

Когда в июне 1480 г. в Москву пришла весть о готовящемся походе на Русь хана Ахмата, Иван III решил отправить жену и детей на Белоозеро. Спешный отъезд княгини из Москвы вызвал осуждение современников и воспринимался как предательское «бегство». Софья Палеолог, воспитанная в европейских традициях, вероятно, не считала спешный отъезд из Москвы предосудительным. Так поступил ее отец, который в 1460 г. укрылся в Риме от турок, захвативших Пелопоннес.

Непонимание княгиней уклада жизни русских проявилось в истории с «саженьем» первой супруги Ивана III – Марии Борисовны. В 1480 г. Софья Палеолог выдала свою племянницу Марию Андреевну Палеолог замуж за Верейского и Белоозерского князя Василия Михайловича. В качестве свадебного подарка она преподнесла невесте «сажень» принадлежавшее Марии Борисовне. Драгоценное украшение Софья Фоминична подарила без согласия мужа и, когда в 1483 г. Иван III захотел одарить им свою сноху, оказалось, что оно уже подарено. Разразился скандал, вследствие которого Василий Михайлович был вынужден бежать в Литву. Софье Фоминичне удалось избежать гнева супруга, но ее поступок снискал осуждение современников. Так, летописец с упреком сообщил о том,

СВОЙ И ЧУЖОЙ: ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ «ДРУГОГО» В СРЕДНИЕ ВЕКА

УДК 94(439).01
Л.С. Малкова (СПбГУ)

Венгерско-болгарские отношения в IX – X вв.

Первые столкновения болгар и венгров относятся к 893-895 гг. Еще с VII до середины IX вв. венгры были подданными Хазарского каганата. После обретения независимости они перешли на территорию Ателькузы (междуречье Днестра и Днепра), откуда отправляли военные отряды в 862, 892 гг. в Паннонию как моравские наемники. На рубеже XII – XIII вв. Венгерский Аноним записал традицию «Деяния венгров», согласно которой вождь Альмош вывел мадьяр с их прародин (Ателькузы) и передал власть своему сыну Арпаду после вступления мадьяр на территорию будущего королевства Венгрии [1, Р. 10-11].

В 893 г. на престол I Болгарского царства вступил Симеон I. Почти сразу он начал Торговую войну с Византийской империей, в ходе которой император Лев Мудрый (886–912) воспользовался военной помощью венгров, ставших в то время близкими соседями болгар. В «Тактике» Лев Мудрый так пишет о венграх: «Они недружелюбны и ненадежны, они – рабы ненасытной жажды соколовиц. Ни во что не ставят клятвы, не соблюдают договоров, не удовлетворяются подарками, но прежде чем взять даваемое, они замышляют козни и нарушение договора» [2, С. 168–169]. При помощи византийского флота венгры перешли через Дунай и «пленили всю болгарскую землю» [3, С. 116–117], т.е. всю северо-восточную часть царства. Тогда Симеон пошел на мирные переговоры с Византией [4, С. 82]. Автор Фульдских анналов зафиксировал эти события, опираясь на сведения византийского посла епископа Лазаря, прибывшего в Регенсбург в 896 г. Он писал, что болгарам досталась победа в борьбе с венграми ценой больших потерь: «у болгар было убито 20 тысяч всадников» [5, С. 48]. Одержав победу Симеону помогли печенеги, вынудившие впоследствии венгров мигрировать из Ателькузы дальше на запад через Карпатские горы [6, С. 47]. Миграция венгров имела далеко идущие последствия для истории Болгарии и всей Европы. На данном этапе их присутствие воспринималось славянами и франками как страшная неприятность. По свидетельству современников, они были невысокого роста, со смуглой кожей, с гладко обстриженной головой и тремя косами. Они были одеты в шкуры зверей [7, С. 234]. Лиутпранд Кременский о них пишет так: «Их матери, как только рожают мальчика, острейшим ножом разрезают ему щеки, дабы до того, как вкусить питательное молоко, приучился он терпеть раны». В знак скорби по убитым родичам, оставшиеся в живых наносят себе раны: «Эти безбожные люди проливают кровь вместо слез» [8, С. 37].

что супруга Ивана III «много истеряла казне великого князя» [4, С. 202]. На Руси испокон веков княжескую казну считали общенародным достоянием. Поэтому Софье Палеолог, выросшей в Западной Европе, было сложно понять, что имущество великого князя имело не личную, а «общинную» ценность.

Властный характер государыни проявился во время династического кризиса 1497 г., когда при дворе Ивана III началась борьба за великокняжеский стол между его сыном – Василием и внуком – Дмитрием. Супруга великого князя Московского возглавила одну из противоборствующих группировок и приняла активное участие в придворных интригах, за что была наказана: «И в то время опалу положил князь великий на жену свою, на великую княгиню Софию о том, что к ней приходила бабы с зелием» [5, С. 247]. Присутствие «баб» в окружении Софьи Палеолог бросало тень на великую княгиню. Волхование осуждалось на Руси: и Православной церковью, и верующими. В «Слове» Иоанна Златоуста, сохранившемся в составе «Измарагда» сказано: «Многие жены несогласно с мужьями живут: в ревности, сварах, и к волхованию прибегают, непокорные мужьям своим» [6, С. 294]. Вследствие событий 1497 г. государь отстранил от себя великую княгиню. Гнев Ивана III длился недолго: уже в марте 1499 г. он помиловал своего сына и снял опалу с его матери [7, С. 172].

Окончательная развязка династического кризиса произошла в апреле 1502 г., когда Иван III заключил под стражу Дмитрия-внука и его мать Елену Волошанку, а через несколько дней пожаловал великим княжением Владимирским и Московским своего сына Василия Ивановича. Софья Фоминична Палеолог умерла через год после этих событий [5, С. 258].

На Руси Софью Палеолог не любили. Для русских людей она оставалась «чужой». Непонимание традиций и уклада жизни москвичей, нехарактерный для русской женщины стиль поведения, участие в придворных интригах закрепили за второй супругой Ивана III образ «чужой», иноземной княгини. Впоследствии, в период правления Василия III сын боярский И. Н. Берсень Беклемишев в приватной беседе с Максимом Греком заявил, что великая княгиня Софья Фоминична пришла к «нашему нестроенью» [8, С. 143]. В этой емкой фразе он отразил негативные представления современников – соотечественников о второй жене Ивана III.

Литература:

- 1) Пирлинг П. Россия и папский престол. М., 1912.
- 2) Успенский Ф.И. Брак царя Ивана Васильевича III с Софией Палеолог // Исторический вестник. СПб., 1887. Т. XXX.
- 3) Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.
- 4) ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000.
- 5) ПСРЛ. Т. XII. М., 2000.
- 6) Домострой. СПб., 1994.
- 7) ПСРЛ. Т. XXXIX. М., 1994.
- 8) Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1836.

В «Тактике» Лев Мудрый признавал сходство военного строя болгар и венгров: «Они с большей силой по сравнению с остальными скифскими народами ведут ближний бой, а также находятся под властью одного предводителя. Турок отличает от болгар лишь то, что когда болгары приняли христианскую веру, они под влиянием морали ромеев немного изменились. Они оставили вместе с неверием их дикость и образ жизни кочевников» [2, С. 170]. После обретения новой родины венгры с новой силой возобновили рейды на Запад и на Балканы. Они бывали в Константинополе и знали о богатстве и роскоши столицы. Но они могли достигнуть империи, только пройдя через болгарские владения. После событий 894–896 гг. они совершили рейд только в 934 г. Попытка обращения Константином Багрянородным венгров в христианство оказалась безуспешной [9, С. 519–520]. Георгий Кедрин свидетельствует, что в 948г. «вождь Булчу принял крещение и Константин почтил его своим статусом крестного отца. Он также преподнес ему дары и вознес его в ранг патриция. Правнук Арпада Термачу тоже был крещен и пожалован наравне с Булчу» [10, Р. 62]. Но это «было лишь притворством» и позже венгры возобновили нашествия. В 955 г. Оттон I Великий нанес им сокрушительное поражение в битве на реке Лех, после чего внимание венгров полностью переключилось на Балканы. Болгарское царство пребывало в тяжелом положении. Император в резкой форме требовал от болгарского царя Петра (927–969) выполнения союзнических обязательств – защищать византийские границы [9, С. 545]. И царь в 965г. предпринял попытку заручиться поддержкой императора Оттона I, отправив посольство [11, С. 52], но безуспешно. Чаще ему приходилось самому отстаивать свои и византийские владения. Вероятно, с этим связано впечатление об эпохе Симеона Великого, которая надолго укрепила идею о непобедимости Болгарского царства в сознании византийских императоров.

Литература:

- 1) *Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela. A translation by Martyn Rady. Slavonic and East European Review. 2009.*
- 2) *Гръцки извори за българската история. Т. IV. София, 1961*
- 3) *Симеон Метафраст и Логофет. Описание мира от бытия и летописник. Славянский перевод хроники Симеона Логофета с дополнениями. СПб., 1905.*
- 4) *Ангелов П. Българската средновековна дипломация. София, 1988.*
- 5) *Латински извори за българската история. Т. II. София, 1960.*
- 6) *Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002.*
- 7) *Успенский Ф.И. История Византийской империи. Период Македонской династии (867 – 1057). М., 1997.*
- 8) *Лиутпранд Кремонский. Отчет о посольстве в Константинополь. / Перевод И. В. Дьяконова // Средневековые литературные памятники и источники. М., 2006. С. 123 – 149.*
- 9) *Златарски В. История на Българската държава през средните векове. Т. 1. Ч.2. София, 1971.*

10) *Georgii Cedreni. Compendium Histoarum, cui subjiciuntur. Opera quae reperi-ri potuerunt omnia. Parisiis, 1889.*

11) *Известия ал-Бекри о славянах и их соседях. Перевод Розена В. // Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и Славянах (Приложение к XXXII тому записок И. Академии наук). СПб., 1878. С. 1 – 64.*

УДК: 94 (44).017

Л.Н. Куликова (Саратовский ГУ)

Важная страница истории Парижа в средние века (борьба с норманнами и ее роль в судьбах города)

Территория современного Парижа была населена с глубокой древности. Париж зародился как кельтское поселение: уже в середине III века до н.э. остров Сите – сердце современного Парижа – населяло племя паризиев. С этого момента прослеживается линия непрерывной преемственности городской жизни до наших дней.

В последующие столетия город не раз оказывался на грани жизни и смерти, пережил эпоху Великого переселения народов, доказав миру право на существование. В конце V в. над городом нависла опасность в лице франков, однако благодаря мудрости св. Женевиевы и благоразумию короля франков Хлодвига удалось найти компромисс, способствовавший упрочению положения Парижа. Именно Париж Хлодвиг избрал своей столицей и правил в нем более четверти века (с 486 по 511 год). При первых Меровингах Париж стал политическим и религиозным центром самого прочного из варварских королевств раннесредневековой Европы.

Однако с конца VII века Париж утратил статус столицы и крупнейшего города королевства. И лишь в IX веке Париж вновь заставил заговорить о себе. Его возвышение было связано с набегами норманнов, становившимися начиная с IX века все более частыми и опустошительными. Наиболее широкий размах они приняли с 820 г., а с 845 г. главной направляющей осью нападений норманнов на земли Западно-Франкского королевства стала река Сена, и на Париж хлынули волны норманнских набегов [1, С. 22].

В 845 г. викинги на 120 судах подошли к городу. Многие парижане в страхе бежали. Монахи и священники, забирая сокровища и реликвии, укрывались в ближайших аббатствах. Карл Лысый на время смог откупиться от викингов, заплатив 700 ливров серебром. Впоследствии эта практика вошла в обычай [2, С. 70; 3, С. 69-70]. «Карл старался дать им отпор, но никак не мог добиться того, чтобы его люди одержали верх, заключив договор с теми [пиратами], и передав им в качестве дара семь тысяч фунтов, он удерживает [их] от продвижения дальше, и убеждает вернуться» [4, 845]. Несмотря на это, купленное за деньги спокойствие длилось недолго, в 856 году норманны вернулись и подвергли Париж насилию и грабежам. Набегами викингов отмечены 845, 856-857, 861, 865-866 и в 869 гг. Левобережье Сены обезлюдело, жители укрывались на остро-

ве Сите, который стал превращаться в крепость. По приказу Карла Лысого был восстановлен Большой мост для укрепления обороны города.

Набеги норманнов, неся смерть и разрушение, сыграли вместе с тем роль импульса к укреплению политического значения города, поскольку именно графы Парижа стали после этих событий играть ключевую роль в организации обороны всей страны.

Кульминация натиска викингов на Париж пришлась на 886-887 гг. «24 ноября 886 года к стенам Парижа подошли не менее 40 тыс. норманнов и 700 судов под командованием Зигфрида» [1, С. 22]. До нас дошло яркое свидетельство хрониста Аббона: «Кровь твоя пролита этими варварами, приплывшими на семистах парусных кораблях и прочих маленьких ладьях, многочисленных до того, что нельзя их и счесть...» [5, С. 17].

«Спустя два дня с прихода норманнского войска Зигфрид повел переговоры с епископом Гослином: желал свободного проезда в верхние пределы королевства, обещал не делать никакого зла городу, говорил, что питает полное уважение к епископу и графу Эдо, но прибавлял, в виде предостережения, чтобы они приберегли себя и своих людей» [6, с. 93]. Договориться Зигфриду с епископом не удалось, что обернулось для Парижа двадцатимесячной осадой. В защите города участвовали не только рыцари, бароны и графы, но и служители церкви, крестьяне и горожане. В дни обороны особенно отличились граф Парижский Эд и аббат Эблль. Норманнам удалось разрушить башню, однако в ближайшую ночь она была вновь отстроена: «От прежней цельной башни почти ничего не осталось; уцелел один крепко сложенный фундамент и нижние зубцы; но в ночь, последовавшую за битвой, эта башня, обложенная вокруг здоровыми бревнами, поднялась еще выше, и на старом укреплении, так сказать, возникла новая деревянная крепость, в полтора раза выше прежней» [6, с. 93].

За время осады парижане выдержали 8 штурмов, при отражении одного из них погиб епископ Гоццелин. Осада нанесла Парижу огромный ущерб, но способствовала укреплению его авторитета и особого статуса [1, С. 22-23]. На защиту Парижа выступило ополчение Австразии во главе с герцогом Генрихом, но поход закончился провалом и гибелью герцога. После этого Карл III Толстый лично выступил против норманнов, но потерпел тяжёлое поражение. По словам аббата Регино, «император лично посетил Галлию, подошел к Парижу с бесчисленным войском, разбил лагерь в виду неприятеля, но не совершил ничего, что было бы достойно императорского величия. Он уступил норманнам на разграбление области и страны, лежащие по ту сторону Сень» [7, С. 155]. В итоге Карл откупился от викингов, но уже за иную сумму – 1400 ливров. В этой ситуации единственными спасителями страны стали парижские графы и жители города. Они сумели дать отпор численно превосходившему их врагу.

«Викинги возвращались в 887 и в 889 годах, но в обоих случаях заново укрепленные стены острова Сите не дали им ни ограбить город, ни подняться вверх по реке. А франки под предводительством графа Эда заметно потрепали норманнов» [3, С. 71].

Таким образом, вторая половина IX века занимает исключительно важное место на долгом пути исторического развития одного из самых знаменитых городов мира. Победа над норманнами, имевшая огромное значение для дальнейшей судьбы Франции, значительно повысила престиж Парижа и его правителей, выступивших в роли главных организаторов противостояния опустошительным вторжениям. Это стало одним из решающих факторов обретения Парижем статуса столицы королевства — предпосылки динамичного развития города в последующие столетия.

Литература:

- 1) Комбо И. *История Парижа*. Москва: Издательство «Весь Мир», 2002.
- 2) Хасси Э. *Париж. Анатомия великого города*. М.: Издательство Эскимо, 2007.
- 3) Джонс К. *Париж биография великого города*. - М. : Эксмо ; СПб. : МИДГАРД, 2006.
- 4) *Бертинские анналы*. // URL: <http://ulfdalir.narod.ru/sources/Francis/Bertiniani/text.htm> (дата обращения: 6.03.2012).
- 5) Аббон. *О войне города Парижа с норманнами*. // Электронный ресурс: URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Abbon/text1.phtml?id=7064> (дата последнего обращения: 6.03.2012).
- 6) Стрингольм А. *Походы викингов*. / Пер. с нем. А. Шемякина. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
- 7) Регино. *Время Карла III Толстого и распад Карловой монархии. 887 г. (в 907 г.)*. // Стасюлевич М. М. *История средних веков. От Карла Великого до Крестовых походов (768 – 1096 гг.)*. Т. 2. СПб М., «Издательство АСТ», 2001.

УДК: 94 (4)«05/15»172.3
Д.В. Дмитриев (СПбГУ).

Восприятие «Другого» в мусульманско-христианских отношениях в Средние века. Проблемы взаимопонимания

Арабо-христианские отношения в Средние века представляют собой яркий пример изучения феномена «Другого». Особенности культурного взаимодействия ислама и Запада были таковы, что отношение к Другому складывались в контексте категории Другой – «невежда», а не Другой как полноценный участник религиозного и культурного диалога. Тем не менее, именно мусульмане помогли христианам Запада сформировать собственную идентичность и понять, кто они есть. Как отмечает Ф.Кардини: «они, вынуждая европейцев защищаться и искать пути и способы совместных действий, содействовали их самоопределению – как в собственных глазах, так и перед лицом «Другого» [1, С. 11].

**О роли ислама в формировании
внешнеполитических и культурных связей Волжской Булгарии
со странами Арабского Востока в X – XII вв.**

Так, представления христиан о пророке Мухаммеде носили крайне негативный характер. В разные времена его именовали Антихристом, предтечей Антихриста, орудием Антихриста, обманщиком, лжепророком. Приписывали ему эпилепсию и разные порочные наклонности. Как пишет исследовательница Карен Армстронг: «Мистические переживания Мухаммада объясняли его эпилепсией, что в те времена было равносильно обвинению в одержимости бесами. В подробностях обсуждалась его сексуальная жизнь: ему приписывали все мыслимые извращения. Говорили, что он вовлекал людей в свою религию, поощряя их потворствовать своим самым низменным инстинктам» [2].

Мусульманские представления об Иисусе Христе носили несколько иной характер, чем христианские. Мусульмане уважали Иисуса, именуюя его «пророк Иса». Однако, при этом, отрицалось его Божественное происхождение. (Коран 9:30), утверждалось что его миссия ограничена (Коран 13:38) и что он не был распят (Коран 4: 157,158). Христианские писатели приписывали мусульманам политеизм (например, Георгий Амартол, полагавший, что мусульмане продолжают почитать языческую богиню Афродиту под именем «Хубар»[4]) полигамию и гомосексуализм, осуждали их кочевой образ жизни. Присутствовал элемент страха перед мусульманами из-за боязни потери «сакрального пространства».

Аналогично, мусульманские представления о христианстве и христианах носили практически идентичные этнические и религиозные стереотипы. Христианам приписывался политеизм (на основании веры в Бога - Троицу), сексуальная распущенность и отсутствие личной гигиены. Так, путешествуя по Святой земле, мусульманский историограф Ибн Джубайр подробно рассказал об «отсутствии чистоты» у франков. Особенно уничижительно он описывал город крестоносцев Акру: «Она воняет и полна отбросов и нечистот» [5].

Все вышесказанное привело к окончательному обострению межрелигиозных отношений. Противоречие переросло в конфликт. После нескольких удачных военных компаний европейцев, в исламе возникает концепция «джихада» как идеологическая основа борьбы с крестоносцами.

Литература:

- 1) Кардини Ф. *Европа и ислам: история непонимания*. СПб.: Изд – во «Александрия» 2007.
- 2) Армстронг К. *Мухаммад: история пророка*. М.: Изд–во София 2008.
- 3) Коран. Казань 1878.
- 4) Максимов Ю. *Ислам в богослужебных текстах Русской Православной Церкви* // Электронный ресурс: URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/07101015231.htm> (дата последнего обращения 24.10.2012).
- 5) *Крестовые походы и средневековье* // Электронный ресурс: URL: http://nagus.net/vosprinimanie_musuljmanami_frankov/dve_stereotipnye_harakteristiki_frankov_otsutstvie_lichnoj_gigienu_i_seksualjnaya_raspuschnostj (дата последнего обращения 24.10.2012).

Волжская Булгария, будучи раннефеодальным государством, поддерживала активные внешние сношения с государствами Ближнего и Среднего Востока. Она находилась в тесных экономических и культурных связях с государствами Средней Азии, Кавказом, Ираном, Аравией. Эти государства, в свою очередь, оказывали большое влияние на развитие государственности Волжской Булгарии. Особенно сильно это влияние сказалось после принятия ислама, распространение которого в Волжской Булгарии укрепило ее внешнеполитическое положение и расширило культурные связи.

Местные предания относят появление первых мусульманских проповедников в Булгарии ко времени правления полулегендарного эмира Айдара (IX в.) [1, С. 23].

Основными источниками о государстве Волжская Булгария, ее политическом устройстве, торговых и экономических связях, культуре и верованиях являются записки средневековых арабских путешественников и ученых, в разное время посетивших Булгарию – Ибн Русте и Ибн Фадлан [2]. Ибн Русте и Ибн Фадлан в своих трудах определенное место отводят описанию Волжской Булгарии. В этих источниках подробно описываются пути в Булгарию, ее города, быт ее населения, его язык и т.п. [3, С. 47 – 51].

Восточные авторы – современники болгар на рубеже IX–X вв. – отмечали, что часть населения Булгарии исповедовала ислам, в селах действовали мечети и медресе с муллами и муэдзинами [4, С. 125].

В книге Ибн-Фадлана «Путешествие на Волгу» сообщается, что «еще до приезда посольства халифата в Булгарию за болгарского царя совершалась молитва с фразой «О Аллах, сохрани царя Балтавара, царя Булгар» [3, С. 43]. Булгарский царь Альмуш одновременно с исламом принял имя арабского халифа и мусульманского первосвященника Джафара [5, С. 128].

Официально с 922 г. идет отсчет периода существования ислама как государственной религии Булгарии. В 930 г. болгарский царь Ахмед ибн Джафар совершил паломничество в Багдат и Мекку [5, С. 129].

Одним из важных факторов принятия и распространения ислама явились тесные торговые и политические связи с Востоком и Средней Азией. Принятие ислама содействовало установлению еще более тесных торговых контактов с этими регионами.

Следующей причиной принятия ислама в Булгарском царстве стала борьба за объединение государства, включая также такие близкие между собой племена, как болгары, сувазы, эсегели и другие, во главе которых стояли свои правители [6, С. 60].

Объявление ислама государственной религией открыло новую страницу в жизни болгарского народа – если ранее он был лишь одним из многочисленных тюркских племенных союзов, то отныне стал северным форпостом исламской цивилизации. Став частью огромного исламского мира, бывшего в то время средоточием наук в мире средневекового невежества, болгары принялись вбирать в себя всю ученость, накопленную человечеством и аккумулированную в мире ислама.

Все вышеперечисленные факторы вывели Волжскую Булгарию в один из крупнейших цивилизационных центров арабского мира, каковой она, а впоследствии и ее идейные наследники, являлись на протяжении длительного времени. Многие народы, так же наравне с болгарями находившиеся в зависимости от хазар – марийцы, мордва и т.д., так и не создали собственных государств, а вошли в орбиту формирующегося Болгарского государства и продолжали в нем оставаться, испытывая его политическое, культурное и экономическое влияние. Всем этим Волжская Булгария была обязана не силе своих воинов, и не торговой смекалке своих купцов – причиной всему был ислам, религия, пришедшая из Арабского мира в Среднее Поволжье. И именно ислам вывел болгар из состояния «один из многих» на место бесспорных лидеров в регионе.

Литература:

- 1) Давлетшин Г. *Когда и как болгары приняли ислам? Аргамак. – 1997. № 1. С. 122–133.*
- 2) Ибн-Фадлан. *«Записка» о путешествии на Волгу. М., Л., 1939.*
- 3) *Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу [Перевод и комментарии А.П.Ковалевского] / Под ред. И.Ю. Крачковского. М., Л.: Академия наук СССР, 1939.*
- 4) Фахрутдинов Р.Г. *Очерки по истории Волжской Булгарии / Р.Г. Фахрутдинов. М., 1985.*
- 5) Казаков Е.П. *Волжская Булгария. Начало пути / Е.П. Казаков // Татарстан. 2006. № 1. С. 52–57.*
- 6) Питерский Р. *Основные этапы исламизации народов Среднего Поволжья // Панорама-Форум. 2006., № 6. С. 57-68.*

УДК: 94(450).05

Д.В. Возчиков (Уральский ФУ)

Синтез элит на венецианском Крите и восстание св. Тита 1363–1368 гг.

Эпоха конца XIII – начала XIV вв. в Венеции характеризуется окончательным закреплением олигархического характера морской республики. На высшем уровне власти это ознаменовалось «Закрытием Большого Совета» с 1297 г. Одновременно венецианская бюрократия, сформировавшаяся к началу

XIV в., обеспечила утверждение жестко централизованной структуры колониальной империи. В этих условиях венецианские элиты колоний рисковали утратить статус.

Венеция не имела «классического» для других итальянских республик контадо. Ее крупнейшая колония, плодородный Крит (Кандия), приобретенный в 1204 г., заменил метрополию сельскую округу и стал одним из ключевых звеньев в цепи пунктов морской торговли.

Крупные восстания на острове происходили в XIV в. в 1332, 1333, 1341–1348, 1363–1368 гг. Состав их руководства по сравнению с XIII в. изменился: если в предыдущем столетии восстания носили характер антивенецианского и антикатолического движения во главе с кланами греческих архонтов (Каллерги, Скордили, Айостефаниты и др.), то теперь большую роль в них стали играть представители критовенецианской элиты. Для греков Крита идеи православия и воссоединения с империей (сначала – Никейской, а с 1261 г. – возрожденной Византией) были неразрывно связаны. И именно они определяют характер антивенецианских выступлений XIII в. В 1299 г. после очередного восстания венецианцы заключили с ранее непримиримым Алексеем Каллерги договор [1, Р. 163], по которому он и его клиентела не только были восстановлены в своих правах, но и получили привилегии.

Всю первую половину XIV в. метрополия увеличивала налоги и таможенные сборы. К претензиям на участие в политической жизни честолюбивой критской знати венецианского происхождения, сближавшейся с греками по образу жизни, власти относились настороженно. Образование пограничной между жителями метрополии и греками группы становится заметно уже в начале XIV в. К тому же немало критовенецианцев попало под обаяние греческой культуры.

Официальная венецианская точка зрения, выраженная в 1420-е гг. хронистом Лоренцо де Моначи, объясняла причины Восстания Св. Тита падением нравов венецианцев на Крите: пребывая в безопасности, не боясь более восстаний греков, они «перешли к праздности, от праздности – к роскоши, от роскоши – к гордыне» [1, Р. 172], к качествам, приписываемым грекам. Де Моначи, обвиняя критовенецианцев в уподоблении грекам, выражает здесь протест против процесса синтеза элит. Новые сборы на починку порта, утвержденные Сенатом при доже Лоренцо Челси (1361–1365), вызвали возмущение землевладельцев Крита. Они отказались платить до тех пор, пока, как было решено на собрании в церкви св. Тита во главе с Марко Градениго в августе 1363 г. [1, Р. 172–173], в Венецию не будет послана делегация из двадцати «мудрых», которая представит Крит в Большом Совете. В Большом Совете резко ответили, что столько достойных в колонии не наберется. На Крите это было воспринято как оскорбление, феодалы провозгласили Республику св. Тита. Члены семейств Веньеров, Каллерги и греческое духовенство примкнули к восстанию. Восставшие избрали Марко Градениго «губернатором и ректором Острова» [1, Р. 174]. Было объявлено о снятии ограничений на правосла-

вие. Дука Кандии Леонардо Дандоло был смещен. Вскоре весь остров оказался охвачен восстанием.

После попыток переговоров с восставшими венецианцы направили письма папе Урбану V, королю Кипра Петру I Лузиньяну, который с 1362 по 1365 гг. находился в разъездах с целью уговорить властителей Европы снарядить крестовый поход, императору, королю Венгрии, дожу Генуи с просьбой не поддерживать связи с мятежным Критом. Папа, не оставшийся равнодушным к идее нового крестового похода, обратился к критянам с призывом заключить мир с Венецией. Венецианцы быстро сумели добиться дипломатической изоляции мятежного острова: даже Генуя прислала в ответ на письмо из Венеции доверительную грамоту.

Между тем, в рядах самих восставших на Крите начались раздоры. Зимой 1364 г. дож уполномочил Анеджело Микьяля отправиться к туркам для закупки припасов [2, Р. 254]. Этот эпизод демонстрирует ключевую роль Крита в поставках продовольствия. Для усмирения Крита Республика привлекла кондотьера из Вероны Луккино дель Верме [1, Р. 178]. Отряд наемников высадился на Крите 6 мая 1364 г., после коротких, но ожесточенных сражений 9 мая 1364 г. Кандия открыла ворота венецианским силам [1, Р. 182]. Руководители восстания – Марко Градениго и Паоло Кверини были казнены. Клань Веньер и Градениго были изгнаны с острова. Однако в августе 1364 г. группа мятежников, возглавлявшаяся Тито Веньером и Каллерги, присягнула на верность византийскому императору Иоанну V и объявила себя ревнителями православия. Однако этот жест скорее привел василевса в замешательство [2, Р. 255]. Партизанская война на Крите продолжалась до 1366–1368 гг.

В ходе подавления мятежа были уничтожены физически и политически самые честолюбивые фигуры колониальной знати. Но восстание все же вынудило Венецию умерить налогообложение ключевой колонии. После 1368 г. Крит вступил в полосу относительно мирного развития, что отразилось на бурном развитии культуры рубежа веков.

Восстание св. Тита продемонстрировало наличие в середине XIV в. у критовенецианской элиты отличной от венецианцев и греков идентичности. Синтез греческой и критовенецианской элит стал возможен во многом в силу того, что общим противником для тех и для других была олигархия метрополии.

Литература:

1) *Laurentii de Monacis Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis ab U.C. ad annum MCCCLIV. Venetiis: Ex typographia Redmondiniana, 1758.*

2) *Setton K. The Papacy and the Levant. 1204–1571. Philadelphia: American Philosophical Society, 1976. Vol. I: The thirteenth and fourteenth centuries.*

«К оружию, горожане!».

К образу средневекового горожанина XIII – XIV веков

Средневековое общество и его политическая культура стояло на трех китах: община, вассально-сеньориальные отношения и личная верность. Средневековый цех есть форма аграрной общины. Переходя на новое место, сталкиваясь с новыми реалиями человеческого общежития в крупном городе, средневековый человек, точнее, средневековые люди, не стремились, да и не хотели менять свои привычки – они просто стали жить по старым законам, пусть и в новых условиях. В средневековом цехе сохранилась та же иерархия, что и в средневековой деревне – с той лишь разницей, что иерархия эта была более разветвленной. Мастеров было несколько – в отличие от сельского старосты, а вот учеников – меньше, чем, к примеру, сельской молодежи. Причина проста – теснота города.

Средневековые ополченцы набирались из жителей города по цеховому принципу. И жители города по закону были обязаны иметь оружие и броню. Раз в год или чаще проводились строевые смотры у горожан, на которых проверялось и состояние оружия, и умение им владеть. Как видно из устава Нюрнберга, в случае войны, силы ополченцев набирались по жребию [1, S. 174] – то есть оказаться в рядах уходящего из города войска мог каждый. А из этого, в свою очередь, возникает необходимость тренировок, пусть и не очень регулярного. Этим же занимались и приглашенные профессиональные воины, даже рыцарского сословия – в их задачи входила организация ополчения, а это требовало подготовки [2].

Когда дело доходило до войны, до крайности, человеку свойственно проявлять свою истинную сущность, выявлять истинные ценности, действовать инстинктивно, полагаться только на то, что он сам считает надежным. И для средневекового горожанина, как это ни странно, такой ценностью оказалась община. Вроде бы, город есть место, где можно перейти в качественно иное состояние, проявить индивидуализм – но как только дело доходит до войны, смерти, ранения, болезни, травмы на работе, судебной тяжбе, да или просто свадьбы, тут же из-под маски приличного горожанина появляется франко-германский общинник.

Городская стража набиралась из цехового ополчения, то есть из жителей города, и каждый гражданин обязан был отслужить определенный срок в защите правопорядка. Таким образом, обособления полицейской службы в отдельную касту, отделения ее от населения не происходило, неких «абстрактных» полицейских просто не существовало. Городская стража – это и есть инструмент поддержания порядка в городе. Причем, поскольку низовыми чинами в ней, то есть непосредственными исполнителями на местах, теми людьми, от которых зависит выполнение любого приказа или закона, являются сами жители, то порядок устанавливается ровно тот, который хотят они сами. В их силах либо выполнить приказ со всем прилежанием, либо просаботировать вовсе, либо выполнить так,

как они его понимают. Причем ответственность они несут не только и не столько перед городской администрацией, сколько перед своими же собратьями по цеху. И дежурят в своем квартале. И, исходя из своего понимания мирового порядка, то есть понимания, что хорошо, что плохо, что можно, что нельзя, они и устанавливают порядок на городских улицах.

Таким образом средневековый ремесленник вовсе не был забитым и замученным, зажатым общиной в тиски бессмысленных обычаев существом. Наоборот – эти обычаи и община поддерживали его, структурировали и давали ориентиры и силу (чего, кстати, так не хватает жителям XXI столетия). В период крупных войн, войн городов с сеньорами или городов с городами в рядах городского ополчения, уходящего за стены родного «большого дома» оказывалась весьма серьезная часть населения. Это значит, что назад возвращались люди, уже знающие, как проливать кровь, люди с опытом убийства, приобщившиеся к войне и смерти. А на таких людей давить очень трудно. Запугать – тоже. А возможность таковую им давала именно община. Которая не только ограничивала, но и защищала, давала друзей и родственников, давала место в мире.

Средневековый цех это форма существования общины. Причем общины не средневековой аграрной соседской, а более древней, германской родовой общины, воспетой еще Тацитом. Аргументом в пользу этого утверждения выступает то, что и цеховая организация вкупе с войском, и цеховые законы, и обычаи весьма схожи, даже практически дублируют германские родовые обычаи, только с поправкой на условия города. Цех – это большая семья, обычай перехода из учеников в подмастерья и из мастеров в ученики есть древний обряд инициации, устанавливающий новый статус члена общины [3, С. 145], транслируемый как на мирную жизнь и праздники, так и на войну, городское ополчение есть видоизмененное родовое ополчение, собрание цеха - древнегерманский тинг. Следовательно, противопоставление городской жизни и аграрной цивилизации не столь очевидно. Более того, городской цех, как это ни кажется на первый взгляд удивительным, выступает последним хранителем древних общинных законов. Еще одним доказательством является то, что переход от цехового производства к мануфактурам и фабрикам, то есть время, когда единая семья заменяется наемным трудом, маркирует собой конец Средневековья, эпохи, когда человек руководствовался долгом и нерушимыми устоями и мыслил себя в первую очередь как часть целого. А городское ополчение – это та точка, на которой сходятся древние германцы и крупные города, ментальность и практика, дикая кровь и высокая культура, раннее, классическое и позднее Средневековье.

Литература:

- 1) *Нюрнбергские хроники /Die Chroniken der deutschen Städte von 14. bis ins 16. Jahrhundert, herausgeg. von K.Hegel*
- 2) *Аугсбургские хроники /Die Chroniken der deutschen Städte von 14. bis ins 16. Jahrhundert, herausgeg. von K.Hegel*
- 3) *Иванов К. А. Средневековый город и его обитатели. СПб, 1900*

4) *Средневековое городское право XII-XIII веков. Саратовский университет. Саратов. 1980*

5) *Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Под ред. А.А. Сванидзе. М., 1999*

6) *Филлипов Б., Ястребицкая А. Европейский мир X-XV вв. М, 1995*

УДК 39 (394) 03

М.М. Раджабова, З.К. Пирмагомедов
(Дагестанский ГПУ)

Иудеи Кавказа в Средние века

Данная работа посвящена интересной и актуальной теме происхождения горских евреев, их этнической идентификации, вопросам расселения их на Восточном Кавказе. В ней немало интересных и обоснованных наблюдений. К таковым, например, относится вывод о переселении предков горских евреев не с территории Мидии, а с более южных областей иранской державы, с территории древней Вавилонии. Появление носителей татского языка (татов и горских евреев) на Восточном Кавказе традиционно связывают с переселенческой, колонизационной политикой Сасанидов, особенно Хосрова I Ануширвана (531–579), и развернувшимся здесь грандиозным фортификационным и градостроительством, требовавшим огромных людских масс.

Имея единый язык и социально-экономический уклад жизни, таты впоследствии приняли и стали исповедовать три различные религии: ислам, иудаизм, христианство монофизитского толка.

История появления на Кавказе и в Иране ираноязычных племен уходит вглубь веков. Они формировались в III–II тыс. до н. э. на бескрайних просторах Евразии. Со второй половины I тыс. до н.э. ираноязычные племена начали проникать на Кавказ, в Среднюю Азию, Афганистан и Персию. В Персии они заняли обширные территории [1, С. 70]. В результате смешения иранских племен с местным населением на Иранском плато образовался ряд новых племенных союзов [2, С. 42]. Один из таких племенных союзов – таты Ирана, что находит подтверждение в современном употреблении этого названия в Иране: «таты» – самоназвание ираноязычного народа, персы считают татов отличными от себя [3, С. 27 – 28].

Мнение, будто таты и тальши подвергались персизации [4, С. 92], то есть ассимилировались персами, не согласуется с данными по этнографии и лингвистике татов Ирана: таты сохранили свою самобытную культуру и язык предков – древних ираноязычных племен [3, С. 27]. Татское население Ирана (300 тыс. чел.) [5, С. 358] проживает в районах, входивших в древнюю Мидию: в селах между городами Тегеран и Казвин, в горном районе Таликан и равнинном – Зохра [7, С. 192 – 194].

По договору между Ираном и Византией от 387 г. н. э. Иран обязался держать на Кавказе крепости и гарнизоны, за что Византия выплачивала Ирану соответ-

ствующую субсидию [10, С. 126]. К этому периоду и относится время поселения в качестве колонистов одного из татоязычных иранских племен из Мидии. Большое количество их было поселено в Дербенте и в окрестностях. Это объяснялось ключевым положением города в системе обороны Сасанидов. Именно здесь были созданы мощные по тому времени оборонительные укрепления и воздвигнуты южная и северная стены протяженностью 3,5 км каждая. Их строительство завершилось в конце VI вв. н. э. [8, С. 228].

Древние таты были язычниками: поклонялись огню, верили в существование злых и добрых духов. Необыкновенные божества, по их представлению, властвуют над природой и человеком; они могут явиться в образе животного, чтобы наказать или наградить человека за плохие или добрые поступки и дела. Языческие верования проявлялись особенно наглядно в своеобразии обряда похорон, в исполнении ряда ритуалов и т.д. [9, С. 1].

В VIII – IX вв. н. э. после вторжения арабов [10, С. 11] на Кавказ одна часть татского населения принимает ислам, другая, проживающая в районах населенных армянами – христианство (монофизитского толка). Таты, проживавшие на территории Хазарского каганата, приняли иудаизм.

Несмотря на исповедание татами различных религиозных направлений, дружественные связи между ними сохранялись, продолжались заключаться браки [11, С. 14]. Тесным связям между татами различных вероисповеданий способствовало сохранение единства их духовной и материальной культуры, традиций и быта и, естественно, наличие общего языка, а также многих обрядов языческого характера. В связи с этим следовало бы усомниться в мнении о том, что между диалектами татов-иудеев и татов-мусульман существуют значительные различия, исключающие полное взаимопонимание между их носителями [8]. Между тем, как таты всех групп, независимо от некоторого диалектического различия, хорошо друг друга понимают.

Таты Кавказа, как и таты Ирана, занимались в основном земледелием. Большое количество татов жило приблизительно в 30 окрестных аулах и селах, занимаясь сельским хозяйством: Карачог, Рукел, Хамайды, Мугарти, Дарваг, Дашлагар, Эрпели, Мамрач, Маджалис, Дургели и т.д., где трудились бок о бок с табасаранцами, лезгинами, азербайджанцами, даргинцами, кумыками. Были также аулы и селения целиком населенные татами: Ньюнди, Хошмемзил, Жараг, Аглаби, Ханжел, Мамрач, Джалган, Сабуново.

В основе морально-этического поведения татов, как и других горцев, лежали адаты (неписанные законы). По своей одежде таты всех вероисповеданий не отличались от других горцев, они также носили холодное оружие – кинжал. Таты, как и большинство горских народностей, были почти сплошь неграмотны и не имели своей письменности. Таты-иудеи, как отмечали ученые, были неграмотны и в знании иудейской религии, оно и понятно: не имели даже письменного древнееврейского алфавита. Дети в 10 – 11 лет бросали религиозную школу и шли помогать родителям в сельском хозяйстве, поскольку семьи были многодетными и каждая рабочая рука ценилась. Кроме того, язык иврит, на котором обучали

религиозной грамоте, был чуждым для татов языком и потому, выходя из стен школы, дети забывали то, что зубрили. До советской власти таты не имели своей письменности, о чем свидетельствует отсутствие каких-либо изданий на татском языке. Создание нового алфавита для татов было завершено в 1929 году.

В настоящее время большинство горских евреев живет уже за пределами Восточного Кавказа, края, где они сформировались как особая этнографическая группа еврейского народа. Но и по сей день таты еще сохраняют связи с родиной своих недавних предков и в новых местах своего проживания нередко группируются в более или менее значительные по размерам общины.

Литература:

- 1) Грантовский Э.Я. *Ранняя история иранских племен в Передней Азии*. М., 1970.
- 2) Дьяконов И.М. *Очерки истории древнего Ирана*. М., 1961.
- 3) Люшкевич Ф.Д. Термин «тат» как этноним в Средней Азии, Иране и Закавказье // *Советская этнография*. 1971. № 3. С. 27 – 28.
- 4) Дьяконов И.М. *История Мидии*. М. – Л., 1956.
- 5) Брук С.И. *Население мира*. М., 1986. С.358.
- 6) Люшкевич Ф.Д. *Некоторые этнографические данные о татах Ирана // Этническая история народов Передней Азии*. М., 1972. С.192-194.
- 7) Хан-Магомедов С.О. *Дербент*. М., 1958.
- 8) Анисимов И.Ш. *Кавказские еврей-горцы*. М., 1888.
- 9) *История Ирана*. МГУ. 1977
- 10) фон дер Ховен Н.Н. *Из прошлого и настоящего азиатских евреев*. СПб, 1900.
- 11) Грюнберг А.Д. *Татский язык // Языки народов СССР*, 1966.

УДК 94(47).042

Е.В. Боднарчук (Голод) (СПбГУ)

Эпоха великих географических открытий: открытие Московии.

Согласно утвердившимся в историографии взглядам, дипломатические контакты России с Папским престолом в 1520-е гг. сводились к обсуждению вопросов политической актуальности, которые нашли отражение в сохранившейся официальной документации.

Между тем, русское посольство 1525 г. имело и выраженные культурные последствия. По результатам бесед с русским посланником Дмитрием Герасимовым римский гуманист Паоло Джовио в конце 1525 г. опубликовал «Книгу о посольстве Василия III», ставшую первым подробным печатным описанием Московии (и одним из наиболее авторитетных и популярных в Европе в XVI в.) [1]. Это событие по своему значению, несомненно, заслуживает политическую сторону переговоров. Однако, важнее отметить, что за изданием книги стоят представители римской интеллектуальной элиты, выразившие таким образом свои культурные интересы.

Текст книги предваряют стихотворные эпиграммы римских поэтов, в которых раскрывается подлинное значение сочинения для интеллектуалов из окружения понтифика [1, С. 251]. Поэтические предисловия выражают общую мысль – их авторы глядят на П. Йовия как на открывателя нового мира: «теперь, со свидетельством Йовия, мы видим это как бы воочию» (Ян Виталий). Иероним Делий Алекс говорит: «мир через тебя узнает Московию», «мир ... тебе обязан миром [т.е. открытием нового мира]». И, вслед за ними, Петр Курсий: «перечитывая твой тщательный труд о Московии ... я начал верить в иные миры Демокрита».

Исследователи не комментировали эти высказывания, вероятно, толкуя их в символическом и риторическом ключе. Однако, думается, что для современников великих географических открытий в открытии новых миров было больше реальности, чем символизма.

Высказанной мысли – кроме общих соображений – находятся и другие подтверждения. Деятельное участие в появлении книги П. Джовио приняли папские дипломаты – Джованни Руффо, которому автор посвятил свой труд, и Франческо Кьерикати, непосредственный инициатор издания [2, Р. 70]. Дипломатические поручения Ватикана были связаны для обоих с путешествиями, в которых отчетливо виден персональный интерес к знакомству с новыми местами, обычаями и культурами.

Доподлинно известно, что Ф. Кьерикати не ограничивался посещением тех стран, с которыми была связана его служба, но старался расширить границы известного ему мира (так дипломат, будучи отозван с миссии в Англии в 1516 г., прежде чем вернуться в Рим, посетил Ирландию) [3].

В период дипломатических поручений в Испании (1518-1519 гг.) и Португалии (1521 г.) Ф. Кьерикати столкнулся с обилием известий о путешествиях в новые земли. С этого момента дипломат внимательно следил за новостями об открытиях, а его дом в Барселоне стал местом встреч для обсуждения литературных трудов и отчетов о путешествиях. Пьетро Мартир д'Ангиера в одной из «Декад» [4, Р. 25] вспоминает, что папский нунций Кьерикати забрал с собой при возвращении в Италию привезенную из Нового Света золотую маску (очевидно, маска представляла для него не материальную ценность). Другое краткое свидетельство о Кьерикати – в предисловии к новелле Маттео Банделло – показывает, что путешественник был поглощен событиями, связанными с американскими открытиями. Писатель изображает светскую беседу при дворе Пандино с участием Кьерикати. Дипломат привлекает всеобщее внимание рассказами о чудесах Нового Света, показывает привезенные оттуда диковинные вещи, мозаичных идолов, которым индейцы поклонялись до крещения, рассказывает об обычаях и нравах местных жителей [5, Р. 366-370]. Историческая основа этого литературного сюжета несомненна. Для несведущих итальянцев Кьерикати становился настоящим открывателем.

Покидая Испанию, Ф. Кьерикати просил своего друга и коллегу по дипломатической службе Джованни Руффо держать его в курсе известий о происходящем в Новом Свете [6, Р. 135]. Сохранилось уникальное письмо Руффо, адресованное

Кьерикати, от 7 марта 1520 г., в котором описан прием императором Карлом V в Вальядолиде мексиканских послов и посланников от Эрнана Кортеса, на котором ему довелось присутствовать [7, Р. 361-363; 8, Р. 176]. Так в личной переписке дипломатов оказывается сообщение, которое является одним из первых и важнейших свидетельств о ранних контактах европейцев с мезоамериканцами.

Папский дипломат Дж. Руффо проявлял не меньше интереса к событиям эпохи географических открытий. В заключительной эпиграмме в книге П. Джовио о нем сказано: «Отдаленные закоулки [земли] и обширные просторы моря ... никто лучше тебя их не оценит, тебе одному открыты все земли и все моря». Руффо также был автором краткого предисловия к первому изданию «Декад» П. д'Ангиеры [9, f. a-i; 8, Р. 151-153]. В одной из декад автор называет его своим вдохновителем [9, f. i-viii]. После отъезда из Испании, Дж. Руффо был главным корреспондентом Ангиеры, с которым тот в оживленной переписке обсуждал испанские открытия и известия из Нового света [10].

В одном из этих писем от 26 февраля 1523 г. д'Ангиера сообщает Руффо о приезде в Вальядолид к императору Карлу V посольства московитов. Известие примечательно тем, что говорит о первом русском посольстве, побывавшем в Испании и положившем начало дипломатическим отношениям стран [11, Р. 220-221]. Внимание автора письма к деталям говорит о значительном интересе, который послы Московии вызвали у гуманиста – вероятно, не меньшим, чем любопытство, которое будоражили пришельцы из Нового света.

Так, в немногих сохранившихся биографических известиях, Ф. Кьерикати и Дж. Руффо предстают увлеченными участниками эпохи открытий. Наиболее жгучий интерес для них был в визуальном и предметном контакте с неизвестными культурами, жизненными укладами и просто вещами.

«Открытие Московии» европейцами в начале XVI в., которое мыслилось его западными участниками в контексте встречи с Новым Светом, говорит не столько о том, что Европа узнает Россию в это время, сколько об изменении типа мышления и о том, что Запад увлекся самим открытием мира. Многочисленные контакты и возможности для знакомства с Россией в предшествующее время не провоцировали потребности «воочию увидеть» этот мир.

Литература:

1) Павла Йовия Новокомского книга о посольстве Василия, великого государя Московского к папе Клименту VII // Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах. Павел Йовий Новокомский. Книга о Московитском посольстве. СПб.: А. С. Суворин, 1908. С. 251-275.

2) Morsolin B. Francesco Chiericati, vescovo e diplomatico del secolo decimosesto // Atti dell'Accademia Olimpica di Vicenza. 1873. Vol. III. Vicenza: Tip. Naz. Paroni, 1873. P. 121-237.

3) Luzio A., Renier R. La coltura e le relazioni letterarie di Isabella d'Este Gonzaga. Milano: Sylvestre Bonnard, 2006. XXXVII.

4) Peter Martyr D'Anghera. De orbe novo. Vol. 2. New York: London:

G. P. Putnam's Sons, 1912.

5) *Novelle de Matteo Bandello. Parte prima. Vol. 2. Novella XXXIV. Prologo. Milano, 1813.*

6) *Bataillon M. Les premiers mexicains envoyés en Espagne par Cortès // Journal de la Société des Américanistes. 1959. T. 48. P. 135-140.*

7) *Wagner H. R. Translation of a Letter from the Archbishop of Cosenza to Petrus de Acosta // Hispanic American Historical Review. 1929. Vol. IX. № 3. August. P. 361-363.*

8) *Bibliotheca Americana Vetustissima. A description of works relating to America published between the years 1492 and 1551. New York: Geo P. Philes, 1866. LIV.*

9) *[Petrus Martyr ab Angleria]. De orbe novo decades. Alcalá: [Arnaldi Guillelmi], 1516. 72f.*

10) *Opus epistolarum Petri Martyris Anglerii Mediolanensis. Amstelodami: Fredericum Leonard, 1670. [14].*

11) *Lópes de Meneses A. Las primeras embajadas rusas en España (1523, 1525 y 1527) // Bulletin Hispanique. 1946. T. 48. № 3. P. 210-226.*

УДК: 94(497.1)«14»

А.С. Прокудин (Тверской ГУ)

Образ «Другого» в «Записках янычара» Константина Михайловича.

Константин Михайлович, ставший свидетелем окончательного вхождения Сербии в состав Османского государства в середине XV в., является автором одного из самых известных средневековых письменных памятников по истории Юго-Восточной Европы. В сочинении сербского автора, известном как «Записки янычара», выделяется несколько смысловых частей: сведения о религии и нравах турок; история завоеваний турок и войн против турок; сведения о политической, административной и военной организации османского государства; фрагменты сербской истории. Их последовательное изучение позволяет составить полный и вместе с тем весьма неоднозначный образ турка-мусульманина в данном сочинении.

Очевидно, что внешнеполитические конфликты и их крайнее проявление – войны, совершенно не располагают к взаимопониманию народов. Войны как ни что иное способствуют искажению образа «Другого», и представлению о нём в самом худшем свете. Л.С. Васильев на этот счёт пишет, что «несходство... этносоциальных общностей... было в таких случаях, основной причиной недоброжелательства, если даже не ненависти, а представители враждующего государства изображались в негативном виде, нередко с подчёркиванием этнокультурных признаков, отличавших врагов от «своих». Неудивительно, что при этом враги изображались в чёрных красках и в карикатурной форме» [1, С. 68]. При вооружённых столкновениях с другими государствами очень велик соблазн опорочить

всё, что хоть как-то относится к ним, и, прежде всего, народы, представляющие эти государства. Причём, чем отличнее и непонятнее культура враждующего народа, тем сильнее стремление очернить её. Крайней точкой в подобном негативном восприятии «Другого» является механизм инверсии: зеркальное отражение иного народа. Инверсия в частности характерна для восприятия сарацин, западноевропейскими хронистами эпохи Крестовых походов [2, С. 186]. Такой механизм подразумевает перекалывание всех отрицательных для данного этнокультурного сообщества черт на представителей другого сообщества. При таком подходе, формируется как бы биполярная структура: с одной стороны – «Мы», являющиеся средоточием добродетели, с другой стороны – «Они», представляющие собой источник всех мыслимых пороков. И это представление часто даже не требует детальной подробности и исторической достоверности. Естественно, подобная картина мира исключает любое конструктивное взаимодействие: два полюса не могут соединиться, они изначально противоположны друг другу.

В сочинении Константина не могли не присутствовать элементы подобного восприятия «Другого». Автор родился и вырос на христианской земле, попавшей на его глазах под власть турецкого султана, он сам оказался в плену, а после проживал сначала в Венгрии, а затем в Польше, которые постоянно испытывали угрозу со стороны Османской империи. Всё это нашло отражение в тенденциозном и часто негативном описании турок в хронике: с самого начала Константин указывает на непросвещённость турок и их неспособность к обучению [3, С. 36], своеобразным лейтмотивом всего сочинения является идея лживости турок-мусульман [3, С. 38, 44–45, 94], неоднократно автор указывает на их жестокость, а также врождённую воинственность и агрессивность по отношению к христианам [3, С. 37, 39, 42, 113].

Но, вместе с тем, обращает на себя внимание то, что Константин отнюдь не отрицает туркам и в положительных качествах: они не выступают в хронике серба в роли чудовища. В сочинении Константин очень подробно и досконально описывает «Другого». Можно даже сказать, что он старается выйти за рамки участника описываемых событий и в некоторой степени становится на позицию исследователя, скрупулёзно, описывающего то, что ему известно о турках. И в его восприятии турки не являются противоположностью христианской добродетели, христиане и турки-мусульмане – это не противостоящие миры, не зеркальные противоположности. У турок, по мнению Константина, христиане могли бы многое хорошее перенять: их единство и сплочённость, неприятие воровства, милосердие и милость к ближнему [3, С. 36–37, 40–42], элементы воинской тактики [7, С. 104–105] и другое. Особенно положительно Константин отзывался об организации управления в Османском государстве, а точнее, о сильной власти султана, которая, по его мнению, обеспечивает порядок в государстве [8, С. 44, 97, 112–113]. Любопытно, что подобная оценка турецкой системы управления не уникальна для Европы XV–XVI вв. В частности, английский гуманист и учёный Стефан Гарднер в середине XVI в. в своём трактате приводит турецкие порядки с некоторыми оговорками как образец государственного устройства для Англии [9, С. 93–95].

Ответ на причину неоднозначности отображения турок-мусульман, думается, хранится в биографии автора «Записок». Попад в плен к туркам, он не оказался в заточении на долгие годы, а смог поступить к ним на службу и даже, скорее всего, сам принял ислам. В таком положении он провёл около десяти лет, пока вновь не оказался в стане христиан.

Любое проникновение внутрь чужой культуры и сопутствующее её изучение неизбежно приводит человеческое сознание к ломке определённых сложившихся ранее стереотипов об этой чуждой и ранее малознакомой или совсем незнакомой культуре. Человек, оказавшийся внутри необычной для него среды, начинает её постепенно постигать с новой стороны. Но, в то же время, этот процесс не может произойти мгновенно, отказаться от старых представлений крайне трудно, а очень часто и невозможно. Судя по всему, именно с подобным внутренним конфликтом восприятия автором турок мы сталкиваемся при анализе хроники Константина. С одной стороны, для него они – враги христиан, покорившие его собственный народ, а с другой, он имел возможность изучить их изнутри и не мог не обнаружить у турок положительных качеств, свойственных этому народу, как и любому другому.

Литература:

1) Васильев Л.С. Комплекс «свои-чужие» как историко-культурный и социально-политический феномен // *Мы и Они: конформизм и образ «другого»*. М.: Книжный дом «Университет», 2007. С. 27 – 118.

2) Лучицкая С.И. Образ Мухаммада в зеркале латинской хронистики XII – XIII вв. // *Одиссей. Человек в истории*. М., 1994. Вып. 5. С. 182 – 195.

3) Константин Михайлович. *Записки янычара: введение, перевод и комментарии А.И. Рогова*. М.: Наука, 1978.

4) Гардинер С. *Рассуждение о приходе англо-нормандцев в Британию / вступ. ст. и перевод О.А. Руденко // Реформация и «новая идеология» в Европе XVI – XVII вв. Приложение к журналу «Средние века»*. М., 2010. Вып. 5. С. 20 – 112.

УДК 94(497.6)
Зубков Е.И. (СПбГУ)

«Книга путешествий» Эвлии Челеби: османский этнический дискурс в описании Сараево XVII века

Эвлия ибн Дервиш Мехмед Зилли родился в 1611 году в Стамбуле. Получив традиционное образование в медресе, и заручившись поддержкой султана Мурада IV, Эвлия мог занять высокий пост с достойным жалованьем и наслаждаться жизнью, но он выбрал другой путь – путь странствий. В течение пятидесяти лет Эвлия Челеби путешествовал как по территории обширной Османской империи – в Анатолии, Румелии, Палестине, Египте, Крыму, на Кавказе, так и за ее пределами – в Австрии, Венгрии и, возможно, на территории современной России.

В описании земель Балканского полуострова, которые он посетил в начале 60-х годов XVII века, большое значение автор «Книги путешествий» придает нескольким крупным городам региона, игравшим в период османского правления роль экономических и культурных форпостов Порты. Из этих городов, пожалуй, центральное место занимает описание «мегаполиса» Балканского полуострова XVII столетия – Сараево [1, С. 101–125].

Описание непосредственно проживающего в Сараево населения Челеби начинается сразу с личной, субъективной оценки: «Какой здесь приятный климат – такие у людей и лица румяные... население здесь крепко и здорово... Здесь большое количество старых людей, медлительных, дряхлых, изнемогающих, средний возраст которых – семьдесят лет и они неспособны на половой контакт. Все это богобоязненные люди, чистой, правильной и непоколебимой веры. Они далеки от зависти и ненависти. И все – старые и молодые, господа и сиротки – всегда в молитве» [1, С.116]. Через приведенные выше строки мы можем сделать вывод о симпатии автора источника к боснийцам. Мы связываем это с тем, что боснийцы как мусульмане, верны своей религии, что для Эвлии Челеби, турка-суннита, хафиза, выпускника стамбульского медресе и бывшего муэдзина – является важнейшей категорией в определении личного отношения к тому или иному этносу.

Подтверждением положительного отношения Челеби к религиозному сознанию боснийцев может служить цитата: «Даже тогда, когда на рынке, считая деньги, слышат призыв на молитву, говорят: “Обращусь к тебе, Аллах!”, и, оставляя деньги, тут же идут в мечеть, не закрывая лавку. После, как помолятся, возвращаются к торговым делам, потому что все люди постоянно говорят: “труженик – любимец Божий”... Никому не нравятся медлительные и неподвижные люди и невежды, а уважают они того, кто владеет знанием. Высокоученым и благоразумным людям даже платят за зяк» [1, С. 116]. В данном отрывке можно выделить два важных критерия истинной приверженности Исламу: приверженность труду, что одобряется в Коране и отношение к знанию и учености, что так же лежит в основе мусульманского вероучения – ученый обозначен в Сунне как «наследник пророков» [2, С. 20].

Эвлия Челеби перечисляет языки, на которых говорят в Сараево: бошняцкий, турецкий, сербский, латинский, хорватский и болгарский [1, С. 117]. Интересно, что Челеби разделяет бошняцкий, хорватский и сербский языки. Возможно у боснийцев, которые постепенно обособлялись от своих собратьев-славян, появилась определенная потребность в том, чтобы выделить свой язык, а точнее, отделить его от общего славянского языка путем активного использования в своей речи арабизмов, тюркизмов и фарсизмов, ассоциируя себя тем самым с элитарными слоями османского общества.

Также в описании города Эвлия Челеби рассказывает о состоянии немусульманских храмов в городе: «Церквей здесь мало, и не слышен церковный звон. Церкви сербских и латинских христиан в хорошем состоянии. Европейцы, франки и греки также совершают свои церковные обряды в своих храмах. Есть и одна

еврейская синагога» [1, С. 118]. Челеби отмечает важную деталь, характерную для христианских храмов, находившихся под властью османов – отсутствие колокольного звона. Османским властям это было выгодно по нескольким причинам: во-первых, это расстраивало жизнь христианской общины, нарушался дневной цикл молитвы, что могло ослабить силу веры у части общины с самыми серьезными последствиями. Во-вторых, отсутствие колокольного звона способствовало укреплению веры самих мусульман, так как ничто не могло заглушить голос муэдзина, приглашавшего мусульман на молитву.

В то же время Эвлия Челеби не упоминает об общем количестве храмов и, наряду с уже упоминавшейся латинской верой вводит новые «конфессии»: европейцев и франков. На первый взгляд это может казаться странным. Но мы можем объяснить это попыткой любознательного мусульманина донести до представителя османской придворной аристократии (а именно на этот слой населения, судя по всему, было нацелено его произведение) идею, что католический мир не представляет по своей структуре единый монолит.

Из словосочетания «церкви сербских и латинских христиан» мы можем предположить, что под «латинскими христианами» Эвлия Челеби имел в виду хорватов, как народ, живущий рядом с сербами, но исповедующий католицизм. Следует отметить интересный оборот – для Челеби слова «православный» и «сербский» являются синонимами, но вместо «хорватских» автор предпочитает употребить «латинских». Учитывая эти факты, мы можем допустить, что сербская этническая идентичность в глазах турка была на тот момент более актуальна, чем конфессиональная идентичность.

Таким образом, мы можем сделать несколько заключительных выводов. Во-первых, при определении этнического дискурса, мы должны выделять факторы, влияющие на предельно положительное отношение Эвлии Челеби к боснийцам и нейтральное его отношение к остальным народам, населяющим Сараево. Во-вторых, мы выявили, что в глазах Эвлии Челеби идентичность одной этнической группы более выражена, чем у другой (к примеру, сербов он определяет как сербов, но хорватов называет латинянами). В-третьих, мы можем заключить, что этнический дискурс в сочинении Челеби был направлен на расслоение и размежевание различных этнических и конфессиональных групп, целью этого, возможно, является желание автора показать потенциальному читателю реальную жизнь Сараево, отвлекшись от официальных документов.

Литература:

- 1) *Evlja Celebi. Putopis. Sarajevo, 1979.*
- 2) *Кая М. 250 хадисов с комментариями о нормах жизни мусульманина. М., 2011.*

АННОТАЦИИ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

И.А. Фомин (Харьковский национальный университет)

Особенности применения герменевтического ключа в исследовании иконографических памятников ранневизантийского Херсона (на примере каменной пластики «Добрый Пастырь» из коллекции Национального заповедника «Херсонес Таврический»)

Статья посвящена изучению живописных и скульптурных изображений «Доброго Пастыря» в раннехристианском искусстве. Проведена интерпретация фрагментов мраморной пластики из фондов «Национального заповедника «Херсонес Таврический».

Ключевые слова: христианство, герменевтика, иконография, скульптура, искусство.

А.С. Ануфриева (МГУ)

Средневековый историограф как «создатель» политического ритуала: описание сцены завещания королевских инсигний в «Антаподосисе» Лиутпранда Кремонского

На примере сцен завещания королевских инсигний Генриху I в сочинениях оттоновских историографов Лиутпранда Кремонского и Видукинда Корвейского автор исследует какие политические цели преследовал и какие приемы использовал каждый из них.

Ключевые слова: Лиутпранд Кремонский, Видукинд Корвейский, Генрих I, политические ритуалы.

Д.С. Боровков (Уральский ФУ)

Фема Халдия и Дерксена в XI в. по данным сфрагистики

Работа посвящена феме «Халдия и Дерксена», административному образованию византийского Закавказья. Данная структура не упоминается в письменных источниках и выявляется только по данным сциллографии. Сфрагистический материал позволил также выявить местную семью гражданских чиновников.

Ключевые слова: Византия, провинциальная администрация, Халдия, Дерксена, сфрагистика, сциллография, просопография.

А.С. Цыганков (ВГСПУ)

Сигнификат слова *ritter* в средневековом немецком языке XI – XIII веков

Статья посвящена рассмотрению генезиса сигнификата слова *ritter* в дискурсе средневерхнемецкого языка XI – XIII веков. История концепта рассматривается на основе немецкоязычных источников и новейших работ немецкой медиевистики.

Ключевые слова: Слово, рыцарь, *ritter*, сигнификат, денотат, Гогенштауфены.

А.А. Касатов (СПБВИРАН)

Английские документы XIV в. в Архиве СПбИИ РАН: к вопросу формирования коллекции

В статье рассматривается история происхождения и краткое содержание оригинальных английских документов XIV века из коллекции Н.П. Лихачева. В коллекции представлены как собственно английские, так и документы, созданные на территории Франции, оккупированной Англией во время Столетней войны. Один из документов отражает историю дипломатических отношений между Англией и Францией в их борьбе за Нормандию.

Ключевые слова: Н.П. Лихачев, архивы, Столетняя война, дипломатия

В.В. Кудряков (РГГУ)

Восстание Бастарда Фокенберга в оценках Второго продолжения Кройлендской хроники

Автор Второго продолжения, вероятно, свидетель восстания Бастарда Фокенберга, изобразил повстанцев многолюдным сборищем мародеров. Он умолчал об экономических предпосылках восстания и политических требованиях инсургентов, а также исказил картину борьбы за обладание Лондоном между людьми Бастарда Фокенберга и силами, лояльными Эдуарду IV.

Ключевые слова: Англия XV век, хроники, восстание Фокенберга, идеология власти.

К.В. Перепечкин (СПбГУ)

Переиздания Opuscula Иеронима Эмзера

Статья посвящена переизданиям Opuscula Иеронима Эмзера. На данный момент известно о 13-ти переизданиях. Был проведен сравнительный анализ 4-х изданий, принадлежащих типографии Валентина Шумана. Были выявлены сходства и различия в наборе, типографике, деталях оформления.

Ключевые слова: книгопечатание, типографика, Иероним Эмзер, Валентин Шуман, Opuscula, переиздание.

Г.И. Борисов (МГУ)

Типографские ошибки в издании Герольдины XVI века из собрания редких книг Российской государственной библиотеки

В статье рассматривается проблема использования методов книговедения и кодикологии для изучения репрезентативности печатного издания середины XVI в. В качестве объекта исследования выбрана книга «Originum ac Germanicorum antiquitatum libri» изданная в 1557 г. в типографии Х. Петри в Базеле. Она изобилует большим количеством ошибок, природа которых во многом неясна. Исследование вспомогательного аппарата книги (сигнатур, реклам, колонтитулов) и ее структуры позволило выявить характерные ошибки, свидетельствующие о большой роли наборщиков в создании текста книги, а также принципы работы последних.

Ключевые слова: история типографий, история книги, Иоганн Герольд, Leges Barbarorum.

А.К. Червякова (ИАИ РГГУ)

Родословные росписи князей Мезецких в составе родословных книг XVI-XVII вв.: текстологический анализ

Статья посвящена проблематике изучения эволюции текста родословных росписей князей Мезецких в составе родословных книг XVI-XVII вв. В результате исследовательской работы над 11 вариантами росписи удалось обозначить традицию их составления в зависимости от отнесения варианта к одной из двух редакций - Литовской или Московской.

Ключевые слова: Мезецкое княжество, родословные росписи, редакция, извод, текстология.

Н.С. Гусева (ФГБОУ ВПО «ИГПИ им. П.П. Ершова»)

Построение глобальной хронологической карты: «античность» - фантомное отражение средневековья XI-XVI вв. (о результатах применения математических методов к древней и средневековой истории группой А.Т. Фоменко-Г.В. Носовского)

В статье освещается проблема построения глобальной хронологической карты периода Античности и Средневековья в контексте идей и взглядов авторов «Новой хронологии» - А.Т. Фоменко-Г.В. Носовского. Для этого, в частности, анализируются ее основные положения как научной концепции, особое внимание уделено реализации математических методов исторического исследования. Рассматривая их, автор приходит к выводу о научной (в т.ч. методологической) несостоятельности «Новой хронологии».

Ключевые слова: «Новая хронология», математические методы исторического исследования.

К.Е. Крылов (СПбГУ)

Карл V в отечественной и зарубежной историографии. Тенденции и тенденциозность

Карл V – чрезвычайно яркая историческая фигура, в чьем подчинении находились территории более десятка современных стран. В этих странах существуют различные, во многом противоречащие друг другу, традиции описания личности Карла и основных событий его правления. Противоречия между этими традициями и находятся в центре рассмотрения в данном докладе.

Ключевые слова: Карл V, XVI век, историография, Испания, Священная Римская империя, Реформация, восстание Комунерос.

В.А. Андреева (СПбГУ)

Судебные исполнители в Московской Руси конца XV – первой половины XVI в.: историография проблемы

Статья посвящена анализу научной литературы об исполнительной власти в Московском государстве конца XV-первой половины XVI в. Изучения института исполнительной власти позволяет лучше понять деятельность Московского государства в области социального контроля над населением. Вопрос о судостроительстве и судопроизводстве Московской Руси решался исследователями в зависимости от их общеконцептуальных представлений о развитии Средневековой Руси.

Ключевые слова: русское средневековое право, Судебник 1497 г., судебные исполнители.

К.Р. Андрейчук (МГУ им. М. В. Ломоносова)

Развитие теории перевода в Германии и России в XV–XVII веках

В статье предлагается периодизация развития переводоведения в Германии до XVII века и делается попытка выявления взаимосвязей и проведения параллелей со становлением науки о переводе в России. Статья указывает на основные имена и события описываемых этапов. Делается попытка рассмотреть логику развития теории перевода в целом.

Ключевые слова: теория перевода, Германия, Россия, Средние века.

Е.А. Пронина (СПбГУ)

Андре Дюшен, забытый отец французской истории: неизвестные факты жизненного пути

Статья посвящена биографии выдающегося французского историописца XVII в. Андре Дюшена. Слабо освещенная в историографии, она представляется важной для анализа наследия Дюшена. В докладе, основанном на оригинальных источниках, в том числе работах самого Дюшена, описывается социальное положение ученого, его частная жизнь и связи во французском интеллектуальном сообществе.

Ключевые слова: биография, историописание, семнадцатый век, Франция.

К.В. Лихоманов (Саратовский ГУ)

Общинная теория в свете научного наследия А. Я. Гуревича

Статья посвящена разработке и развитию нового подхода в изучении истории общины. Показана самобытность научного взгляда Арона Гуревича, рассмотрены характерные этапы в эволюции критического взгляда на классическую общинную теорию.

Ключевые слова: община, марка, раннее Средневековье, феодализм.

Бочкарева Л. О. (СамГУ)

Антикосмополитическая компания 1949 г. в Московском и Ленинградском университете

В статье изучается взаимодействие науки (медиевистики) и советской власти в 40-х гг. XX в. на материале стенограмм заседаний кафедр Московского и Ле-

нинградского университетов. Рассматриваются судьбы медиевистов, сопоставив которые можно предположить сценарий антикосмополитических проработок. Проводится анализ и сравнение документов, выявляются общие черты. Рассматриваются судьбы крупных медиевистов: А.И. Неусихин, О.Л. Вайнштейн.

Ключевые слова: медиевистика, А.И. Неусыхин, О.Л. Вайнштейн.

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА

А.Б. Сулейманова (НИУ «БелГУ»)

Религиозная жизнь Константинополя в Хронике Марцеллина Комита

Работа посвящена рассмотрению конфессиональной жизни столицы Византийской империи по Хронике Марцеллина Комита. Анализируется место Константинополя в Хронике. Производится деление упоминаний в источнике на данную тему на группы по тематическому признаку. Производится интерпретация полученных данных.

Ключевые слова: Константинополь, соборы, религия, Юстиниан I, Хроника, епископ.

Д.М. Омельченко (СПбИВЭСЭП)

Образ епископа-чудотворца в «Житии» Цезария Арелатского

Рассматривается конструирование образа епископа-чудотворца в «Житии» Цезария Арелатского. Анализируются рассказы о чудесном, их место в тексте, эти сюжеты сопоставляются с аналогичными в позднеантичной агиографии, выявляются черты, отличающие отношение Цезария к чуду – как пастыря, как чудотворца, как верующего человека.

Ключевые слова: Поздняя Античность, агиография, чудотворение, пастырство, Цезарий Арелатский.

Ю.М. Прогунова (Ивановский ГУ)

Контакты англосаксонской и франкской церкви в раннее средневековье (в аспекте женской темы)

В докладе рассматривается история контактов англосаксонской и франкской церкви в эпоху становления церковных обычаев в Британии. Исследование основывается на анализе «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенного и эпистолярного наследия религиозных деятелей Западной Европы. Источники позволяют проследить изменение форм взаимодействия церквей на протяжении VI–VIII вв.

Ключевые слова: история церкви, женская история.

А.К. Сидякина (СПбГУ)

Было ли патриаршество в Первом Болгарском Царстве?

Существование в Болгарии самостоятельной церковной организации в IX–XI веках спорный вопрос. Споры обусловлены довольно скудной информацией и не-

точностями в источниках. Общепринятым является факт принятия автокефалии Болгарской Церкви в 919 году царем Симеоном и признание Византией нового статуса при царе Петре. Однако относительно существования статуса Патриархии существуют серьезные сомнения.

Ключевые слова: Первое Болгарское царство, Болгарская Православная церковь.

Ю.А. Горбунова (Ивановский ГУ)

Отражение христианизации Пиренейского полуострова в трактате св. Мартина из Браги «De correctione rusticorum»

Статья посвящена частному аспекту христианизации и депаганизации варварского мира VI в., а именно, рассмотрению деятельности епископа Мартина из Браги на примере его проповеди «De correctione rusticorum» («Об исправлении простолудинов»).

Ключевые слова: епископ Мартин из Браги, христианизация, депаганизация, двоеверие, история Галисии, свевы.

А.С. Фогель (СГЭУ)

«Восстания волхвов» в 1024 и 1071 гг. в контексте христианизации и колонизации окраин Киевской Руси

Статья посвящена языческим восстаниям XI в. на Руси как сложному социальному, культурному и политическому явлению, в котором отразилось взаимодействие восточных славян и финно-угорских народов в процессе колонизации. В работе рассматривается современное состояние проблемы и анализируются наиболее характерные черты «восстаний волхвов».

Ключевые слова: Киевская Русь, XI век, язычество, колонизация.

И.Н. Мастяева (НИУ «ВШЭ»)

Вера и разум в мировоззрении Иоанна Солсберийского

В работе на основе анализа одного из сочинений (трактат «Металогикон») схоласта XII в. Иоанна Солсберийского показывается один из возможных путей достижения гармонии веры и разума: сочетание уверенности в примате веры над разумом и необходимость познания с доверием к мнению современников.

Ключевые слова: гармония веры и разума, Иоанн Солсберийский, «Металогикон».

М.Г. Амальская (СПбГУ)

Западное влияние на почитание некоторых святых в Новгороде в XI–XII веках (к историографии вопроса)

Предлагается обзор существующих в науке подходов к проблеме западного влияния на почитание некоторых святых в Новгороде в XI–XII веках – св. Николая Мирликийского, св. Климента, папы Римского, св. Алексея, человека Божия и св. Бенедикта Нурсийского.

Ключевые слова: святые, культ, почитание, Новгород, запад, западное влияние, XI–XII века.

Л.И. Ковальчук (НИУ «ВШЭ»)

Personae non gratae в первых житиях Франциска Ассизского

Статья посвящена анализу первых житий св. Франциска, написанных Фомой Челанским. Сочинения объединены тенденциозностью и стремлением представить Франциска создателем нового монашеского ордена. Жития проливают свет не столько на жизнь самого Франциска, сколько на судьбы и драмы францисканского ордена в XIII веке.

Ключевые слова: Франциск Ассизский, Фома Челанский.

Д.М. Селиверстов (БГУ)

Францисканцы и апостолики во второй половине XIII века в Италии

Во второй половине XIII века францисканский орден в борьбе за души мирян встретил серьезных конкурентов в лице «братьев-апостолов» Герардо Сегарелли. Апостоликам удалось поколебать авторитет ордена Святого Франциска, среди части верующих. В глазах последних францисканцы отошли от идеалов евангельской жизни.

Ключевые слова: францисканцы, апостолики, Сегарелли, Салимбене, евангельская жизнь.

Ю. Ф. Литвяк (ЮИ ИГУ)

Инквизиция в Европе: средневековый тоталитаризм

Статья посвящена Римско-католической Церкви в эпоху Средневековья, ее орудию борьбы с противниками – Инквизиционному трибуналу. Рассматриваются процессы утверждения Инквизиции и приведения в исполнение смертного приговора. Выделяются причины снижения роли Инквизиционного трибунала, описывается ликвидация структур Инквизиции.

Ключевые слова: еретики, Инквизиционный трибунал, Смертный приговор.

С.А. Яцык (НИУ «ВШЭ»)

Становление процедуры папской канонизации в X–XIII вв.

Стремление Святого Престола к централизации отразилось и на его политике в отношении канонизации святых. Поэтапное закрепление за папством исключительного права на канонизацию приходится на промежуток между 993 и 1234 гг. и отражено в таких документах, как булла о канонизации Ульриха Аугсбургского, бреве «Audivimus» Александра III, булла о канонизации Гомобона Кременского и «Декреталии» Григория IX.

Ключевые слова: процедура канонизации, культ святых, Ульрих Аугсбургский, Александр III.

С.Н. Бudyко (ИП УрГЮА)

Ассасины - профессиональные убийцы или религиозные фанатики

В данной работе дается анализ становления и деятельности ордена ассасинов: идеологическая основа создания ордена, его эффективность, подготовка членов

ордена. А также их роль и вклад в военное искусство средневековья.

Ключевые слова: Ассасины, ислам, шиизм, Хасан ибн Саббах, военное дело Средних Веков, религиозный фанатизм, профессиональные убийства.

Н. А. Бережная (СПбГУ)

Евхаристический конфликт в Бремене: проблемы утверждения кальвинизма на территории Германии

Автор анализирует евхаристический конфликт в северонемецком городе Бремене, который завершился утверждением кальвинистского вероучения. Вероятно, Кальвин хотел поставить Меланхтона в ситуацию, когда тот был бы вынужден объединиться с ним, но лидер протестантской Германии не дал прямого ответа.

Ключевые слова: евхаристический конфликт, Бремен, Кальвин, Меланхтон, Альбрехт Харденберг.

ИСТОРИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ В СРЕДНИЕ ВЕКА: МИФЫ, ОБРАЗЫ, ИДЕНТИЧНОСТИ, СИМВОЛЫ

О.С. Тютина (НГПУ им. К. Минина)

Проблема интерпретации индивидуальной и универсальной эсхатологических систем: от эволюции к экзистенциализму

Статья рассматривает вопросы интерпретации индивидуальной и универсальной эсхатологических систем в работах отечественных и зарубежных исследователей философии религии.

Ключевые слова: индивидуальная эсхатология, универсальная эсхатология, миф о конце света, Страшный суд

Е.В. Когут (ГАУГН)

Защита женской чести в палеологовской Византии

Статья посвящена проблеме защиты женской чести в византийском законодательстве эпохи Палеологов. Автор сопоставляет светское и каноническое право, анализируя, насколько серьезными были наказания за преступления против женской чести.

Ключевые слова: Византийская империя, гендерная история, Константин Арменопул, Матфей Властарь.

М.В. Рукавичникова (УрФУ им. Б. Н. Ельцина)

Понимание судьбы у Георгия Пахимера и Никифора Григоры

В статье представлены результаты сравнительного анализа представлений двух византийских историков конца XIII – середины XIV вв. на предопределение. Автор приводит данные о выражении в образах знамений индивидуально-авторского понимания Провидения.

Ключевые слова: Византийская историография конца XIII – середины XIV вв., понимание судьбы, Георгий Пахимер, Никифор Григора.

А.Л. Гагарина (НГПУ им. Козьмы Минина)

Средневековое темпоральное мышление и идея исторического прогресса

Темпоральное мышление средневекового человека есть причудливое восприятие пространства через призму сочетания архаических отголосков народного сознания, наложенных на иудаистскую идею о мессианском разрешении истории. Прогресс – это направленное движение, что предполагает наличие конечной цели. Для средневековой христианской культуры – это спасение души в час Страшного Суда. Рост числа христиан, а значит спасшихся душ – это и есть прогресс.

Ключевые слова: мышление, восприятие, прямая, прогресс.

И.В. Сямтомов (СПбГУ)

Эволюция философии власти в Кастилии и Леоне XI–XIII вв.

Темой статьи является проблема эволюции ментальности кастильской власти и общества. Автор, используя методы структурного анализа, обращает внимание на дуализм сознания кастильских королей и объясняет причины обращения кастильских королей к вестготскому наследственному праву и системе соборов.

Ключевые слова: история Кастилии, средневековое право Кастилии, вестготские политические мифы.

Э.А. Андреева (СПбГУ)

Алхимическая составляющая в научных изысканиях Роджера Бэкона

В своих трудах Р. Бэкон затрагивает разные области науки. Особый интерес представляют его алхимические изыскания и их трактовка, тесная связь алхимических воззрений с христианской догмой, признание им значения для алхимии естественнонаучного опыта, также его мотивация и представления об адепте алхимии.

Ключевые слова: алхимия, Англия, Роджер Бэкон, наука.

Ф.Е. Левин (СПбГУ)

Противостояние ирландской и британской идентичности на примере сюжетов из «Книги Захватов Ирландии»

Статья посвящена сравнению ирландских и британских мифов. Происхождение ирландского народа трактовалось в библейском контексте, в отличие от троянского контекста происхождения британцев. Тем самым, ирландская идентичность была гораздо более кельтская, чем британская.

Ключевые слова: Книга захватов Ирландии, ирландский миф, британский миф, Гальфрид Монмутский, идентичность.

М.Р. Хамитов (Челябинский ГПУ)

Деловые люди Флоренции XV в.: представления о богатстве и труде

В статье рассматривается социальная и ментальная история Италии XV в. На примере флорентийской «бизнес-элиты» рассматриваются характерные представления о богатстве и труде.

Ключевые слова: деловые люди, Флоренция, богатство, труд.

Н.Э. Жигалова (УрФУ)

Средневековые знамена как приметы грядущего поражения: Варненская битва

Стараясь объяснить причины варненского поражения 1444 г., современники событий в своих сочинениях использовали описание различных знамен, полагая, что они являются результатом божественного Провидения. Статья раскрывает ментальность средневекового историка и объясняет мотивы использования описаний необычных явлений в средневековых хрониках.

Ключевые слова: знамена, Битва при Варне, 1444, Владислав III Варненчик, Балканы.

В.В. Степанюк (СПбГУ)

Морально-этические основы «искусства фехтования» по трактату Ганса Талхоффера 1459 г.

Для немецкого фехтования XV в. характерны многообразные техники. Наряду с техническими свойствами немецкие мастера фехтования требуют от своих учеников и определенных этических качеств. В фехтбухе 1459 г. Талхоффера, которой и посвящена данная статья, выделяются благородство и истинную веру, без которых ни один фехтовальщик не сможет достигнуть должного мастерства.

Ключевые слова: фехтование, Ганс Талхоффер, фехтбухи.

Е.Ю. Кобякова (УрФУ)

Идея «Москва – Третий Рим» как одно из проявлений общеевропейского эсхатологического психоза в XV–XVI вв.

Статья посвящена рассмотрению концепции «Москва – Третий Рим» в контексте эсхатологических страхов конца XV в., охвативших весь христианский мир.

Ключевые слова: Москва, Третий Рим, эсхатологические ожидания, ментальность, Средние века, Московское царство.

Е.Н. Романовская (Историко-краеведческий музей г. Всеволожка)

Фауст Социний и Сиенский университет

Биографические сведения об условиях формирования интеллектуального контекста воззрений Фауста Социния в «неплодотворный» итальянский период его жизни свидетельствуют о его активной связи с юридической средой Сиены, в том числе, об обучении в университете. К этому же периоду относятся истоки влияния «критико-филологического метода» итальянских цивилистов на складывание теологической аргументации Социния.

Ключевые слова: Рациональная теология, Фауст Социний, Польские братья, Сиенская республика, Медичи.

В.А. Ковалев (СПбИВЭСЭП)

One-way trip to Hell: аккламационная процессия Марии Стюарт

В статье рассматривается эволюция взглядов историков на королевские риту-

алы в Англии периода перехода от средневековья к раннему Новому времени. На конкретном примере демонстрируются минусы как традиционного исторического, так и неисторического подходов. Демонстрируется конфликтный потенциал ритуала и полицентричность власти на примере аккламационной процессии Марии Стюарт. Джон Нокс смог с помощью символических средств создать мощное оружие противостояния католической правительнице. Исходя из этого, необходим учет конфликтного потенциала и множественности интересов создателей и исполнителей ритуальных ролей при анализе мифо-ритуального комплекса власти.

Ключевые слова: неисторизм, мифы власти, королевские ритуалы, история Шотландии, Мария Стюарт, Джон Нокс, методы культурной антропологии в историческом анализе.

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

И.Д. Гайворонский (СПбГУ)

Библейский царь, император, фольклорный герой: трансформация образа Карла Великого в литературе «каролингского возрождения» и ее истоки

Доклад освещает проблему становления и трансформации образа короля и императора франков Карла Великого в литературе «каролингского возрождения», которая рассматривается в контексте восприятия авторами предшествующей письменной традиции и в контексте социально-политических изменений эпохи.

Ключевые слова: Карл Великий, Каролинги, образ власти в средневековой литературе, эволюция образа власти, «каролингское возрождение», Алкуин, Эйнхард, Ноткер Заика.

А.А. Роменский (Харьковский национальный университет)

Смерть «Красного Солнышка»: кончина князя Владимира Святославича в осмыслении современников

В статье рассматриваются сообщения источников об обстоятельствах смерти Киевского князя Владимира. Обряд похорон, описанный в летописи, находит аналогии в сообщениях саг и славянской мифологии. Современники князя нередко критически воспринимали его наследие, и лишь позднее сложился традиционный образ Крестителя Руси.

Ключевые слова: Владимир Святославич, смерть, погребальная традиция, нарративные источники.

Т.А. Коробейникова (СамГУ)

Репрезентация королевской власти во Франции XII–XIII вв. по историческим сочинениям

Статья посвящена восприятию королевской власти во Франции в XII–XIII вв. на материале сочинений аббата Сугерия и Жана де Жуанвиля. Рассматриваются

такие аспекты жизни королей как одежда, внешность, обряды погребения. Автор пытается сравнить конституирование образов монархов Людовика VI и Людовика IX.

Ключевые слова: Людовик VI, Людовика IX, королевская власть, Жан де Жуанвиль.

Загреба А. А.

Рауль де Вермандуа, сенешаль двух королей

Данная статья посвящена истории Франции XII в. Автор рассматривает личность графа Рауля де Вермандуа во времена правления королей Людовика VI и Людовика VII.

Ключевые слова: Людовик VI, Людовик VII, Рауль де Вермандуа, Сугерий, история Франции, история Пикардии.

М.В. Журавлёва (Иркутский ГУ)

«Жизнь и судьба» военно-монашеского ордена тамплиеров

Статья посвящена рассмотрению истории существования и деятельности одного из крупнейших по численности военно-монашеского ордена Тамплиеров. Автор показывает, что орден обладал огромной политической властью, оказывали свое влияние как на светских деятелей, так и на церковную власть.

Ключевые слова: Орден Тамплиеров, Крестовые походы, Филипп II, Климент V.

А.Б. Перфильева (Иркутский ГУ)

Особенности противостояния Фридриха I Барбароссы и папства

Статья посвящена противостоянию императора Фридриха I Барбароссы и Римской Католической церкви. Основное внимание уделено действиям императора в отношении папства, которые автор сравнивает с политикой некоторых предшествующих и последующих европейских правителей.

Ключевые слова: Священная Римская Империя, Фридрих I Барбаросса, германские императоры, Римская католическая церковь, папская власть, внешняя политика.

И.А. Данилов (СПбГУ)

Власть и династическая стратегия в Позднее Средневековье. Графы фон Нассау в XII–XV вв.

Доклад посвящен выбору династической стратегии немецкой знатью и способам ее социальной адаптации с целью достижения власти в эпоху позднего Средневековья. На основе статистических данных анализируются матримониальные и демографические тенденции, характерные для среднерейнского рода графов Нассау в XII–XV вв.

Ключевые слова: История Германии, средние века, статистика, демография, род, семья, домен, брачные партии, власть, графы фон Нассау.

Р.С. Митрофанов (Казанский (Приволжский) ФУ)

«Включая зачумленных»: рождение дисциплинарной техники власти в средневековом городе в состоянии чумы (сер. XIV в.)

В данной статье исследуется процесс становления дисциплинарной властной практики, которая определила совершенно новую технику взаимодействия власти с обществом на целые столетия вперед, зародившись в средневековье и достигнув своего апогея в XVIII столетии.

Ключевые слова: дисциплинарная власть, чума, средневековый город, М. Фуко, А. Муратори.

Е.А. Михайленко (СПбГУ)

Шотландская монархия в Хронике Дж. Фордуна

В данной статье рассматриваются представления о королевской власти в Хронике Дж. Фордуна. Первая хроникальная история Шотландии стала новым этапом в развитии всего шотландского историописания и основой для новых сочинений.

Ключевые слова: Дж. Фордун, историописание, королевская власть.

О.С. Казак (Сахалинский ГУ)

Осада Орлеана (1428–1429 гг.)

К 1428 г. город Орлеан был последним препятствием для англичан к полному покорению земель Франции во времена Столетней войны. В случае покорения города, положение Франции было бы безнадежным. В статье рассматривается, как англичане осадил город, военная стратегия французов по обороне, роль Жанны д'Арк в снятии осады. Автор приходит к выводу, что снятие осады с города обеспечило перелом в ходе Столетней войны.

Ключевые слова: Карл VII, Жанна д'Арк, форт, Бастилии, Блуа, р. Луара.

Н.С. Ростова (Сахалинский ГУ)

Антисемитизм в странах Западной Европы в средневековье

Статья посвящена антисемитизму в Средние века. Рассматриваются истоки, причины и начало антисемитских настроений в Европе, наиболее яркие проявления антисемитизма. Прослеживается связь событий, произошедших в Средние века с еврейским народом, с современностью.

Ключевые слова: антисемитизм, католическая церковь, евреи, погромы, гонения, Крестовые походы, декреты церкви.

И.И. Гарипова (Казанский (Приволжский) ФУ)

Формирование института прав и свобод в Европе в Средние века

Представление о свободе и правах человека, идея о достоинстве и ценности человеческой личности постепенно развивается на протяжении всей истории человечества. В эпоху Средневековья зарождаются представления об таких правах человека как право на гражданскую свободу, свободу совести и др.

Ключевые слова: Средние века, общество, права и свободы человека, церковь, закон, личность

В.А. Стасевич (СПбГУ)

Орден Подвязки при Генрихе VIII

Доклад посвящен переменам, коснувшимся ордена Подвязки при Генрихе VIII, прежде всего — реформе устава ордена и переменам в составе в сравнении с правлением Генриха VII. Мультивариантный анализ демонстрирует различия в политике пополнения ордена между правлениями двух первых Тюдоров. На основе документальных источников делается вывод о мнимости некоторых перемен в уставе, объявленных Генрихом VIII или приписываемых ему исследователями.

Ключевые слова: Орден Подвязки, Генрих VIII, ранние Тюдоры, рыцарские ордены, знать.

Ю.М. Гришина, О.П. Жалменова (Тамбовский ГУ)

Личность в системе общественных отношений: Елизавета Тюдор (1533-1603)

Королева Елизавета Тюдор вела активную и насыщенную общественную и личную жизнь. Она была человеком своего времени, пыталась ярко проявить себя, выразить своё недовольство и радость, умела как скрывать, так и, напротив, показывать свои истинные мысли и намерения, когда это было необходимо. Эти же качества проявились и в политической деятельности королевы.

Ключевые слова: Англия, личность, общество, королева, Елизавета Тюдор.

А.Н. Каретина (СПбГУ)

Спор о клятве верности 1607–1610 гг. и участие в нем Якова I Стюарта

Статья посвящена спору о клятве верности, разразившемуся в Европе в начале XVII в., и нескольким трактатам Якова I Стюарта, которые тот написал, участвуя в полемике. Спор затронул многие важные вопросы — как политические, так и религиозные, — и привлек внимание многих известных деятелей своего времени.

Ключевые слова: Яков I Стюарт, клятва верности, конфессиональная полемика Якова.

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА

Т.Е. Федорова (СПбГУ)

Винчестерская школа в английской миниатюре последней трети X века

Статья посвящена одному из наиболее ярких явлений в дороманской книжной миниатюре Англии — Винчестерской школе. На материале нескольких памятников, столь разных на первый взгляд, автор показывает общие черты, благодаря которым манускрипты можно отнести к одной школе. Не техника, в которой

исполнена миниатюра, и не место, где кодекс был создан, становятся в данном случае определяющими, но присутствующие в каждом из памятников — пусть и в переработанном порой виде — мотив акантового листа и острая динамика линий.

Ключевые слова: Винчестерская школа, средневековая книжная миниатюра, средневековое искусство, раннесредневековая Англия.

Е.В. Рохлина (АлтГУ)

Метафизика света в учении Бонавентуры и ее влияние на искусство Средневековья и современности

Метафизика света — совокупность учений о внеземном происхождении света и его значении для человека, возникшая в позднюю античность и развитая в средние века. В учении Бонавентуры метафизика света стала основой для искусства.

Ключевые слова: Бонавентура, метафизика света.

Х.А. Опиева (ГИ СКФУ)

Искусство в средневековой архитектуре ингушей

Статья посвящена рассмотрению башенного строительства в период средневековья в Ингушетии, внутреннему и внешнему их убранству. Доказывается, что «голгофы» имели иной смысл — символизировал торжество жизни, власть. На основе трудов известных кавказоведов рассматривается строительное мастерство. Небольшой сравнительный анализ символов с символами более ранних цивилизаций. Доказывается, что символика на башнях имеет языческий характер. В XIV в. башенная культура ингушей достигает своего наивысшего развития.

Ключевые слова: Средневековая Ингушетия, Искусство в средневековой архитектуре ингушей, символы Ингушетии, башенная архитектура Ингушетии.

В. В. Андерсен (СПбГУ)

Абеляр и иудаизм

Отношение Абеляра к иудаизму является одной из самых интересных сторон христианско-иудейских отношений XII в. Абеляр, затрагивающий в ряде произведений проблематику взаимоотношений иудея и христианина, являет собой редчайший для этого периода пример религиозной толерантности. Как бы ни хотелось, однако, видеть в этом влияние Элоизы (которая, судя по всему, училась в какой-либо еврейской школе), более важно то, что Абеляр никогда не сталкивался с иудеями в качестве противников и не так много знал о них.

Ключевые слова: Петр Абеляр, Элоиза, иудаизм, возрождение XII в.

З. А. Лурье (СПбГУ)

Ритуал в протестантской драматургии

Отношение протестантов к ритуалу и, в первую очередь, к католической литургии — одна из ключевых проблем Реформации. Тема ритуала также затрагивается в творчестве двух протестантских драматургов Иоахима Грефа и Сикста Бирка. Первый, будучи сторонником евангелического движения, создает образ

лютеранской литургии в своем тексте. Тогда как второй под явным влиянием цвинглианской Реформации критикует ритуальную католическую практику как идолопоклонничество.

Ключевые слова: конфессионализация, Сикст Бирк, Иоахим Греф, протестантский театр, ритуал.

М.С. Алексеева (СПбГАИЖСА им. И.Е.Репина)

Скульптура эмпор церкви монастыря Грёнинген в Саксонии

Страшный Суд – одна из важнейших тем в средневековом искусстве. Иконография этой сцены в романской скульптуре различна, но чаще всего представляет собой Иисуса Вседержителя или Судии в окружении апостолов. Такова и иконография стуккового рельефа эмпор церкви монастыря Грёнинген, испытавшего влияние ломбардских образцов.

Ключевые слова: иконография, романика, Страшный Суд, скульптура из стукко.

С.А. Макарова (НовГУ)

Образ бесов в сцене Страшного Суда на порталах соборов Франции XII–XIII вв.

Статья посвящена образу бесов как важнейшему элементу восприятия сцены Страшного суда на порталах соборов Франции XII–XIII вв. Рассмотрены определения бесов, представленные в Библии и у отцов Церкви, и сюжет Страшного суда с их участием. Дано описание образа в контексте сцены на порталах соборов.

Ключевые слова: бесы, Страшный суд, соборы Франции, готика, ад, Католическая церковь.

О.А. Туминская (ГРМ)

Изображения маргиналов в Лицевой Псалтыри XIII в.

Статья посвящена рассмотрению Лицевых изображений в тексте Псалтыри XIII в. на латинском (древнем французском (?)) языке из собрания рукописных отделов петербургских научных библиотек. Проблема внешнего сходства изображенных в инициалах рукописных текстов Псалтыри маргиналов с иконографией древнерусских юродивых очевидна и выводит на осмысление внутренних механизмов выстраивания собственной экстравагантной линии поведения. Тема аналогий западноевропейских маргиналов и русских юродивых в отечественной научной литературе не рассматривалась.

Ключевые слова: лицевая рукопись, Псалтырь, образы юродивых, изображения маргиналов.

Н.А. Морозова (НИУ ВШЭ)

Отражение мировоззренческой картины мира Западной Европы в живописи XII–XVI веков.

Статья посвящена анализу отображения мировоззрения Западной Европы в живописи XII–XVI веков. Исследование показывает ключевую роль изображения

духовной составляющей эпохи. С развитием мировоззрения средневековья живописное изображение наполняется красками и светом.

Ключевые слова: Западная Европа в средние века, средневековое искусство, мировоззрение в средние века, средневековая живопись.

Е. А. Лютина (Иркутский ГУ)

Истоки и формирование готического стиля в архитектуре Западной Европы

В работе исследуется развитие готического стиля в архитектуре Западной Европы. Рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с зарождением стиля, появлением новых элементов готики при строительстве храмов.

Ключевые слова: готический стиль, религиозная архитектура Западной Европы.

О.А. Ильзина (СПбГУ)

Влияние раннего итальянского Возрождения на стиль интернациональной готики во Франции

Доклад посвящен рассмотрению влияния итальянской живописи эпохи треченто на стиль мастеров-живописцев интернациональной готики во Франции. Работа итальянских мастеров в Авиньоне, знакомство их с творчеством французских мастеров дает новые возможности разработки перспективы и пейзажа, а затем и передачи эмоциональной выразительности. Акцент также делается на культурном взаимодействии, показывающим широту распространения передовых живописных тенденций в эпоху средневековья.

Ключевые слова: Интернациональная готика, Авиньон, Карл V, сиенская школа, треченто.

С.Н. Астахов (ЧГПУ).

Вопросы классификации средневекового оружия ближнего боя

Статья посвящена классификациям холодного оружия ближнего боя. Рассмотрены три общие классификации оружия: В. Бехайма, Е.А. Смолина, В.А. Асмолова. Предложена авторская классификация.

Ключевые слова: холодное оружие, классификация.

Я.А. Попова (Тюменский ГУ)

Геральдика в «Кодексе Манессе» (с. XIV)

Доклад посвящен проблеме функционирования гербов в миниатюрах немецкого литературного памятника XIV века — «Кодекса Манессе». Определяется видовое разнообразие гербовых изображений, их историческая идентичность и механизмы создания.

Ключевые слова: Позднее Средневековье, Германия XIV века, «Кодекс Манессе», геральдика.

Е.С. Левшина (СПб ИИ РАН)

Развитие книжности в сербских землях в правление Стефана Лазаревича (1389 – 1427 гг.)

Статья основана на широком круге источников и посвящена проблеме развития сербской книжности в преддверии турецкого завоевания. Рассматривается унификация церковной литературы, как один из способов сплочения православного мира, обеспечивший расцвет сербской средневековой книжности в первой четверти XV в.

Ключевые слова: Сербия, Стефан Лазаревич, сербская книжность, Константин Костенецкий, Ресавская школа.

И.В. Ковригина (Нижегородский ГУ им. Н.И. Лобачевского)

Зооморфные черты демонов на гравюрах трактатов Позднего Средневековья: проблемы истолкования (на примере «краткой» редакции трактата «Ars moriendi»)

Данная работа посвящена выявлению и изучению зооморфных черт в изображениях обитателей infernalного мира на гравюрах «краткой» редакции трактата «Ars moriendi» (XV в.). Сопоставляя изображения с текстами средневековых бестиариев, автор делает попытку выявить семантическое значение звероподобных черт демонологической иконографии.

Ключевые слова: средневековая культура, демонология, трактат «Ars moriendi», бестиарии.

НА ГРАНИЦЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СЕВЕРНЫЙ МИР

А.В. Новохатский (Ивановский ГУ)

Образ викинга в средневековой Исландии как проблема современной отечественной историографии

Тема образа викинга и представлений о викингах стала активно развиваться в последние десятилетия. Многие отечественные скандинависты в своих трудах косвенно затрагивали данный вопрос. Их работы служат фундаментом для изучения и развития темы в дальнейшем.

Ключевые слова: Исландия, викинги, образ, саги, А. Я. Гуревич, Т. Н. Джаксон.

Т.А. Сафин (МГУ)

Особенности гренландского «народовластия»

В докладе исследуется потестарная система поселений скандинавов в Гренландии 986–1126 гг. Автор выступает против реконструкции гренландских условий на основе исландской полицентрической властной модели, настаивая на специфике гренландской системы, выраженной в наличии гегемонии одного аристократического рода.

Ключевые слова: Гренландия, Эрик Рыжий, поселения викингов, экспансия викингов, тинг, эпоха народовластия.

П.А. Атанов (г. Сосновый Бор)

Был ли Рюриком Рёрик Ютландский?

В статье отмечены признаки тождества Рёрика Ютландского и Рюрика: осведомленность Рёрика о Ладогe; прекращение шведских набегов после «призвания»; совпадение лакун в сведениях франкских хроник о Рёрике с годами, под которыми в русских летописях упоминается Рюрик и со временем пожара в Ладогe; раздел владений Рёрика во Фризии в год захвата Олегом Киева.

Ключевые слова: Рюрик, Рёрик, викинг, Дорестади, Ладога, Новгород.

А.А. Лапшина (РГГУ)

Dýrlig kóróna, corona martirii, diadema regni: концепт «корона» в норвежских текстах второй половины XII в.

Доклад посвящен тому, как в норвежских текстах второй половины XII в. употребляются слова со значением «корона», «венец». В итоге выделяются два контекста его употребления: сакральный и светский. В текстах архиепископа нидаросского Эйстейна, выработавшего новый облик правителя, эти два поля в чем-то совмещаются.

Ключевые слова: Средневековая Норвегия, символы власти, Эйстейн Эрлендссон, ярл Эрлинг, Олав Харальдссон, Магнус Эрлингссон.

С.Ю. Агишев (МГУ)

«История о древних норвежских королях» Теодорика Монаха как памятник общественной мысли раннесредневековой Норвегии

Доклад посвящен изучению общественных взглядов норвежского средневекового автора Теодорика Монаха, отраженных в его работе «История о древних норвежских королях» (70–80-е гг. XII в.). На основе анализа аллюзий из библейской, античной и раннесредневековой истории, содержащихся в тексте «Истории», на события и героев периода гражданских войн в Норвегии раскрываются особенности метода историописания Теодорика, а также его отношение к современным ему событиям, его политические взгляды и идеалы.

Ключевые слова: Теодорик Монах, гражданские войны в Норвегии, историописание.

Н.Н. Курина (СПбГУ)

Искусство Норвегии в контексте глобализации средневековой культуры

Статья посвящена скандинавскому искусству XI–XIII вв., оказавшему влияние на развитие романского стиля в Северной Европе, который впоследствии дал новый импульс для развития норвежской архитектуры и скульптуры.

Ключевые слова: Средневековое искусство, архитектура, искусство средневековой Норвегии, искусство до монгольской Руси, деревянная резьба, средневековая культура, глобализация.

Д.В. Верховцев (СПбГУ)

Первое упоминания племени ижора в шведских хрониках

В статье рассмотрено известие Хроники Эрика о походах ярла Йона во второй половине XII в. на ижору, наиболее раннее сообщение в шведских письменных источниках. Несмотря на определённые сомнения в историчности личности ярла Йона, известие не противоречит сведениям других групп источников, и в комплексе с ними может считаться доказательством существования отдельной ижорской племенной общности уже в конце XII в.

Ключевые слова: ижора, Хроника Эрика, Ижорская земля, разрушение Сигтуны, северные крестовые походы.

В.В.Муненко (СПбГУ)

Прошведская религиозная агитация в Германии на начальном этапе участия Швеции в Тридцатилетней войне

Прошведская пропаганда в Германии времен кампании короля Густава II Адольфа продемонстрировала весь потенциал войны за сознание общества. Пропандистская машина Швеции позволила вновь прибывшему на мировую арену игроку стать лидером религиозно-политического лагеря. На формирование необходимого Стокгольму образа короля и его армии были брошены все возможные художественные ресурсы эпохи; творческий потенциал XVII в. впервые стал пронизывать политику и войну, как их неотъемлемая составная часть.

Ключевые слова: Тридцатилетняя война, Швеция, Густав II Адольф, пропаганда, агитация, протестантизм.

НА ГРАНИЦЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ МИР

Е.А. Мехамадиев (СПбГУ)

Комит Северной Африки Гильдон и военная экспедиция 388 г.: к вопросу об истории войскового подразделения *Constantiaci*

Повышение военного отряда *Constantiaci* от ауксилиарного соединения (алы или когорты) до вексиляции *comitatenses* произошло в связи с экспедицией, отправленной из Египта в Северную Африку в 388 г. В этой военной кампании принимали участие *Constantiaci*, в награду за успешное завершение боевой операции получившие привилегированный ранг вексиляции *comitatenses* и оставленные в пределах Северной Африки.

Ключевые слова: ауксилии, *Notitia Dignitatum*, вексиляции, комит, Гильдон

М.М. Сеница (НИУ Белгородский ГУ)

Византийские эпиграммы AG I. 1 – 18

Статья посвящена рассмотрению первых 18 христианских эпиграмм Книги I Палатинской (Греческой) Антологии, посвященных различным строениям в Константи-

нополе и его окрестностях, в основном, V- VI веков. Содержание эпиграмм демонстрирует значение христианских построек в обществе и указывает на роль императоров и высшей аристократии в восстановлении и строительстве этих построек.
Ключевые слова: Христианские эпиграммы, Книга I Палатинской Антологии, христианские постройки Константинополя V- VI веков.

К.Д. Камышев (ПГПУ)

Применение теории фронта при изучении межэтнического взаимодействия в рамках социально-гуманитарных дисциплин (на примере темы «Развитие римско-иранского пограничья в кон. III – нач. VII вв. н.э.)

В статье предлагается возможность постановки педагогической проблемы – воспитания гармоничных межэтнических отношений средствами антиковедческого и медиевистического образования. Предполагается использование теории фронта для изучения и преподавания развития римско-иранского пограничья.

Ключевые слова: Римско-иранское пограничье, теория фронта, межэтнические отношения.

Г. А. Шмидт (СПбГУ)

Военная терминология в *Res Gestae*: проблемы и интерпретации

В работе рассматриваются два примера нетипичного употребления военных терминов Аммианом Марцеллином. Эти «ошибки» долгое время служили для исследователей аргументом против компетентности Аммиана в военном деле. Филологический анализ, проведенный в настоящем очерке, показывает, что подобное использование военной терминологии могло иметь помимо субъективных, еще и объективные причины: неясность позднеантичной военной терминологии вообще активное изменение значений некоторых терминов во второй половине IV в.

Ключевые слова: позднеримская армия, тагма, легион.

Д.Е. Богданов (НИУ Белгородский ГУ)

Участие варваров в борьбе Восточного и Западного дворов Римской империи в конце IV века

В работе анализируются взаимоотношения варварских племён с Империей в правление Феодосия Великого и его сыновей. Доказывается, что значение варваров в жизни Империи стало определяющим к концу IV в.

Ключевые слова: варвары, поздняя Римская империя, Феодосий Великий, Стилихон, двор Аркадия.

В.Н. Кузнецов (НИУ Белгородский ГУ)

Образ Феодосия Великого у христианских и языческих авторов

Статья посвящена образу императора Феодосия Великого у христианских и языческих авторов. Источники донесли до нас крайне отличающиеся описания жизни, личности и политики императора. Это создает определенные сложности

в реконструкции его биографии. Мы попробуем разобраться в отличиях в описании императора в разных источниках.

Ключевые слова: Феодосий Великий, Аммиан Марцеллин, Сократ Схоластик, Зосим, Аврелий Виктор.

О.В. Пржигодзкая (СПбГУ)

Синезий, епископ Птолемаидский (370/375- 413/415 гг.), и его друзья: социальный и политический контекст

Круг знакомых Синезия оказывал влияние на его мировоззрение и политические взгляды. Его позицию разделяли Ипатия, Геркулиан- представители позднеантичной философии. Политические взгляды Синезия были близки позиции Аврелиана и других представителей элиты IV-V в. Круг единомышленников Синезия позволяет говорить о влиянии интеллектуальной элиты на политическую и социальную жизнь Римской империи на рубеже столетий.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, Синезий, позднеантичная философия.

Е.В. Горбунов (Вятский ГУ)

Римские и варварские начала в государстве Сиагрия (461–486 гг.)

Статья посвящена проблеме синтезу варварских и римских начал на территории Северной Галлии во 2/2 V века. Государство Сиагрия рассматривается как фактор, который благоприятно сказался на восприятии римских начал франками.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, Суассонская область, Хлодвиг I, франки.

О.В. Головина (НИУ «Белгородский ГУ»)

Италия при Теодорихе Великом (493-526 гг.): Остготское королевство как реализация идеи единого готско-римского государства

Статья посвящена деятельности остготского короля Теодориха Великого. Созданное им на территории Италии Остготское королевство рассматривается нами как реальное воплощение идеи единого готско-римского государства. В статье доказывается, что правление Теодориха Великого — это не варварский произвол, а попытка единения римлян и варваров.

Ключевые слова: Теодорих Великий, Остготское королевство, идея единого готско-римского государства.

А.В. Пикин (Ивановский ГУ)

Посольский протокол в миссиях римлян к варварам в V веке

Анализируется формальная сторона посольств, осуществлявшихся светскими и церковными лицами. Сравнительные свидетельства Приска и Эннодия о посольствах, мы приходим к выводу, что протокольная часть на Западе и Востоке практически идентична. Сравнение показывает, что епископы Запада становятся удобными кандидатурами для совершения посольских миссий.

Ключевые слова: Епифаний Тицинский, посольский протокол, посольства, Приск Паннийский.

Г.С. Майоров (СПбГУ)

Сведения Константина Багрянородного (905-959) о южной границе Абхазского царства

В историографии существуют разные точки зрения относительно сведений трактата «*De administrando imperio*» о местонахождении крепости Сотириуполис (и, исходя из текста, южной границы Авагсии). В статье упомянуты основные из этих мнений, кратко, с привлечением современных инструментов, разобраны слабости в их аргументации и высказано предположение, в некоторой степени сглаживающее противоречивость первоисточника.

Ключевые слова: Сотириуполис, Авагсия, Константин Багрянородный, «Об управлении империей»

К.Р. Капсалыкова (Уральский ФУ)

Болгарские полководцы на византийской службе (969-1018).

В статье рассматриваются проблемы взаимодействия между государством и элитой в средневековой Болгарии. Процесс их инкорпорации в состав византийской элиты исследуется на материале письменных источников.

Ключевые слова: Средневековая Болгария, Византия, элита, военачальники.

А.Н. Слядзь (СПбГУ)

Византийско-русские связи в середине 60-х годов XI века: Константин X и Святослав Ярославич против самостоятельной Тмутаракани

Статья посвящена одному из ключевых эпизодов византийско-русских отношений 1060-х годов – княжению в Тмутаракани (1064-66) внука Ярослава Мудрого Ростислава Владимировича, в убийстве которого оказались замешаны его дядька Святослав Черниговский и правительство императора Константина X. Ростислав – князь-изгой пришел к власти в формально закрепленном за черниговским княжением, но реально стремившимся к самостоятельности городе, и, угрожая интересам, как Константинополя, так и Чернигова, был отравлен *катепаном* Херсонеса.

Ключевые слова: Византия, Русь, Херсонес, Тмутаракань, Ростислав Владимирович, Константин X Дука, Святослав Ярославич.

И.Ю. Гаврилова (СПбГУ)

Софья Палеолог: «Грекыня», «Римлянка» на великокняжеском столе

В 1472 г. Софья Палеолог стала супругой Великого Московского князя Ивана III. Несмотря на высокородное происхождение и приверженность православию, она не смогла снискать любовь своих подданных. В статье доказывается, что «чуждость» княгини обуславливалась ее западноевропейским воспитанием.

Ключевые слова: Софья Палеолог, Иван III, биографии великих княгинь.

СВОЙ И ЧУЖОЙ: ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ «ДРУГОГО» В СРЕДНИЕ ВЕКА

Л.С. Малкова (СПбГУ)

Венгерско-болгарские отношения в IX-X вв.

Статья посвящена рассмотрению периода появления венгров, как народа, претендующего на особое место в европейской системе. Рассматривается роль венгров в Торговой войне Византийской империи и I Болгарского царства и то, как эта война привела к обретению венграми новой родины. Приводятся взгляды византийского императора Льва Мудрого о похожести двух народов.

Ключевые слова: Эпоха Малого Переселения народов, Ателькуза, Симеон Великий, Лев Мудрый.

Л.Н. Куликова (Саратовский ГУ)

Важная страница истории Парижа в средние века (борьба с норманнами и ее роль в судьбах города)

Данная работа посвящена истории борьбы парижан с норманнскими вторжениями во второй половине IX века. На основе данных хроник восстановлены основные этапы этой борьбы. Автор обосновывает вывод о том, что время борьбы с норманнами занимает ключевое место в истории средневекового Парижа.

Ключевые слова: норманны, Каролинги, Капетинги, Париж, средневековый город, Эд Парижский.

Д.В. Дмитриев (СПбГУ).

Восприятие «Другого» в мусульманско-христианских отношениях в Средние века. Проблемы взаимопонимания

В тезисах доклада обозначается один из вариантов философско-антропологической проблемы «восприятия Другого». Автор тезисов рассматривает ее на примере непростых арабо-христианских отношений в Средние Века. Как показывает историческая действительность, именно непонимание друг друга, в конце концов, привело Восток и Запад к военным столкновениям и вооруженным конфликтам.

Ключевые слова: Другой, восприятие, Средние Века, непонимание друг друга, арабо-христианские отношения.

С.А. Мустафина (Казанский (Приволжский) ФУ)

О роли ислама в формировании внешнеполитических и культурных связей Волжской Булгарии со странами Арабского Востока в X-XII веках

В работе исследуются спорные вопросы проникновения и распространения ислама на территории Среднего Поволжья в IX-X вв. Доказывается огромное значение принятия ислама в Волжской Булгарии для укрепления ее государственности, внешних связей, торговых и экономических отношений и развития культуры со странами Арабского Востока в X-XII веках.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Ислам, Арабский мир, Ибн-Руста, Ибн-Фадлан, мусульманство, арабские миссионеры.

Д. В. Возчиков (Уральский ФУ)

Синтез элит на венецианском Крите и Восстание Святого Тита 1363–1368 гг.

Рассматривается почти не изученное отечественной историографией Восстание Св. Тита. В ходе централизации колониальной империи Венеции и закрепления олигархического характера республики власть элит венецианского происхождения на местах все более ограничивалась. У критовенецианской элиты выявились общие интересы с греческими архонтами и готовность эти интересы защищать.

Ключевые слова: Венецианская республика, Восстание Святого Тита, Каллерги, Крит.

И.Е. Янкин (СПб АУ НОЦ НТ РАН)

«К оружию, горожане!». К образу средневекового горожанина XIII – XIV веков

В статье рассматривается облик и ментальность горожанина XIII-XIV веков. Исследуется связь и преемственность городской цеховой общины с общиной древнегерманской. Отправной точкой служит цеховое ополчение и внутренние цеховые порядки. Из их изучения следует вывод о связи городской культуры и городских общин Средневековья с аграрной и традиционной культурой Европы.

Ключевые слова: цех, община, город, власть, ополчение, мировосприятие.

М.М. Раджабова, З.К. Пирмагомедов (Дагестанский ГПУ)

Иудеи Кавказа в средние века

Происхождение горских евреев, их этническая идентификация, вопросы расселения их на Восточном Кавказе. Вывод о переселении предков горских евреев не с территории Мидии, а с более южных областей иранской державы, с территории древней Вавилонии. «Таты» – самоназвание ираноязычного народа, персы же считают татов отличными от себя.

Ключевые слова: иудеи, таты, персизация, ассимиляция.

Е. В. Боднарчук (Голод) (СПбГУ)

Эпоха великих географических открытий: открытие Московии

Автор статьи анализирует культурный контекст, в котором в 1525 г. в Риме было издано первое подробное печатное описание Московии (Павел Йовий). Стихотворные эпиграммы в книге, а также интерес причастных к появлению книги папских дипломатов Ф. Кьерикати и Дж. Руффо к мировым географическим открытиям, ставят появление книги о Московии в контекст эпохи открытий.

Ключевые слова: сочинения иностранцев о России, дипломатия, великие географические открытия.

А.С. Прокудин (Тверской ГУ)

Образ Другого в «Записках янычара» Константина Михайловича

Доклад посвящён проблеме восприятия Другого в условиях внешнеполитического конфликта на примере «Записок янычара» Константина Михайловича. Автор акцентирует внимание на противоречивости отображения Другого в данном сочинении, что объясняется особенностями биографии Константина Михайловича.

Ключевые слова: образ Другого, турки, христиане, Османское государство.

Е.И. Зубков (СПбГУ)

«Книга путешествий» Эвлии Челеби: османский этнический дискурс в описании Сараево XVII века

В данной статье рассматривается описание Сараево, как фрагмент «Книги путешествий» Эвлии Челеби. В статье рассматриваются такие важные, по мнению автора, категории, как феномен языка и религии, степень выраженности этнической и конфессиональной идентичности, а так же факторы, влияющие на субъективное восприятие автором источника описываемых им народов.

Ключевые слова: Эвлия Челеби, балканские славяне, ислам, этнический дискурс, идентичность.

ABSTRACTS

ISSUES OF MEDIEVAL SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY

I.A. Fomin (Kharkiv National University)

Features of the application of the hermeneutic key to the study of iconographic monuments of early Byzantine Cherson (example of stone sculpture “The Good Shepherd” from the collection of the National Preserve of Tauric Chersonesos)

The article is devoted to studying of paintings and sculptures of the “Good Shepherd” in early Christian art. There is an interpretation of the fragments of marble stone sculpture from the collection of the National Preserve of Tauric Chersonesos.

Keywords: Christianity, hermeneutics, iconography, sculpture, art.

A.S. Anufrieva (Moscow State University)

Medieval historian as a “creator” of political ritual: description of the scene of handing the royal insignia in the “Antapodosis” of Liutprand of Cremona

Analyzing how the ottonian historians Liutprand of Cremona and Widukind of Corvey described the handing of the royal insignia to Henry I author explored their political objects and their methods.

Keywords: Liutprand of Cremona, Widukind of Corvey, Henry I, political rituals.

D.S. Borovkov (Ural Federal University)

Theme Chaldia and Derxene in XIth cent. according to sigillographyan sources

The work is devoted to the theme “Chaldia and Derxene”, an administrative units of byzantine Transcaucasia. This structure is not mentioned in written sources and detected only on sigillographyan data. Sigillographyan material also helped to identify local family of civilian officials.

Keywords: Byzantium, provincial administration, Haldia, Derxene, sphragistik, sigillography, prosopography.

A.S. Tsygankov (Volgograd state social and pedagogical university)

Significatum of the word *ritter* in medieval German in XI – XIII centuries

The article deals with the genesis of the word *ritter* in Middle High German discourse in XI - XIII centuries. The history of the concept is considered on the basis of the German-written sources and the latest works of German medieval studies.

Keywords: The word, knight, *ritter*, significatum, denotation, Hohenstaufen.

A.A. Kasatov (Saint-Petersburg Institute of History, RAS)

English historical documental sources of XIVth century in the Saint-Petersburg Institute of History, RAS Archive: formation of the collection revisited

The article deals with the original English charters of the XIVth century preserved in the archive of the Saint-Petersburg Institute of History. The author has managed to find how and from whom N. Lichatchev had obtained the documents. Among the

charters one is especially interested because it shows light on the history of struggle between England and France for Normandy.

Keywords: N.S. Lykhachev, archives, Hundred-years War, diplomacy.

V.V. Kudryakov (Moscow State Pedagogical University)

The Rebellion of the Bastard of Fauconberg in the Assessment of the Second Continuation of the Croyland Cronicle

The author of the Second Continuation, a direct observer of the riot of the Bastard of Fauconberg, described the rebels presumably as a mutinous assembly of looters. He neglected the economical prerequisites for the rebellion and the political claims of the insurgents, and distorted the picture of the strife for holding of London between the partakers of the Bastard of Fauconberg and the forces loyal to Edward IV.

Keywords: XVth century England, chronicles, Fauconberg rebellion, ideology of power.

K.V. Perepechkin (Saint-Petersburg State University)

Reprinting of Opuscula by Hieronymus Emser

My paper is devoted to reprinting of Opuscula by Hieronymus Emser. Nowadays we know thirteen reprinting. I compared four of them, which were printed by Valentin Schuman and determined their similarity and differences in composition, typography and design.

Keywords: book-printing, typography, Hieronymus Emser, Valentin Schuman, Opuscula, reprinting.

G.I. Borisov (Moscow State University)

Typographic errors in the Heroldina of XVI century from The collection of Rare and Valuable Books Russian State Library

In this article author characterized metodological issues of codicology and bibliology within the research processes of representativeness of the text in the book dated to XVI century. The book «Originum ac Germanicorum antiquitatum libri» printed in the year of 1557 by H. Petry was taken as the object of research. A lot of errors of unknown origin were found in the source. Common errors were investigated by the analysis of signatures, catchwords, headers and the construction of the book. The huge importance of typesetters' work and principles in the creation of the book was stated.

Keywords: History of typography, Iohann Herold, Leges Barbarorum.

Chervyakova A.K. (Russian State University for the Humanities)

Genealogies of Princes Mezetsky in the 16th–17th century pedigree books: a textological analysis

The article is dedicated to the textological issue of the genealogies of Princes Mezetsky in the 16th-17th century pedigree books. As a result of the research we will obtain a full textological analysis showing us the features of the two textological traditions – Lithuanian and Moscow editions of the text.

Keywords: Mezetsky Princedom, pedigree books, edition, recension, textology.

N.S. Guseva (Ishim State Pedagogical Institute)

Constructing global chronological map: Antiquity as a phantom image of the Middle Ages XI-XVIth centuries (results of mathematic method in ancient and medieval studies of A.T. Fomenko-G.V. Nosovskiy group)

Author covers the problem of creation of the global chronological map of the period of Antiquity and Middle Ages in a context of ideas and views of authors of «New Chronology» - A.T. Fomenko-G.V. Nosovskiy. For this purpose, in particular, its basic provisions as scientific concept are analyzed, the special attention is given to realization of mathematical methods of historical research. Considering them, the author comes to a conclusion about scientific (including methodological) insolvency of «New Chronology».

Keywords: "New Chronology", mathematics methods of historical research.

K.Ye. Krylov (Saint Petersburg State University)

Charles V in Russian and foreign historical criticism: positions and prepossessions

Charles V was an outstanding figure. His empire included the territories of more than ten modern countries. So, it is logical that there are several historiographical traditions of description of his government. These traditions often mismatch. This text is an attempt to show this antagonisms.

Keywords: Charles V, historiography, Spain, Holy Roman Empire, Reformation, Comuneros Revolt.

V.A. Andreeva (Saint-Petersburg State University)

Court officers in Moscow Russia in the end of XV – the first half of the XVI century: Historiography of the problem

In this article author make an attempt to pay attention on the analyze duties of service gentry in the time of the Sudebnik of Ivan III. They were the criminal investigator, official who carried out court sentence, etc. Author investigates their work in the context of Russian historiography.

Keywords: Service gentry, the Sudebnik of 1497, bailiff, Ivan III.

K.R. Andreychuk (Moscow State University)

Stages of German and Russian Translation Theories in 15–17th Centuries

The article suggests the periodization of German and Russian translation theories up to 17th century and makes an attempt to understand interconnection and to draw a parallel between two theories. The article gives major names and events related to the stages and considers the logic of the translation theory development in general.

Keywords: translation theory, Germany, Russia, Middle Ages.

E.A. Pronina (Saint-Petersburg State University)

André Duchesne, the forgotten father of French History: the unknown facts of biography

This article focuses on biography of an outstanding XVIIth-century French historian André Du Chesne. Being poorly elucidated in the historiography, it is still rather important for the better understanding and analysis of Du Chesne's heritage. The scholar's social position, private life and his connections within the French intellectual circles are discussed in the paper based on the original sources including Du Chesne's own works.

Keywords: biography, France, historiography, XVIIth century.

K.V. Likhomanov (Saratov State University)

Community-based theory in the light of scientific heritage of Aron Gurevich

The article is about development and evolution of a new approach in the study of the history of the community. The article shows originality of a scientific view of Aron Gurevich, and also, considered distinctive stages in the evolution of a critical view of the classical community theory.

Keywords: community, mark, Early Middle Ages, feudalism.

L.O. Bochkareva (Samara State University)

Anti-cosmopolitan campaign of 1949 in Moscow and Leningrad Universities

The paper studies the relations of science (medieval studies) and the Soviet government in the 40-eth of the XX century on the basis of Moscow and Leningrad Universities department meetings minutes. The author studies the fate of medievalists by comparing sample scenarios of anti-cosmopolitan campaigns. The author analyses the documents, finds common features of campaigns, considers the fate of major medievalists: A.I. Neusyhin, O.L. Weinstein.

Keywords: medieval studies, A.I. Neusyhin, O.L. Weinstein.

RELIGION AND CHURCH IN THE MIDDLE AGES

A.B. Suleymanova (NRU «BelSU»)

The religious life of Constantinople in the Chronicle of Marcellinus Comes

The work is devoted to the religious life of the capital of the Byzantine Empire in the Chronicle of Marcellinus Comes. Was analyzed the place of Constantinople in the "Chronicle". Made division of the mentions at the source on the topic on the thematical groups. Made interpretation of the received data.

Keywords: Constantinople, cathedrals, religion, Justinian I, "Chronicle", bishop.

D.M. Omelchenko (Saint Petersburg Institute for International Economic Relations, Economics, and Law)

Image of the bishop-miracle man in "Life" Caesarius of Arles

Considered design of an image of the bishop-miracle man in "The Life" Caesarius of Arles. Analyzed are the stories of the miraculous, their place in the text, these stories are compared with similar subjects in late antiquity hagiography, and identify the traits that distinguish the attitude of Caesarius the miracle – as the shepherd, as the miracle

worker, as a believer.

Keywords: Late Antiquity, hagiography, miracle-work, pastoral care, Caesarius of Arles.

J.M. Progunova (Ivanovo State University)

Relationships between Anglo-Saxon and Frankish Church in the Early Middle Ages (in the aspect of "women history")

The report is devoted to the history of relationships between the Anglo-Saxon and the Frankish Church in the period, when ecclesiastical traditions in Britain began to establish. The research is based upon the analysis of the "Ecclesiastical History of the English People" by Venerable Bede and epistolary sources. The sources give an opportunity to study transformations in the connections between the churches during the VI-VIII centuries.

Keywords: history of the Church, women history.

A.K. Sidiyakina (Saint-Petersburg State University)

Was the patriarchate in the First Bulgarian Empire?

The existence of an independent Bulgarian church organization during the 9-11 centuries is a controversial issue. Disputes are caused by a little information and inaccuracies in sources. There is a common fact of adoption of the autocephalous Bulgarian Church in 919 by the Tsar Simeon and of recognition of the new status of the Byzantine Empire during the reign of Peter. However, there are serious doubts about the existence of the status of the Patriarchate.

Keywords: First Bulgarian Empire, the Bulgarian Orthodox Church the Patriarchate.

J.A. Gorbunova (Ivanovo State University)

Reflection of Christianization of Iberian peninsula in the treatise of St. Martin of Braga "De correctione rusticorum"

The article is devoted particular aspect of Christianization and Depaganization of barbaric world in the 6th century, especially practice of bishop Martin of Braga contained in his sermon "De correctione rusticorum" ("Reforming the rustics").

Keywords: Martin of Braga, Christianization, Depaganization, dual-faith system, history of Galicia, Suebi.

A. S. Fogel (Samara State Economic University)

"The revolt of the Volhves" in 1024 and 1071 AD in the context of christianity and colonization the borders of Kiev State

The article covers pagan uprisings of 11th century AD in Rus as a social, cultural and political phenomenon, in which interaction between the Eastern Slavs and Finno-Ugric nations in the process of colonization is reflected. The author examines the modern state of the subject and analyses the most typical features of «the revolt of the Volhves».

Keywords: Kiev State, 11th century, paganism, colonization.

I.N. Mastyaeva (National Research University «Higher School of Economics»)

Faith and Reason in the worldview of John of Salisbury

In the work on the basis of analysis of one of the works (the treatise «Metalogicon») of the XII century scholastic John of Salisbury one of the ways of achieving the harmony of faith and reason is shown: a combination of the believe in primacy of faith over reason and the need for cognition and the confidence in the opinions of contemporaries.
Keywords: harmony of faith and reason, John of Salisbury, «Metalogicon».

M.G. Amalskaya (Saint Petersburg State University)

Western influence on the veneration of certain saints in Novgorod in the 11-12th centuries (review of existing approaches)

The presentation offers a review of the existing approaches to the problem of western influence on the veneration of certain saints in Novgorod in the 11-12th centuries such as St. Nicholas, St. Clement of Rome, St. Alexis the Man of God, and St. Benedict of Nursia.
Keywords: Saints, cult, veneration, Novgorod, west, western influence, 11-12th centuries.

L.I. Kovalchuk (National Research University «Higher School of Economics»)

Personae non gratae in the first Lives of Francis of Assisi

The article is devoted to the analysis of the first Lives of Saint Francis, which were wrote by Thomas of Celano. All of hagiographies are integrated by the tendency to represent Francis as the founder of new order. These features deal with questions not only about life of Saint Francis, but also about the fortune of the Franciscan Order in the XIII century.
Keywords: Francis of Assisi, Thomas of Celano.

D.M. Seliverstov (BGU)

The Franciscans and the apostles in the second half of the XIII century in Italy

In the second half of the XIII century, the Franciscan order in the struggle for the soul of the laity met serious competition in the shape of «Brothers of the Apostles» Gerardo Segarelli. Apostles managed to shake the authority of the Order of St. Francis, among some of the faithful. In the eyes of the last Franciscans departed from the ideals of the Gospel of life.

Keywords: franciscans, apostles, Segarelli, Salimbene, evangelical life.

Y.F. Litvyak (Law Institute of Irkutsk State University)

The Inquisition in Europe: medieval totalitarianism

The article is focused on the of Roman Catholic Church in the Middle Ages, its instrument for struggle with opponents - Inquisitorial tribunal. The processes of formation of the Inquisition and the death sentence execution is considered. The causes of reducing the role the Inquisition tribunal are revealed; the liquidation of the Inquisition institutions is also described.

Keywords: heretics, inquisitorial tribunal, death sentence.

S.A. Yatsyk (HSE)

Establishment of the Procedure of Papal Canonization between X and XIII c.

The approaches of the Holy See to the canonization have not avoided the influence of its centralizing policy of XI-XIII centuries. Between 993 and 1234 roman popes gradually reserved the exclusive right to canonize. This process can be reconstructed on the basis of such sources as the bull of canonization of Ulrich of Augsburg, papal brief «Audivimus», the bull of canonization of Homobonus of Cremona and «Decretals».

Keywords: procedure of canonization, the cult of saints, Saint Ulrich of Augsburg, pope Alexander III.

S.N. Budko (Institute of Prosecutor's office of the Ural State Legal Academy)

Assassins - professional killers or religious fanatics

In this work the analysis of formation and award activity ассасинов is given: ideological basis of creation of an award, its efficiency, preparation of members of an award. And also their role and contribution to military art of the Middle Ages.

Keywords: assassins, islam, shiism, Hasan ibn Sabbakh, military science of the Middle Ages, religionism, professional murders.

N.A. Berezhnaya (Saint Petersburg State University).

Bremen Eucharistic Conflict: the establishment of Calvinism in Germany problems

The author analyses the eucharistic conflict in the northern German city of Bremen which came to an end with the establishment of Calvinistic religious doctrine. During the conflict Calvin must have wanted to compel Melancthon to rally with him, but the protestant German leader eluded direct response.

Keywords: eucharistic conflict, Bremen, Calvin, Melancthon, Albert Hardenberg.

**THE MEDIEVAL MENTALITY:
MYTHS, IMAGES, IDENTITIES, SYMBOLS**

O.S. Tyutina (Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University)

The problem of interpretation of individual and universal eschatological systems: from evolution to existentialism

The article analyses interpretations of individual and universal eschatological systems in the works of Russian and foreign scholars and philosophers of religion.

Keywords: individual eschatology, universal eschatology, the myth of the end of the world, Last Judgement.

E.V. Kogut (State Academical University of Humanitarian Sciences)

The protection of female honour in the Paleologian Byzantium

The article deals with the problem of female honour protection in the byzantine legislation of the Paleologian époque. The author compares secular and canon law. She analyses, how serious were punishments for crimes against female honour.

Keywords: Byzantine empire, gender history, Konstantin Harmenopol, Matphey Blastar.

M.V. Rukavichnikova (Ural Federal University)

The interpretation of fate by Georgius Pachymeres and Nicephoros Gregoras

In the article the results of comparative analysis of the two late 13th – early 14th century writer's opinions on predetermination are presented. The author provides information on ways of expression their individual interpretations of fortune with the help of images and signs.

Keywords: Byzantine historiography of the XIII-XIV centuries, the interpretation of fate, Georgius Pachymeres, Nicephorus Gregoras.

A.L. Gagarina (Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University)

The medieval temporal thought and an idea of historical progress

Temporal thinking medieval man is the bizarre perception of space through the lens of a combination of archaic echoes the national consciousness imposed on the Judaic idea of messianic resolution stories. Progress is the directed movement that assumes existence of an ultimate goal. For medieval Christian culture is a rescue of soul at an o'clock of the Last Judgement. Growth of number of Christians, so the escaped souls and there is a progress.

Keywords: thinking, perception, direct, progress.

I.V. Syantomov (Saint Petersburg State University)

Evolution of the political philosophy in Castile and León in XI–XIII centuries

The article considers the development of the Castilian political elite and society mentality. The study of the interaction between Visigothic traditions and new tendencies in minds of the Castilian kings is based on method of structuralism. These methods explain the urge of rulers towards reception of the Visigothic succession law and the council tradition.

Keywords: History of Castile, medieval law of Castile, Visigothic political myths.

E.A. Andreeva (Saint Petersburg State University)

Alchemical component in Roger Bacon's scientific studies

In treatises, R. Bacon regards different areas of science. Special attention is paid his alchemical investigations and interpretation, the close contacts of alchemical beliefs with Christian dogma, his recognition of great significance of natural science experience for alchemy, and motivation of the scientist and his notions about adherents of alchemy.

Keywords: Alchemy, England, Roger Bacon, science.

F.E. Levin (Saint Petersburg State University)

Confronting Irish and British identity on the example of plots from the "The Book of Invasion"

The article is dedicated to comparison of Irish and British myths. The origin of Irish people was interpreted in Biblical context unlike Trojan context of the origin of British. Thus, Irish identity was more Celtic than the British.

Keywords: The Book of Invasions, Irish myth, British myth, Geoffrey of Monmouth, identity.

M.R. Hamitov (Chelyabinsk Pedagogical State University)

Business people in 15th century Florence and the views on wealth and labour

The article studies social and mental history of 15th century Italy. On the example of Florentine business people views on wealth and labour are explored.

Keywords: business people, Florence, wealth, labour.

N.E. Zhigalova (Ural Federal University)

Medieval signs as presage of the coming defeat: battle of Varna

Trying to explain the reasons for the defeat of Varna in 1444, the contemporaries of these events in their texts used the description of the various signs as a result of divine providence. The article reveals the mentality of the medieval historian and explain reasons for the use of descriptions of unusual phenomena in medieval chronicles.

Keywords: presage, Battle of Varna, 1444, Vladyslav III Varnenchik, Balkans.

V.V. Stepanyuk (Saint Petersburg State University)

The moral and ethical basics of the art of fencing in the fight-book 1459 by Hans Talhoffer

The German swordsmanship 15th century is characterized by a variety of techniques. German swordsmanship masters demanded from their students not only swords kills, but certain ethical qualities. In the fechtbuch by Talhoffer (1459) honour and true faith are marked out — without these qualities no swordsman can reach the proper skill. The fechtbuch is studied in the present article.

Keywords: swordsmanship, Hans Talhoffer, fechtbuchs.

E.Yu. Kobyakova (Ural Federal University)

The idea of "Moscow as the Third Rome" as a manifestation of the European eschatological psychosis in the 15–16th centuries

The article is devoted to the concept of "Moscow as the Third Rome" in the context of eschatological fears in the Christian world in the end of 15th century.

Keywords: Moscow, the Third Rome, eschatological expectations, the mentality, the Middle Ages, Muscovy in XV–XVI centuries.

E.N. Romanovskaya (Regional Civic Institute "The World of Art")

Fausto Socini and the University of Siena

Biographic details on conditions of formation of an intellectual context of Fausto Socini's views during the "unproductive" Italian period of his life testify to its active communication with the lawyer's corporation of Siena. Influence sources belong to the same period of Italian jurist's «critique-philological method» on structure of the theological argument's of Socini.

Keywords: Rational theology, Fausto Socini, Polish brethren, University of Siena, Medici.

V.A. Kovalev (Saint Petersburg Institute for International Economic Relations, Economics and Law)

One-way trip to Hell: analyzing acclamation procession of Queen Mary Stuart

Author observes tendencies of historical criticism of monarchic rituals in Late Medieval and Early Modern England. On the example of Mary Stuart procession author shows discontents as traditional historical criticism so ones of neohistoricism. Acclamation procession of Mary Stuart gives to as the example of the ritual's conflictive potential and policentricity of power. John Nox created very powerful symbolic weapon against catholical monarch. Author argues that the ritual's conflictive potential and policentricity of interests of ritual's creators and actors have to be considered during analization of myth-ritual power's complex.

Keywords: neohistoricism, myth of power, monarchic rituals, History of Scotland, Mary Stuart, John Nox, cultural anthropology methods in historical researches.

**POWER AND SOCIETY IN THE MIDDLE AGES:
THEORY AND PRACTICE OF RECIPROCALITY**

I.D. Gayvoronskiy (Saint Petersburg State University)

Bible king, emperor, folklore hero: transformation of an image of Charles the Great in literature of Carolingian Renaissance and its sources

The report covers the problem of formation and transformation of Charles' the Great image in the literature of Carolingian Renaissance. This transformation is analyzed both in a perception of medieval authors and in the context of socio-political changes of the epoch.

Keywords: Charles the Great, Carolingians, image of the power in medieval literature, evolution of an image of the power, Carolingian Renaissance, Alcuin of York, Einhard, Notker the Stammerer.

A.A. Romensky (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

The death of the «Beautiful Sun»: Prince Vladimir Svyatoslavich's decease in the view of his contemporaries

The paper deals with sources information about circumstances of the death of Prince Vladimir of Kiev. The Funeral rite described in the record finds analogies in sagas and Slavic mythology. The contemporaries of the prince often criticized his legacy, and only later the traditional image of the Baptist of Rus has been formed.

Keywords: Vladimir Svyatoslavich, death, funeral tradition, narrative sources.

T.A. Korobeynikova (Samara State University)

Representation of royal power in France in the 12–13th centuries in historical writings

The article studies the perception of royal power in France in 12–13th centuries basing on the works of Abbot Suger and Jean de Joinville. The following aspects are analyzed: kings' clothing, appearance, burial rites. The author tries to compare the institutionalizations of images of Louis VI and Louis IX.

Keywords: Louis VI, Louis IX, royal power, Jean de Joinville.

A.A. Zagreba (French Collège, Saint Petersburg State University)

Raoul of Vermandois, a seneschal of two kings

The present article is dedicated to the history of 12th century France. The author concentrates attention on the personality of Raoul, Count of Vermandois under the rule of kings Louis VI and Louis VII

Keywords: Louis VI, Louis VII, Raoul Vermandois, Suger, medieval history of France, medieval history of Picardie.

M.V. Zhuravloyva (Irkutsk State University)

Life and Fate of the Templar military-monasterial order

The article is devoted to the history and activities of one of the largest and the most powerful monasterial orders, the Knights Templar. After the consideration of all the aspects mentioned above the article proves that the order of Templar possessed a great political power and had a large influence on both secular and religious authorities.

Keywords: the order of the Templar, the Crusades, Philip II, Clement V.

A.B. Perfilieva (Irkutsk State University)

The peculiarities of Barbarossa's and Pope's struggle

The article is devoted to confrontation of emperor Frederick I Barbarossa with Rome Catholic Church. Author studies peculiarities of the emperor's actions, comparing his politics with that of earlier European rules.

Keywords: Frederick I Barbarossa, Rome Catholic Church, German Empire, German emperors, foreign policy.

I.A. Danilov (Saint Petersburg State University)

Power and dynastic strategy in the Late Middle Ages. Earls von Nassau in the 12–15th centuries

The report deals with the choice of the dynastic strategies of German nobility in the Late Middle Ages and the ways of its social adaptation in order to achieve power. Matrimonial and demographic trends of Middle Rhine Counts of Nassau in the 12–15th centuries are analyzed on the basis of statistical data.

Keywords: History of Germany, Middle Ages, statistics, demography, kinship, family, domain, wedding parties, power, earls von Nassau.

R.S. Mitrofanov (Kazan (Volga Region) Federal University Institute)

“Including the plague”: the birth of a disciplinary technology of power in the medieval town in the state of plague in the middle of 14th century

This article explores the process of becoming a disciplinary ruling practice which defined the new way of interaction between government and society for many centuries ahead. It appeared in the Middle Ages and reached its high point in the 18th century.

Keywords: Disciplinary power, plague, medieval town, M. Foucault, A. Muratori.

E.A. Mikhaylenko (Saint Petersburg State University)

Scottish Kingship in “John of Fordun’s Chronicle of the Scottish Nation”

This article explores J. Fordun’s views on kingship in medieval Scotland. The first chronological history of Scotland, written by J. Fordun, was a new stage in the development of the Scottish historiography as a whole and served a basis for further written works on the history of the Scots people.

Keywords: John of Fordun, historiography, kingship.

O.S. Kazak (Sakhalin State University)

The Siege of Orleans (1428–1429)

By 1428 the city of Orleans was the last obstacle for the British to complete the conquest of France. In the case of the cities fall, the position of France would have been hopeless. The article discusses, how the British besieged the city, the French military defensive strategy, the role of Joan of Arc in the raising of the siege. The author comes to conclusion, that the British defeat caused the watershed in the Hundred Years War.

Keywords: Charles VII, Joan of Arc, the fort, the Bastille, Blois, Loire.

N.S. Rostova (Sakhalin State University)

Anti-Semitism in Western Europe in the Middle Ages

The article examines Anti-Semitism in the Middle Ages. The author discusses origins and of European Anti-Semitism as well as gives the most significant examples. The link between medieval Anti-Semitism and modernity is made.

Keywords: anti-Semitism, Catholic Church, Jews, pogroms, persecution, Crusades, the Decrees of the Church.

I.I. Garipova (Kazan (Volga Region) Federal University Institute)

The Formation of the institution of human rights in Europe in the Middle Ages

The gradual recognition of the value of human personality, human rights and freedoms has been coming by all the people throughout mankind history. The idea of such human rights as the right to civil liberty, freedom of conscience etc., we arising in Europe during medieval period of history.

Keywords: The Middle Ages, society, human rights and freedoms, church, law, person.

V.A. Stasevich (Saint Petersburg State University)

The Order of the Garter under Henry VIII

The article describes changes regarding the Order of the Garter under Henry VIII. The main changes in question are the reform of the statutes and the changes in composition in comparison with the reign of Henry VII. Multivariate analysis serves to show the changes in the policies of replenishment of the Order. The author concludes that some changes in the statutes, both proclaimed by Henry VIII or ascribed to him, are illusory.

Keywords: The Order of the Garter, Henry VIII, early Tudors, chivalric orders, nobility.

J.M. Grishina, O.P. Zhalmenova (Tambov State University)

The person in the system of social relations: Elizabeth Tudor (1533–1603)

Active and eventful life of Queen Elizabeth Tudor was reflected in both public life and in politics. Elizabeth was a woman of her time. She was able to reveal her personality in thoughts, words and emotions. The Queen was able to be sincere, as well as to conceal her true intentions, when it was necessary. All these qualities were revealed both in everyday life and in the political actions.

Keywords: England, person, society, queen, Elizabeth Tudor.

A.N. Karetina (Saint Petersburg State University)

Controversy over the Oath of Allegiance (1607–1610) and James I Stuart

The article is devoted to a controversy over the Oath of Allegiance occurred in Europe in the early 17th century and to several treatises by James I Stuart, that he wrote for the polemic. The controversy raised many important issues, both political and religious, and attracted attention of many famous figures of the time.

Keywords: James I Stuart, Oath of Allegiance, confessional polemic of James I.

FINE ARTS AND CULTURE IN THE MIDDLE AGES

T.Ye. Fedorova (Saint Petersburg State University)

The Winchester School of Illumination in England in the Last Third of the 10th Century

This article is dedicated to one of the most prominent phenomena of English pre-Roman illumination – Winchester school. Using the material of different manuscripts the author shows their similarity which allows to associate this manuscripts with the same school. It is not the technique of illumination or a place where a manuscript was created that assigns it to a particular school but acanthus motifs and sharp dynamics of lines that can be seen in every manuscript, though sometimes transformed.

Keywords: Winchester school, medieval illuminated manuscripts, medieval art, Early Medieval England.

E. V. Rokhlina (Altai State University)

The Metaphysics of Light in Bonaventure’s doctrine and its influence on Middle Ages art and contemporary art.

The Metaphysics of Light is the doctrine which is grounded on the idea that material light is an image of the pure, unintelligible Light, which is God in His transcendent glory. In Bonaventure’s doctrine the metaphysics of light became a basis for the art.

Keywords: Bonaventure, the Metaphysics of Light.

H.A. Opieva (North Caucasian Federal University)

The art of medieval Ingush architecture

This article is dedicated to the tower-building in Ingushetia during the Middle Ages, exterior and interior ornamentation of them. Author argues that “Golgothas” sym-

bolized triumph of life and power. Her reconstruction of architectural art is based on the works of famous Caucasian investigators. Through the comparative analyzing author proves that symbols on towers had a heathen origin. The best examples of Ingush tower architecture is dated about the middle of XV century.

Keywords: history of architecture, tower-building, history of Ingushetia, heathen Caucasian symbolism.

V. V. Andersen (Saint-Petersburg State University)

Abelard on Judaism

The thought of Peter Abelard on Judaism is very important in the context of the relationship between Christians and Jews in the 12th century. Abelard, recognizing in some of his works the problem of reconciling Judaism and Christianity, is of the most tolerant persons of his time in terms of the attitude to Judaism. It would be romantic to see in this an influence of Héloïse of some kind (she should have been studying in a Hebrew school), but perhaps of more importance is the fact that Abelard never actually confronted and Jews and did not know too much about them.

Keywords: Peter Abelard, Héloïse, Judaism, the Renaissance of 12th century.

Z. A. Lurie (Saint-Petersburg State University)

Ritual in the protestant drama

One of the key Reformation topics was protestant view on ritual, the catholic liturgy, in particular. Two protestant playwrights, Joachim Greff and Sixt Birck, also deal with the ritual theme. The first, being the Luther's adherent, creates an image of evangelical liturgy in his "Judith". While the second, being influenced by Zwinglian Reformation, criticize catholic ritual as idolatry.

Keywords: confessionalisation. Sixt Birck, Joachim Greff, protestant theater, ritual.

M.S. Alexeeva (Repin's State Institute of Painting, Sculpture and Architecture)

Sculptures of the matroneums of Gröningen Monastery church (Saxony)

Last Judgment is one of the most important themes in the medieval art. Iconography of this scene in Romanesque sculpture is different but particularly shows Christ Pantocrator among apostles like in stucco relief of the matroneum of Gröningen Monastery Church which came under Lombard Romanesque sculpture's influence.

Keywords: iconography, Romanesque style, Last Judgment, stucco sculpture.

S.A. Makarova (Novgorod State University)

The image of devils on the portals of French cathedrals in the 12–13th centuries

The article describes the image of devils as an important element in the perception of the Last Judgement scene on the portals of French cathedrals. The article defines the term 'devils' according to the Bible and patristic writings and touches upon the episode of the Last Judgement with the devils.

Keywords: devils, Last Judgement, French cathedrals, gothic, Hell, catholicity.

O.A. Tuminskaya (The State Russian Museum)

Image of misfits in Front of the Psalms XIII century

The article is devoted to consideration of Facial images in the text of the Psalter of the XIII century in Latin (the ancient French (?)) language from the collections of the manuscript Department of the St. Petersburg scientific libraries. The problem of external similarity of the images in the initials of handwritten texts of the Psalter marginal with the iconography of old Russian foolish evident and displays on the comprehension of internal mechanisms of forming his own extravagant line of conduct. The theme of the analogies of Western European outsiders and Russian foolish in the scientific literature will not be considered.

Keywords: faceplate of the manuscript, the Psalter, images of the foolish, image of misfits.

N.A. Morozova (NRU HSE)

Western Europe World View Reflection in the XII-XVI Centuries Painting

The paper is devoted to the analysis of Western Europe world view reflection in the painting of the XII-XVI centuries. The study shows the key role of the period spiritual component representation. In the process of medieval world view development painting is being filled by colors and light.

Keywords: Western Europe in the Middle Ages, medieval art, World View in the Middle Ages, medieval painting.

E.A. Lyutina (Irkutsk State University)

Sources and formation of Gothic style in architecture of Western Europe

The work is focused on the history of development of Gothic style in architecture of Western Europe. This work a wide range of the questions connected with the origin of style, emergence of new elements of a gothic style applied during the construction of temples.

Keywords: Gothic style, religious architecture of Western Europe.

O.A. Ilzina (Saint-Petersburg State University)

The effect of early Italian Renaissance on the international Gothic style in France

The main purpose of the article is to describe the impact of the trends of the Italian painting on the Gothic style in France. Due to the influence of the Italian paintings of the 13th century, French masters started working on the problem of development prospects and landscapes and of the transmission of emotional expressiveness, which existed in Renaissance style.

Keywords: International gothic, Karl V, Avignon, trecento.

S.N. Astahov (Chelyabinsk State Pedagogical University).

The classification of the medieval melee weapons

The article deals with the classification of cold melee weapons. Examined three general classifications of weapons: V. Behaym's, E.A. Smolin's, V.A. Asmolov's. We gave the author's classification.

Keywords: cold weapons, classification

Y.A. Popova (Tyumen State University)

Heraldry in “Codex Manesse” (c. XIV)

Report is devoted to the problem of functioning of arms in miniatures of German literary monument fourteenth century — «Codex Manesse». Determined the diversity of heraldic figures, their authenticity and the mechanism of their creation.

Keywords: Late Middle Age, Germany XIV c., “Codex Manesse”, heraldry.

E.S. Levshina (Saint-Petersburg Institute of history of Russian Academy of Sciences)
The development of booklore in the Serbian lands during the reign of Stefan Lazarevic (1389 - 1427)

This article is devoted to the problem of development of the Serbian knizhnost on the threshold of a Turkish conquest and based on the wide range of sources. Unification of the church literature as one of way of unity of the Orthodox world that provided blossoming of the Serbian medieval knizhnost in the first quarter of the 15th century was considered.

Keywords: Serbia, Stephen Lazarević, the Serbian knizhnost, Constantine of Kostanets, the texts of Resava school.

I. V. Kovrigina N. (I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod).

Demon’s zoomorphic features in the engravings of the treatises of the Late Middle Ages: issues of interpretation (for example, the “short” version of the treatise “Ars moriendi”)

This work is dedicated to the identification and study of zoomorphic features in the images of the inhabitants of infernal world in the engravings of the «shorter» version of the treatise «Ars moriendi» (XV c.). Comparing images with the texts of medieval bestiaries, the author makes an attempt to identify the semantic meaning of the animal-like traits of demonological iconography.

Keywords: medieval culture, demonology, a treatise «Ars moriendi», bestiaries.

THE BORDERS OF EUROPEAN SPACE: NOTHERN WORLD

A.V. Novokhatskiy (Ivanovo State University)

The image of a Viking in medieval Iceland as the actual problem of contemporary Russian historiography

The problem of the image of a Viking and its representation is very actual in last decades. Some of Russian scholars have made brief accounts on the problem. These studies compose a base for further research.

Keywords: Iceland, Vikings, image, sagas, Aron Ya. Gurevich, Tatjana N. Jackson

T.A. Safin (Moscow State University)

The features of the Greenlandic “Commonwealth”

The report is devoted to a governing system of the Norse settlements in Greenland between ca. 986–1126 AD. The author opposes Greenlandic features’ reconstruc-

tion based on Icelandic polycentric power-holding pattern, insisting on peculiarity of Greenlandic system manifested in the presence of sole hegemonic noble family.

Keywords: Norse Greenland, Norse settlements, Erik the Red, Viking expansion, governing assembly, thing, Commonwealth.

P.A. Atanov (Sosnovy Bor)

Can we identify Rorik of Jutland with Rurik?

The article presents the evidences for Rorik of Jutland’s identity with Rurik such as Rorik’s awareness of Ladoga, termination of Swedish raids after the Summoning of the Varangians, the coincidence of lacunas in references to Rorik in Frankish chronicles and the years when Rurik was mentioned in Russian chronicles and with the time of fire in Ladoga, the partition of Rorik’s realm in Frisia in the same year, when Oleg captured Kiev.

Keywords: Rurik, Rorik, viking, Dorestad, Ladoga, Novgorod.

A.A. Lapshina (Russian State University for the Humanities)

Dýrlig kóróna, corona martirii, diadema regni: the concept “crown” in the Norwegian sources (second half of the 12th century)

In the article the concept “crown” in the Norwegian sources of the second half of the 12th century is studied. The words that mean «crown» were used in the sacral as much as in the secular context. In his texts Eysteinn (the archbishop of Nidaros) exploited both senses to create the new image of the Norwegian king.

Keywords: Medieval Norway, Magnus Erlingsson, Erling Skakke, Eysteinn Erlendsson, symbols of power, Olaf Haraldsson.

S.Y. Agishev (Moscow State University)

“History of the ancient Norwegian kings” by Theodoricus Monachus as a literary monument of the early medieval Norway thought

This paper focuses on views on the social troubles by Norwegian medieval author Theodoricus Monachus reflected in his “History of the ancient Norwegian kings” (1170–1180-s). Textual research reveals allusions from sacred, antique and early European medieval history in Theodoricus’ text to the events and characters of civil war in Norway. It also discloses the history writing methods by Theodoricus, as well as his attitudes to contemporary events, his political views and ideals.

Keywords: Theodoricus Monachus, civil wars in Norway, history writing.

N.N. Kurina (Saint Petersburg State University)

The Norwegian art and the globalization of medieval

The article concerns with Scandinavian 11–13th centuries art, which influenced on development of Romanesque style in North Europe. Later Romanesque style gave a new impulse for advance of Norwegian architecture and sculpture.

Keywords: Medieval art, architecture, art of medieval Norway, art of Ancient Rus before Mongolian conquest, wooden carving, medieval culture, globalization.

V.D. Verkhovtsev (Saint Petersburg State University)

The first mention of Izhora in Swedish chronicles

The earliest Swedish mention of Izhora from Eric Chronicles is analyzed. Despite some doubts in historicity of Jon Earl's personality, the mention doesn't contradict information from other sources. This data could be considered as proof of the existence of a separate Izhorian tribal community at the end of 12th century.

Keywords: Izhora, Eric Chronicles, Ingria, destruction of Sigtuna, Northern Crusades.

V.V. Munenko (Saint Petersburg State University)

The Swedish religious propaganda in Germany during the beginning of Sweden participation in Thirty-Years War

The Swedish propaganda in Germany during the campaign of king Gustav II Adolf has demonstrated the whole potential of war for the minds of society. Sweden propagandist's methods has allowed to bring Sweden as the new player to the world stage and produce it to the leaders position of the religious-political camp. The formation of the king's desired image had Stockholm and its army to strengthen all possible artistic resources; creativity potential of the XVII had become the permanent part of politics and war as its integral part.

Keywords: Thirty Years War, Sweden, Gustav II Adolf, propaganda, agitation, Protestantism.

THE BORDERS OF EUROPEAN SPACE: MEDITERRANEAN WORLD

E.A. Mehamadiev (Saint-Petersburg State University)

Count of North Africa Gildo and the military expedition of 388 A.D.: on the history of military unit *Constantiaci*

The promotion of military unit *Constantiaci* from the auxiliary detachment (ala or cohorts) to the vexillation *comitatenses* was made in connection with expedition, sent from Egypt to North Africa in 388 A.D. *Constantiaci* also took part in this military campaign, and they received the privileged rank of vexillation *comitatenses* and were remained in North Africa as award for successful conclusion of military operation.

Keywords: Auxiliaries, Notitia Dignitatum, vexillations, count, Gildo.

M.M. Sinitca (NRU «Belgorod State University»)

The Byzantine epigrams AG I. 1 – 18

The article deals with the first 18 books of the Christian epigrams I Palatine (Greek) Anthology on various buildings in Constantinople and its environs, basically of V – VI century. We study their content, which shows the role of the Christian buildings in society and points to the role of the emperors and the aristocracy in the restoration and construction of these buildings.

Keywords: Christian epigrams, Volume I Palatine Anthology, Christian buildings of Constantinople V - VI century.

K.D. Kamyshev (PSPU)

Application of the theory in the study of frontier interethnic cooperation in the social and humanitarian disciplines (for example, the topic “Development of the Roman- Iranian border-zone in the III - early VII centuries. BC).

The article suggests the possibility of setting educational issues - education harmonious inter-ethnic relations and means Ancient and medieval history at education. Assumes the use of the theory of the frontier for learning and teaching development of the Roman-Iranian border-zone.

Keywords: Roman-Iranian border-zone, the frontier theory, interethnic relationships.

G. A. Smidt (Saint Petersburg State University)

Ammian's military terminology: problems and interpretations

The article considers to fragments of *Res Gestae* where Ammian uses military terminology incorrectly. This kind of usage can be caused by simple mistake of the historian, but analyzing the changes of military terminology in second half of IV century it is shown that his errors can be explained.

Keywords: Late Roman army, tagma, legion

D.E. Bogdanov (NRU «Belgorod State University»)

Barbarians' participation in the struggle of the Courts of the Empire in the end of the 4th century.

This article consists analyse of relations between barbarians and the Empire during the reign of Theodosius the Great and his heritors. It is being proved, that barbarians were the major factor of the Empire's development in the end of the 4th century A.D.

Keywords: Barbarians, the Later Roman Empire, Theodosius the Great, Stilicho, the Court of Arcadius.

V.N. Kuznetsov (NRU «Belgorod State University»)

Theodosius the Great in the Christian and pagan authors

The article is devoted to the image of the emperor Theodosius the Great in the Christian and pagan authors. Sources informed to us very different accounts of the life, personality and policy of the Emperor. This creates difficulties in the reconstruction of his biography. We try to understand the differences in the description of the emperor in different sources.

Keywords: Theodosius the Great, Ammianus Marcellinus, Socrates Scholastic, Zosimus, Aurelius Victor.

O.V. Przhigodzkaya (Saint Petersburg State University)

Synesius, Ptolemaida's bishop (370/375-413/415), and his friends: social and political context.

Circle of Synesius' friends had an effect on his world outlook and political views. His position was shared by Hypatia, Gerkulian who were the representatives of philosophy of the Late Antiquity. Synesius' political views were close to the position of Aurelian

and other members of the elite of the IV-V centuries. The Synesius' circle of like-minded people lets talk about the influence of the intellectual elite on the political and social life of the Roman Empire at the turn of the centuries.

Keywords: The Late Roman Empire, Synesius, the philosophy of the Late Antiquity.

E.U. Gorbunov (Vyatka State University)

Roman and barbarian began in the state Syagrius (461-486 years)

The article deals with the synthesis of barbarian and Roman began in Northern Gallia in the 2/2 V century. State Syagrius considered as a factor, which had a favorable effect on the perception of Roman outbreak of the Franks.

Keywords: Late Roman Empire, Soissons area, Clovis I, franks.

O.V. Golovina (NRU «Belgorod State University»)

Italy under Theodoric the Great (493-526 A.D.): Ostrogothic kingdom as the realization of the idea of a single gothic-Roman state

The article is devoted to the activities of the Ostrogothic king Theodoric the Great. Ostrogothic kingdom, he created in Italy, is regarded by us as a real embodiment of the idea of a single gothic-Roman state. We prove that the reign of Theodoric the Great is not barbaric arbitrariness, and the attempt of unity Romans and barbarians.

Keywords: Theodoric the Great, the Ostrogothic kingdom, the idea of a single gothic-Roman Empire.

A.V. Pikin (Ivanovo State University)

The ambassadorial protocol in the missions of Romans to barbarians in the fifth century

The formal side of the embassies fulfilling by secular and ecclesiastical officials are analyzed in the article. Comparing evidences of Priscus and Ennodius about embassies, we have come to the conclusion that the protocol part in the missions in the West and the East is almost identical. The comparison shows that the bishops of the West were good candidates for the execution of ambassadorial missions.

Keywords: Epiphanius of Titian, protocol, embassies, Priscus of Panium.

G.S. Maiorov (Saint Petersburg State University)

Constantine Porphyrogenitus (905-959) on the south border of Abkhazian Kingdom

A long tradition of reading and interpretation the treatise "De administrando imperio" offers us several opinions regarding the location of the fortress of Soteriopolis (that is, as the text tells us, the south border of Abasgia). The article analyzes the most important concepts concerning the subject and points out a number of weak arguments in the polemics concerning Soteriopolis. It also offers a way of solving contradictions hidden in the text of the treatise.

Keywords: Soteriopolis, Abasgia, Constantine Porphyrogenitus, "De administrando imperio"

K. R. Kapsalikova (Ural Federal University)

Bulgarian generals in the service of the Byzantine (969–1018)

The article is devoted to the problems of the interaction between the government and elite of medieval Bulgaria. The process of gradual transformation of these superior persons into Byzantine elite is investigated on the narrative material.

Keywords: Medieval Bulgaria, Byzantium, elite, generals

I.Y. Gavrilova (Saint Petersburg State University)

Sophia Palaiologina: "Grekynya", "Rimlyanka" on the Russian Throne

In 1472 Sophia Palaiologina became a second wife of Ivan III of Russia. Despite her distinguished descent and high position in society, she could not gain the love of her subjects. On the base of analysis of Sophia Palaiologina's biography is shown that the negative image of Ivan III's wife was formed by her misunderstanding of Russian traditions.

Keywords: Sophia Palaiologina, Ivan III, biography of Grand Princesses.

US AND THEM: ISSUE OF PERCEPTION OF THE "OTHER" IN THE MIDDLE AGES

L.S. Malkova (Saint-Petersburg State University)

The Hungarian-Bulgarian relations in the IX – X centuries

This article presents a multi-faceted portrait of the Magyars, who pretended to get a place among the European kingdoms. It devotes increasing attention to their similarities with the Bulgarians, assumed by the Byzantine emperors to be the barbarians.

Keywords: Migration of peoples, Etelköz, Simeon I the Great, Leo VI the Wise.

L.N. Kulikova (Saratov State University)

An important part of the history of Paris in the middle ages (the struggle against the Normans and its role in the fate of the city)

This article is devoted to the history of the struggle of Parisians with invasions of the Normans in the second half of the IX century. The main stages of this struggle are restored on the basis of the Chronicles. The author proves the conclusion that the struggle with the Normans occupies a central place in the history of medieval Paris.

Keywords: the Normans, the Carolings, the Capetian dynasty, Paris, medieval city, Odo of France.

D.V. Dmitriev (Saint Petersburg State University)

The perception of the "Other" in the Muslim-Christian relations in the Middle Ages. The problems of understanding

In the abstract of the report indicated a variant of philosophical - anthropological problem "perception of the Other." By thesis considers it difficult to sample Arab-Christian relations in the Middle Ages. As the historical reality, it is lack of understanding

of each other, in the end, the East and West led to military clashes and armed conflicts.
Keywords: Other, perception, Middle Ages, understanding of each other, arab-christian relations.

S.A. Mustafina (KFU)

The role of Islam in establishing foreign-policy and cultural relations between Volga Bulgaria and Arabic East in X-XI centuries

The paper considers researches, the (disputable) issues of Islamic intrusion and spreading in the Middle Volga Region territory in IX-X centuries. There is the proof that converting to Islam was significant for Volga Region's statehood strengthening, foreign relations in trade, economy, and culture with Arabic East in X-XII centuries.

Keywords: Volga Bulgaria, Islam, Arabic World, Ibn Rustah, Ibn Fadlan, religion, muslims, Arabic missionaries, mosque.

D.V. Vozchikov (Ural Federal University)

The Interelite Synthesis in the Venetian Crete and the Revolt of Saint Titus (1363–1368)

This article is devoted to the Revolt of Saint Titus in the colony of Crete. This subject has not yet been observed in Russian historiography. As a result of the Republic's centralizing policy and the fixation of its oligarchic model, the influence of local elites of the Venetian origin tended to be more restricted. The Creto-Venetian elite of Crete had common interests with the Greek archons and was ready to defend these interests.

Keywords: Crete, the Kallergis, the Republic of Venice, the Revolt of Saint Titus.

I.E. Yankin (Saint Petersburg Academic University of the Russian Academy of Sciences)

“Calling citizens to arms”: about image of the medieval citizen XIII-XIV century

The message of article is: author comes to the conclusion that the community of guilds is a descendant of the commune of ancient Germans. So, author places emphasis in the research on guild militia and attribute it to ancient German's warriors, and see that they have many traits in common.

Keywords: guild, community, authority, militia, mentality.

M.M. Radjabova, Z.K. Pirmagomedov (Dagestan State Pedagogical University)

The Jews of the Caucasus in the Middle Ages

The origin of the Mountain Jews, and their ethnic identity, issues of settlement of the Eastern Caucasus. The conclusion that the relocation of the ancestors of the Mountain Jews not from the territory of Media, and from the more southern regions of Iranian power, from the territory of ancient Babylonia. “Tats” – a self-Iranian peoples, the Persians, however, consider themselves distinct from the Tats.

Keywords: Jews, Tats, persization, assimilation.

E. V.Bodnarchuk (Golod) (Saint-Petersburg State University)

The Age of discoveries: a discovery of Muscovy

Author of the article analyses the cultural context of the issue in 1525 at Rome of the earliest detailed printed description of Muscovy in Europe (Paolo Giovio). Poetic epigrams in the book, as well as considerable attention of people involved in publication (papal diplomats F. Chiericati and G. Ruffo) to the geographical discoveries, show that book was important because of interest provoked by the Age of discoveries.

Keywords: Foreign descriptions of Russia, diplomacy, Age of discoveries.

A.S. Prokudin (Tver State University)

Image of The Different in “Janissary’s notes” of Konstantin Mikhailovich

The report is devoted to the problem of perception of the image of The Different in conditions of conflict of foreign policy by the example of «Janissary's notes» of Konstantin Mikhailovich. The report focuses on the contradictions in representation of the image of The Different in this work, that can be explained by the peculiarities of the biography of Konstantin Mikhailovich.

Keywords: image of The Different, Turkish, Christians, Ottoman state.

E.I. Zubkov (Saint Petersburg State University)

“The Book of Travels” by Evliya Celebi: ottoman ethnic discourse in the description of Sarajevo XVII century

This article discusses the description of Sarajevo, as a part of “The Book of Travels”, written by Evliya Celebi. The article deals with such important categories, according to the author, as the phenomenon of language and religion, the degree of ethnic and religious identity, as well as factors that influence the subjective perception of Evliya of the peoples, which he describes.

Keywords: Evliya Celebi, Balkan Slavs, Islam, ethnic discourse, identity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агишев Сергей Юрьевич. К.и.н., ассистент кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. bjorn.svane@yahoo.no.

Алексеева Мария Сергеевна. Аспирант Санкт-Петербургского федерального академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (Академия художеств), научный руководитель – доцент, канд. иск. Ю.И. Арутюнян. alexeeva.marie@gmail.com.

Амальская Маргарита Геннадьевна. Аспирант кафедры истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета СПбГУ. Научный руководитель – д.ф.н., профессор Г.М. Прохоров. margarita.amalskaya@gmail.com.

Андерсен Владимир Владимирович. Соискатель кафедры зарубежных литератур филологического факультета СПбГУ. vlad.andersen@gmail.com.

Андреева Виктория Андреевна. Студентка IV курса исторического факультета СПбГУ. Научный руководитель - д.и.н., профессор И.Б. Михайлова. marlinklio@mail.ru.

Андреева Электра Александровна. Студентка VI курса кафедры истории Средних веков Исторического факультета СПбГУ. Научный руководитель - к.и.н., доцент А.В. Банников. elektra@infinity.su.

Андрейчук Ксения Руслановна. Студентка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. enantiosemia@yandex.ru.

Ануфриева Анастасия Сергеевна. Студентка 5 курса кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. Ломоносова. Научный руководитель – д.и.н., проф. М.А. Бойцов. elanskaya91@mail.ru.

Астахов Сергей Николаевич. Студент III курса Челябинского государственного педагогического университета. sergey.abbat@yandex.ru.

Атанов Павел Александрович. Кандидат исторических наук. atanov@sbor.net

Бережная Наталья Александровна, аспирант исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. natalialandi@mail.ru.

Богданов Дмитрий Евгеньевич. Студент V курса НИУ «БелГУ». Руководитель – д.и.н., проф. Н.Н. Болгов. ignorabim@yandex.ru.

Бондарчук (Голод) Елена Валерьевна. Аспирант кафедр истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета СПбГУ. nag@hotmail.ru.

Борисов Григорий Игоревич. Студент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Научный руководитель – д.и.н., профессор И.С. Филиппов. grigorijborisov@gmail.com.

Боровков Дмитрий Сергеевич. Аспирант кафедры древнего мира и средних веков Уральского Федерального университета. dralochkinskij@yandex.ru.

Бочкарева Людмила Олеговна. Студентка 5 курса Самарского государственного университета, специализация на кафедре зарубежной истории СамГУ. Руководитель – к.и.н., доцент, Т.С. Никулина. Mila2391@gmail.com.

Будько Сергей Николаевич. Студент, специалист УрГЮА. Jostik1993@mail.ru.

Верховцев Дмитрий Владимирович. Санкт-Петербургский Государственный Университет, Исторический факультет, IV курс, кафедра этнографии и антропологии. Научный руководитель – ст. преподаватель Егоров С.Б. DVerhovtcev@gmail.com.

Возчиков Дмитрий Викторович. Магистрант II года обучения департамента «Исторический факультет» ИГНИ УрФУ им. Б. Н. Ельцина, кафедра Древнего мира и Средних веков. Научный руководитель – к. и. н., доц. Н. Г. Пашкин. catullus89@mail.ru.

Гаврилова Ирина Юрьевна. Студентка VI курса вечернего отделения исторического факультета СПбГУ (кафедра истории России с древнейших времен до XX века). Научный руководитель – д. и. н., профессор Михайлова И. Б. (СПбГУ). gavrilova-irina@mail.ru.

Гагарина Анна Леонидовна. Студентка Нижегородского Государственного Педагогического Университета им. Козьмы Минина, III курс. Научный руководитель – к.и.н., доцент Лукоянов В.В. Annett1314@list.ru.

Гайворонский Игорь Дмитриевич. Студент V курса кафедры истории средних веков Исторического факультета СПбГУ. igorgaiv91@gmail.com.

Гарипова Ильнара Ильгизовна. Студент-специалист филиала Казанского (Приволжского) федерального университета в городе Набережные Челны. Научный руководитель – к.ю.н., доцент Туманов Д.Ю. ilnara.garipova.i@yandex.ru.

Головина Олеся Витальевна. Аспирант I года очной формы обучения НИУ «БелГУ». lyahovskaya_1989@mail.ru.

Горбунов Евгений Владимирович. Студент Вятского Государственного Университета, специальности «историк/преподаватель истории». gorbunov43@mail.ru .

Горбунова Юлия Алексеевна. Студентка V курса исторического факультета Ивановского государственного университета. Научный руководитель – д.и.н., профессор Тюленев В. М. julietvl@mail.ru.

Гусева Наталия Сергеевна. Аспирант I года обучения, ассистент кафедры истории и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВПО «Ишимский государственный педагогический институт им. П.П. Ершова» (г. Ишим, Тюменская область).

Данилов Игорь Алексеевич. Выпускник кафедры истории средних веков исторического факультета СПбГУ (2012). Библиотекарь подразделения Библиотеки Российской академии наук (БАН) – библиотеки Музея антропологии и этнографии (МАЭ) РАН. grdnlv@rambler.ru.

Дмитриев Дмитрий Владимирович. Студент магистратуры кафедры религиоведения философского факультета СПбГУ. nos-tradamusspb@mail.ru.

Жалменова Ольга Петровна, Гришина Юлия Михайловна. Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры Всеобщей истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Студентка IV курса Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. iulijagrishina@yandex.ru.

Жигалова Наталья Эдуардовна. Магистрант I года обучения, научный руководитель – к.и.н., доцент Куш Т.В. nezhalova@gmail.com.

Журавлёва Марина Владимировна. Студентка III курса исторического факультета Иркутского Государственного Университета. Научный руководитель – д.и.н., доцент Т.А. Степанова. citellussoken@mail.ru.

Загреба Анастасия Аркадьевна. Студентка II курса Французского университетского колледжа СПбГУ. historien@mail.ru.

Зубков Егор Игоревич. Студент кафедры истории славянских и балканских стран исторического факультета СПбГУ. egorkazu@yandex.ru.

Ильзина Оксана Александровна. Студентка IV курса вечернего отделения кафедры истории западноевропейского искусства исторического факультета СПбГУ. Руководитель – к.и.н., М.А. Костыря. figliadifalco@gmail.com.

Казак Ольга Сергеевна. Студентка IV курса Института Истории Социологии и Управления Сахалинского Государственного Университета (СахГУ). olechkakazak1992@mail.ru.

Камышев Константин Дмитриевич. Аспирант 3 курса, кафедра Педагогики Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Научный руководитель – д.пед.наук Лурье Л.И. gobespewr@mail.ru.

Капсалькова Карина Рамазановна. Магистрант кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина. carinne.kapsalikova@gmail.com.

Каретина Анна Николаевна. Аспирант, кафедра истории Средних веков Исторического факультета СПбГУ. verzengetorix@gmail.com.

Касатов Андрей Александрович. К. и. н., научный сотрудник отдела Всеобщей истории СПбИИ РАН akasatov@mail.ru.

Кобякова Елизавета Юрьевна. Студентка 3 курса исторического факультета УрФУ. Научный руководитель – д.и.н., проф. Н.А. Миненко. svroved64@e1.ru.

Ковалев Виктор Александрович. К.и.н., доцент кафедры зарубежного регионоведения факультета международных отношений СПбИВЭСЭП. opuphrigiphd@gmail.com.

Ковальчук Лада Игоревна. Студентка III курса факультета Истории НИУ ВШЭ, стажер-исследователь Лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ ladakovalchuk@yandex.ru.

Ковригина Ирина Вячеславовна. Нижегородский Государственный Университет им. Н.И. Лобачевского, Исторический факультет; магистрант II года обучения. Научный руководитель – к.и.н., доцент, Маслов А.Н. Kovriginalrina@yandex.ru.

Когут Екатерина Викторовна. Аспирантка ГАУГНа. Младший научный сотрудник Музеев Московского Кремля. Научный руководитель – д.и.н. М.В. Бибики. nikia@mail.ru.

Коробейникова Татьяна Антоновна. Студентка V курса исторического факультета Самарского Государственного Университета. zanza91@mail.ru.

Крылов Константин Евгеньевич. Аспирант кафедры истории Средних веков исторического факультета СПбГУ. Wanderer.89@mail.ru.

Кудряков Василий Валерьевич. К.и.н., ст. преподаватель кафедры истории

древнего мира и средних веков МПГУ. filadelf@mail.ru.

Кузнецов Владимир Николаевич. Аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения исторического факультета НИУ «БелГУ». kuznetsov666@gmail.com.

Куликова Лилия Николаевна. Студентка V курса Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. 3 публикации. Научный руководитель — д.и.н., профессор А.Н. Галямичев. kulikovaln.mail@yandex.ru.

Курина Надежда Николаевна. Аспирант кафедры истории русского искусства СПбГУ. Научный руководитель – доктор искусствоведения, доцент В.Г. Власов. arhivolt@yandex.ru.

Лапшина Алиса Андреевна. Студентка IV курса историко-филологического факультета РГГУ. lapshalice@mail.com.

Левин Феликс Евгеньевич. Студент IV курса кафедры истории средних веков Исторического факультета СПбГУ. Научный руководитель – д.и.н., профессор Федоров С.Е. Vitabrevise620@gmail.com.

Левшина Екатерина Сергеевна. Аспирантка СПб ИИ РАН (Научно-исторический архив и группа по изучению и публикации источников и Архив). Научный руководитель – д.и.н., ведущий научный сотрудник Е.К. Пиотровская. magro-kama@mail.ru.

Литвяк Юрий Федорович. Студент III курса Юридического института Иркутского государственного университета. Научный руководитель – к.и.н. Какоурова Н.А. lit.ura@yandex.ru.

Лихоманов Ким Владимирович. Выпускник Саратовского Государственного Университета. AlisterOrm@gmail.com.

Лурье Зинаида Андреевна. Аспирант кафедры истории Средних веков исторического факультета СПбГУ. zinaidalourie@gmail.com.

Лютина Екатерина Александровна. Студентка Исторического факультета Иркутского Государственного университета. Научный руководитель – к.и.н. доцент, Степанова Т.А. lyutina.ekaterina@yandex.ru.

Майоров Григорий Сергеевич. Студент VI курса кафедры истории Средних веков Исторического факультета СПбГУ. Kerg530xi@gmail.com.

Макарова Софья Андреевна. Студент III курса, Новгородского Государственного Университета им. Ярослава Мудрого. Научный руководитель – к.и.н., доцент Салоники Н.В. sof7446@yandex.ru.

Малкова Лидия Сергеевна. Студентка кафедры истории славянских и балканских стран Исторического факультета СПбГУ, III курс. Научный руководитель – к.ф.н., доцент В.В. Василик. lidia-malkova@inbox.ru.

Мастяева Ирина Николаевна. студентка бакалавриата, III курс, кафедра социальной истории факультета истории НИУ «ВШЭ», стажер-исследователь Лаборатории медиевистических исследований НИУ «ВШЭ». mastyaeva.irina@yandex.ru.

Мехамадиев Евгений Александрович. Старший преподаватель кафедры истории Средних веков СПбГУ, к.и.н. mehamadiev@gmail.com.

Митрофанов Руслан Сергеевич. Студент IV курса Института истории К(П) ФУ, кафедра историографии, источниковедения и методов исторических исследований. Руководитель – д.и.н., профессор С.Ю. Малышева clerk12@ Rambler.ru.

Михайленко Екатерина Андреевна. Аспирант кафедры истории средних веков исторического факультета СПбГУ. Katysha-spb@yandex.ru.

Морозова Надежда Александровна. Бакалавр факультета психологии НИУ ВШЭ. fr_mona@mail.ru.

Муненко Владимир Владимирович. Студент 5-го курса кафедры истории Средних веков Исторического факультета СПбГУ. munenko@gmail.com.

Мустафина Софья Альфредовна. Студентка I курса философского факультета (отделение политологии) Казанского федерального университета. sofijm777@mail.ru.

Новохатский Андрей Валерьевич. Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений исторического факультета ИвГУ. Atli1066@bk.ru.

Омельченко Дарья Михайловна. Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин СПбИВЭСЭП. dorothy_om@mail.ru.

Опиева Хава Аптыевна. Магистрант 1-го курса СКФУ, сотрудник научной библиотеки СКФУ. history06@yandex.ru.

Перепечкин Кирилл Владимирович. Студент 4го курса кафедры истории Средних веков Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Научный руководитель – д.и.н., профессор Прокопьев А.Ю. kperepchkin@gmail.com.

Перфильева Алёна Борисовна. Студентка V курса кафедры Мировой истории и международных отношений Исторического факультета ИГУ. Научный руководитель – к.и.н., доцент Т.Я. Янгель. alenuschka.perff@yandex.ru.

Пикин Андрей Валентинович. Студент кафедры всеобщей истории ИвГУ. andrewvpikin@gmail.com.

Попова Яна Андреевна. Студентка III курса Института гуманитарных наук ТюмГУ. Руководитель - к.и.н., старший преподаватель ТюмГУ Байдуж Д. В. yanakraft@mail.ru.

Пржигодзкая Ольга Владимировна. Магистр филологии, аспирант кафедры истории Древней Греции и Рима Исторического факультета СПбГУ. istfakozo@yandex.ru.

Прогунова Юлия Михайловна. Аспирантка кафедры Всеобщей истории и международных отношений ИвГУ. j_rprogunova@mail.ru.

Прокудин Андрей Сергеевич. Бакалавр, студент I курса магистратуры исторического факультета ТвГУ. asprokudin@mail.ru.

Пронина Екатерина Анатольевна. Санкт-Петербургский государственный университет, аспирантка. Научный руководитель – д.и.н., профессор Федоров С.Е. e-pron@bk.ru.

Раджабова Мадина Махмудовна. Студентка IV курса исторического факультета Дагестанского Государственного Педагогического Университета. Научный

руководитель – к.и.н., старший преподаватель Пирмагомедов З.К. croftistrent@yandex.ru.

Романовская Екатерина Николаевна. Выпускница кафедры истории средних веков исторического факультета СПбГУ. Директор Межрегионального общественного учреждения «Мир искусства». imber@bk.ru.

Роменский Александр Александрович. Аспирант исторического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, кафедра истории древнего мира и средних веков. Научный руководитель – д.и.н., проф. С.Б. Сорочан. Alexandrosromensky@gmail.com.

Ростова Надежда Сергеевна. Сахалинский Государственный Университет, ИИСиУ, кафедра Всеобщей истории, IV курс. Научный руководитель – к.и.н., доцент Кузмищева М.В. nadyousha-twilight@yandex.ru.

Рохлина Евгения Владимировна. Студентка АлтГУ, факультет искусств. Научный руководитель – к.ф.н. Давыденко М.В. 01jenia@mail.ru.

Рукавичникова Мария Витальевна. Студентка IV курса департамента «Филологический факультет» Института гуманитарных наук и искусств УрФУ им. Б. Н. Ельцина. Научный руководитель – старший преподаватель Летова И.А. m.rukavichnikova@gmail.com.

Сафин Тимур Альфредович. Студент III курса кафедры истории Древнего мира Исторического факультета МГУ им. Ломоносова. Научный руководитель – к.и.н., ассистент Агишев С.Ю. Tamerlane93@yandex.ru.

Селивёрстов Дмитрий Михайлович. Студент кафедры всеобщей истории исторического факультета Брянского государственного университета. silik315@mail.ru.

Сидякина Александра Константиновна. Студентка IV курса кафедры истории славянских и балканских стран исторического факультета СПбГУ. Научный руководитель – к.ф.н., доцент Василик В.В. shurka-ks@mail.ru.

Синица Марина Михайловна. Студентка IV курса исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета (бакалавриат), кафедра Всеобщей истории и зарубежного регионоведения. sinitcam@yandex.ru.

Слядзь Андрей Николаевич. Студент V курса кафедры истории Средних веков Исторического факультета СПбГУ. slyads@mail.ru.

Стасевич Владислав Александрович. Аспирант кафедры истории Средних веков Исторического факультета СПбГУ. vlad_stasevich@yahoo.com.

Степанюк Валерия Васильевна. Студентка VI курса кафедры истории Средних веков Исторического факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета. Научный руководитель – к.и.н. Сергеева Л.П. lerastepanyuk@hotmail.com.

Сулейманова Антонина Бадрутдиновна. Студентка IV курса НИУ «БелГУ». Научный руководитель – д.и.н., проф. Н.Н. Болгов. Animag-2009@yandex.ru.

Сямтомов Иван Васильевич. Студент исторического факультета СПбГУ. Eraptos@gmail.com.

Туминская Ольга Анатольевна. Докторант кафедры художественного образования и музейной педагогики РГПУ им. Герцена, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного Русского музея, С-Петербург. olgmorgun@yandex.ru.

Тютин Ольга Сергеевна. Студентка Нижегородского педагогического университета им. Козьмы Минина. Исторический факультет, кафедра современной истории России. Научный руководитель – к.и.н., доцент Шиженский Р.В. o.tyutina@mail.ru.

Федорова Татьяна Евгеньевна. Студентка кафедры Истории западноевропейского искусства исторического факультета СПбГУ. Научный руководитель – доцент, кандидат искусствоведения Дмитриева А.А. –. jumpinghedgehog@gmail.com.

Фогель Александр Сергеевич. Кандидат исторических наук, доцент кафедры Экономической истории СГЭУ. Alexandr_fogel@inbox.ru.

Фомин Илья Алексеевич. Аспирант исторического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, кафедра истории древнего мира и средних веков. 88ilija88@mail.ru.

Хамитов Марсель Радикович. Студент Исторического факультета Челябинского ГПУ. Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент И. Н. Дорожко.

Цыганков Александр Сергеевич. Аспирант кафедры философии и политологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Научный руководитель – к.ф.н., доцент А.П. Горячев. m1dian@yandex.ru.

Червякова Анна Константиновна. Выпускница факультета архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (2007–2012). Научный руководитель – к.и.н, доцент, О.И. Хоруженко. a_nuta1990@mail.ru.

Шмидт Глеб Александрович. Студент кафедры истории Средних веков Исторического факультета СПбГУ. schmidt.gleb@gmail.com.

Янкин Иван Евгеньевич. Санкт-Петербургский академический университет – научно-образовательный центр нанотехнологий РАН. Выпускник Исторического факультета СПбГУ. yankin_ivan@mail.ru.

Яцык Светлана Александровна. Аспирант кафедры политической истории исторического факультета НИУ ВШЭ, сотрудник Лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ. gratis.dictum@gmail.com.

LIST OF AUTHORS

Agishev Sergey Yurievich. PhD in History, assistant lecturer of department of the History of the Middle ages of Moscow State University. bjorn.svane@yahoo.no.

Alekseyeva Maria Sergeevna. Postgraduate student of Repin's State Institute of Painting, Sculpture and Architecture (Russian Academy of Fine Arts). Advisor - Ph.D, associate professor Julia Arutyunyan. alexeeva.marie@gmail.com.

Amalskaya Margarita Gennadyevna. Postgraduate student of the history of Western and Russian Culture department of Historical Faculty. Scientific supervisor – associate professor G.M. Prokhorov. margarita.amalskaya@gmail.com.

Andersen Vladimir Vladimirovich. Postgraduate student at the Faculty of Philology and Arts (Foreign Literature Department) of Saint Petersburg State University. vlad.andersen@gmail.com.

Andreeva Electra Alexandrovna. 6th year student of the Department of the History of the Middle Ages of Historical faculty of Saint Petersburg State University. Scientific supervisor – assistant professor A.V. Bannikov. elektra@infinity.su.

Andreeva Victoria Andreyevna. 4th year student of the Historical Faculty of Saint Petersburg State University. Scientific supervisor – associate professor I.B. Mikhailova. marlinklio@mail.ru.

Andreychuk Xenia Ruslanovna. Student of the Faculty of Philology of Moscow State University. enantiosemia@yandex.ru.

Anufrieva Anastasia Sergeevna. 5th year student of the Department of History of the Middle Ages of the Historical faculty of the Moscow State University. Scientific supervisor – professor M.A.Boytsov elanskaya91@mail.ru.

Astakhov Sergey Nikolaevich. 3rd year student of Chelyabinsk State Pedagogical University sergey.abbat@yandex.ru.

Atanov Pavel Alexandrovich. PhD in History. atanov@sbor.net.

Berezhnaya Natalia Alexandrovna. Postgraduate student of the Historical Department of Saint Petersburg State University. natalialandi@mail.ru.

Bochkareva Ludmila Olegovna. 5th year student of the Department of Foreign History of faculty of History of Samara State University. Scientific supervisor – assistant professor T.S. Nikulina. Mila2391@gmail.com.

Bogdanov Dmitry Yevgenyevich. 5th year student of Belgorod State University. Scientific supervisor – associate professor N.N. Bolgov. ignorabim@yandex.ru.

Bondarchuk (Golod), Elena Valerievna. Postgraduate of History of Western and Russian culture department. Saint Petersburg State University nag@hotmail.ru.

Borisov Gregory Igorevich. Student of Moscow State University. Scientific superior – associate professor I.S. Filippov grigorijborisov@gmail.com.

Borovkov Dmitry Sergeevich. Postgraduate student of the Ancient and Medieval History Department of Historical faculty of Ural Federal University dpalochkinskij@yandex.ru.

Bud'ko Sergey Nikolaevich. Student of Urals State Law Academy. Jostik1993@mail.ru.

Chervyakova Anna Konstantinovna. Graduate of History and Archives Institute of Russian State University for the Humanities (2007–2012). Scientific supervisor – assistant professor O. I. Khoruzhenko. a_nuta1990@mail.ru.

Danilov Igor Alexeevich. Graduate of the Department of Medieval History, Faculty of History (2012). Librarian of the library of MAE RAN. grdnlv@rambler.ru.

Dmitriev Dmitry Vladimirovich. Master's Degree student of Philosophy Faculty of Saint Petersburg State University. nos-tradamusspb@mail.ru.

Fedorova Tatiana Yevgenievna. Student of the department of the history of Western art of Historical faculty of Saint Petersburg State University. Scientific supervisor – associate professor A.A. Dmitrieva,. jumpinghedgehog@gmail.com.

Fogel Alexander Sergeevich. PhD in History, assistant professor of economic History department of Samara State University of Economics. Alexandr_fogel@inbox.ru.

Fomin Ilya Alexeyevich. Postgraduate student of V.N. Karazin Kharkiv National University (Ukraine). Ancient and Medieval History Department. 88ilija88@mail.ru.

Gagarina Anna Leonidovna. 3th year student of Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University). Scientific superior – assistant professor Lukoyanov V.V. Annett1314@list.ru.

Garipova Ilnar Ilgizovna. Student of Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny. Scientific supervisor - associate professor D.Yu. Tumanov. ilnara.garipova.i@yandex.ru.

Gavrilova Irina Yurievna. 6th year student of Historical faculty. Saint Petersburg State University. Scientific supervisor – associate professor I.B. Mikhailova gavrilova-irina@mail.ru.

Gayvoronskiy Igor Dmitrievich. 5th student of the Department of the History of the Middle Ages of Saint Petersburg State University. igorgaiv91@gmail.com.

Golovina Olesya Vitalyevna. Postgraduate of the Faculty of History of Belgorod State University. Department of General History and Foreign Regional Studies. lyahovskaya_1989@mail.ru.

Gorbunov Eugeny Vladimirovich. Student of State University of Vyatka, specialization history/teacher of history. gorbunoveu43@mail.ru.

Gorbunova Julia Alekseevna. 5th year student of Historical Department of Ivanovo State University. Scientific supervisor – associate professor V. M. Tyulenev julietvl@mail.ru.

Grishina Julia Mikhailovna, Zhalmenova Olga Petrovna. PhD in History, assistant professor of the Department of General History of Tambov State University. 4th year student of the Tambov State University. iulijagrischina@yandex.ru.

Guseva Natalia Sergeeva. Postgraduate, assistant of the Department of History and the Social Sciences and Humanities of the Ishim State Pedagogical Institute.

Hamitov Marcel Rafikovich. Student of the History faculty of Chelyabinsk Pedagogical State University. Scientific superior – assistant professor I.N. Dorozhko

Ilzina Oksana Alexandrovna. 4th year student of Western art History department of Historical faculty of Saint Petersburg State University. Scientific superior – assistant professor M.A. Kostyrya figliadifalco@gmail.com.

Kamyshev Konstantin Dmitrievich. Postgraduate student of Pedagogical department of Perm State University for the Humanities and Pedagogy. Scientific supervisor – associate professor L.I. Lurie.

Kapsalykova Karina Ramazanovna. Postgraduate student of V.N. Karazin Kharkiv National University. Ancient and Medieval History Department. carinne.kapsalikova@gmail.com.

Karetina Anna Nikolaevna. Postgraduate student of the Historical Department. Saint Petersburg State University. verzengetorix@gmail.com.

Kasatov Andrey Alexandrovich. PhD in history, research fellow Saint-Petersburg Institute of History, RAS. akasatov@mail.ru.

Kazak Olga Sergeevna. 4th year student of the Institute of History and Sociology Sakhalin State University (SSU). olechkakazak1992@mail.ru.

Kobyakova Elizabeth Yurievna. 3rd year student of Faculty of History of Ural Federal University. Scientific supervisor – associate professor N.A. Minenko svpoved64@e1.ru.

Kogut Ekaterina Victorovna. Postgraduate student of State Academical University of Humanitarian Sciences. Junior research fellow of the State Historical and Cultural Museum-Preserve “The Moscow Kremlin”. Scientific supervisor – professor M.V.Bibikov. nikia@mail.ru.

Korobeinikova Tatiana Antonovna. 5th year student of historical faculty of Samara State University. zanza91@mail.ru.

Kovalchuk Lada Igorivna. 3rd year student of Department of Social History of Higher School of Economics. Trainee Researcher of Laboratory of the medieval studies ladakovalchuk@yandex.ru.

Kovalev Victor Alexandrovich. PhD in History, assistant professor of Regional studies department of Foreign Affairs faculty of St. Petersburg Institute for International Economic Relations, Economics and Law onuphriyphd@gmail.com.

Kovrigina Irina Vyacheslavovna. N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Historical department. 2nd year Master's Degree Student. Scientific supervisor – assistant professor A.N.Maslov Kovriginalrina@yandex.ru.

Krylov Konstantin Yevgenyevich. 1st year postgraduate student of the Historical Department of Saint Petersburg State University. Wanderer.89@mail.ru.

Kudryakov Vasily Valeryevich. PhD in History, senior lecturer of Department of Ancient and Medieval History Moscow State Pedagogical University. filadelf@mail.ru.

Kulikova Lilia Nikolaevna. Student of Institute of History and International studies of Saratov State University. Scientific supervisor – associate professor A.N. Galyamichev. kulikovaln.mail@yandex.ru.

Kurina Nadezhda Nikolaevna. 2nd year postgraduate student of the department of the History of Russian art of Saint Petersburg State University. Scientific supervisor – associate professor V.G. Vlasov. arhivolt@yandex.ru.

Kuznetsov Vladimir Nikolaevich. Postgraduate of the Historical Faculty of Belgorod State University, Department of General History and Foreign Area Studies. kuznetsov666@gmail.com.

Lapshina Alisa Andreevna. 4th year student of Russian State University for the Humanities, Institute for History and Philology. lapshalice@mail.com.

Levin Felix Yevgenyevich. 4th year student of the Department of the History of the Middle Ages of Saint Petersburg State University. Scientific supervisor – professor S.E. Fedorov Vitabrevis620@gmail.com.

Levshina Ekaterina Sergeevna. Postgraduate student of St. Petersburg Institute for History of the Russian Academy of Sciences (Science and History Archive). Scientific supervisor – Senior Research Fellow, E.K. Piotrovskaya. magro-kama@mail.ru.

Likhomanov Kim Vladimirovich. Graduate of Saratov State University. AlisterOrm@gmail.com.

Lityvak Yuri Fedorovich. 3rd year student of Law Institute of Irkutsk State University. Scientific supervisor – assistant professor N.A. Kakourova lit.ura@yandex.ru

Lurie Zinaida Andreevna. Postgraduate student of the Historical Department. Saint Petersburg State University. zinaidalourie@gmail.com.

Lyutina Ekaterina Alexandrovna. Student of Historical faculty of Irkutsk State University Scientific supervisor – assistant professor T.A. Stepanova lyutina. ekaterina@yandex.ru.

Majorov Gregory Sergeevich. 6th year student of the Historical faculty of Saint Petersburg State University. Kerg530xi@gmail.com.

Makarova Sofia Andreevna. 3rd year Student of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Scientific supervisor – assistant professor Salonikov N.V. sof7446@yandex.ru.

Malkova Lidia Sergeevna. 3rd student of Slavs and Balkans studies department of Historical faculty of Saint Petersburg State University. Scientific supervisor – assistant professor V.V. Vasilik lidia-malkova@inbox.ru.

Mastyaeva Irina Nikolaevna. 3th year student of Department of Social History of Higher School of Economics. Trainee Researcher of Laboratory of the medieval studies mastyaeva.irina@yandex.ru.

Mehamadiev Evgeny Alexandrovich. PhD in History, senior lecturer of Department of History Middle Ages, St. Petersburg State University. mehamadiev@gmail.com.

Mikhaylenko Catherine Andreevna. Postgraduate student of Medieval history department of Historical faculty of Saint Petersburg State University. Katysha-spb@yandex.ru.

Mitrofanov Ruslan Sergeevich. 4th year student of the Institute of History of Kazan (Volga Region) Federal University, Department of Historiography and Source Studies of the East. Scientific supervisor – professor S.Y. Malysheva clerk12@rambler.ru.

Morozova Nadezhda Aleksandrovna. Bachelor of Psychological faculty of Higher School of Economics. fr_mona@mail.ru.

Munenko Vladimir Vladimirovich. 5th year student of the Medieval history Department, Historical faculty of Saint Petersburg State University. munenko@gmail.com.

Mustafina Sophia Alfredovna. 1st year student of Faculty of Philosophy (Department of Political Science) of Kazan Federal University. sofijm777@mail.ru.

Novokhatskiy Andrey Valerievich. Postgraduate student of World History and International Relations, Faculty of History of Ivanovo State University. Atli1066@bk.ru.

Omelchenko Daria Mikhaylovna. PhD in History, senior lecturer of state and law studies department of Saint Petersburg Institute for International Economic Relations, Economics, and Law. dorothy_om@mail.ru.

Opieva Hawa Apteyevna. Student of North Caucasian Federal University. history06@yandex.ru.

Perepechkin Kirill Vladimirovich. 4th year student of the department of the History of Middle ages of Historical faculty of Saint Petersburg State University. Scientific supervisor – associate professor A.Yu. Prokopiev kperepechkin@gmail.com.

Perfilieva Alena Borisovna. 5th year student of World History and International Relations department of Historical Faculty of Irkutsk State University. Scientific supervisor – assistant professor T.J. Yangel. alenuschka.perff@yandex.ru.

Pikin Andrei Valentinovich. Student of the World History Department, Faculty of History of Ivanovo State University andrewvpikin@gmail.com.

Popova Yana Andreevna. 3rd year student of Institute of Humanitarian studies of Tyumen State University. Scientific supervisor – senior lecturer D.V. Bayduzh yanakraft@mail.ru.

Progunova Julia Mikhaylovna. Postgraduate student of the World History and International Relations Department of Ivanovo State University. j_progunova@mail.ru.

Prokudin Andrew Sergeevich. 1st year Master's Degree student of historical department of Tver State Universities. asprokudin@mail.ru.

Pronina Ekaterina Anatolevna. Postgraduate student of Historical department of Saint Petersburg State University. Scientific supervisor – professor S.E. Fedorov. e-pron@bk.ru.

Przhigodzkaya Olga Vladimirovna. Master of Philology. Postgraduate student of Department of the History of ancient Greece and Rome. Saint Petersburg State University. istfakozo@yandex.ru.

Radjabova Madina Mahmudovna. 4th year student historical faculty of Daghستان State Pedagogical University. Scientific supervisor – senior lecturer Z. K. Pirmagomedov. croftistrent@yandex.ru.

Rokhlina Evgheniya Vladimirovna. Faculty of Arts Altai State University. Scientific supervisor – assistant professor M.V. Davydenko. 01jenia@mail.ru.

Romanovskaya Ekaterina Nikolaevna. Graduate of the department of the History of Middle ages of Historical faculty of Saint Petersburg State University. Director of Regional Civic Institute “The World of Art”. imber@bk.ru.

Romenskiy Alexander Alexandrovich. Postgraduate student of V.N. Karazin Kharkiv National University (Ukraine). Ancient and Medieval History Department. Scientific supervisor – professor S.B. Sorochan. Alexandrosromenskiy@gmail.com.

Rostova Nadieszda Sergeevna. 4th year student of the Institute of History and Sociology Sakhalin State University (SSU). Scientific supervisor - assistant professor M.V. Kuzmischeva. nadyousha-twilight@yandex.ru.

Rukavichnikova Maria Vitalyevna. 4th year student of Institute of Humanities

and Arts of Ural Federal University. Scientific supervisor – senior lecturer I.A.Letova. m.rukavichnikova@gmail.com.

Safin Timur Alfredovich. 3rd year student of the Department of Ancient History faculty of Moscow State University. Scientific supervisor – assistant lecturer S.Yu. Agishev. Tamerlane93@yandex.ru.

Schmidt Gleb Alexasdrovich. Student, Department of Medieval History of Historical faculty of Saint Petersburg State University schmidt.gleb @ gmail.com.

Seliverstov Dmitry Mikhaylovich. Student of Historical department of Bryansk State University. silik315@mail.ru.

Sidyakina Alexandra Konstantinovna. 4th year student of Slavs and Balkans studies department of Historical faculty of Saint Petersburg State University. Scientific supervisor – assistant professor V.V. Vasilik shurka-ks@mail.ru.

Sinitca Marina Mikhailovna. 4th year student of the Faculty of History of Belgorod State University, Department of General History and Foreign Regional studies. sinitcam@yandex.py.

Slyadz Andrei Nikolaevich. 5th year student of the Department of the History of the Middle Ages of Historical faculty of Saint Petersburg State University. slyads@mail.ru.

Stasevych Vladislav Alexandrovich. Postgraduate student of the Historical Department. Saint Petersburg State University. vlad_stasevich@yahoo.com.

Stepanjuk Valery Vasilyevna. 6th year student of the Department of the History of the Middle Ages of Historical faculty of Saint Petersburg State University. Scientific supervisor – assistant professor L.P. Sergeeva lerastepanyuk@hotmail.com.

Suleymanova Antonina Badrutdinovna. 4th year student of NRU BSU. Scientific supervisor – professor Bolgov N.N.

Syantomov Ivan Vasilyevich. 3rd year student of historical faculty of Saint Petersburg State University. Epaptos@gmail.com.

Tsigankov Alexander Sergeevich. Postgraduate student of Volgograd State Socio-Pedagogical University. Department of Philosophy and Political Science. Scientific supervisor – assistant professor A.P. Goryachev . ml dian@yandex.ru.

Tuminskaya Olga Anatolievna. PhD in Art History. Senior research fellow of the Russian Museum. olgmorgun@yandex.ru.

Tyutina Olga Sergeevna. Student of Historical faculty of Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University. Scientific supervisor – assistant professor Shizhensky R.V. o.tyutina@mail.ru.

Verkhovtsev Dmitry Vladimirovich. 4th year student of Department of Ethnography and Anthropology of Historical faculty of Saint Petersburg State University. Scientific supervisor – senior lecturer S.B. Egorov, DVerhovtcev@gmail.com.

Vozchikov Dmitriy Viktorovich. Master's Degree student of the Ancient and Medieval History Department of Faculty of History of Ural Federal University. Scientific supervisor – assistant professor N.G. Pashkin. catullus89@mail.ru.

Yankin Ivan Evgenyevich. Graduate of History faculty of Saint Petersburg State University. Saint Petersburg Academic University of the Russian Academy of Sciences. yankin_ivan@mail.ru.

Yatsyk Svetlana Aleksandrovna. Postgraduate student of Department of Political History of Higher School of Economics. Employee of Laboratory of the medieval studies. gratis.dictum@gmail.com.

Zagreba Anastasia Arkadievna. 2nd year student of French Collège, Saint Petersburg State University. historien@mail.ru.

Zhigalova Natalia Eduardovna. 1st year Master's Degree student of Ural Federal University. Scientific supervisor – assistant professor T.V. Kush. nezhigalova@gmail.com.

Zhuravleva Marina Vladimirovna. 3rd year student of historical faculty of Irkutsk State University. Scientific supervisor – assistant professor T. A. Stepanova. citellussoken@mail.ru.

Zubkov Yegor Igorevich. Student of Slavs and Balkans studies department of Historical faculty of Saint Petersburg State University. egorkazu@yandex.ru.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

И.А. Фомин (Харьковский НУ) Особенности применения герменевтического ключа в исследовании иконографических памятников ранневизантийского Херсона (на примере каменной пластики «Добрый Пастырь» из коллекции Национального заповедника «Херсонес Таврический»).....	3
А.С. Ануфриева (МГУ) Средневековый историограф как «создатель» политического ритуала: описание сцены завещания королевских инсигний в «Антаподосисе» Лиутпранда Кремонского	5
Д.С. Боровков (Уральский ФУ) Фема Халдия и Дерксена в XI в. по данным сфрагистики	8
А.С. Цыганков (ВГСПУ) Сигнификат слова <i>ritter</i> в средневековом немецком языке XI – XIII веков	11
А.А. Касатов (СПБВИРАН) Английские документы XIV века в Архиве СПБ ИИ РАН.....	13
В.В. Кудряков (МПГУ) Восстание Бастарда Фокенберга в оценках Второго продолжения Кройлендской хроники.....	17
К.В. Перепечкин (СПбГУ) Переиздания <i>Opuscula</i> Иеронима Эмзера	19
Г.И. Борисов (МГУ) Типографские ошибки в издании Герольдины XVI века из собрания редких книг Российской государственной библиотеки	21
А.К. Червякова (ИАИ РГГУ) Родословные росписи князей Мезецких в составе родословных книг XVI-XVII вв.: текстологический анализ	24
Н.С. Гусева (ФГБОУ ВПО «ИГПИ им. П.П. Ершова») Построение глобальной хронологической карты: «античность» - фантомное отражение средневековья XI-XVI вв. (о результатах	

применения математических методов к древней и средневековой истории группой А.Т. Фоменко-Г.В. Носовского).....	26
---	----

К.Е. Крылов (СПбГУ) Карл V в отечественной и зарубежной историографии. Тенденции и тенденциозность	29
--	----

В.А. Андреева (СПбГУ) Судебные исполнители в Московской Руси конца XV – первой половины XVI в.: историография проблемы	31
--	----

К.Р. Андрейчук (МГУ) Развитие теории перевода в Германии и России в XV–XVII веках	34
--	----

Е.А. Пронина (СПбГУ) Андре Дюшен, забытый отец французской истории: неизвестные факты жизненного пути	36
---	----

К.В. Лихоманов (СГУ) Общинная теория в свете научного наследия А. Я. Гуревича	38
--	----

Бочкарева Л. О. (СамГУ) Антикосмополитическая компания 1949 г. в Московском и Ленинградском университетах.....	40
--	----

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА

А.Б. Сулейманова (Белгородский ГНИУ) Религиозная жизнь Константинополя в Хронике Марцеллина Комита	43
---	----

Д.М. Омельченко (СПБ И ВЭСЭП) Образ епископа-чудотворца в «Житии» Цезария Арелатского	45
--	----

Ю.М. Прогунова (Ивановский ГУ) Контакты англосаксонской и франкской церкви в раннее средневековье (в аспекте женской темы).....	47
---	----

А.К. Сидякина (СПбГУ) Было ли Патриаршество в Первом Болгарском Царстве?	49
---	----

Ю.А. Горбунова (ИвГУ) Отражение христианизации Пиренейского полуострова в трактате св. Мартина из Браги « <i>De correctione rusticorum</i> »	52
--	----

А.С. Фогель (Самара, СГЭУ) «Восстания волхвов» в 1024 и 1071 гг. в контексте христианизации и колонизации окраин Киевской Руси	55
И.Н. Мастяева (НИУ «ВШЭ») Вера и разум в мировоззрении Иоанна Солсберийского	57
М.Г. Амальская (СПбГУ) Западное влияние на почитание некоторых святых в Новгороде в XI-XII веках (к историографии вопроса)	60
Л.И. Ковальчук (НИУ ВШЭ) Personae non gratae в первых житиях Франциска Ассизского	63
Д.М. Селивёрстов (Брянский ГУ) Францисканцы и апостолики во второй половине XIII века в Италии.....	65
Ю.Ф. Литвяк (ЮИ ИГУ) Инквизиция в Европе: средневековый тоталитаризм.....	67
С.А. Яцык (НИУ ВШЭ). Становление процедуры папской канонизации (X-XIII вв.).....	69
С.Н. Будько (УрГЮА) Ассасины – профессиональные убийцы или религиозные фанатики?.....	72
Н.А. Бережная (СПбГУ) Евхаристический конфликт в Бремене: проблемы утверждения кальвинизма на территории Германии.....	74
ИСТОРИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ В СРЕДНИЕ ВЕКА: МИФЫ, ОБРАЗЫ, ИДЕНТИЧНОСТИ, СИМВОЛЫ	
О.С. Тютин (НГПУ им. К. Минина) Проблема интерпретации индивидуальной и универсальной эсхатологических систем: от эволюции к экзистенциализму.....	77
Е.В. Когут (ГАУГН) Защита женской чести в палеологовской Византии	79
М.В. Рукавичникова (УрФУ им. Б. Н. Ельцина) Понимание судьбы у Георгия Пахимера и Никифора Григоры.....	81

А.Л. Гагарина (НГПУ им. Козьмы Минина) Средневековое темпоральное мышление и идея исторического прогресса	83
И.В. Сямтомов (СПбГУ) Эволюция философии власти в Кастилии и Леоне XI–XIII вв.....	85
Э.А. Андреева (СПбГУ) Алхимическая составляющая в научных изысканиях Роджера Бэкона.....	88
Ф.Е. Левин (СПбГУ) Противостояние ирландской и британской идентичности на примере сюжетов из «Книги Захватов Ирландии»	90
М.Р. Хамитов (Челябинский ГПУ) Деловые люди Флоренции XV в.: представления о богатстве и труде.....	92
Н.Э. Жигалова (Уральский ФУ им. Б.Н. Ельцина) Средневековые знамена как приметы грядущего поражения: Варненская битва.....	95
В.В. Степанюк (СПбГУ) Морально-этические основы «искусства фехтования» по трактату Ганса Талхоффера 1459 г.....	97
Е.Ю. Кобякова (Уральский ФУ им. Б.Н. Ельцина) Идея «Москва – Третий Рим» как одно из проявлений общеевропейского эсхатологического психоза в XV–XVI вв.....	99
Е.Н. Романовская (Историко-краеведческий музей г. Всеволожска) Фауст Социний и Сиенский университет	102
В.А. Ковалев (СПбИВЭСЭП) <i>One-way trip to Hell</i> : аккламационная процессия Марии Стюарт	104
ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	
И.Д. (Гайворонский СПбГУ) Библейский царь, император, фольклорный герой: трансформация образа Карла Великого в литературе «каролингского возрождения» и ее истоки.....	110

А.А. Роменский (Харьковский НУ) Смерть «Красного Солнышка»: кончина князя Владимира Святославича в осмыслении современников.....	112
Т.А. Коробейникова (Самарский ГУ) Репрезентация королевской власти во Франции XII–XIII вв. по историческим сочинениям	115
А.А. Загреба (Французский колледж СПбГУ) Рауль де Вермандуа, сенешаль двух королей	118
М.В. Журавлёва (Иркутский ГУ) «Жизнь и судьба» военно-монашеского ордена тамплиеров.....	120
А.Б. Перфильева (Иркутский ГУ) Особенности противостояния Фридриха I Барбароссы и папства.....	122
И.А. Данилов (СПбГУ) Власть и династическая стратегия в Позднее Средневековье. Графы фон Нассау в XII–XV вв	124
Р.С. Митрофанов (Казанский (Приволжский) ФУ) «Включая зачумленных»: рождение дисциплинарной техники власти в средневековом городе в состоянии чумы (сер. XIV в.)	126
Е.А. Михайленко (СПбГУ) Шотландская монархия в Хронике Дж. Фордуна	128
О.С. Казак (Сахалинский ГУ) Осада Орлеана(1428–1429 гг.).....	131
Н.С. Ростова (Сахалинский ГУ) Антисемитизм в странах Западной Европы в средневековье.....	133
И.И. Гарипова (Казанский (Приволжский) ФУ) Формирование института прав и свобод в Европе в Средние века.....	136
В.А. Стасевич (СПбГУ) Орден Подвязки при Генрихе VIII	138
Ю.М. Гришина, О.П. Жалменова (Тамбовский ГУ) Личность в системе общественных отношений: Елизавета Тюдор (1533-1603).....	140

А.Н. Каретина (СПбГУ) Спор о клятве верности 1607–1610 гг. и участие в нем Якова I Стюарта	142
---	-----

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА

Т.Е. Федорова (СПбГУ) Винчестерская школа в английской миниатюре последней трети X века.....	145
Е.В. Рохлина (Алтайский ГУ) Метафизика света в учении Бонавентуры и ее влияние на искусство Средневековья и современности	147
Х.А. Опиева (ГИ СКФУ) Искусство в средневековой архитектуре ингушей.....	149
В.В. Андерсен (СПбГУ) Абеляр и иудаизм.....	153
З.А. Лурье (СПбГУ) Ритуал в протестантской драматургии	156
М.С. Алексеева (СПбГАИЖСА им. И.Е.Репина) Скульптура эмпор церкви монастыря Грёнинген в Саксонии.....	158
С.А. Макарова (Новгородский ГУ им. Ярослава Мудрого) Образ бесов в сцене Страшного Суда на порталах соборов Франции XII–XIII вв	160
О.А. Туминская (Государственный Русский Музей) Изображения маргиналов в Лицевой Псалтири XIII в.....	163
Н.А. Морозова (НИУ ВШЭ) Отражение мировоззренческой картины мира Западной Европы в живописи XII – XVI вв.....	164
Е.А. Лютина (Иркутский ГУ) Истоки и формирование готического стиля в архитектуре Западной Европы	166
О.А. Ильзина (СПбГУ) Влияние раннего итальянского Возрождения на стиль интернациональной готики во Франции	169

С.Н. Астахов (Челябинский ГПУ)
Вопросы классификации
средневекового холодного оружия ближнего боя 171

Я.А. Попова (Тюменский ГУ)
Геральдика в «Кодексе Манессе» с. XIV в. 174

Е.С. Левшина (СПб ИИ РАН)
Развитие книжности в сербских землях
в правление Стефана Лазаревича (1389–1427 гг.) 176

И.В. Ковригина (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)
Зооморфные черты демонов на гравюрах трактатов
позднего средневековья: проблемы истолкования
(на примере «краткой» редакции трактата «*Ars moriendi*») 178

НА ГРАНИЦЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СЕВЕРНЫЙ МИР

А.В. Новохатский (Ивановский ГУ)
Образ викинга в средневековой Исландии
как проблема современной отечественной историографии 180

Т.А. Сафин (МГУ)
Особенности гренландского «народовластия» 183

П.А. Атанов (г. Сосновый Бор)
Был ли Рюриком Рёрик Ютландский? 186

А.А. Лапшина (РГГУ)
Dýrlig kóróna, corona martirii, diadema regni:
концепт «корона» в норвежских текстах второй половины XII в. 188

С.Ю. Агишев (МГУ)
«История о древних норвежских королях» Теодорика Монаха
как памятник общественной мысли раннесредневековой Норвегии 191

Н.Н. Курина (СПбГУ)
Искусство Норвегии в контексте глобализации средневековой культуры 193

Д.В. Верховцев (СПбГУ)
Первое упоминания племени ижора в шведских хрониках 195

В.В. Муненко (СПбГУ)
Прошведская религиозная агитация в Германии
на начальном этапе участия Швеции в Тридцатилетней войне 197

НА ГРАНИЦЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ МИР

Е.А. Мехмадиев (СПбГУ)
Комит Северной Африки Гильдон и военная экспедиция 388 г.:
к вопросу об истории войскового подразделения *Constantiaci* 201

М.М. Сеница (Белгородский ГУ)
Византийские эпитафии AG I. 1-18. 203

К.Д. Камышев (ПГГПУ)
Применение теории фронта при изучении межэтнического
взаимодействия в рамках социально-гуманитарных дисциплин
(на примере темы «Развитие римско-иранского пограничья
в кон. III – нач. VII вв. н.э. 206

Г.А. Шмидт (СПбГУ)
Военная терминология в *Res Gestae*: проблемы и интерпретации 208

Д.Е. Богданов (Белгородский ГУ)
Участие варваров в борьбе Восточного и Западного дворов
Римской империи в последней четверти IV века 211

В.Н. Кузнецов (Белгородский ГУ)
Образ Феодосия Великого у христианских и языческих авторов 213

О.В. Пржигодзкая (СПбГУ)
Синезий, епископ Птолемаидский (370/375–413/415 гг.),
и его друзья: социальный и политический контекст 215

Е.В. Горбунов (Вятский ГУ)
Римские и варварские начала в государстве Сиагрия (461–486 гг.) 217

О.В. Головина (Белгородский ГУ)
Италия при Теодорихе Великом (493–526 гг.):
Остготское королевство как реализация идеи
единого готско-римского государства 220

А.В. Пикин (Ивановский ГУ) Посольский протокол в миссиях римлян к варварам в V веке	222
Г.С. Майоров (СПбГУ) Сведения Константина Багрянородного (905 – 959 гг.) о южной границе Абхазского царства	224
К.Р. Капсалыкова (Уральский ФУ им. Б.Н. Ельцина) Болгарские полководцы на византийской службе (969–1018).....	227
А.Н. Слядзь (СПбГУ) Византийско-русские связи в середине 60-х годов XI века: Константин X и Святослав Ярославич против самостоятельной Тмутаракани	230
И.Ю. Гаврилова (СПбГУ) Софья Палеолог: «Грекия», «Римлянка» на великокняжеском столе	232
СВОЙ И ЧУЖОЙ: ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ «ДРУГОГО» В СРЕДНИЕ ВЕКА	
Л.С. Малкова (СПбГУ) Венгерско-болгарские отношения в IX – X вв	235
Л.Н. Куликова (Саратовский ГУ) Важная страница истории Парижа в средние века (борьба с норманнами и ее роль в судьбах города).....	237
Д.В. Дмитриев (СПбГУ). Восприятие «Другого» в мусульманско-христианских отношениях в Средние века. Проблемы взаимопонимания.....	239
С.А. Мустафина (Казанский (Приволжский) ФУ) О роли ислама в формировании внешнеполитических и культурных связей Волжской Булгарии со странами Арабского Востока в X – XII вв	241
Д.В. Возчиков (Уральский ФУ) Синтез элит на венецианском Крите и восстание св. Тита 1363–1368 гг.	242
И.Е. Янкин (СПб АУ НОЦ НТ РАН) «К оружию, горожане!» К образу средневекового горожанина XIII – XIV веков	245

М.М. Раджабова, З.К. Пирмагомедов (Дагестанский ГПУ) Иудеи Кавказа в Средние века.....	247
Е.В. Боднарчук (Голод) (СПбГУ) Эпоха великих географических открытий: открытие Московии	249
А.С. Прокудин (Тверской ГУ) Образ «Другого» в «Записках янычара» Константина Михайловича.....	252
Зубков Е.И. (СПбГУ) «Книга путешествий» Эвлии Челеби: османский этнический дискурс в описании Сараево XVII века	254
АННОТАЦИИ.....	257
ABSTRACTS	283
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	306
LIST OF AUTHORS	313
ОГЛАВЛЕНИЕ.....	320

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА**

Тезисы докладов конференции

*Утверждено к печати
Санкт–Петербургским Государственным университетом*